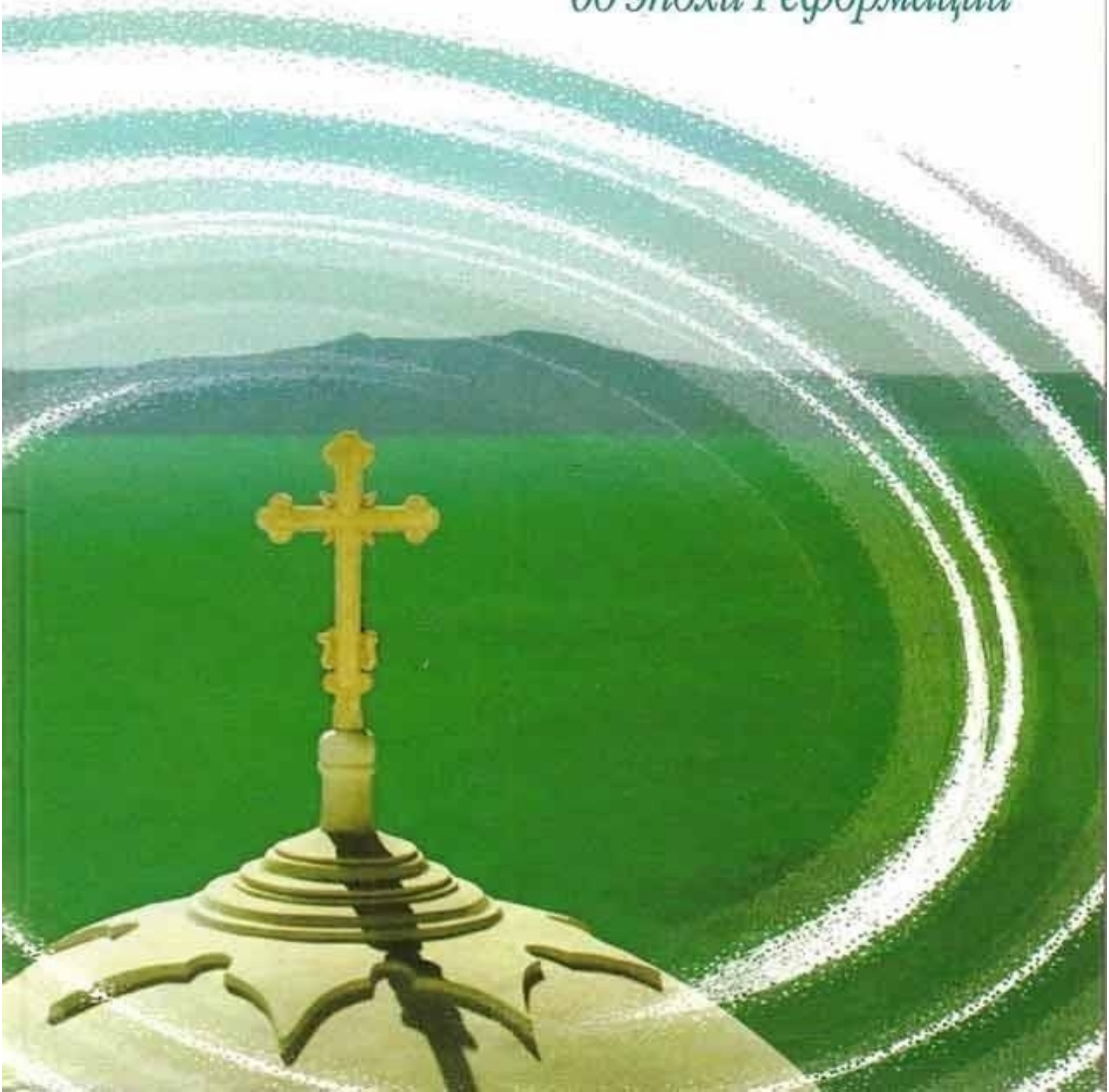
Хусто
Л. Гонсалес

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСТВА

От основания Церкви до эпохи Реформации

Annotation

От основания Церкви до эпохи Реформации. Это информативное, интересно написанное и логично построенное повествование о реальных людях, а также о важнейших событиях и идеях, определявших жизнь и самосознание Церкви в первые пятнадцать веков ее существования. Автор показывает, как различные общественные, политические и экономические движения воздействовали на внутреннее развитие христианства. Он приводит факты из жизни выдающихся личностей – от апостолов до Джона Уиклифа, рассматривает суть важнейших богословских вопросов и связанных с ними дискуссий.

Хусто Л. Гонсалес

История христианства Том I. От основания Церкви до эпохи Реформации.

Хусто Л. Гонсалес

История христианства Том I

От основания Церкви до эпохи Реформации

"Библия для всех" Санкт-Петербург 2001

Предисловие

Читатель, по-видимому, удивится, прочитав, что эту книгу я в значительной мере считаю автобиографической. Но это именно так – ведь Ортега-и-Гассет сказал, что каждое новое поколение стоит на плечах своих предшественников, подобно акробатам в необъятной человеческой пирамиде. Следовательно, рассказ о жизни наших предков представляет собой не что иное, как предисловие к истории нашей собственной жизни.

Но книга автобиографична и в другом смысле – речь в ней идет о друзьях и товарищах, с которыми я провел последние три десятилетия. С тех пор как я встретился с Иринеем, Афанасием и другими, начал читать их сочинения и познавать их мысли и дела, они постоянно сопровождают меня во многих жизненных перипетиях и поворотах судьбы. Как и друзья-современники, они порой приносят радость, порой приводят в недоумение, а иногда доставляют даже огорчение. Но они стали частью меня самого, и когда я пишу о них, я тем самым описываю и мою собственную жизнь, прожитую вместе с ними.

В предисловии обычно принято отдавать должное тем, кто оказал помощь в написании книги. Но я не вижу возможности это сделать, ибо тогда мне пришлось бы составить длинный список ученых прошлых веков и ныне здравствующих – таких как Ориген, Евсевий, Инка Гарсиласо, Гарнак, а также отметить вклад великого множества безвестных монахов, вновь и вновь переписывавших рукописи.

Но среди современников хотелось бы выделить двоих. Во-первых, мою жену – Екатерину Гунсалос Гонсалес, преподавателя курса "История церкви" Колумбийской богословской семинарии в Декейтере, штат Джорджия, которая неотлучно была со мной в течение последнего десятилетия моего общения с древними и чьи критические замечания при чтении рукописи оказали неоценимую помощь. Упоминание о втором помощнике можно считать знамением времени – речь идет о моем домашнем секретаре, верно служившем мне шесть лет, то есть о компьютере, на котором я подготовил текст. Многие качества, которые в предисловиях обычно отмечают, воздавая должное машинисткам, относятся и к моему текстовому редактору: терпение, внимательность, постоянная готовность к работе. Этот секретарь раз за разом безропотно переписывал текст, лишь изредка в знак протеста подавая звуковые сигналы. Правда, сейчас, когда я пишу заключительные слова книги, электромагнитные помехи все же вынудили меня взять в руку перо, напоминая тем самым, что мы не так уж далеко отошли от времен Оригена и Евсевия.

Представляя читателям эту книгу, я надеюсь, что она доставит им такое же удовольствие, как и ее автору.

Введение

В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле.

Луки 2:1

Христианское послание с самого начала было неразрывно связано с человеческой историей. Провозглашаемая христианами Благая Весть выражается в Иисусе Христе и в том, что для нашего спасения Бог совершенно уникальным способом вмешался в человеческую историю. Исторические события играют крайне важную роль для понимания не только жизни Иисуса, но и всего библейского послания. Значительная часть Ветхого Завета представляет собой описание исторических событий. В Библии рассказывается о Божьем откровении в жизни и истории Божьего народа. Без этой истории понять откровение невозможно.

Новозаветные авторы говорят об этом со всей определенностью. В Евангелии от Луки сказано, что Иисус родился в царствование кесаря Августа, "в правление Квириния Сириею" (Лк. 2:2). Выше в том же евангелии повествование соотнесено с историей Палестины и указывается, что происходило все это "во дни Ирода, царя Иудейского" (Лк. 1:5). Матфей начинает евангелие с родословной, показывая место Иисуса в истории и чаяниях Израиля, а затем уточняет, что Иисус родился "во дни царя Ирода" (Мф. 2:1). Марк приводит хронологические подробности и при этом сообщает, что Иисус начал служение "в те дни", то есть во дни Иоанна Крестителя (Мк. 1:9). Чтобы подчеркнуть непреходящее значение этих событий, автор четвертого евангелия начинает свое повествование с заявления, что Слово, Которое стало плотью в человеческой истории (Ин. 1:14), – то же Слово, Которое "было в начале у Бога" (Ин. 1:2). Наконец, схожая мысль высказана и в Первом послании Иоанна, где в самом начале говорится, что "было от начала" то, "что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали, и *что* осязали руки наши" (1 Ин. 1:1).

Когда родился Христос, Римской империей правил Цезарь Август. Его настоящее имя было Гай Октавий, но в 27 году до Р.Х. римский сенат дал ему почетный титул Август. Под этим именем он и вошел в историю.

Евангельский рассказ о христианской церкви Лука продолжил в Книге Деяний. Причем сделал он это не из простого любопытства, а руководствуясь вполне определенными богословскими соображениями. Лука в частности и Новый Завет в целом говорят, что Божье присутствие среди нас не закончилось с вознесением Иисуса. Более того, Иисус Сам обещал Своим последователям, что не оставит их одних и пошлет "другого Утешителя" (Ин. 14:16-26). В начале Деяний перед Своим вознесением Иисус говорит ученикам, что они примут силу Святого Духа, благодаря которой будут Его свидетелями "до края земли"

(Деян. 1:8). Затем наступила Пятидесятница, положившая начало свидетельскому служению церкви. Таким образом, основная тема книги, которую обычно называют "Деяниями апостолов", – дела не столько самих апостолов, сколько Святого Духа через апостолов (и других людей). Лука написал две книги – первую о деяниях Иисуса, а вторую о деяниях Духа.

Правда, у второй книги Луки как будто бы нет логического завершения. В конце ее Павел продолжает проповедь в Риме, и ничего не сказано о том, что стало с ним и с церковью в целом. Но у Луки были для этого веские богословские основания – его рассказ не получит завершения, пока не закончится вся история.

Для тех, кто разделяет веру Луки, это означает, что история церкви, хотя она и несет в себе все отличительные черты человеческой истории, представляет собой нечто большее, чем просто историю организации или движения. Это история работы Духа среди и через людей, идущих вперед с верой.

В истории есть эпизоды, в которых трудно усмотреть водительство Святого Духа. В этой книге мы встретимся с людьми, которые использовали церковную веру для личного обогащения или для усиления своей власти. Увидим мы и тех, кто забывал о заповеди любви или извращал ее, преследуя своих противников с мстительностью, недостойной имени Иисуса. Временами будет казаться, что церковь утеряла библейскую веру, и кое-кто даже усомнится, имеет ли вообще такая церковь право называться "христианской". В этих случаях следует помнить о двух вещах.

Во-первых, это история не только о деяниях Духа, но и о делах, которые совершаются через нас, грешников. Это было ясно еще в новозаветные времена, когда Петра, Павла и других изображали не только людьми веры, но и грешниками. Если этот пример недостаточно убедителен, вспомните "святых", к которым Павел обращается в Первом послании к коринфянам.

Во-вторых, библейское послание дошло до нас благодаря усилиям именно этих грешников и этой церкви. Даже в самые беспросветные времена церкви были христиане, любившие Писание, изучавшие его, державшиеся его, переписывавшие его и тем самым передававшие его нам.

Но ранние христиане не просто передали нам текст Писания. Они оставили впечатляющие примеры верного свидетельства в самых разных обстоятельствах. Во времена гонений одни свидетельствовали кровью, другие – своими писаниями, а третьи с любовью принимали и окружали заботой тех, кто оступился, но затем покаялся. Во времена могущества церкви одни использовали свою власть для свидетельства, другие оспаривали правомерность этого. Во времена вторжений, хаоса и бедствий всегда находились люди, свидетельствовавшие о Господе своим стремлением восстановить порядок, чтобы бездомные нашли кров, а голодные – пищу. Когда европейским христианам открылись доселе неведомые обширные земли, среди них нашлось много таких, кто устремился в эти земли, чтобы проповедовать там свою веру. На протяжении веков одни свидетельствовали устным и письменным словом, другие – молитвой и самоотречением, а третьи – угрозой силы и костров инквизиции.

Нравится нам это или нет, но мы – наследники множества разных и зачастую противоречащих друг другу свидетелей. Что-то из совершённого нам может показаться возмутительным, что-то мы примем с энтузиазмом. Но все это – часть истории. Все эти люди, восхищаемся ли мы ими или осуждаем их, привели нас туда, где мы сейчас находимся.

Без понимания прошлого нам не понять и самих себя, ибо прошлое в определенном смысле продолжает жить в нас и оказывать воздействие на то, что мы собою представляем и как мы понимаем христианское послание. Когда мы читаем, например, что "праведный верою жив будет", Мартин Лютер шепчет нам на ухо, как мы должны воспринимать эти слова, и относится это даже к тем, кто никогда не слышал о Мартине Лютере. Когда мы слышим, что "Христос умер за наши грехи", Ансельм Кентерберийский сидит на скамье рядом с нами, даже если мы не имеем ни малейшего представления о

том, кто такой Ансельм. Когда мы стоим, сидим или опускаемся на колени в церкви, поем гимн, повторяем исповедание веры или отказываемся это делать, когда мы создаем церковь или читаем проповедь, среди всего того, что определяет наши действия, присутствует прошлое, пусть даже мы этого и не осознаем. Глубоко заблуждаются те, кто полагает, что мы читаем и воспринимаем Новый Завет точно так же, как ранние христиане, и что на наше истолкование не оказывает никакого влияния сила традиции. К тому же такое заблуждение опасно, ибо оно ведет к абсолютизации нашего собственного истолкования, приравнивая его к Слову Божьему.

Чтобы избежать этой опасности, надо знать прошлое, которое налагает отпечаток на наше видение. Человек в темных очках не считает весь окружающий мир темным только в том случае, если сознает, какие на нем очки. Равным образом, если мы хотим освободиться от чрезмерного воздействия на нас традиционных норм, нам надо прежде всего понять, что собой представляют эти нормы, как мы оказались там, где мы есть, и какие конкретно элементы прошлого накладывают отпечаток на наше видение настоящего. Затем мы сможем сделать выбор и решить, какие элементы прошлого – и настоящего – мы отвергаем, а какие принимаем.

Именно в этом смысле *изучение* истории сопряжено с ее *созданием.* Когда мы исследуем и оцениваем жизнь и свершения прошлых поколений, мы *изучаем* историю. Но нельзя забывать, что для будущих поколений наше время будет историческим прошлым. Следовательно, хотим мы этого или нет, своими делами или своим бездействием мы *делаем* историю. Это одновременно вселяющая энтузиазм возможность и тяжелая ответственность, и чтобы *делать* историю более осознанно, нам надо ее *изучать.* В основе каждого нового возрождения церкви, каждой великой эпохи в ее истории всегда лежало новое прочтение истории. Справедливо это и сейчас, когда мы вступаем в XXI век. Эта подготовка заключается в том числе и в *изучении* истории, к чему и призывает читателей данная книга.

Часть первая. Ранняя церковь

Полнота времени

Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону…

Галатам 4:4

Ранние христиане не верили, что время и место рождения Иисуса – случайность. Более того, во всех событиях, предшествующих Его рождению, и во всех сопутствующих исторических обстоятельствах они видели руку Божью, готовившую пришествие Иисуса. То же можно сказать и о зарождении церкви, которая возникла благодаря деяниям Иисуса. Бог подготовил почву, чтобы ученики, приняв силу Святого Духа, могли свидетельствовать "в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли" (Деян. 1:8).

Следовательно, церковь никогда не была отделена от окружающего ее мира. Первыми христианами были евреи I века, и именно как таковые они слышали и воспринимали Послание. Затем вера начала распространяться среди других иудеев, а потом и среди язычников как в Римской империи, так и за ее пределами. Чтобы понять историю христианства в первые века, нам надо начать с изучения исторической обстановки, в которой оно развивалось.

1.1 Иудаизм в Палестине

Палестина, земля, где возникло христианство, была местом борьбы и страданий. В древности это объяснялось в первую очередь ее географическим положением как перекрестка торговых путей, соединявших Египет с Месопотамией, Малой Азией и Аравией. Читая Ветхий Завет, мы видим, что разные державы поочередно бросали алчный взгляд на эту узкую полоску земли; поэтому она неоднократно подвергалась нашествиям, а ее жителей делали рабами и угоняли в плен. BIV веке до Р.Х. на исторической сцене появился новый завоеватель – Александр Великий (Македонский) со своей армией. Разгромив персов, Александр стал хозяином Палестины. Однако вскоре после этого он умер, и его царство распалось. В течение долгого времени за обладание Палестиной боролись две унаследовавшие власть династии, одна из которых обосновалась в Египте, а другая – в Сирии. Все это обернулось очередным периодом волнений и политической нестабильности.

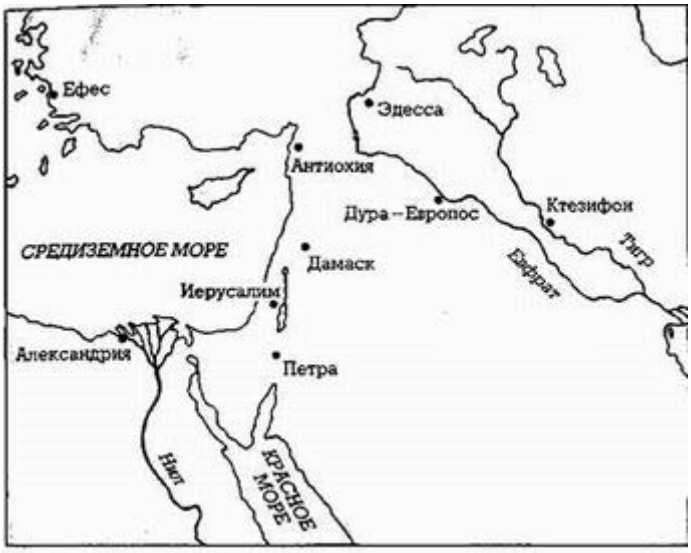
Завоевательная политика Александра имела идеологическое обоснование. Он хотел не просто покорить мир, но объединить его, распространяя достижения греческой цивилизации, что привело к возникновению *эллинизма,* соединившего – в различных формах и в разной степени – элементы греческого происхождения с элементами культуры завоеванных цивилизаций. Хотя в разных местах эллинизм проявлял себя по-разному, он придал Восточному Средиземноморью определенное единообразие, подготовившее почву сначала для римских завоеваний, а затем для проповеди Евангелия.

Между тем многие иудеи не считали эллинизм благом. Эллинистическая идеология, в частности, уравнивала и смешивала богов разных народов, поэтому они видели в ней угрозу для веры Израиля в Одного Бога. В определенном смысле историю Палестины со времени завоевания Александра до разрушения Иерусалима в 70 году по Р.Х. можно рассматривать как непрестанную борьбу между насильственной эллинизацией, с одной стороны, и верностью иудеев своему Богу и своим традициям – с другой.

Апогеем этой борьбы стало иудейское восстание под руководством семьи Маккавеев во II веке до Р.Х. На какое-то время Маккавеям удалось добиться определенной религиозной и политической независимости. Но в конечном счете их преемники уступили проводникам эллинизма Селевкидам, унаследовавшим от Александра власть в Сирии. Когда более правоверные иудеи выражали протест, на них обрушивались гонения. В конце концов, в какой-то мере в результате всего этого, вмешался Рим. В 63 году до Р.Х. Помпеи захватил страну и сверг последнего из Маккавеев – Аристовула II.

В отношении религии и обычаев покоренных народов римляне проводили в целом политику терпимости. Вскоре после завоевания Палестины римское правительство предоставило стоявшим у власти наследникам Маккавеев определенную самостоятельность и использовало их для управления страной, наделив титулами первосвященников и этнархов. Ирод Великий, поставленный римлянами в 40 году до Р.Х. царем Иудеи, косвенно был связан с Маккавеями – через жену, принадлежавшую к этому роду.

Но при всей их терпимости римляне не могли понять упорства иудеев, желавших поклоняться только своему Богу и угрожавших бунтом при любом посягательстве на их веру. Ирод предпринял попытку эллинизировать страну и воздвиг в Самарии и Кесарии храмы во славу Рима и Августа. Но когда он осмелился повесить над входом в храм римского орла, вспыхнул бунт, который он подавил, применив силу. Его преемники проводили такую же политику, строили новые города и поощряли иммиграцию язычников.

Палестина: зарождение христианства.

В результате бунты почти не прекращались. Когда Иисус был ребенком, началось восстание против сына Ирода Архелая, которому пришлось призвать на помощь римские войска. Римляне разрушили город в Галилее неподалеку от Назарета и распяли там две тысячи евреев. Как о бессмысленном бунте говорит об этом восстании Гамалиил в Деян. 5:37. Невзирая на все эти зверства, крайне радикальная партия зилотов упорно сопротивлялась римской власти – зилоты сыграли значительную роль в восстании, которое началось в 66 году по Р.Х. Снова были призваны на помощь римские войска, которые в 70 году захватили Иерусалим и разрушили храм. Через несколько лет после героической защиты крепости Массада был взят последний оплот иудейского сопротивления.

Все эти трагические события и перипетии привели к появлению в иудейской религии различных направлений. Наибольшую известность получили фарисеи – о них неоднократно упоминается в евангелиях, и именно они определили дальнейшее развитие иудаизма. Фарисеи были партией народа, которому римская власть и эллинистическая цивилизация не принесли никаких материальных благ.

Главным для них была верность закону, и поэтому они постоянно изучали и обсуждали вопрос о том, как следует применять закон в самых разных обстоятельствах. Из-за этого их обвиняли в формализме, что в определенной мере справедливо. Но с другой стороны, надо помнить, что они стремились сделать веру Израиля опорой в любых Жизненных ситуациях, в том числе – в новых условиях римского правления и надвигавшейся эллинизации. Кроме того, они проповедовали, например, конечное воскресение и существование ангелов, что консервативные иудеи считали просто новомодными идеями.

Этими консервативными иудеями были саддукеи. В целом они принадлежали к еврейской аристократии и придерживались консервативных взглядов как в политических, так и в религиозных вопросах. В плане религии их интересы ограничивались храмом, который они содержали при поддержке римлян, а тем, в свою очередь, импонировал их политический консерватизм. Многие взгляды фарисеев саддукеи отвергали как необоснованные нововведения.

Это означает, что не следует придавать слишком большое значение противоборству между фарисеями и Иисусом и ранними христианами. Споры между христианами и фарисеями объясняются скорее схожестью, а не различием взглядов. При общении с простыми людьми Иисус и Его последователи чаще могли столкнуться с фарисеями, чем с саддукеями.

В иудаизме I века были и другие ответвления и группы. О зилотах мы уже упоминали. Другой значительной группой были ессеи, аскетическая община, с которой многие связывают происхождение рукописей Мертвого моря. Эта группа, как и многие ей подобные, хотела повиноваться закону, удалившись от остального общества, и остро чувствовала, что конец близок.

С другой стороны, наличие различных тенденций, группировок и сект не должно заслонять от нас двух основополагающих принципов, объединявших всех евреев: этического монотеизма и эсхатологической надежды. Этический монотеизм означает признание только одного Бога, требующего не только должного поклонения Ему одному, но и правильно организованных взаимоотношений между людьми. Различные группировки могли расходиться в понимании того, какими в точности должны быть эти взаимоотношения, но все они признавали необходимость всем сердцем почитать единственного Бога.

Другим общим, объединяющим принципом веры для Израиля была эсхатологическая надежда. Все, от саддукеев до фарисеев, разделяли мессианскую надежду и твердо верили, что наступит день, когда Бог вмешается в историю Израиля и исполнит Свое обещание сделать его царством мира и справедливости. Одни хотели приблизить этот день силой оружия. Другие были убеждены, что во всем следует положиться на волю Божью. Но все в будущем ожидали исполнения Божьих обетовании.

После разрушения храма наиболее жизнеспособными оказались фарисеи. Своими корнями это течение восходило ко временам плена, когда в Иерусалиме совершать богослужения было невозможно и религиозная жизнь в силу обстоятельств основывалась на законе. Точно так же в I веке обстояло дело и с миллионами евреев, живших в других странах. Разрушение храма в 70 году нанесло саддукеям смертельный удар, в то время как фарисеи и их богословские воззрения оказывали на развитие современного иудаизма все большее влияние.

1.2 Иудейская диаспора

В течение многих веков до рождения Иисуса число евреев за пределами Палестины все возрастало. С ветхозаветных времен множество евреев проживало в Персии и Месопотамии. В Египте они даже построили храм в VII веке до Р.Х. и еще один – пять веков спустя. Ко времени пришествия Иисуса значительные еврейские общины уже были во всех крупных городах Римской империи. Этих евреев, разбросанных далеко друг от друга на безбрежных просторах, но душой и через религию связанных с

землей своих предков, называют "диаспорой", или "рассеянием".

В истории христианства иудейская диаспора сыграла крайне важную роль – именно она стала одним из основных каналов распространения новой веры в Римской империи. Кроме того, иудейская диаспора, сама того не ведая, дала церкви один из наиболее действенных инструментов для миссионерской работы – греческий перевод Ветхого Завета.

В числе прочего иудейскую диаспору объединяло то, что многие ее члены забыли язык предков. Поэтому возникла необходимость перевести иудейское Писание на понятные им языки – арамейский для восточной части диаспоры и греческий для западной в пределах Римской империи. После завоеваний Александра греческий язык стал общим для значительной части Средиземноморья. На нем общались египтяне, евреи, киприоты и даже римляне. Поэтому вполне естественно, что когда евреи начали забывать свой собственный язык, для перевода Писания они выбрали греческий.

Этот перевод, сделанный в Александрии – главном городе Египта, – называют Септуагинтой, или переводом семидесяти толковников (обычно используется аббревиатура LXX). Название связано с древней легендой, согласно которой группе иудейских ученых был поручен перевод Писания, и они, проделав эту работу независимо друг от друга, обнаружили, что их переводы полностью совпадают. Совершенно очевидно, что легенда преследовала цель подтвердить богодухновенность перевода.

Как бы там ни было, для ранней церкви Септуагинта имела огромное значение. Именно этот текст Писания цитируется большинством новозаветных авторов, и именно он сказался на формировании христианской лексики – это относится и к самому имени Христос, слову, использованному в Септуагинте для обозначения Помазанника или Мессии. Когда христиане начали миссионерскую работу, они воспользовались Септуагинтой как готовым средством для донесения послания до язычников. По этой и прочим причинам иудеи сделали другие переводы, которые не слишком годились Для христианского использования, и у церкви, по сути, оставалась только Септуагинта.

Кое-где в Западной Европе до сих пор сохранились древние римские дороги, подобные этой, проходящей через Сьерра де Гредос (Испания).

В диаспоре иудаизму приходилось считаться с эллинистическими тенденциями даже больше, чем в самой Палестине. В частности, в Александрии внутри иудаизма возникло движение, отстаивавшее идею совместимости Древней веры с лучшими проявлениями эллинистической культуры. Уже в III веке до Р.Х. предпринимались попытки переписать историю Израиля в соответствии с принятыми нормами эллинистической исторической литературы. Но наиболее ярким примером этого течения стали труды Филона Александрийского, современника Иисуса, который пытался доказать, что лучшие образцы языческой философии согласуются с иудейским Писанием. Он утверждал, что поскольку иудейские

пророки жили и писали раньше греческих философов, вторые черпают мудрость у первых. По мнению Филона, таких точек соприкосновения много, поскольку в конечном счете учение философов совпадает с учением Писания. Разница лишь в том, что Писание говорит иносказательно. Это в свою очередь означает, что для его понимания надо пользоваться методом аллегорического истолкования. С помощью такого истолкования Филон пытался доказать, что Бог Писания – то же самое, что Абсолют философов, и что иудейское учение о нравственности, по сути, не отличается от учения лучших представителей греческой философии. Как мы увидим, такая аргументация была для ранних христиан хорошим подспорьем в их стремлении явить языческому миру истинность своей веры.

1.3 Греко-римский мир

Римская империя установила в Средиземноморье невиданное в истории политическое единство. Хотя в каждом регионе в чем-то сохранялись прежние законы и обычаи, в целом имперская политика была направлена на достижение как можно большего единообразия без неоправданного насилия.

В этом она следовала примеру Александра. И Александр, и Римская империя добились замечательных успехов, и ранняя церковь развивалась в условиях господства римского закона и греческой культуры.

Установленный Римской империей политический порядок позволял ранним христианам путешествовать, не опасаясь бандитов или локальных войн. Читая о путешествиях Павла, мы видим, что в то время для мореплавателя представляла наибольшую опасность плохая погода. А еще несколькими десятилетиями ранее больше любого шторма боялись встречи с пиратами. В I веке мощеные и хорошо охраняемые дороги доходили до самых отдаленных провинций. Процветала торговля, на дорогах царило оживление; зачастую в новые районы христианство несли не миссионеры или проповедники, а купцы, рабы и другие обычные люди. В этом смысле политические условия благоприятствовали распространению христианства.

Но другие аспекты тогдашней действительности таили в себе угрозу и создавали для ранних христиан разного рода трудности. Чтобы достичь еще большего единства, империя проводила политику религиозной унификации, которая осуществлялась двумя путями: внедрением религиозного синкретизма, то есть огульного смешения элементов разных религий, и поклонения императору.

Риму было выгодно, чтобы его подданные из разных стран считали называвшихся по-разному богов одними и теми же богами. Римский пантеон (храм "всех богов") дополнился богами из других стран. Миссионеры, распространявшие христианство, и люди, придерживавшиеся других, самых разнообразных взглядов и верований, следовали одними и теми же дорогами и морскими путями. На городских площадях и рынках царило всеобщее смешение, так что с трудом угадывалось, кто есть кто изначально. В такой атмосфере на иудеев и христиан смотрели как на упрямых фанатиков, поклонявшихся своему Единственному Богу, как на чуждый элемент, который следует удалить из здорового общества.

Синкретизм тех времен можно усмотреть и в том, что современные историки именуют "мистическими религиями", с их поклонением не богам Олимпа, а другим более "личным" божествам. Раньше люди обычно принимали религию своей родины. Теперь же, после совершенных Александром и Римом завоеваний, выбор богов стал личным делом человека. Таким образом, мистическую религию человек принимал не по рождению, а в результате посвящения. Большинство этих религий основывались на мифах о происхождении мира, о поддержании жизни и о жизни божества. Из Египта пришел миф об Исиде и Осирисе, объяснявший плодородие Нила и плодородие вообще. Греция дала обряды, которые с незапамятных времен совершались возле Афин. В армии был распространен культ Митры, бога индо-

иранского происхождения. Другие исповедовали семитский культ Великой матери Кибелы. Благодаря синкретическому характеру этих религий все они вскоре настолько переплелись, что историкам чрезвычайно трудно разобраться, какие учения и как проявлялись в каждом конкретном случае. Поскольку божества мистических религий не были единственными в своем роде, подобно Богу иудеев и христиан, многие посвящали себя разным культам и переносили элементы одних культов в другие.

Римская империя.

Но был в римской религиозной системе еще один аспект, который в конечном счете и стал причиной гонений. Речь идет о поклонении правящему императору. Для римских властей это было средством укрепления единства и проверки лояльности. Отказ кадить фимиам перед образом императора считался государственной изменой или, во всяком случае, проявлением нелояльности. Отказываясь кадить фимиам перед образом императора, христиане свидетельствовали о своей вере, но власти осуждали их как предателей и бунтарей.

Для донесения своей веры в эллинистической культурной среде христиане нашли два притягательных и действенных философских основания: платонизм и стоицизм.

Сократа, учителя Платона, приговорили к смерти за совращение молодежи. В его защиту Платон написал несколько диалогов, и в I веке Сократ считался величайшим мудрецом древности. Сократ, Платон и многие другие философы критиковали поклонение старым богам и проповедовали учение о совершенном и неизменном высшем существе. Кроме того, Сократ и Платон верили в бессмертие души. Платон утверждал, что высоко над этим преходящим миром существует высший мир истины. В глазах многих ранних христиан все это выглядело привлекательным и весьма полезным для опровержения обвинений их в невежестве и неверии. Поначалу эти философские обоснования использовались исключительно для донесения веры до внешних, но постепенно они стали оказывать влияние и на то, как сами христиане, внутри общин, понимали свою веру.

Нечто подобное произошло и с учением стоиков. Приверженцы этой философской школы, возникшей чуть позже платонизма, придерживались очень высоких нравственных норм. Ранние стоики – в III веке до Р.Х. были материалистами, верившими, что все порождается творческим огнем, и детерминистами, твердо убежденными, что единственная их задача – научиться признавать неумолимые законы, управляющие мировыми событиями. Но ко времени выхода на сцену христианства в стоицизме уже прослеживались религиозные идеи, и некоторые философы-стоики говорили об использовании своей мудрости для управления ходом событий. Во всяком случае, все стоики верили, что цель философии заключается в познании закона природы для подчинения и соответствия ему. Мудрый человек – не тот, кто обладает

большими знаниями, а тот, кто живет в таком согласии с универсальным законом, что способен принимать разумные решения. Когда это происходит, страсти утихают, и философ приближается к идеальному состоянию *apatheia* – жизни без страстей. Человек должен развивать в себе четыре добродетели: нравственное восприятие, мужество, самоконтроль и чувство справедливости. Все они представляют собой грани мудрой жизни, и недостаток одной из них ведет к неудаче в целом. Так же критически стоики относились к религии того времени, в которой многие видели лишь возможность просить у богов исполнения своих желаний, а не наставления на путь добродетели. Отвергали они и традиционную местническую узость ранней греческой культуры, подчеркивая универсальность закона разума и называя себя гражданами мира.

Все это тоже выглядело весьма привлекательным для христиан, чья критика религии и морали того времени редко встречала положительный отклик. Церковь, которую многие христиане называли "новым родом", поскольку ее членами становились представители разных народов, была наглядным доказательством единства всего человечества. Вскоре учение стоиков о естественном законе как руководстве к мудрости было принято христианскими апологетами и моралистами, утверждавшими, что христианская жизнь соответствует этому закону. В условиях предубежденного отношения к христианам, осмеяния их и страданий за веру стоический идеал *apatheia* побуждал верующих проявлять стойкость. Многие аргументы, выдвигавшиеся философами-стоиками против поклонения богам, теперь использовали и христиане.

Таким был мир, в котором зародилось христианство. Римская империя и эллинистическая цивилизация предоставляли возможности для провозглашения новой веры и вместе с тем таили в себе препятствия, даже угрозу. В последующих главах мы увидим, как ранние христиане воспользовались этими возможностями, как пытались они преодолеть препятствия и как отвечали на угрозы.

Иерусалимская церковь

Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех их.

Деяния 4:33

В Деяниях показано, что в Иерусалиме искони была сильная церковь. Правда, затем автор книги переходит к рассмотрению других вопросов и мало что сообщает о дальнейшей истории этой христианской общины. М ало сведений на этот счет и в других книгах Нового Завета. Они в основном посвящены жизни церкви в других частях империи. Тем не менее, сопоставляя текст Нового Завета с тем, что пишут об этом другие авторы, мы все же можем составить определенное представление о жизни этой самой ранней христианской общины и о ее дальнейшей истории.

1.4 Единство и разнообразие

Мы часто идеализируем раннее христианское сообщество. Памятуя о стойком поведении Петра и его красноречивом выступлении в день Пятидесятницы, мы склонны не замечать его нерешительности в вопросе о том, как надо относиться к язычникам, желающим присоединиться к церкви. Практика совместной собственности, какой бы привлекательной она ни была, не устранила трений между разными группами, ибо "произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей" (Деян. 6:1).

Здесь сказано вовсе не о конфликте между евреями и язычниками, поскольку из Деяний ясно видно, что в то время в церкви еще не было язычников. Речь о конфликте между двумя группами евреев, теми, кто твердо придерживался обычаев и языка предков, и другими, готовыми воспринять эллинистические тенденции. В Деяниях первые названы "Евреями", а вторые – "Еллинистами". Озабоченные этим противостоянием, двенадцать апостолов созвали учеников и назначили семь человек "пещись о столах".

Точный смысл этого выражения не совсем ясен, но речь, очевидно, шла о том, чтобы назначенные апостолами семь человек выполняли административные обязанности, а сами они продолжали проповедовать и учить. По-видимому, все семеро принадлежали к числу "еллинистов", поскольку они носили греческие имена. Таким образом, назначение семи выглядит попыткой придать эллинистической части общины больше веса в делах церкви, чтобы при этом двенадцать апостолов, которые все были евреями, оставались основными учителями и проповедниками.

В седьмой главе Деяний рассказывается о Стефане, одном из этих семи. Она содержит намек на то, что в его отношении к храму нет должного благоговения (Деян. 7:47-48). Как бы там ни было, иудейский синедрион, состоявший в основном из антиэллинистски настроенных иудеев, отказался его слушать и приговорил к смерти. Такое решение вступает в явное противоречие с тем, как тот же синедрион поступил с Петром и Иоанном, которых отпустили, подвергнув предварительно телесному наказанию и запретив проповедовать (Деян. 5:40). Более того, когда начались гонения и христиане были вынуждены бежать из Иерусалима, апостолы смогли остаться в городе. Когда Савл пошел в Дамаск на розыски укрывшихся там христиан, апостолы оставались в Иерусалиме, и Савл как будто бы не замечал их. Все это указывает на то, что первые гонения были в основном направлены против христиан-"еллинистов", а "евреи" испытывали гораздо меньше трудностей. Лишь позднее, в ходе событий, описанных в двенадцатой главе, Ирод приказал убить Иакова и арестовать Петра.

Сразу после описания смерти Стефана автор Деяний переходит к рассказу о еще одном из этих семи – Филиппе, основавшем церковь в Самарии. Петра и Иоанна послали для наблюдения за жизнью в новой общине и для возложения рук на ее членов. Таким образом, появилась церковь за пределами Иудеи, и хотя эта церковь была основана не апостолами, она признавала их авторитет. Такая схема часто повторялась и в дальнейшем, по мере распространения церкви на новых территориях.

Начиная с девятой главы в центре внимания Деяний все чаще оказывается Павел, и мы все меньше и меньше слышим о Иерусалимской церкви. Иудейские христиане-"эллинисты" стали связующим мостиком с языческим миром, и язычники присоединялись к церкви в таких количествах, что вскоре значительно превосходили числом раннюю иудейско-христианскую общину. Поэтому мы в основном будем вести речь о христианстве, в которое входили язычники. Вместе с тем нельзя забывать и о самой ранней церкви – о ней мы располагаем лишь отрывочными сведениями.

1.5 Религиозная жизнь

Ранние христиане не считали себя последователями новой религии. Всю свою жизнь они оставались иудеями. Это относится к Петру и к двенадцати апостолам, к семи ведущим апостолам и к Павлу. Их вера не подразумевала отвержение иудаизма, она скорее отражала убежденность в том, что мессианская эпоха наконец наступила. "За надежду Израилеву обложен я этими узами" (Деян. 28:20), – говорил Павел. Первые христиане не порывали с иудаизмом, они были уверены, что их вера является исполнением векового ожидания Мессии.

Именно поэтому христиане в Иерусалиме соблюдали субботу и посещали храм. К этому они добавили соблюдение первого дня недели, когда они собирались в память о воскресении Иисуса. На этих ранних богослужебных собраниях основное внимание уделялось не Страстям Господним, а той победе, благодаря которой занималась заря новой эпохи. Лишь позднее – много веков спустя – центральное место в христианском богослужении заняла смерть Иисуса. В ранних христианских общинах преломление хлеба совершалось "в веселии и простоте сердца" (Деян. 2:46).

Но было у них время и для покаяния в грехах. Из иудейской традиции церковь заимствовала два дня поста в неделю. Однако христиане с самого. начала постились не по понедельникам и четвергам, как иудеи, а по средам и пятницам. Возможно, это объясняется поминанием дней предательства и распятия.

В той ранней церкви авторитетом пользовались прежде всего двенадцать апостолов (хотя некоторые исследователи утверждают, что авторитет апостолов начал пропагандироваться позднее, чтобы создать в церкви некую властную структуру). Наибольшим влиянием среди апостолов, судя по всему, пользовались Петр и Иоанн – на то есть множество указаний в Деяниях, а в Гал. 2:9 Павел называет их двумя из "столпов".

Третий "столп", между тем, был не из числа двенадцати. Им был Иаков – брат Господень. По словам Павла (1 Кор. 15:7), воскресший Иисус явился Иакову. То ли благодаря своей кровной связи с Иисусом, то ли по каким-то другим причинам, но Иаков вскоре стал лидером Иерусалимской церкви. Позднее, когда иерархов церкви уже называли "епископами", Иаков стал первым "епископом" Иерусалима. Хотя именовать его так явно неправомерно, тем не менее, по всей видимости, он действительно возглавлял церковь в Иерусалиме.

1.6 Закат еврейской церкви

Вскоре гонения ужесточились, их жертвой мог теперь пасть любой. Ирод Агриппа, внук Ирода Великого, приговорил к смерти Иакова, брата Иоанна (не путать с Иаковом, братом Иисуса и главой

общины). С одобрения своих подданных Ирод арестовал Петра, но тот скрылся. В 62 году по Р.Х. по приказу первосвященника, но вопреки советам и пожеланию фарисеев был убит другой Иаков – брат Иисуса.

Вскоре после этого лидеры христианской общины в Иерусалиме решили перебраться Пеллу, город за Иорданом, где жили в основном язычники. Это решение объяснялось не только преследованиями со стороны иудеев, но и настороженным отношением римлян к новой религиозной группе, о которой они толком ничего не знали. К тому времени иудейский национализм достиг наивысшего накала, и в 66 году по Р.Х. вспыхнуло восстание, что четыре года спустя привело к разрушению Иерусалима римскими армиями. Христиане были последователями Того, Кого они считали наследником Давида и Кого римские власти распяли, ибо Он провозглашал Себя Царем иудеев. Сначала их возглавлял Иаков, брат Распятого, затем, после смерти Иакова, – Симон, другой родственник Иисуса. Чтобы как-то ослабить неприязнь, церковь решила перебраться в Пеллу. Но к христианам все равно относились с подозрением, и в конце концов римляне убили Симона, хотя не совсем ясно, было ли это вызвано его христианской верой или притязаниями на Давидово наследие. Как бы там ни было, в результате всего этого ранняя еврейская церковь, отвергавшаяся как иудеями, так и язычниками, оказалась в изоляции. Хотя к 135 году по Р.Х. значительное число еврейских христиан вернулось в Иерусалим, их связи с остальным христианством были почти полностью порваны, и руководящая роль перешла к христианам из язычников.

В малонаселенных районах за Иорданом еврейские христиане встречались с другими религиозными группами, отошедшими от ортодоксального иудаизма. Не имея контактов с церковью в целом, эта еврейская христианская община шла своим путем и часто впитывала в себя воззрения многочисленных окружавших ее сект. Когда несколько веков спустя христиане из язычников соблаговолили хоть что-то написать об этой забытой общине, они говорили в основном об ее странных еретических обычаях и сдержанно отзывались об этой церкви, затерявшейся в истории V века.

Благовествование среди язычников

Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых Иудею, потом и Еллину.

Римлянам 1:16

Еврейских христиан, названных в Деяниях "Еллинистами", отличала определенная открытость в отношении эллинистической культуры. Став первыми жертвами гонений в Иерусалиме, они первыми рассеялись по соседним городам и первыми начали распространять христианское послание на этих землях.

1.7 Размах проповеднического служения

В Деян. 8:1 сказано, что эти христиане "рассеялись по [разным] местам Иудеи и Самарии". В Деян. 9:32-42 говорится о посещении Петром христианских общин в Лидде, Сароне и Иоппии. В Деян. 8 содержится рассказ о проповеди Филиппа в Самарии, об обращении Симона-волхва и о служении там Петра и Иоанна.

Но уже в Деян. 9 сообщается, что христианские беглецы есть даже в Дамаске, далеко за пределами Иудеи. А в Деян. 11:19 дополнительно сказано, что "рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана, прошли до Финикии и Кипра и Антиохии". Это не означает, что миссионерская работа распространялась на язычников, ибо здесь же уточняется, что они живут там, "никому не проповедуя слова, кроме Иудеев".

Служение Филиппа в Самарии и обращение евнуха-ефиоплянина можно, по-видимому, считать первыми указаниями на готовность церкви принимать в свои ряды неевреев. Но прямо этот вопрос поставлен в Деян. 10 в эпизоде с Петром и Корнилием, который в конце концов привел Иерусалимскую церковь к неожиданному выводу: "Видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь" (Деян. 11:18). Сразу вслед за этим сообщается, что нечто подобное произошло и в Антиохии, что Варнава был послан туда Иерусалимской церковью для исследования происшедшего и что "он, прибыв и увидев благодать Божию, возрадовался" (Деян. 11:23). Эти события показывают, что хотя в самом начале христианство распространялось главным образом благодаря свидетельству еврейских христиан-эллинистов, покинувших Иерусалим из-за гонений, материнская церковь одобряла их работу как среди евреев-эллинистов, так и среди язычников.

Это, естественно, не решало всех проблем, поскольку оставался вопрос, должны ли обращавшиеся в христианство язычники соблюдать закон Израиля. После некоторых колебаний Иерусалимская церковь приняла их, заявив, что "угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины и блуда" (Деян. 15:28-29). Но на этом дело не кончилось – послания Павла полны свидетельств того, что какое-то время оставались люди, требовавшие в этом отношении большей строгости.

1.8 Служение апостола Павла

Здесь нет необходимости пересказывать все путешествия Павла, которым в Деяниях посвящены несколько глав. Достаточно сказать, что по какой-то неизвестной причине Варнава пришел в Таре за Павлом и что они провели вместе год в Антиохии, где последователей Иисуса впервые назвали "христианами". Затем в ходе своих благовестнических путешествий сначала с Варнавой, а потом с другими Павел доносил Евангелие до острова Кипр, до различных городов Малой Азии, до Греции, до Рима и,

возможно, согласно преданию, проверить которое невозможно, до Испании.

Но утверждение, что Павел доносил Евангелие до этих мест, не подразумевает, что он сделал это первым. Из Послания к римлянам явствует, что в столице империи церковь существовала и до того, как туда пришел Павел. Более того, в Италии христианство распространилось столь широко, что когда Павел прибыл в небольшой портовый город Путеол, христиане уже были и там. А потому роль Павла в начальном распространении христианства не следует преувеличивать. В Новом Завете много говорится о Павле и о его путешествиях, но в разных землях действовали и многие другие проповедники. Варнава и Марк были на Кипре. Еврей из Александрии Аполлос проповедовал в Ефесе и в Коринфе. Сам Павел, выражая сожаление, что некоторые проповедуют Христа "по зависти и любопрению", в то же время радовался, что все они провозглашают Христа (Флп. 1:18).

Величайшая, неоценимая заслуга Павла в формировании раннего христианства выражается не столько в создании конкретных церквей, сколько в написанных им посланиях, связанных с этим служением, поскольку эти послания в конечном счете стали частью христианского Писания и тем самым оказали и продолжают оказывать огромное влияние на жизнь и систему взглядов христианской церкви.

Само по себе несение Благой Вести проводилось не только Павлом и другими людьми, имена которых мы знаем – Варнавой, Марком и другими, – но и бесчисленным множеством безвестных христиан, переходивших с места на место со своей верой и своим свидетельством. Некоторые из них, подобно Павлу, путешествовали как миссионеры, движимые верой. Но по большей части эти безвестные христиане были купцами, рабами и другими обыкновенными людьми, которые пускались в путь по самым разным причинам и которым эти путешествия давали возможность распространять христианское послание.

Наконец, говоря о служении Павла, важно отметить, что хотя он чувствовал призвание проповедовать язычникам, при посещении нового города он обычно сначала шел в синагогу и в еврейскую общину. Он считал, что проповедует не новую религию, а исполнение обетовании, данных Израилю. Он возвещал послание не об отвержении Богом Израиля, а о том, что благодаря воскресению Иисуса наступил век Мессии и тем самым язычникам предоставляется возможность присоединиться к Божьему народу.

1.9 Апостолы: факты и легенды

О дальнейшем жизненном пути и судьбе большинства апостолов Новый Завет ничего не сообщает. В Деяниях упоминается о смерти Иакова, брата Иоанна. Но та же самая книга, описав свершенное Павлом в течение нескольких лет, внезапно прекращает рассказ на том времени, когда он проповедовал в Риме и ожидал суда. Что стало с Павлом, Петром и другими апостолами? Уже на раннем этапе истории церкви появились предания, согласно которым тот или иной из них проповедовал в каком-то определенном месте или так или иначе принял мученическую смерть. Большинство этих преданий возникали просто вследствие желания церкви того или иного города заявить о своем апостольском наследии. Другие заслуживают большего доверия.

Наиболее достоверен из такого рода преданий рассказ о том, что Петр был в Риме и принял в этом городе мученическую смерть во времена гонений при Нероне. Так же считают многие авторы I и II веков. Говорится также, что он был распят, по некоторым сведениям – вниз головой, это проясняет смысл слов в Ин. 21:18-19, которые иначе понять трудно.

В случае с Павлом дело обстоит сложнее. В Деяниях рассказ о нем обрывается на времени, когда он проповедовал в Риме. Ряд авторов первых веков единодушны в том, что он умер в Риме при Нероне, по всей видимости – обезглавленным, как подобает римскому гражданину. Другие же утверждают, что он совершил еще несколько путешествий, не упомянутых в Деяниях, в том числе – в Испанию. В попытке

согласовать эти два предания высказывалось предположение, что Павел был в Испании в период между событиями, описанными в конце Книги Деяний, и гонениями при Нероне. Но такое объяснение не увязывается с хронологией. С уверенностью можно говорить только о том, что у нас нет точных сведений о происходившем с момента последнего эпизода, описанного в Деяниях, и до смерти Павла при правлении Нерона.

Нерон, первый римский император, начавший гонения на христиан.

Реконструкция последующей жизни Иоанна затрудняется частым упоминанием имени Иоанн в ранних текстах. Согласно одному из древних преданий, Иоанн был казнен в бочке с кипящим маслом. Однако из Откровения известно, что Иоанн находился тогда в ссылке на острове Патмос. По другому, заслуживающему доверия преданию, Иоанн был учителем в Ефесе, где и умер около 100 года по Р.Х. Все это указывает на то, что в ранней церкви было по крайней мере два человека с этим именем и что в преданиях они слились в одно лицо. Христианский автор II века Папий Иерапольский утверждает, что в ранней церкви имя Иоанн действительно носили два человека: один из них – апостол, а второй – пресвитер из Ефеса, получивший видения на Патмосе. Во всяком случае, в конце I века в Ефесе действительно проводил служение христианский учитель по имени Иоанн, пользовавшийся большим авторитетом во всех церквах Малой Азии.

К концу II века возникла тенденция, значительно затруднившая задачу историков, стремящихся исследовать дальнейшую жизнь и судьбу апостолов. Церкви всех крупных городов начали претендовать на апостольское наследие. В Александрии церковь, соперничавшая с Римом и Антиохией, пришла к выводу, что ей нужен основатель из числа апостолов, вследствие чего появилось предание об основании Александрийской церкви святым Марком. Когда же столицей империи стал Константинополь, его церкви тоже понадобились апостольские корни, и она стала утверждать, что Филипп проповедовал в Византии – древнем городе, на месте которого впоследствии построили Константинополь.

Известны и другие предания о деятельности апостолов, достойные упоминания если не в силу их достоверности, то по крайней мере ввиду их популярности и значения для последующей истории. Это в особенности относится к преданиям о зарождении христианства в Испании и Индии.

По утверждению испанских христиан, работу по несению Евангелия в их стране проводили не только Павел, но и семь посланников святого Петра, а также святой Иаков. Легенда о проповедниках Петра в Испании появилась в V веке, но она не пользовалась такой популярностью, как легенда о посещении страны Иаковом, возникшая три века спустя. Согласно этому преданию, Иаков без особого успеха проповедовал Евангелие в Галисии и Сарагосе. На обратном пути ему явилась стоящая на колонне Дева Мария, обратившаяся к нему со словами ободрения. Многими "Virgen del Pilar" ("Дева на колонне") почитается в Испании до сих пор. По возвращении в Иерусалим Иаков был обезглавлен по приказу Ирода, и ученики отвезли его останки в Компостелу в Испании, где он якобы покоится и ныне.

Эта легенда сыграла важную роль в дальнейшей истории Испании – святой Иаков (по-испански Сантьяго) стал национальным святым страны. В ходе войн с маврами имя Сантьяго часто становилось боевым кличем, объединявшим на борьбу с неверными различные мелкие княжества. Кроме того, паломничества к усыпальнице святого Иакова в Компостеле во многом сказались на развитии

религиозности в Европе и на объединении Северной Испании. Орден святого Иакова Компостельского также внес значительный вклад в испанскую историю. Таким образом, хотя крайне маловероятно, что Иаков вообще когда-нибудь думал об Испании, легенды о посещении им этой страны оказали значительное влияние на формирование испанской исторической традиции.

Предание о посещении Фомой Индии в буквальном смысле слова ставит историков в тупик. Впервые оно появляется в "Деяниях Фомы", написанных, вероятно, не позднее конца II века. Однако эти "Деяния" расцвечены такими мифологическими подробностями, что весь рассказ в целом вызывает недоверие. Там, в частности, говорится, что индийский царь Гондофар искал архитектора для постройки дворца и что Фома, который не был архитектором, предложил свои услуги. Узнав, что Фома раздает нищим деньги, выделенные на строительство дворца, царь приказал бросить апостола в темницу. Но тут вернулся к жизни умерший брат Гондофара Гад и рассказал брату, что видел величественный небесный дворец, построенный благодаря пожертвованиям, которые Фома давал нищим. Царь и его брат уверовали и крестились, а Фома пошел дальше по Индии и в конце концов принял мученическую смерть.

Совершенно очевидно, что здесь очень многое вызывает сомнение, и большинство историков целиком отвергают ее как вымысел, поскольку в исторических источниках нет упоминаний ни о Гондофаре, ни о других содержащихся в этой легенде подробностях. Однако найденные недавно монеты доказывают, что действительно существовал правитель с таким именем и что у него был брат, которого звали Гад. Благодаря этой находке, а также неоспоримо древним истокам христианства в Индии и тому факту, что между Индией и Ближним Востоком тогда велась оживленная торговля, трудно, видимо, исторически категорически отвергать возможность посещения Фомой этой страны и позднейшего включения в рассказ об этом мифологических подробностей. Во всяком случае, показательно, что в Индии с относительно давних времен существует церковь, считающая Фому своим основателем.

В заключение следует сказать, что некоторые апостолы – в частности, Петр, Иоанн и Павел – несомненно, несли Благую Весть и совершали путешествия, в ходе которых проповедовали Евангелие и опекали церкви, созданные ими самими или другими людьми. Вполне возможно, что то же самое делали и другие апостолы, например Фома. Правда, большинство преданий об апостольских путешествиях возникли позднее, когда считалось, что апостолы разделили мир между собой, и когда церкви в каждой стране или в каждом городе заявляли об апостольском наследии. На самом же деле большая часть проповеднической работы проводилась не апостолами, а множеством безвестных христиан, по разным причинам – из-за гонений, по делам или по призванию – переезжавших с места на место, неся с собой Благую Весть.

Первые конфликты с государством

Знаю… ты немного имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся от имени Моего.

Откровение 3:8

Христианская вера с самых своих истоков была нелегким выбором. Господь, которому служили христиане, умер на кресте как преступник. Вскоре после этого Стефана побили камнями за свидетельство перед иудейским синедрионом. Затем по приказу Ирода Агриппы был убит Иаков. С тех времен и до наших дней всегда находились люди, скреплявшие свое свидетельство кровью.

Но причины гонений и методы их проведения бывали разными. Уже первые десятилетия существования церкви отмечены определенным развитием в подходе к этому вопросу.

1.10 Новая иудейская группа

Ранние христиане не считали себя последователями новой религии. Они были иудеями, и главным, что отличало их от остальных приверженцев иудаизма, была их уверенность в уже свершившемся пришествии Мессии – тогда как прочие иудеи все еще продолжали ожидать этого пришествия. Поэтому христианское послание евреям не призывало их отказаться от иудейства. Наоборот, с наступлением мессианской эпохи они должны были стать еще более совершенными иудеями. Равным образом, проповедь язычникам заключалась не в том, чтобы они приняли новую религию: они должны были стать соучастниками обетовании, данных Аврааму и его потомкам. Язычников приглашали стать детьми Авраамовыми по вере, поскольку они не были таковыми по плоти. Приглашение это основывалось на том, что иудеи со времен пророков верили, что с пришествием Мессии все народы будут приведены к Сиону. Для ранних христиан иудаизм был не соперником христианства, а все той же, прежней верой, хотя его последователи не видели, что пророчества уже исполнились, и не верили в это.

Иудеям, отвергавшим христианство, сложившаяся ситуация представлялась примерно так же. Христианство было не новой религией, а еретической сектой иудаизма. Как мы уже видели, иудаизм I века не был монолитным и представлял собой соединение разнородных групп и мнений. Поэтому когда христианство появилось на исторической сцене, иудеи увидели в нем просто еще одно религиозное течение.

Отношение тогдашних иудеев к христианству легче понять, поставив себя на их место и взглянув на христианство – с их точки зрения – как на новую ересь, которая, переходя из города в город, искушала правоверных иудеев, побуждая их становиться еретиками. Кроме того, многие евреи полагали, отчасти опираясь на Библию, что причиной утраты независимости и превращения в подданных империи стал отход народа от традиций предков. Чувство национальной гордости и патриотизм заставляли опасаться, что эти новые еретики в очередной раз навлекут на Израиль гнев Божий.

Именно поэтому, как мы видим, в большинстве новозаветных рассказов преследуют христиан в основном иудеи, и защиты они ищут у римских властей. Так произошло, например, в Коринфе, где иудеи обвиняли Павла перед проконсулом Галлионом в том, что "он учит людей чтить Бога не по закону", на что Галлион ответил: "Иудеи! если бы какая-нибудь была обида, или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас; но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайтесь сами: я не хочу быть судьею в этом" (Деян. 18:14-15). Позднее, когда из-за обвинений Павла в том, что он привел в храм язычника, возник мятеж и иудеи хотели убить апостола, его спасли римляне.

Итак, римляне, иудеи и христиане сходились во мнении, что речь идет о конфликте между евреями. Пока порядок не нарушался, римляне предпочитали оставаться в стороне. Когда же вспыхивали волнения или поднимался мятеж, они вмешивались для восстановления порядка, а иногда и для наказания нарушителей.

Примером такой политики может служить изгнание иудеев из Рима около 51 года по Р.Х. императором Клавдием. Об этом упоминается в Деян. 18:2, хотя причины изгнания там не уточняются. Римский историк Светоний пишет, что иудеев, "постоянно волнуемых Хрестом", изгнали из столицы. Большинство историков убеждены, что "Хрест" – это не кто иной, как Христос, и что речь идет о крупных волнениях в Риме среди иудеев, возмутившихся против христианской проповеди, так что император многих из них решил выслать. В то время конфликты между христианами и иудеями римляне все еще считали внутренним делом иудаизма.

Но по мере присоединения к церкви все большего числа язычников различие между христианами и иудеями становилось все очевиднее, тем более что количество иудеев в ее рядах постоянно сокращалось. Кроме того, еврейский национализм, приведший в конечном счете к восстанию против римской власти, побуждал христиан, особенно христиан из числа язычников, по мере возможности отмежевываться от этого движения. В результате римские власти начали относиться к христианству как к религии, отличной от иудаизма. Это новое понимание христианства привело к гонениям, продолжавшимся в Римской империи два с половиной века – со времен Нерона до обращения Константина.

Взаимоотношения между иудеями и христианами в первые годы существования христианства обернулись важными последствиями. Как видно из книг Нового Завета, иудаизм поначалу стремился подавить христианство, считая его еретической сектой. Но впоследствии у иудеев уже не было возможности преследовать христиан, более того, в действительности часто происходило наоборот. Когда христианство стало официальной религией большинства, появились люди, которые, ссылаясь на те места Нового Завета, где говорится о противоборстве между иудеями и христианами, и полностью игнорируя тогдашние исторические условия, объявляли евреев отвергнутым народом, преследовали и даже уничтожали их. Такое отношение несовместимо с позицией Павла, заявившего, что его преследуют "за надежду Израилеву".

1.11 Гонения при Нероне

Нерон взошел на римский престол в октябре 54 года благодаря интригам его матери. Поначалу он был разумным, не вызывавшим особой неприязни правителем, чьи законы в пользу неимущих благожелательно встретил римский плебс. Но его все больше ослепляли мечты о величии и страсть к наслаждениям, и постепенно он окружил себя придворными, готовыми удовлетворить любую его прихоть. Через десять лет после прихода к власти к нему с презрением стал относиться не только народ, но и поэты и художники, которых оскорбляли его притязания считать себя одним из них. Вскоре поползли слухи о его сумасшествии.

Так обстояли дела, когда ночью 18 июня 64 года в Риме вспыхнул большой пожар. Нерон в это время находился в нескольких милях от города в своем дворце в Антии и, узнав о происходящем, немедленно поспешил в Рим, где попытался организовать борьбу с огнем. Он предоставил бездомным парки своего дворца, общественные здания. Несмотря на это императора, которого многие считали сумасшедшим, подозревали в том, что он сам приказал поджечь город в нескольких местах. Пожар продолжался шесть дней и семь ночей, а затем периодически возобновлялся в течение еще трех дней. Десять из четырнадцати районов города были полностью уничтожены. Измученный страданиями народ требовал справедливости. Все чаще поговаривали – и слух этот дошел до наших дней, повторяясь во многих исторических

сочинениях, – что Нерон приказал уничтожить город, чтобы перестроить его по своим планам. Римский историк Тацит, который, возможно, был очевидцем происшедшего, пересказывает ходившие тогда слухи, но, по всей видимости, склонен считать, что пожар возник случайно из-за возгорания в лавках с товаром.

Народ все увереннее подозревал императора в поджоге. Рассказывали, будто во время пожара большую часть времени он провел на вершине башни, что на Палатинском холме, где в актерском одеянии играл на лире и пел о разрушении Трои. А еще говорили, что, самонадеянно считая себя поэтом, он приказал поджечь город, чтобы огонь вдохновил его на большую эпическую поэму. Нерон пытался развеять эти подозрения, но скоро стало ясно, что сделать этого не удастся, пока не будет найден другой виновник. В двух из уцелевших районов проживало значительное число иудеев и христиан. На христиан император и решил возложить вину.

Тацит пишет:

Но ни средствами человеческими, ни щедротами принцепса, ни обращениями за содействием к божествам невозможно было пресечь бесчестившую его молву, что пожар был устроен по его приказанию. И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловредное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, изобличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому{1}.

Приведенные слова Тацита представляют большую ценность – это одно из самых ранних дошедших до нас свидетельств об отношении язычников к христианам. Из этих строк ясно, что Тацит не верил в причастность христиан к пожару в Риме. Кроме того, он не одобряет "изощренные казни" Нерона. Тем не менее этот благонамеренный, высокообразованный римлянин верит многому из того, что говорится о "мерзостях" христиан и об их "ненависти к роду людскому". Тацит и другие авторы того времени не уточняют, что подразумевали эти "мерзости". Авторы II века скажут об этом определеннее. Но во всяком случае, Тацит верит слухам и считает, что христиане ненавидят человечество. Последнее обвинение станет понятнее, если вспомнить, что все общественные и культурные начинания – театральные представления, служба в армии, искусство, спортивные соревнования – были настолько пронизаны духом языческого поклонения, что христиане обычно избегали их. Поэтому Тациту, любившему свою культуру и свое общество, христиане казались человеконенавистниками.

Тацит продолжает:

Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах, или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона{2}.

И снова языческий историк, ничуть не сочувствуя христианам, указывает, что причиной гонений было нежелание добиться справедливости, а удовлетворение прихоти императора. Кроме того, эти строки – одно из немногих сохранившихся языческих свидетельств о жестоких пытках, которым подвергались ранние мученики.

Размах гонений при Нероне установить трудно. Христианские авторы конца I века и начала II вспоминают об ужасах тех дней. Очень возможно также, что жертвами Нерона стали Петр и Павел. С другой стороны, о гонениях за пределами Рима упоминаний нет, поэтому вполне вероятно, что преследования христиан, хотя и крайне жестокие, ограничивались столицей империи.

Сначала христиан обвиняли в поджоге, но затем их стали преследовать уже просто как христиан, за все те предполагаемые мерзости, которые связывали с этим словом. Авторы первых веков сообщают об эдикте, изданном Нероном против христиан. Может быть, такой эдикт и существовал, однако текст его не сохранился.

В 68 году по Р.Х. в ходе восстания, поддержанного римским сенатом, Нерон был низложен и покончил жизнь самоубийством. Гонения прекратились, хотя антихристианские законы Нерона отменены не были. Последовал период политических неурядиц, так что 69 год по Р.Х. стал "годом четырех императоров". В конце концов к власти пришел Веспасиан, и за время правления его самого и его сына Тита власти христианами не интересовались.

1.12 Гонения при Домициане

Домициан, ставший императором после Тита, сначала тоже не обращал на христиан особого внимания. Не вполне ясно, когда именно он обрушил на них свой гнев. Известно, что он любил и уважал римские традиции и хотел их восстановить. Христиане же, отвергавшие римских богов и многие из римских традиций, мешали осуществлению мечтаний Домициана, что могло стать одной из причин гонений.

Притеснения пришлось испытать и иудеям. Поскольку в 70 году храм был разрушен, Домициан решил, что все иудеи должны передавать в казну империи сбор на храм, который прежде шел в Иерусалим. Одни иудеи отказались этому подчиниться, другие согласились, не скрывая, что Рим не может занять место Иерусалима. В ответ Домициан ввел законы, направленные против иудаизма, где он настаивал на новых условиях пожертвований в еще более жестких выражениях.

Поскольку в то время римские власти еще не проводили четкого различия между иудеями и христианами, имперские судьи преследовали теперь всех, кто следовал "иудейским обрядам". Так начался новый период гонений, направленных против иудеев и христиан.

Как и при Нероне, эти гонения, по всей видимости, не были одинаково суровыми во всех частях империи. Фактически, достоверно мы знаем только о тех гонениях, которые в этот период свирепствовали в Риме и Малой Азии.

В Риме были казнены Флавий Климент и Флавия Домицилла, вроде бы состоявшие в родстве с императором. Их обвинили в "атеизме" и в совершении "иудейских обрядов". Поскольку христиане поклонялись невидимому Богу, язычники часто относились к ним как к безбожникам. Поэтому вполне вероятно, что Флавий и Домицилла умерли как христиане. Если это так, они были единственными мучениками, жертвами этих гонений в Риме, имена которых нам известны. Но авторы тех лет утверждают, что мучеников было много, а в послании римской церкви коринфянам говорится о "беспрестанных и неожиданных злых делах, обрушивающихся на нас".

В Малой Азии в ходе гонений родилась книга Откровение, автор которой был сослан на остров Патмос. Есть сведения, что там казнили очень многих, – церковь Малой Азии долго вспоминала о правлении Домициана как о времени суровых испытаний.

В Откровении, написанном во время гонений, отношение к Риму гораздо суровее, чем в остальных частях Нового Завета. Павел призывал христиан в Риме повиноваться властям, служить которым он был

поставлен Богом. Но провидец на Патмосе говорит о Риме как о "великой блуднице… упоенной кровию святых и кровию свидетелей Иисусовых" (Отк. 17:1,6).

К счастью, когда начались гонения, правление Домициана подходило к концу. В Домициане, как и в Нероне, все больше видели тирана. Его противники организовали заговор, и он был убит в собственном дворце. Римский сенат постановил стереть его имя со всех надписей, чтобы о нем не осталось никаких воспоминаний. Судьба же христиан никого не волновала, и они получили несколько лет относительного спокойствия.

Гонения во II веке

Теперь я становлюсь учеником… Пусть на пути к Иисусу
Христу меня ждут огонь и крест, стаи хищных животных,
пусть мне ломают кости и калечат тело.

Игнатий Антиохийский

Хотя преследования христиан в Римской империи начались со времен Нерона, в I веке об этих гонениях почти не упоминалось. Зато свидетельства, относящиеся ко II веку, позволяют яснее представить себе все, связанное с гонениями и с отношением христиан к страданиям и смерти за веру. Наибольшего драматизма исполнены "деяния мучеников" (мартирологи), рассказывающие об аресте мучеников, суде над ними и их смерти. Некоторые из них содержат так много заслуживающих доверия юридических подробностей, которые вполне могли быть заимствованы, во всяком случае – частично, из официальных судебных протоколов. Иногда в этих "деяниях" говорится, что автор был очевидцем суда над мучеником и его смерти, и историки склонны верить, что дело происходило именно так. С другой стороны, многие из так называемых "деяний мучеников" явно написаны гораздо позднее и не заслуживают особого доверия. Но так или иначе, подлинные "деяния" относятся к наиболее ценным и вдохновенным документам раннего христианства. Кроме того, об отношении христиан к мученической смерти мы узнаем и из других христианских писаний. Наибольший интерес среди них представляют, пожалуй, семь писем епископа Игнатия Антиохийского о его пути к мученичеству. Наконец, источники II века дают дополнительные сведения о том, как к новой вере относились римские власти. В этом плане много полезных сведений содержит переписка Плиния с Траяном.

1.13 Переписка Плиния с Траяном

В 111 году по Р.Х. Плиний Младший был назначен наместником Вифинии, территории на северном побережье современной Турции. Из разных источников известно, что Плиний был справедливым человеком, глубоко уважавшим римский закон и римские традиции. Но в Вифинии он столкнулся с неожиданными трудностями. В этих краях было много христиан – так много, что, по словам Плиния, языческие храмы почти опустели, а продавцы жертвенных животных не находили новых покупателей. Когда кто-то передал новому наместнику список христиан, Плиний начал расследование, ибо знал, что эта религия незаконна.

Наместник приказал приводить к нему обвиняемых и от них начал узнавать о верованиях и обычаях христиан. Многие заявляли, что они не христиане, другие говорили, что хотя какое-то время они следовали новой вере, теперь они отказались от нее. От этих людей Плиний требовал только помолиться богам, воскурить фимиам перед образом императора и проклясть Христа, так как слышал, что настоящие христиане никогда этого не сделают. После исполнения этого ритуала он их просто отпускал.

С теми же, кто упорствовал в своей вере, дело обстояло сложнее. Обычно Плиний трижды предоставлял им возможность отречься, угрожая смертной казнью. Если они отказывались, он казнил их не столько за принадлежность к христианству, сколько за упрямство. Если они были римскими гражданами, он отправлял их в Рим, как того требовал закон.

Плиний, однако, считал себя человеком справедливым, поэтому он почувствовал потребность выяснить, в каких преступлениях повинны христиане, помимо простого упрямства. Но узнал он лишь то, что христиане собираются перед рассветом, воспевая Христа "как бога", и дают обет не совершать краж,

прелюбодеяний или каких-то других подобных грехов. Они также собирались на совместные трапезы, но отказались от этого обычая, когда власти запретили тайные собрания. Не будучи вполне уверенным, что он узнал всю правду, Плиний подверг пытке двух христианских служительниц. Но они лишь подтвердили уже известные ему факты.

Встал вопрос, следует ли наказывать христиан за конкретные преступления или считать преступлением уже сам факт наименования себя христианином? Не зная, какой ему придерживаться линии, Плиний приостановил расследование и обратился к императору Траяну с просьбой о дальнейших указаниях.

Ответ императора был кратким. Когда речь идет о наказании христиан, нет общего правила, которое было бы применимо во всех случаях. С одной стороны, характер их преступления таков, что государству не стоит тратить время на их розыск. С другой – если против них выдвинуто обвинение и они от отречения отказываются, их надо наказывать. Те, кто изъявляет готовность поклоняться богам, подлежат помилованию без дополнительного расследования. Наконец, не следует принимать во внимание анонимные обвинения, ибо они – не самый лучший юридический прецедент и недостойны эпохи.

Почти сто лет спустя Тертуллиан, христианин, живший в Северной Африке, как юрист возмутился несправедливостью такого подхода, который тогда еще практиковался:

Какой явно противоречивый закон! Он гласит, что искать их не надо, как будто они невиновны, но в то же время повелевает наказывать их, как будто они виновны. Он говорит о помиловании, но он жесток. Зачем вы запутываете собственных цензоров? Если вы наказываете, почему не надо проводить расследования? Если вы не проводите расследования, почему вы не снимаете обвинение?{3}

Хотя логики в решении Траяна действительно мало, нельзя сказать того же о политическом смысле его действий. Он понял, что имел в виду Плиний: сам факт принадлежности к христианам еще не есть преступление против общества или против государства. Поэтому государству не следует тратить силы на розыски христиан. Но когда им предъявляется обвинение и они предстают перед властями, надо принуждать их поклоняться богам империи либо наказывать. В противном случае имперские суды потеряют авторитет. Иными словами, христиан наказывали не за преступления, совершенные до суда, а за проявление ими неуважения к римским судам. Тех, кто открыто отказывался поклоняться богам и императору, необходимо было наказывать – во-первых, потому что этого требовало достоинство судов, а во-вторых, потому что отказ поклоняться императору, по сути, подразумевал отрицание его права управлять государством.

По этим причинам еще долгое время после смерти Траяна в Вифинии и далеко за ее пределами придерживались установок, намеченных им в ответе Плинию. Во II веке и в начале III христиан специально не разыскивали, но, когда они представали перед властями, их подвергали наказанию. Подобная политика проводилась и до обмена письмами между Плинием и Трая-ном, что видно из обстоятельств, сопутствующих написанию семи писем Игнатия.

1.14 Игнатий Антиохийский, Богоносец

Примерно в 107 году по Р.Х. епископ Антиохии Игнатий, человек преклонного возраста, был приговорен имперскими властями к смертной казни. В то время в Риме замышлялись большие празднества в ознаменование очередной военной победы, и Игнатия отправили в столицу, где его казнь должна была стать одним из развлечений, приготовленных для народа. На пути к мученической смерти он написал семь писем, представляющих собой ценнейшие документы для нашего понимания раннего христианства.

Игнатий родился где-то около 30 или 35 года по Р.Х., а когда он закончил жизнь мученической смертью, ему было за семьдесят. В своих письмах он неоднократно называет себя "богоносцем", что подразумевает его известность под этим именем и свидетельствует о высоком уважении, которым он пользовался среди христиан. Гораздо позднее, слегка изменив греческий текст его писем, о Игнатии стали говорить как о "рожденном Богом", и родилась легенда, что он был тем самым ребенком, которого Иисус призвал и поставил среди учеников. Как бы там ни было, к началу II века Игнатий, будучи епископом (вторым после апостолов) одной из самых старых церквей, Антиохийской, пользовался большим авторитетом во всем христианском братстве.

Нам ничего не известно ни об аресте и суде над Игнатием, ни о том, кто выдвинул против него обвинение. Из его писем явствует, что в Антиохии было несколько фракций и что епископ твердо противостоял учениям, которые считал еретическими. Неясно, было ли обвинение выдвинуто язычником или раскольником из числа христиан, стремившимся погубить его. Во всяком случае, по той или иной причине Игнатия арестовали, судили и приговорили к смертной казни в Риме.

По дороге в Рим Игнатий и сопровождавшие его стражники проходили по Малой Азии. Увидеться с ним хотели многие христиане. Игнатий мог встречаться и говорить с ними. У него был даже личный христианский секретарь, записывавший под его диктовку письма. Из этого явствует, что повальных гонений в то время в Римской империи не было и что наказывали только тех, кто представал перед судом. Именно поэтому Игнатий мог принимать посетителей, виновных явно в том же самом "преступлении", за которое был осужден он сам.

Итогом этих встреч и стали семь писем Игнатия. Он встретился с епископом, двумя пресвитерами и диаконом Магнезийской церкви. Из Траллы к нему пришел епископ Полибий. Ефес послал делегацию во главе с епископом Онисимом – вполне возможно, тем же человеком, о котором Павел писал Филимону. Всем этим церквам Игнатий отправил письма из Смирны. Затем в Троаде он написал остальные письма: одно – церкви в Смирне, другое – епископу Поликарпу и еще одно – церкви в Филадельфии, Но самое содержательное письмо, помогающее нам понять сущность гонений и мученичества во II веке, – то, которое Игнатий написал из Смирны Римской церкви.

Игнатий каким-то образом узнал, что христиане в Риме ищут возможность спасти его от смертной казни. К этому он отнесся без энтузиазма. Он был готов скрепить свое свидетельство кровью, и любые попытки римских христиан спасти его помешали бы достижению этой цели. Поэтому он написал им:

Меня беспокоят ваши добрые намерения, которые могут повредить мне. Возможно, вам удастся осуществить ваш план. Но если вы оставите мою просьбу без внимания, мне будет очень трудно приблизиться к Богу.

По словам Игнатия, он хотел пройти через те же страдания, что и его Бог, то есть Иисус Христос. Готовясь совершить последнюю жертву, Игнатий верил, что именно сейчас он становится учеником, и поэтому он просил римских христиан молиться не за его освобождение, а за то, чтобы у него хватило сил выдержать любые испытания: "чтобы я смог не только называться христианином, но и вести себя как христианин… Моя любовь пригвождается к древу… Я уже чувствую не вкус тленной пищи… но вкус Божьего хлеба, который есть Тело Иисуса Христа… я хочу пить Его кровь, которая есть вечный напиток… Благодаря страданиям я буду свободным в Иисусе Христе и вместе с Ним воскресну в свободе… Я есть Божье пшеничное зерно, которое будет перемолото зубами хищных зверей, чтобы стать чистым хлебом Христовым". Игнатий так мужественно ведет себя перед лицом смерти, потому что благодаря ей он станет свидетелем:

Если вы будете молчать обо мне, я стану словом Божьим. Но если вы позволите себе поддаться чувству любви к моей плоти, я останусь просто человеческим голосом{4}.

Вскоре после этого епископ Смирны Поликарп написал христианам в Филиппах, интересуясь судьбой Игнатия. Ответ филиппийцев не сохранился, но, по всей вероятности, Игнатий, как он и ожидал, умер по приезде в Рим.

1.15 Мученичество Поликарпа

О мученичестве Игнатия известно очень мало, однако гораздо больше сведений сохранилось о смерти его молодого друга Поликарпа, чье время пришло почти полвека спустя. Шел 155 год, по-прежнему проводилась политическая линия, о которой Траян писал Плинию. Специально розыском христиан не занимались, но когда им предъявлялось обвинение и они отказывались поклоняться богам, их наказывали.

О событиях в Смирне нам известно от автора, который утверждает, что был их свидетелем. Дело началось с того, что перед властями предстала группа христиан, которые все до одного отказались поклоняться богам. Несмотря на жесточайшие пытки, они оставались твердыми в вере – как говорится в рассказе, "полагаясь на Христа, они не обращали внимания на мирские боли". Когда перед судом предстал пожилой христианин по имени Германик, ему сказали, что ввиду его преклонного возраста он должен отречься, чтобы избежать пыток и мучительной смерти. На это он отвечал, что у него нет больше желания жить в мире, в котором вершатся такие неправедные дела. И чтобы доказать, что его слова – не пустой звук, он сам попросил привести хищников, чтобы они растерзали его. Этот мужественный поступок вызвал еще больший гнев толпы, раздались возгласы: "Смерть безбожникам!" (то есть тем, у кого нет видимых богов) и "Приведите Поликарпа!".

Узнав, что его разыскивают, старый епископ последовал совету своей паствы и несколько дней скрывался. Потом он сменил убежище, но все равно был обнаружен. Поликарп решил, что его арест – воля Божья: он не стал больше скрываться и спокойно ждал, когда за ним придут.

Председательствовавший на суде проконсул увещевал его, настоятельно советовал подумать о своем почтенном возрасте и вознести хвалу императору. Когда Поликарп отказался, судья приказал ему крикнуть: "Долой безбожников!" И Поликарп, показав на окружавшую его толпу, сказал: "Да. Долой безбожников!" Судья продолжал настаивать и обещал, что если он даст клятву именем императора и проклянет Христа, то получит свободу. Но Поликарп ответил: "Я служу Ему восемьдесят шесть лет, и за эти годы Он не сделал мне ничего плохого. Как я могу проклинать спасшего меня Царя?"

Диалог продолжался. Когда судья пригрозил сжечь его заживо, Поликарп ответил, что огонь, зажженный судьей, будет гореть лишь мгновение, а вечная жизнь не кончается никогда. Наконец, когда его привязали к столбу, чтобы сжечь на костре, он устремил взгляд вверх и вознес молитву: "Владыко Боже… благодарю, что Ты счел меня достойным этого мгновения, чтобы я смог вместе с другими Твоими мучениками разделить чашу Христову… За это… я благословляю и прославляю Тебя. Аминь"[{5}].

Много лет назад Игнатий Антиохийский наставлял молодого епископа Поликарпа достойно исполнять епископские обязанности и быть твердым в вере. Теперь Поликарп подтвердил, что он внял каждому слову своего учителя и достойно последовал его примеру.

В этом рассказе есть одна важная деталь – когда Поликарп узнал, что его разыскивают, он скрывался и прятался. Упоминается в нем и о том, что некий Квинт, сам предложивший себя на мученичество, в последний момент проявил слабость и отказался от веры. Эти подробности имели важное значение для тех первых христиан, которые считали, что человек не сам избирает себя на мученическую смерть – его избирает Бог. Избранные укреплялись Христом, страдавшим вместе с ними, и поэтому могли переносить испытания. Их стойкость исходила не от них самих, а от Бога. Те же, кто проявляли поспешность и сами обрекали себя на мученичество ("добровольцы"), были лжемучениками, и Христос оставлял их.

Но не все христиане соглашались с автором "Мученичества Поликарпа", и добровольные мученики известны в течение всего периода гонений. Действия тех из них, кто сохранял стойкость до конца, у многих встречали одобрение. Это подтверждает другой документ той эпохи – "Апология" Юстина Мученика, где рассказывается, что во время суда над неким христианином два человека выступили в его защиту, и все трое стали мучениками. Излагая эту историю, Юстин и мысли не допускает, что мученичество Двух "добровольцев" исполнено меньшей духовной силы, нежели мученичество человека, которого привлекли к суду.

1.16 Гонения при Марке Аврелии

Марк Аврелий, ставший императором в 161 году по Р.Х., был одним из самых просвещенных умов своего времени. В отличие от Нерона и Домициана, он не был властолюбив и тщеславен. Человек утонченный, он оставил после себя сборник "Размышлений", которые писал для себя и которые признаны литературным шедевром своего времени. Марк Аврелий рассказывает о том, на каких идеалах он пытался строить управление обширной империей:

С мужеской, с римской твердостью помышляй всякий час, чтобы делать то, что в руках у тебя, с надежной и ненарочитой значительностью, приветливо, благородно, справедливо, доставив себе досуг от всех прочих представлений. А доставишь, если станешь делать всякое дело будто последнее в жизни, удалившись от всего случайного и не отвращаясь под влиянием страсти от решающего разума, вдали от притворства, себялюбия, неприятия сопутствующих решений судьбы{6}.

Казалось бы, при таком императоре для христиан должен был наступить период относительного спокойствия. Но, исповедуя столь возвышенные идеалы управления, тот же самый император отдавал приказы о гонениях против христиан. В единственном месте "Размышлений", где упоминается о христианстве, император восхваляет души, которые не цепляются за жизнь, когда приходит время, а готовы расстаться со своими телами, и затем пишет, что такое отношение достойно похвалы только в том случае, если оно определяется разумом, а не "упрямством, как у христиан". Более того, этот просвещенный император, как дитя своего времени, был суеверным человеком. Он постоянно обращался за советом к провидцам и перед принятием любого важного решения совершал жертвоприношения. В первые годы его правления казалось, что вторжениям, потопам, эпидемиям и другим напастям не будет конца. Вскоре бедам нашлось объяснение – во всем виноваты христиане, именно они навлекают на империю гнев богов. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что император мыслил именно так, но, как бы там ни было, он всецело поддерживал гонения и способствовал возрождению старой религии. Возможно, как и Плиний, самым большим недостатком христиан он считал их упрямство.

В одном из самых поучительных документов того времени рассказывается о мученичестве вдовы Фелиции и семи ее сыновей. Фелиция была одной из посвященных вдов, то есть женщиной, посвящавшей все свое время работе в церкви, которая в свою очередь поддерживала ее материально. Ее работа вызывала недовольство языческих жрецов, которые решили положить этому конец, выдвинув против нее обвинение перед властями. Префект пытался убедить ее отказаться от веры сначала с помощью обещаний, затем – угроз, но она ответила, что он напрасно теряет время: "Пока я живу, я буду поражать вас, а если вы убьете меня, моя смерть станет для вас еще более сильным поражением". Затем он попытался убедить ее сыновей. Но она помогла им сохранить стойкость, и ни один из них не отступил перед страшными и жестокими угрозами. В конечном счете протокол следствия был отправлен Марку Аврелию, и тот приказал казнить их в разных частях города – вероятно, для умиротворения разных богов.

Другим мучеником этих гонений стал Юстин, лучший, пожалуй, христианский богослов того времени, открывший в Риме школу, в которой преподавалось то, что он называл "истинной философией", то есть

христианское вероучение. В публичном диспуте он одержал верх над известным языческим философом, и, по некоторым сведениям, именно этот философ выдвинул против него обвинение. Как бы там ни было, Юстин умер мученической смертью в Риме, хотя одеяния" о его мученичестве появились гораздо позднее и содержащиеся в них детали нельзя считать вполне достоверными.

Еще кое-что об этих гонениях мы узнаем из письма, отправленного церквами Лиона и Вьенны в Галлии братьям-христианам во Фригии и Малой Азии. Похоже, что в этих городах христианам сначала всего лишь запрещалось посещать общественные места. Но затем толпы людей начали преследовать их на улицах, выкрикивая угрозы и забрасывая камнями. В конце концов нескольких христиан арестовали и привели к наместнику для суда. Там из толпы вышел некий Ветий Эпагат, заявивший, что он хочет защищать христиан. На вопрос, принадлежит ли он сам к их числу, он ответил утвердительно и был включен в группу обвиняемых.

В письме говорится, что гонения грянули неожиданно, "как гром среди ясного неба", поэтому многие не были к ним готовы. Некоторые христиане проявили слабость и "покинули лоно церкви, как выкидыши".

Остальные, однако, держались стойко, что вызывало еще больший гнев наместника и толпы. Их начали пытать. Некий Санкт под пытками отвечал лишь: "Я – христианин". Его продолжали пытать, но ничего кроме этих слов так и не услышали. Вдохновленные этим и другими свидетельствами мужества, некоторые из тех, кто отрекся, вернулись к вере и приняли мученическую смерть. В письме точно не сообщается, сколько христиан погибло, говорится лишь, что в месте их заточения была такая давка, что мученики умирали от удушья, прежде чем палачи успевали прийти за ними.

Это – только несколько примеров того, что происходило при царствовании просвещенного Марка Аврелия. Сохранились и другие рассказы о мученичестве. Мы вправе предположить, что в дошедших до нас документах описывается лишь малая доля того, что вершилось не только в Риме, но и во всей империи.

1.17 Конец II века

Марк Аврелий умер в 180 году по Р.Х., и сменил его Коммод, начавший совместное правление с ним за восемь лет до его смерти. Хотя Коммод и не издавал никаких эдиктов, отменявших гонения, во время его царствования буря стихла и число мучеников было относительно небольшим. После смерти Коммода наступил период гражданской войны, и на христиан не обращали внимания из-за более насущных вопросов. Наконец, в 193 году по Р.Х. властителем империи стал Септимий Север. Первое время жизнь христиан под его управлением была спокойной. Но в конечном счете и его имя пополнило растущий список гонителей церкви. Происходило это уже в начале III века, поэтому к Септимию Северу мы вернемся ниже.

Подведем итоги. На протяжении всего II века положение христиан оставалось шатким и опасным. Гонения свирепствовали не беспрерывно. Временами в одних частях империи христиан преследовали, но зато не трогали в других. Поскольку в соответствии с общей линией, обозначенной Траяном, христиан специально не искали, но принуждали отрекаться или наказывали, когда они представали перед властями, важную роль играла добрая воля окружавших их людей. Если они верили дурным слухам на их счет, выдвигались обвинения и начинались гонения. Поэтому очень важно было показать необоснованность этих слухов и дать язычникам правильное и благоприятное представление о христианстве. В этом и заключалась задача апологетов, к деятельности которых мы сейчас обратимся.

Защита веры

Мы не пытаемся к вам подольститься… мы только просим,
чтобы суд ваш не был неправым и скоропалительным.

Юстин мученик

Во II веке, как и в III, систематических гонений на христиан не было. Христианство считалось незаконной религией, но власти не занимались специальным розыском последователей новой веры. Размах гонений и число мучеников за веру зависели от местных условий, в частности, от доброй воли окружавших христиан людей. Если кто-то хотел причинить христианину вред, ему надо было всего лишь выдвинуть против него обвинение. Именно так произошло с Юстином, обвинение против которого представил, по всей видимости, его соперник Кресцентий. В других случаях, как, например, в Лионе и Вьенне, обвинителем выступала подстрекаемая всевозможными слухами толпа, требовавшая ареста и наказания христиан.

При таком положении дел христианам настоятельно требовалось опровергать распространявшиеся слухи и ложные представления об их верованиях и обычаях. И пусть их доводы полностью не убеждали людей в истинности христианства, все равно, развенчивая ложные слухи, они достигали определенного результата. Именно в этом заключалась задача наиболее талантливых христианских мыслителей и авторов – "апологетов", то есть защитников. Некоторые из их аргументов сохраняли силу и значение в течение многих веков.

1.18 Низменные слухи и высокая критика

Многие слухи, которые апологетам предстояло опровергнуть, основывались на неверном истолковании христианского учения и христианских обрядов. Например, раз в неделю христиане собирались на "вечерю любви". Допускались на нее только посвященные, то есть крещеные. Кроме того, христиане называли друг друга "братьями" и "сестрами", и так же зачастую обращались друг к другу супруги. На этом основании воспаленное воображение рисовало картину оргий, на которых столы ломились и вино лилось рекой, а затем тушили светильники и христиане предавались разврату и даже кровосмесительным связям.

Обряд причащения тоже давал пищу слухам. Христиане утверждали, что они едят тело и пьют кровь Христа, и вдобавок говорили о Нем как о Младенце, из чего делали вывод, что во время обряда посвящения христиане прячут в каравае новорожденного, а затем заставляют новообращенного резать этот хлеб. После этого все едят теплую плоть младенца. Тем самым новообращенный, сам того не ведая, становился главным участником преступления и поэтому был вынужден молчать.

Утверждали даже, что христиане поклоняются ослу. Раньше подобные вещи говорили об иудаизме, а теперь и применительно к христианству, сделав его объектом насмешек.

Опровергнуть все эти нелепые представления о христианстве не составляло большого труда – достаточно было показать, что христианские принципы несовместимы с подобными дикими фантазиями.

Гораздо труднее было противостоять критике ученых язычников, взявших на себя труд проштудировать христианское учение и признавших его интеллектуально несостоятельным. Их критика шла по многим направлениям, но главный ее пункт состоял в следующем: христиане – невежественные люди, а их учение, хотя оно и претендует на мудрость, по сути своей глупо и внутренне противоречиво. Такого мнения в основном придерживалась образованная аристократия, в глазах которой христиане были

презренной чернью.

Во время правления Марка Аврелия один из таких ученых мужей по имени Цельс написал антихристианский трактат под названием "Истинное слово". В нем он выразил не только собственные взгляды, но и мнение многих мудрых и образованных людей, мысливших так же.

Во многих домах мы видим людей, занимающихся вязанием, ткачеством или починкой обуви, то есть людей наименее культурных и наиболее невежественных. В присутствии хозяина они не смеют сказать ни слова. Но когда они остаются наедине с детьми или с такими же, как и они, невежественными женщинами, они начинают говорить удивительные вещи… Если вы действительно хотите познать истину, оставьте своих учителей и своего отца и идите с женщинами и детьми в женские кварталы, в сапожные мастерские, в сыромятни, и там вы узнаете, что такое совершенная жизнь. Именно там христиане находят тех, кто им верит{7}.

Примерно тогда же полемическое сочинение против христианства, которое, к сожалению, не сохранилось, написал Корнелий Фронтон. Но, возможно, христианский автор Минуций Феликс цитирует именно его труд, приводя следующие строки:

Если в вас сохранилась хоть чуточка мудрости или стыда, прекратите искать небесные сферы, цели и тайны мироздания. Достаточно посмотреть на то, где вы находитесь. Это особенно относится к таким людям, как вы, – необразованным, бескультурным, грубым и невежественным{8}.

Итак, враждебное отношение к христианству со стороны многих ученых язычников объяснялось не просто их интеллектуальной предубежденностью, но и глубоко укоренившимися социальными предрассудками. Культурные и образованные люди не могли представить себе, что христианская чернь может знать какую-то неизвестную им истину. Их главный довод заключался в том, что христианство – варварская религия, черпающая вдохновение не в мире греков или римлян, а у иудеев – примитивного народа, самые лучшие учителя которого никогда не поднимались до уровня греческих философов. Если в иудейском Писании и есть что-то полезное, говорили они, так только то, что заимствовано у греков.

Утверждали также, что Бог иудеев и христиан просто смешон. Они говорят, что Бог всемогущ, что Он выше всего на свете. Но, с другой стороны, Бога они изображают существом, вынужденным постоянно вмешиваться в людские дела, прислушиваться к тому, что говорится в семьях, и контролировать даже то, что готовят на кухне. Все это – совершенный абсурд и полно противоречий.

Во всяком случае, поклонение такому Богу разрушало структуру общества, поскольку приверженцы этой религии отказывались участвовать в большинстве общественных начинаний под предлогом того, что для них такого рода участие равнозначно поклонению лжебогам. Но если это действительно лжебоги, почему их надо бояться? Почему бы не поклоняться им вместе с другими здравомыслящими людьми, даже если ты в этих богов не веришь? Истина состоит в том, что христиане, хотя они и считали их лжебогами, по-прежнему их боялись.

Что касается Иисуса, достаточно вспомнить, что Он был преступником, приговоренным к смертной казни римскими властями. Цельс утверждал даже, что Иисус был незаконнорожденным сыном Марии от какого-то римского воина. Если Он действительно был Сыном Божьим, почему Он позволил Себя распять? Почему Он не уничтожил всех Своих врагов? А на случай, если бы христиане смогли ответить на эти вопросы, у Цельса были в запасе и другие:

С какой целью приходил Бог на землю? Для того ли, чтобы просто увидеть, что твориться среди людей? Разве Он и так не всеведущ? Или, может быть, Он все знает, но ничего не способен сделать со злом, покуда Сам не вмешается?{9}

Кроме того, христиане проповедуют и истинно верят, что они воскреснут после смерти. Именно эта

вера и дает им такое необычайное упрямство перед лицом смерти. Но какой смысл уходить из жизни, которая вполне реальна, ради кого-то, в чьем существовании никакой уверенности нет. А христианское учение о конечном воскресении и вовсе полный абсурд. Что произойдет с теми, чьи тела разрушены огнем, съедены хищниками или рыбами? Придется ли Богу отыскивать в мире то, что осталось от всех тел? Что Он будет делать с частицами материи, принадлежавшими разным телам? Возвращать их изначальному владельцу? Использовать в возрожденных телах владельцев последующих?

От подобной аргументации нельзя было просто отмахнуться. Она требовала четкого опровержения. В этом и заключалась задача апологетов.

1.19 Главные апологеты

Наиболее значительные труды апологетов II века и их преемников представляли собой попытку ответить на эти сложные вопросы – попытку, возобновлявшуюся и долгие годы спустя. Но на данном этапе нам достаточно рассмотреть деятельность апологетов II и начала III века.

Самое раннее из сохранившихся апологетических произведений адресовано "К Диогнету" и написано неизвестным автором, по-видимому неким Квадратом, о котором упоминают ранние историки и который жил в начале II века. Затем следует недавно найденная апология, написанная не позднее 138 года по Р.Х. Аристидом. Но самым известным из ранних апологетов был Юстин, о мученичестве которого шла речь в предыдущей главе. Свою жизнь Юстин провел в долгом духовном паломничестве, переходя от одной школы к другой, пока не нашел в христианстве то, что он назвал "истинной философией". Сохранились три его работы: две апологии, которые, по сути, являются частями одной книги, и "Разговор с Трифоном иудеем" – иудейским раввином. Ученик Юстина Татиан написал "Обращение к грекам", и примерно в то же время Афинагор составил "Прошение о христианах" и философское рассуждение "О воскресении из мертвых". Позднее в том же веке антиохийский епископ Феофил написал "Три книги к Автолику", где рассматривались вопросы учения о Боге, истолкования Писания и христианской жизни. Все эти апологии II века написаны на греческом языке, как и "Против Цельса" Оригена в III веке.

Самые ранние апологии на латинском языке – "Октавий" Минуция Феликса и "Апология" Тертуллиана. Ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению относительно того, какая из этих апологий написана первой, ясно только, что более поздняя содержит заимствования из более ранней.

Читая все эти апологии, историки могут составить представление об основных возражениях язычников против христианства и об ответе на них, полученном от образованных членов Церкви, а также об эволюции христианского богословия в полемике с языческими нападками.

1.20 Христианская вера и языческая культура

Обвинения в бескультурье и варварстве вынуждали христиан занять определенную позицию в вопросе о взаимосвязи их веры с языческой культурой. Все христиане были едины во мнении о недопустимости поклонения богам и всего, что с таким поклонением связано. Именно поэтому они не принимали участия во многих публичных акциях, в ходе которых богам делались жертвоприношения и давались клятвы. Все это, наряду с пацифистскими убеждениями, приводило многих христиан к выводу, что они не должны служить в армии, поскольку военные обязаны были поклоняться императору и богам. Равным образом, многие христиане выступали против изучения классической литературы, в которой боги играют важную роль и совершают разного рода аморальные деяния. Быть христианином значит преданно поклоняться единственному Богу и только Ему, и тот, кто как-либо уклонялся от этого, тем самым отвергал Иисуса Христа, Который в день Страшного суда, в свою очередь, должен был неминуемо отвергнуть

отступника.

Все единодушно отвергали идолопоклонство, но в вопросе о том, как христиане должны относиться к классической языческой культуре, единое мнение было не у всех. Сочинения и мысли таких философов, как Платон, Аристотель и стоики, мудростью которых многие восхищаются до сих пор, – часть языческой культуры. И отвергнуть все это для христиан означало бы перечеркнуть высочайшие достижения человеческого ума. С другой стороны, признать эти сочинения было бы уступкой язычеству и открывало бы путь для идолопоклонства в церкви.

Поэтому в христианстве в отношении к классической культуре возникло два направления. Для одних христианская вера и языческая культура были несовместимыми вещами. Типичный выразитель таких взглядов был Тертуллиан, сформировавший свою позицию в знаменитом высказывании: "Что общего между Афинами и Иерусалимом? Что общего у Академии и Церкви?"{10} Написать эти строки его побудила уверенность в том, что возникновение многих тогдашних ересей было связано с попытками согласовать языческую философию с христианским вероучением.

Но не говоря даже о возможных ересях, были люди, гордившиеся "варварскими" истоками христианства и противопоставлявшие их классической культуре и философии. Один из них – Татиан, известный ученик Юс-тина Мученика, который в своем "Обращении к грекам" подверг неумолимой критике все те ценности, которые греки считали незыблемыми, и выступил в защиту "варварского" христианства. "Варварами" греки называли всех, кто говорил на другом наречии, и в связи с этим Татиан указал, что у них самих нет согласия относительно правильного греческого языка, ибо в разных областях на нем говорят по-разному. Кроме того, утверждал Татиан, люди, заявляющие, что их язык представляет собой величайшее из человеческих творений, придумали также риторику, то есть искусство продавать слова тому, кто дает наивысшую цену, и таким образом отстаивать неправду и несправедливость.

По словам Татиана, все, что только есть у греков ценного, они заимствовали у варваров: астрономии они научились у вавилонян, геометрии – у египтян, письму – у финикийцев. То же относится к философии и религии, ибо писания Моисея относятся к более глубокой древности, чем сочинения Платона и даже Гомера. Следовательно, взаимосвязь культуры, называемой греческой, с "варварской" религией иудеев и христиан выражается в том, что греки научились мудрости у варваров. Что еще хуже, греки неправильно понимают мудрость "варваров" и искажают истину, известную иудеям. Таким образом, так называемая мудрость греков – просто-напросто бледное подобие или карикатурное отображение истины, которую знал Моисей и которую проповедуют христиане.

Если Татиан так отзывается о лучших образцах классической культуры, можно себе представить, что он говорит о языческих богах. Гомер и другие греческие поэты рассказывают об их позорных делах, таких как прелюбодеяние, кровосмесительные связи и детоубийство. Как можно поклоняться таким богам, которые ниже нас самих? Наконец, говорит Татиан, не надо забывать, что многие статуи, которым поклоняются язычники, по сути, изображают блудниц, послуживших скульпторам моделями. Таким образом, те самые язычники, которые утверждают, что христиане принадлежат к низшим социальным слоям, фактически поклоняются людям из низших классов.

Но так рассуждали далеко не все христиане. Юстин, став христианином, не перестал быть философом, а просто взял на себя задачу разработать "христианскую философию"; и прежде всего он намеревался показать и объяснить связь между христианством и классической мудростью. Поэтому он не разделял неприязни Татиана к философии. Но это не означает, что он шел на компромиссы в вопросах веры или что у него не было твердых убеждений, ибо когда пришло его время выступить за веру, он дрогнул и стал известен как Юстин Мученик.

Юстин утверждал, что между христианством и языческой философией много точек соприкосновения.

Лучшие среди философов, например, говорят о высшем существе, которому обязано своим существованием все остальное. Сократ и Платон допускали жизнь после физической смерти, а Сократ доказал силу этого заявления тем, как он умер. Платон знал, что за пределами видимого мира существует иная реальность, и рассуждал о другом, вечно реальном мире. По мнению Юстина, во всех этих вопросах философы по существу правы, хотя он и не всегда соглашался с конкретными положениями их учений – так, христианская надежда основывается не на бессмертии души, а скорее на воскресении тела. Но несмотря на эти различия, Юстин полагал, что в работах философов есть проблески истины, которые невозможно объяснить просто случайным совпадением.

Чем же тогда объясняются эти отдельные согласия между философами и христианством? Ответ, полагал Юстин, надо искать в учении о Логосе. Это греческое слово означает одновременно "слово" и "разум". Согласно традиционным представлениям греческой философии, человеческий ум способен понимать реальность благодаря Логосу или всеохватывающему разуму, пронизывающему всю реальность. Например, усвоить, что два плюс два равно четырем, мы можем благодаря тому, что как в нашем сознании, так и во всем мире есть Логос, разум или порядок, согласно которому два плюс два всегда равняется четырем. И, как сказано в четвертом евангелии, в Иисусе Логос, или Слово, стал плотью. Таким образом, по мысли Юстина, воплощение означает пришествие во плоти Логоса, или Божьего Слова.

Согласно четвертому евангелию, Логос – это "Свет истинный, просвещающий всякого человека". Это означает, что Он был источником всякого истинного знания еще до воплощения. Павел сказал (1 Кор. 10:1-4), что древняя иудейская вера основывалась именно на Христе, раскрывшем Себя еще до воплощения. К этому Юстин добавляет, что тот же Логос был известен и язычникам, хотя они смутно представляли, что это такое. Все истинное в сочинениях Платона получено им от Божьего Логоса, того Логоса, Который воплотился в Иисусе. Следовательно, в определенном смысле Сократ, Платон и другие мудрецы древности "были христианами", поскольку их мудрость исходила от Христа. Но это не означает, что воплощения и не требовалось, – ведь эти философы знали Логоса "частично", а увидевшие Его в воплощенном Христе познали Его "полностью".

Таким образом, Юстин подготовил почву для того, чтобы христианство восприняло все ценное, что можно найти в классической культуре, несмотря на ее языческий характер. Следуя его примеру, вскоре и другие христиане начали пытаться "наводить мосты" между своей верой и античной культурой. Их деятельность и сопряженные с нею опасности мы рассмотрим в других главах нашего повествования.

1.21 Аргументы апологетов

Учение о Логосе в трактовке Юстина создало своего рода исходную канву, в рамках которой христиане могли черпать все, что хотели, из богатых залежей классической культуры. По-прежнему, однако, сохранялась необходимость опровергать разного рода обвинения, выдвигавшиеся против христианства. Перечислить все приводившиеся доказательства мы, конечно, не сможем, но некоторые примеры могут дать общее представление о характере использовавшейся апологетами аргументации.

Когда христиан обвиняли в атеизме на основании того, что у них нет видимых богов, они отвечали, что величайшие философы и поэты, в таком случае, тоже были безбожниками. В подкрепление достаточно процитировать авторов древности, утверждавших, что богов придумали люди и что у богов гораздо больше пороков, чем у тех, кто им поклоняется. По словам Аристида, богов как раз и придумали для оправдания человеческих пороков. Распространенным доводом было также утверждение, что идолов, часто сделанных из золота и украшенных драгоценными камнями, необходимо охранять от воров. Как может защитить бог, который сам нуждается в защите? Как может быть выше людей бог, сделанный человеческими руками?

В ответ на возражения, выдвигавшиеся против учения о конечном воскресении, апологеты ссылались на Божье всемогущество. Коль скоро Бог создал все тела из ничего, почему Он не может сотворить их заново после их смерти и рассеяния?

На обвинения христиан в аморальности апологеты отвечали, что это неправда и что аморальным поведением отличаются как раз язычники. Как можно верить, что наше богослужение сопровождается оргиями и кровосмесительными связями, если правила нашего поведения таковы, что не допускают даже порочных мыслей? Такие вещи о своих богах рассказывают как раз язычники и сами занимаются ими под видом богослужения. Как можно верить, что мы едим младенцев, если мы отвергаем кровопролитие в любой форме? Это язычники оставляют нежеланных детей на произвол судьбы, позволяя им умирать от холода и голода.

Наконец, христиан обвиняли в подрывной деятельности, поскольку они отказывались поклоняться императору и тем самым разрушали единство общества. Апологеты отвечали, что они действительно отказываются поклоняться императору или любому другому человеку, но, несмотря на это, остаются лояльными подданными империи. Императору надо не поклоняться, а служить, говорили они; и лучше всего ему служат те, кто молится за него и за империю единственному истинному Богу.

В заключение отметим, что сочинения апологетов свидетельствуют о сложности условий, в которых жили ранние христиане. Отвергая язычество, они вместе схем вынуждены были считаться с тем, что именно язычество создало высокую культуру. Не отрицая, что в трудах философов заключена доля истины, они в то же время настаивали на превосходстве христианского откровения. Отказываясь поклоняться императору и даже подвергаясь гонениям со стороны властей, они продолжали молиться за императора и восхищались величием Римской империи. Эти противоречия прекрасно выражены в обращении "К Диогнету":

По национальности, языку и обычаям христиане не отличаются от других людей… Они живут в своих странах, но как пришельцы. Они исполняют все гражданские обязанности, но страдают как иноземцы. Они находят родину там, где живут, но их родина не относится к какому-то одному определенному месту… Они живут во плоти, но не по плоти. Они живут на земле, но как граждане неба. Они подчиняются всем законам, но живут на более высоком уровне по сравнению с требованиями закона. Они любят всех, но их все преследуют{11}.

2 Основание веры

Ошибка никогда не предстает в обнаженном виде, дабы не быть раскрытой. Наоборот, она облачается в элегантные одежды, чтобы опрометчивый человек верил, что она заслуживает большего доверия, чем сама истина.

Ириней Лионский

Обращенные приходили в раннюю церковь из самых разных слоев общества. Такое социальное разнообразие обогащало церковь и свидетельствовало о всеобъемлющем характере ее послания. Нов результате члены церкви неодинаково понимали послание, а иногда истолковывали его так, что это угрожало единству церкви. Еще больше усиливал обозначенную опасность тогдашний синкретизм мышления, согласно которому истину надо искать не в какой-то одной системе верований, а в соединении или синтезе частей и элементов различных религий. В итоге, хотя многие заявляли о верности имени Христа, это имя нередко истолковывалось так, что суть послания казалась неясной или даже ускользала.

2.1 Гностицизм

Ни одно из этих разнообразных истолкований христианства не было столь опасным и столь близким к успеху, как гностицизм. Он являл собой не четко организованное движение, противостоящее церкви, а скорее обширное аморфное течение, имевшее приверженцев как внутри церкви, так и за ее пределами. Имя Христа и остальные понятия иудейско-христианского предания гностиками истолковывались таким образом, что иудеями и христианами это воспринималось как отрицание основополагающих принципов их веры.

Название "гностицизм" происходит от греческого слова *gnosis,* означающее "знание". Гностики полагали, что они обладают особым мистическим знанием, которое дается только посвященным. Именно это знание представляет собой тайный ключ к спасению.

Основным объектом внимания гностиков был вопрос о спасении. Сведения, почерпнутые из разных источников, привели их к выводу, что материя есть зло или, в лучшем случае, лишена реальности. Человеческое существо, по сути, представляет собой вечный дух (или часть вечного духа), заключенный в тело. Коль скоро тело есть место заключения духа и коль скоро оно уводит нас от нашей подлинной природы, оно порочно. Поэтому конечную цель гностики видели в освобождении от тела и от материального мира, в плену которого мы находимся. Понятие плена играет в гностицизме важнейшую роль. Существующий мир – не подлинный наш дом, он, по сути, препятствует спасению духа.

Как же объясняется происхождение мира и тела? Гностики утверждали, что изначально вся реальность была духовной. Высшее существо намеревалось создать только духовный мир, но не материальный. Для этого были сотворены духовные существа. У гностиков не было согласия относительно их точного числа, по мнению некоторых из них, появилось 365 таких духовных существ, или "эонов". Как бы там ни было, один из этих эонов, отдалившийся от высшего существа, совершил прегрешение и сотворил материальный Мир. Согласно одной из гностических систем, зон по имени Мудрость пожелал создать что-нибудь собственное, и в результате появился уродец под названием мир. Таким образом, мир для гностиков – уродливая эманация духа, а не божественное творение.

Но коль скоро мир создан духовным существом, в нем сохраняются "проблески" или "частицы" духа. Они заточены в человеческих телах и нуждаются в освобождении через gnosis.

Для их освобождения и для пробуждения нас от "сна" в мир должен прийти духовный посланец. Дух "дремлет" в наших телах, будучи подчиненным порывам и страстям тела, и должен прийти кто-то из потустороннего мира, чтобы напомнить нам, кто мы есть на самом деле, и призвать нас к борьбе за выход из заточения. Этот посланец несет gnosis, тайное знание и вдохновение, необходимые для спасения. Над нами располагаются небесные сферы, управляемые злыми силами, стремящимися воспрепятствовать нашему развитию в духовной области. Для достижения духовной "полноты" нам надо прорваться через все эти сферы. Добиться этого можно только благодаря тайному знанию, открывающему путь подобно духовному пропуску. Небесный посланец несет именно это знание, без которого спасение невозможно.

В христианском гностицизме – не следует забывать, что был еще нехристианский гностицизм, – роль этого посланника выполняет Христос. Христос пришел на землю, чтобы напомнить нам о нашем небесном происхождении и дать нам тайное знание, без которого мы не можем вернуться в небесную обитель.

Поскольку Христос – небесный посланник и поскольку тело и материя – зло, большинство христианских гностиков отрицало, что у Христа было тело, подобное нашему. Некоторые из них утверждали, что Его тело было лишь видимостью, как бы тенью, чудесным образом казавшейся реальным телом. Многие проводили различие между небесным Христом и земным Иисусом. Иногда высказывалась мысль, что у Иисуса все-таки было тело, но состоявшее из "духовной материи", отличной от нашей. Многие отрицали факт рождения Иисуса, поскольку это поставило бы Его под власть материального мира. Все эти теории представляли собой различные проявления того, что церковь называла "докетизмом" (от греческого слова, означающего "казаться"), ибо во всех них так или иначе подразумевалось, что тело Иисуса казалось вполне человеческим, но на самом деле таковым не было.

Некоторые гностики учили, что не все человеческие существа обладают духом. Есть чисто плотские создания, неизбежно обреченные на погибель, когда физический мир прекратит существование. С другой стороны, частицы духа, заключенные в тех, кого гностики называли "верующими", будут обязательно спасены и вернутся в духовное царство.

Но как же надо жить в этой жизни?На этот вопрос гностики давали два разных ответа. Большинство считало, что коль скоро тело представляет собой место заточения духа, необходимо управлять телом и его страстями, ослабляя тем самым его власть над духом. Но были и такие, кто утверждал, что коль скоро дух по своей природе благ и не может погибнуть, нам надо предоставить тело себе самому и следовать водительству его страстей. Таким образом, одни гностики были крайними аскетами, а другие вели распутный образ жизни.

Гностицизм был серьезной угрозой для христианства в течение всего II века. Ведущие деятели церкви твердо противостояли ему, ибо видели, что он несет в себе отрицание таких ключевых христианских учений, как творение, воплощение и воскресение. Поэтому церковь разрабатывала методы борьбы с ним. Но прежде чем заняться рассмотрением этих методов, нам надо сделать паузу и обратиться к взглядам другого учителя, чьи теории, сходные с гностическими, но в то же время отличавшиеся от них, считались особенно опасными.

2.2 Маркион

Маркион, сын епископа Синопского в Понте, был знаком с христианством с раннего возраста. Но он очень не любил иудаизм и материальный мир. Поэтому его понимание христианства было одновременно антииудаистским и антиматериальным. Примерно в 144 году по Р.Х. он пришел в Рим, где приобрел последователей. Но в конце концов церковь в целом привела к выводу, что его теории противоречат нескольким основополагающим пунктам христианского учения. Тогда он основал собственную церковь, на

протяжении ряда веков соперничавшую с ортодоксальной церковью.

Будучи убежденным в порочности мира, Маркион пришел к заключению, что его творец должен быть либо злым, либо невежественным. Но вместо того чтобы выстраивать целый ряд духовных существ, как это делали гностики, Маркион предложил гораздо более простое решение. По его теории, Бог и Отец Иисуса – не Иегова, то есть не Бог Ветхого Завета. Этот мир создал Иегова. Целью же Отца был только духовный мир. Но Иегова, то ли по невежеству, то ли из злых помыслов, создал этот мир и поместил в него человечество – такую мысль можно увидеть и в сочинениях многих гностиков.

Это означает, что иудейское Писание действительно вдохновлено богом, но Иеговой, а не Всевышним Отцом. Иегова – капризный бог, избравший один народ среди всех остальных. Он также отличается мстительностью, постоянно следит за теми, кто проявляет неповиновение, и наказывает их. Короче говоря, Иегова – это бог-судья, причем пристрастный судья.

Кроме Иеговы и намного выше его есть еще Отец христиан. Это не мстительный, а любящий Бог. Этот Бог ничего не требует от нас, более того, Он все дает даром, в том числе и спасение. Этот Бог хочет не повиновения, а любви. Из сострадания к нам, творениям Иеговы, Всевышний Бог послал Своего Сына ради нашего спасения. Но Иисус не был рожден Марией, ибо в таком случае Он стал бы подвластным Иегове. Он просто появился уже взрослым человеком во время правления Тиберия. В конце, естественно, не будет никакого суда, поскольку Всевышний Бог есть Бог абсолютной любви и просто простит нас.

Все это побудило Маркиона отвергнуть иудейское Писание. Ветхий Завет – слово низшего бога, поэтому его не следует читать в церквах или использовать в ходе христианского обучения. Для заполнения этого пробела Маркион составил список книг, которые он считал подлинным христианским Писанием. В него вошли послания Павла, который, по мнению Маркиона, был одним из немногих, кто действительно понял послание Иисуса и Евангелие от Луки. Все остальные древние христианские книги засорены иудейскими взглядами. Что касается многочисленных цитат из Ветхого Завета в книгах Луки и Павла, Маркион объяснял их интерполяциями – делом рук иудействующих, стремившихся исказить послание оригинала.

Маркион представлял собой еще большую угрозу для церкви, чем даже гностики. Как и они, он отвергал или коренным образом пересматривал учения о творении, воплощении и воскресении. Но он пошел дальше, создав церковь со своими епископами и собственным писанием. На какое-то время эта конкурирующая церковь добилась определенных успехов и даже после явного поражения продолжала существовать в течение нескольких веков.

2.3 Ответ: канон, символ веры и апостольская преемственность

Список Маркиона стал первой попыткой составить "Новый Завет". Говоря о "Писании", ранние христиане имели в виду иудейское Писание, обычно в переводе на греческий язык и известное под названием Септуагинта. В церкви часто читались также отрывки из одного или нескольких евангелий и из посланий, в частности Павла. Установленного списка не было, поэтому в разных церквах читали разные евангелия. То же самое относилось и к другим книгам. Но брошенный Маркионом вызов требовал ответа, и церковь начала составлять список священных христианских писаний. Это было сделано не на какой-то официальной встрече или специально созванном соборе: к согласию подходили постепенно. К единому мнению относительно основных книг канона Нового Завета пришли очень быстро, но для достижения абсолютного согласия по мелким деталям потребовалось много времени.

Если не считать гностиков и сторонников Маркиона, сомнений о включении иудейского Писания в христианский канон не возникало ни у кого. Оно имело важное значение как доказательство, что Бог готовил путь для наступления христианства, и как способ донесения знания о природе Бога, раскрывшегося в Иисусе Христе. Христианская вера не внезапно снизошла с неба, а стала исполнением надежды Израиля.

В том, что сейчас называют Новым Заветом, общее признание первыми получили евангелия. Важно отметить, что в свой канон ранние христиане решили включить несколько евангелий. Позднее многие начали указывать на расхождения в деталях между четырьмя евангелиями. Ранним христианам эти различия были хорошо известны, и именно поэтому они пользовались не какой-то одной книгой. Они делали это в ответ на вызов Маркиона и гностиков. Многие гностики учили, что небесный посланник доверил тайное знание только одному ученику, и он – единственный, кто может правильно истолковать послание. Поэтому у разных групп гностиков была своя книга, в которой, как утверждалось, излагается истинное учение Иисуса, например, Евангелие святого Фомы. Маркион пользовался Евангелием от Луки, из которого он удалил все ссылки на иудаизм и на иудейское Писание. В ответ на это церковь стремилась показать, что ее учения основываются не на свидетельстве какого-то одного апостола или Евангелия, а на апостольском предании в целом. И то, что евангелия расходятся в деталях, но едины в основных принципиальных вопросах, делает эту согласованность еще более убедительным аргументом. В противовес усеченному Маркионом варианту Евангелия от Луки церковь продемонстрировала согласие в выборе нескольких евангелий – трех, а затем и четырех, поскольку четвертое евангелие получило всеобщее признание позднее других. В противовес тайным преданиям и личностным истолкованиям гностиков церковь пользовалась открытым преданием, известным всем, в том числе – многочисленным свидетелям о Христе.

Вслед за евангелиями признание получили Деяния и послания Павла. Таким образом, к концу II века образовалась основная часть канона: четыре евангелия, Деяния и послания Павла. Что касается более коротких книг, которые в западной традиции помещены ближе к концу Нового Завета, согласие на их счет было достигнуто гораздо позднее, хотя особых споров они не вызывали. Книга Откровение, пользовавшаяся широким признанием уже к III веку, была поставлена под сомнение после обращения Константина – ее выпады в адрес господствующей культуры и империи начали казаться слишком резкими. Только во второй половине IV века было достигнуто полное согласие о том, какие книги следует включить в Новый Завет, а какие – нет.

Другим ответом церкви на ереси стало то, что мы сейчас называем "Апостольским символом веры". Легенда, что апостолы перед началом своей миссии собрались вместе и составили этот символ веры, в который каждый из них внес свой пункт, представляет собой чистой воды выдумку. Истина заключается в том, что изначальный его текст был составлен в Риме примерно в 150 году. Его назвали "символом веры". Слово "символ" в данном контексте не имело того смысла, в каком мы понимаем его сейчас; оно означало скорее отличительный знак, подобный тому, которым командующий снабжает посыльного, чтобы его приняли как подлинного посыльного. Точно так же "символ", составленный в Риме, служил знаком, по которому христиане могли отличать истинных верующих от тех, кто следовал распространенным в то время ересям, в частности гностицизму и маркионизму. Если человек подтверждал свое принятие этого символа, он не был ни гностиком, ни маркионистом.

Этот "символ" использовался при крещении в форме трех вопросов, которые задавали кандидату:

Веришь ли ты в Бога, Всемогущего Отца?

Веришь ли ты во Христа Иисуса, Сына Божьего, Который родился от Святого Духа и Девы Марии, Который был распят при Понтии Пилате, умер и восстал из мертвых на третий день, вознесся на небо, сидит одесную Отца и придет судить живых и мертвых?

Веришь ли ты в Святого Духа, в святую церковь и в воскресение плоти?

Из этих вопросов явствуют две вещи. Во-первых, мы видим в них основу того, что впоследствии будет названо Апостольским символом веры. Во-вторых, этот символ выстраивался вокруг формулы триединства, использовавшейся при крещении. Крещение "во имя Отца, Сына и Святого Духа" было проверкой подлинной веры в Отца, Сына и Святого Духа.

При ближайшем рассмотрении раннего символа веры становится ясно, что он был направлен против Маркиона и гностиков. Прежде всего греческое слово *pantokrator,* обычно переводимое как "всемогущий", буквально означает "вседержитель". Здесь имеется в виду, что Божьему правлению подчиняется все, и уж во всяком случае – материальный мир. Различие меЖДУ духовной реальностью, которая служит Богу, и материальной реальностью, которая Ему не служит, отвергается. Бог владычествует над "всем", в том числе над этим миром, его материей и живущими в нем материальными телами.

Самый большой раздел символа веры посвящен Сыну. Это объясняется тем, что именно в христологическом вопросе Маркион и гностики больше всего расходились с церковью. Иисус Христос назван в нем "Сыном Божьим". В других ранних вариантах о Нем говорится как о "Сыне Того же" или "Его Сыне", как в современном символе веры. Важное значение имеет здесь утверждение, что Иисус есть Сын Божий, Который управляет этим миром и всей реальностью. Упоминание о рождении "Девой Марией" подчеркивает факт не столько непорочного зачатия, хотя это со всей очевидностью подразумевается, сколько самого рождения Иисуса, а не просто Его появления на земле, как утверждали Маркион и другие. Ссылка на Понтия Пилата сделана не для осуждения римского прокуратора, а для датировки события, произошедшего в конкретный исторический период. Докетизм отвергается и заявлением, что Иисус "был распят… умер и восстал из мертвых". Наконец, утверждается, что Иисус вернется, чтобы "судить", то есть высказывается тезис, который Маркион ни в коем случае не мог принять.

Третья часть символа веры, хотя и не столь определенная, как другие, ввиду того что условия того времени не требовали в этом вопросе особой конкретности, преследует ту же цель. Словами "святая церковь" христиане утверждали авторитет церкви в противовес многочисленным школам гностиков и собственной церкви Маркиона. А заявление о "воскресении плоти" означает отвержение любых представлений о том, что плоть есть зло или что она не имеет никакого значения.

Канон Нового Завета и первый символ веры стали действенными орудиями борьбы против ереси, но в конечном счете вопрос сводился к установлению авторитета церкви. Это было крайне важным не только в силу необходимости для людей делать выбор, кто прав, а кто нет, но и учитывая саму природу поставленных вопросов. Все признавали, что истинное послание исходит от Иисуса. Гностики утверждали, что у них есть тайное знание изначального послания, передававшееся их тайными учителями. Маркион утверждал, что получил доступ к этому знанию через книги Павла и Луки, которые он, правда, очистил от всего, что не согласуется с его взглядами на Ветхий Завет. Отвечая на эти притязания Маркиона и гностиков, церковь заявляла, что именно она является носителем истинного знания о Благой Вести и учения Иисуса. То есть суть спора в определенной мере сводилась к вопросу об авторитете церкви перед лицом домогательств еретиков.

В этом плане чрезвычайно важное значение приобрел вопрос об апостольской преемственности. Суть его просто-напросто заключалась в том, что если бы Иисус обладал каким-то тайным знанием, переданным ученикам, – чего фактически не было, – Он должен был возложить задачу распространения учения на тех же апостолов, которым Он доверил церковь. Если апостолы приняли это учение, они, в свою очередь, должны были передавать его тем, кто сменит их в руководстве церковью. Следовательно, если такое тайное знание существует, им обладают те, кто учился непосредственно у апостолов, затем – преемники этих учеников, то есть епископы. Но истина заключается в том, что сейчас – то есть во II веке – те, кто могут

претендовать на прямую апостольскую преемственность, единодушно отрицают существование какого-то тайного учения. Из этого следует вывод, что утверждения гностиков о доверенном им тайном предании абсолютно безосновательны.

Чтобы этот аргумент выглядел весомее, следовало доказать, что епископы того времени действительно были преемниками апостолов. Это не представляло особого труда, поскольку в наиболее древних церквах были списки, свидетельствовавшие об апостольской преемственности их епископов. Такие списки имелись в Риме, Антиохии, Ефесе и в других городах. Современные историки не считают эти списки абсолютно достоверными, поскольку, согласно имеющимся сведениям, некоторые церкви, в том числе и римская, на начальном этапе возглавлялись не "епископами" в смысле единоличных лидеров местной церкви, а коллегиальными группами служителей, которых называли "епископами" или "пресвитерами". Но будь то благодаря епископам или другим иерархам, факт остается фактом: ортодоксальная церковь II века, в отличие от Маркиона и гностиков, могла засвидетельствовать свою связь с апостолами.

Значит ли это, что истинно апостольскими были только те церкви, которые могли засвидетельствовать свою связь с апостолами? Разумеется, нет, поскольку речь шла не столько о доказательстве апостольского происхождения отдельных церквей, сколько об их единстве в одной вере и о том, чтобы совместными усилиями доказать, что эта вера была действительно апостольской. Позднее вопрос об апостольской преемственности приобрел большую значимость, и рукоположение стало считаться имеющим силу только в том случае, если оно произведено епископом, заявляющим о прямой апостольской преемственности. Но на начальном этапе, в конце II века, принцип апостольской преемственности играл объединяющую, а не разъединяющую роль: в противовес закрытому и тайному преданию учителей-гностиков он предлагал открытое и общее предание, основывающееся не на наследии какого-то одного избранного ученика Иисуса, а на свидетельстве всех апостолов.

2.4 Раннекафолическая церковь

Слово "кафолический" означает "всеобщий", а также "основывающийся на целом". Дабы отмежеваться от разного рода еретических групп и сект, ранняя церковь начала называть себя "кафолической", подчеркивая тем самым одновременно всеобщность и полноту принятого ею свидетельства. Это церковь, "основывающаяся на целом", то есть на свидетельстве всех апостолов во всей его полноте. Различные гностические группы не могли называться "кафолическими", поскольку у них не было такого широкого основания. Свое апостольское происхождение они выводили из гипотетического тайного предания, якобы переданного одним из апостолов. Но заявлять о правах на все апостольское наследие может только "кафолическая церковь", церковь, "основывающаяся на целом". По иронии судьбы, в результате продолжавшейся веками полемики относительно истинного значения слова "кафолический" в центре внимания оказались личность и авторитет всего одного апостола – Петра.

3 Учители церкви

Наш учитель есть великий Учитель всякой мудрости, и весь мир, включая Афины и Грецию, принадлежит Ему.

Климент Александрийский

Впервые десятилетия существования церкви христиане в большинстве своих писаний обращались к какой-либо определенной проблематике или конкретному вопросу. Это относится, в частности, к посланиям Павла, каждое из которых написано в силу особых обстоятельств и ни в одном из которых Павел не делал попыток рассмотреть христианское учение в целом. Какое-то время такой подход сохранялся и после апостольской эпохи. Каждое из сохранившихся сочинений различных авторов, известных как "апостольские мужи" или "отцы церкви", посвящено вполне конкретным вопросам. Это относится, например, к посланиям Игнатия Антиохийского, о котором мы уже упоминали. Равным образом, написать Послание к коринфянам в конце I века Климента Римского побудили проблемы, сходные с теми, которых Павел уже касался в своих письмах к той же церкви. "Дидахе", или "Учение двенадцати апостолов" – на самом деле написанное не апостолами, а неизвестным христианином, причем время и место написания точно не установлены – представляет собой наставление в христианской жизни и в служении. В "Пастыре" Гермы, написанном братом римского епископа в середине II века, затрагиваются в основном вопросы, связанные с прощением грехов после крещения. Короче говоря, все сочинения так называемых отцов церкви посвящены какому-то одному вопросу, и ни в одном из них не делается попыток изложить христианское учение во всей его полноте. То же самое можно сказать об апологетах, писавших во второй половине II века. Большинство их сочинений связаны с вопросом о гонениях. Никто из них не пытался представить христианское учение в целом.

Однако к концу II века вызов, брошенный Маркионом и гностиками, потребовал иного подхода. Еретики создали собственные вероучительные системы, и церкви в лице ее учителей надо было дать ответ, предложив убедительное и развернутое изложение ортодоксальных верований. Именно в силу широкомасштабности теоретических спекуляций еретиков ответ христианских учителей должен был быть столь же всеобъемлющим. В результате появились первые сочинения, в которых можно найти достаточно полное изложение христианской истины. Такими сочинениями стали труды Иринея, Климента Александрийского, Тертуллиана и Оригена.

3.1 Ириней Лионский

Ириней был выходцем из Малой Азии – по-видимому, из Смирны, – где он родился примерно в 130 году по Р.Х. Там он учился у Поликарпа, о мученичестве которого мы рассказывали. Всю свою жизнь Ириней оставался страстным почитателем Поликарпа, и в его сочинениях часто фигурирует "старейшина" – или пресвитер, – имя которого не называется, но которым, по всей видимости, был Поликарп. Затем по неизвестным причинам Ириней перебрался в Лион на юг современной Франции. Там он стал пресвитером и в качестве такового был отправлен в Рим с посланием к епископу этого города. Во время его пребывания в Риме начались гонения в Л ионе и в расположенной неподалеку Вьенне – об этих событиях речь шла в главе 5, – и епископ Фотин погиб. По возвращении в Лион Ириней был избран епископом церкви этого города.

Ириней был прежде всего пастырем. Его не особенно интересовали философские изыскания или попытки решения доселе не разгаданных тайн, а больше привлекало водительство паствы в христианской жизни и вере. Поэтому в своих сочинениях он стремился не достигнуть каких-то теоретических высот, а

просто опровергать ересь и наставлять верующих. Сохранились только две его работы: "Доказательство апостольской проповеди " и "Опровержение лжеименного знания", известное также под названием "Против ересей". В первой работе он дает наставления пастве по некоторым вопросам христианского учения. Во второй опровергает учение гностиков. В обеих из них он стремится изложить веру, полученную им от его учителей, не приукрашивая это истолкование собственными рассуждениями. Таким образом, сочинения Иринея представляют собой прекрасное свидетельство о вере церкви в конце II века.

Ириней, относившийся к себе как к пастырю, Бога тоже видел прежде всего Пастырем. Бог – любящее существо, сотворившее мир и человека не по необходимости и не по ошибке, как утверждали гностики, а из желания иметь творение, чтобы любить и вести его, как пастырь любит и ведет свое стадо. С такой точки зрения вся история предстает как процесс, в ходе которого божественный Пастырь ведет творение к конечной цели.

Венец творения – человек, с самого начала созданный как свободное и, следовательно, ответственное существо. Характер этой свободы таков, что позволяет нам все больше соответствовать Божьей воле и природе и тем самым входить во все более тесное общение с Творцом. Но, с другой стороны, изначально человек не был создан полностью совершенным. Бог, как истинный Пастырь, поместил первую человеческую чету в Едемский сад. Они еще не были зрелыми существами и вели себя скорее "как дети". Это означает, что Божья цель заключалась в том, чтобы люди возрастали в общении со Всевышним и в конечном счете превзошли даже ангелов.

Ангелы выше нас лишь временно. Когда Божья цель в отношении человека исполнится, мы станем выше ангелов, ибо наше общение с Богом будет более тесным, чем у них. Роль ангелов сходна с задачей наставника, направляющего первые шаги молодого князя. Наставник временно опекает князя, но в конце концов князь будет властвовать и над наставником.

Человека учат не только ангелы, но и "две руки" Бога: Слово и Святой Дух. Ведомые этими двумя руками, люди должны учиться и возрастать, никогда не теряя из вида необходимость все более тесного общения с Богом. Цель этого процесса заключается в том, что Ириней называет "обожением", – Бог хочет, чтобы в нас постоянно возрастало божественное начало. Но это не значит, что мы должны словно бы раствориться в божественной природе или стать равными Богу. Бог настолько выше нас, что как бы мы ни возрастали в богоподобии, нам все равно надо будет продолжать движение вперед.

Но один из ангелов, сатана, завидовал судьбе, уготованной человеку, и ввел Адама и Еву в грех. В результате грехопадения человек был изгнан из рая и ход его развития нарушился. С этого момента история начала разворачиваться под знаком греха.

Хотя фактический ход истории – результат греха, этого нельзя сказать об истории как таковой. Историческое развитие всегда было частью Божьего замысла. Райская жизнь, описанная в Книге Бытие, была не целью творения, а его началом.

С этой точки зрения воплощение Бога в Иисусе Христе – отнюдь не результат греха. Бог с самого начала хотел быть вместе с человеком. Фактически будущее воплощение Слова следовало модели, установленной Богом, сотворившим человека по Своему образу. Адам и Ева были сотворены такими, чтобы после роста и обучения они могли быть подобными воплощенному Слову. Результатом же греха стало то, что воплощение преследовало еще и дополнительную цель – показать средства исцеления от греха и повержения сатаны.

С момента совершения первого греха Бог вел человечество к более близкой связи с божественным началом. Вот почему Он *проклял* змея и землю и лишь *наказал* мужчину и женщину. При совершении грехопадения Бог уже начал работу по искуплению человека.

Важную роль в истории искупления играет Израиль, ибо две "руки Божьи" продолжали работу именно в избранном народе, готовя все человечество к общению с Богом. Поэтому Ветхий Завет представляет собой не откровение чуждого христианской вере Бога, а скорее историю процесса искупления, под водительством того же самого Бога, Которого христиане познали в Иисусе Христе.

В нужное время, когда человечество прошло необходимую подготовку, Слово воплотилось в Иисусе Христе. Иисус – "второй Адам", поскольку Его жизнью, смертью и воскресением создано новое человечество и поскольку всеми Своими делами Иисус исправил то, что было искажено грехом. Более того, Иисус нанес поражение сатане, что дало нам возможность жить во вновь обретенной свободе. Те, кто соединяется с Ним в обряде крещения и черпают силы в Его Теле через причащение, становятся соучастниками Его победы. Иисус Христос – Глава церкви в буквальном смысле, а церковь есть Его Тело. Это Тело получает силы через обряды поклонения – в частности, причащение – и тем самым поддерживает связь со своим Главой, пользуясь первыми результатами победы Христа. Его воскресение предвосхищает конечное воскресение, и все члены Его Тела станут его участниками.

Но даже в конце, после установления Царства Божьего, Божьи пастырские дела не прекратятся. Наоборот, искупленное человечество будет возрастать в общении с Богом, и процесс обожествления будет продолжаться вечно, все больше приближая нас к Богу.

В заключение следует сказать, что в сочинениях Иринея показана историческая перспектива – осуществление в истории Божьих целей. Для него кульминационный момент истории – воплощение, причем не только потому, что посредством воплощения Божье слово выправило искаженный ход истории человечества, но и потому, что единство человека с Богом с самого начала было целью исторического процесса. Бог хочет быть вместе с человеком, и это желание уникальным образом проявилось в Иисусе Христе.

3.2 Климент Александрийский

Биография и круг интересов Климента Александрийского были совершенно иными, нежели у Иринея. По всей видимости, Климент родился в Афинах, то есть в городе, издавна славившемся своими философами. Его родители были язычниками, но Климент при неизвестных обстоятельствах уже в юности обратился в христианство и начал искать учителя, который Дал бы ему более глубокие знания в вопросах христианской веры. После долгих странствий он нашел в Александрии учителя, удовлетворившего его жажду знаний. Это был Пантен, о котором известно очень мало. Климент остался в Александрии и после смерти учителя занял его место основного христианского наставника в Александрии. В 202 году, когда императором был Септимий Север, начались гонения, и Клименту пришлось покинуть город. До самой своей смерти в 215 году он путешествовал по Восточному Средиземноморью, в частности, по Сирии и Малой Азии.

Александрия, где Климент провел большую часть жизни, была выдающимся центром интеллектуальной жизни того времени. Ее Музей, или храм муз, с располагавшейся там же библиотекой, напоминал современный университет в том смысле, что он был местом встречи самых разных ученых и исследователей. Кроме того, поскольку Александрия была также крупным торговым центром, в ней сходились не только ученые и философы, но и всякого рода шарлатаны и авантюристы. Поэтому в этом городе, расположенном в устье Нила, царил характерный для того времени дух синкретизма.

В таких вот условиях учился Климент, поэтому, естественно, его мышление несло отпечаток Александрии. Он был не пастырем, как Ириней, а скорее мыслителем и исследователем, и целью он ставил не столько изложение вероучения церкви – хотя он разделял ее веру, – сколько оказание помощи тем, кто

ищет более глубокую истину, и убеждение культурных язычников в том, что христианство – не нелепый предрассудок, как многие из них полагали.

В "Увещании к эллинам" Климент показывает суть своего богословского метода, заключавшегося в использовании мыслей Платона и других философов: "Я стремлюсь познать Бога, а не только Божьи дела. Кто поможет мне в моих поисках?… О Платон, как же надо искать Бога?" Тем самым Климент пытается показать своим языческим читателям, что христианское вероучение подкрепляется философией Платона. Благодаря этому язычники могли воспринимать христианство не как религию невежественных и суеверных людей.

Но на Платона Климент ссылался не только потому, что подкреплял его идеями свою аргументацию. Он был убежден, что есть только одна истина и что истина, показанная Платоном, не может отличаться от истины, раскрытой в Иисусе Христе и в Писании. По его представлению, грекам была дана философия, а евреям – закон. Но то и другое ведет к конечной истине, раскрытой во Христе. У греков философы играли ту же роль, что и пророки у евреев. С иудеями Бог установил завет закона, а с греками – завет философии.

Как же Писание соотносится с трудами философов? На первый взгляд между ними нет ничего общего. Но Климент был уверен, что внимательное изучение Писания приводит к пониманию той же истины, которую знали философы. Суть заключается в том, что Писание составлено аллегорически, или, по словам Климента, "в виде притчей". Священный текст может иметь далеко не одно значение. Буквальный смысл отвергать не следует. Но те, кто слепо его придерживается, подобны детям, питающимся молоком и не способным стать взрослыми. Помимо буквального смысла в тексте есть и другие мысли, которые должен раскрыть подлинно мудрый человек.

Вера и разум тесно взаимосвязаны – одно не может существовать без другого. Разум строит аргументацию на основополагающих принципах, которые нельзя доказать, но которые принимаются верой. Для подлинно мудрого человека основополагающим принципом является вера, это фундамент, на котором основывается разум. Но христиане, ограничивающиеся только верой и не использующие разум для ее развития, опять же подобны детям, которым нужно только молоко.

Людям, довольствующимся примитивной верой, Климент противопоставляет мудрецов или, по его словам, "подлинных гностиков". Мудрецы идут дальше буквального смысла Писания. Себя самого Климент видит не пастырем, ведущим стадо, а скорее "подлинным гностиком", направляющим людей, придерживающихся таких же взглядов. Это, естественно, элитарный подход, за который Климента часто критикуют.

Нет смысла подробно останавливаться на богословских воззрениях Климента. Хотя он и считал себя толкователем Писания, аллегорический метод побуждал его отыскивать в священном тексте идеи и доктринальные положения, вдохновленные Платоном. Бог невыразим, и о Нем можно говорить либо метафорически, либо опосредованно. Можно рассказать, кем Бог не является. Но когда речь заходит о том, Кто Он есть на самом деле, человеческий язык способен сказать только, что это не поддается разумению.

Этот невыразимый Бог раскрылся в Слове, или в Логосе, из Которого философы и пророки черпали все свои знания, и воплотился в Иисусе. В этом вопросе Климент следует по пути, начертанном до него Юстином. Основное различие заключается в том, что Юстин использовал учение о Логосе, чтобы показать язычникам истину христианства, а Климент с его помощью призывал христиан быть открытыми для принятия философских истин.

Как бы там ни было, роль Климента состоит не в том, как он понимал то или иное учение, а в том, что его взгляды и мысль отражали общую атмосферу в Александрии, во многом повлиявшую на развитие богословской мысли. Рассматривая ниже в этой главе взгляды Оригена, мы увидим, как в дальнейшем

развивалась эта богословская традиция.

3.3 Тертуллиан Карфагенский

Тертуллиан во многом отличался от Климента. По всей видимости, он был родом из Карфагена, города на севере Африки. Большую часть жизни он провел именно там, но в христианство обратился в Риме примерно в сорокалетнем возрасте. Вернувшись в Карфаген, он написал несколько трактатов в защиту веры против язычников и в защиту ортодоксального христианства против различных ересей. Он был адвокатом, или судебным оратором, и все его литературное творчество несет на себе отпечаток юридического склада ума. В одной из предшествующих глав мы цитировали строки, в которых он протестует против "несправедливого закона" Траяна, согласно которому специально христиан разыскивать не следует, но когда они предстают перед властями, их надо наказывать. Читая этот отрывок, как будто слушаешь адвоката, выступающего в суде. В другой своей работе – "О душе" – Тертуллиан вызывает человеческую душу свидетелем в суд и, допросив ее, приходит к выводу, что "душа по своей природе – христианка" и упорствует она в отвержении христианства из-за своего уп-рямства и слепоты.

Наиболее ярко юридическая жилка Тертуллиана проявилась в трактате "Опровержение еретиков". На юридическом языке того времени термин *prescriptio,* фигурировавший в тексте сочинения, имел как минимум два значения. Он мог означать правовой аргумент, выдвигаемый до начала слушания дела, чтобы показать, что суд не может состояться. Если до начала заседания одна сторона могла доказать, что другая сторона не имеет права возбуждать дело, или что дело возбуждено неправильно, или что суд некомпетентен, судебное разбирательство отменялось. Но этот термин имел и другое значение, когда речь шла о "сроке давности". Если одна из сторон в течение определенного времени бесспорно владела какой-то собственностью или каким-то правом, это владение становилось законным, даже если другая сторона позднее предъявляла на него претензии.

Тертуллиан пользуется термином в обоих значениях, как если бы речь шла о судебном процессе между христианством и еретиками. Он не только стремится показать, что еретики заблуждаются, но и отрицает за ними право вступать в спор с церковью. В связи с этим он заявляет, что Писание принадлежит церкви. Церковь пользовалась Библией на протяжении нескольких поколений, и еретики не оспаривали ее право владеть Писанием. Если изначально церкви принадлежало не все Писание, теперь оно принадлежит ей полностью. Следовательно, у еретиков нет права на Библию. Они пришли слишком поздно и хотят пользоваться тем, что по закону принадлежит церкви.

Чтобы доказать принадлежность Писания церкви, достаточно напомнить, что есть церкви, члены которых читают и правильно истолковывают Писание со времен апостолов. В Риме, например, непрерывная череда апостолов связывает нынешнее время – конец II века – с апостолами Петром и Павлом. То же самое можно сказать о церкви в Антиохии и о некоторых других церквах. Все эти апостольские церкви проявляют согласие в использовании и истолковании Писания. Более того, уже в силу самого происхождения писаний апостолов они принадлежат апостольским церквам.

Коль скоро Писание принадлежит церкви, у еретиков нет права строить на нем свою аргументацию. Здесь Тертуллиан использует термин *praescriptio* в другом смысле. Поскольку еретики не имеют права на истолкование Писания, всякие споры с ними на эту тему бессмысленны. Правом истолкования Писания обладает только церковь, которой оно принадлежит по закону.

Подобная аргументация против еретиков неоднократно выдвигалась и в ходе последующей истории церкви в отношении разного рода инакомыслящих. Именно она легла в основу обвинений, выдвигавшихся католиками против протестантов в XVI веке. В случае же с Тертуллианом следует отметить, что его доводы

преследовали цель показать не только формальную, но и богословскую преемственность поколений. А поскольку в эпоху Реформации споры велись прежде всего по богословским вопросам, эти аргументы не выглядели такими убедительными, как во времена Тертуллиана.

Но Тертуллиан как правовед и юрист идет еще дальше. Присущее ему правовое мышление подводит его к выводу, что, познав истину христианства, человек должен отказаться от дальнейших поисков истины. В глазах Тертуллиана у христианина, продолжающего искать истину, нет достаточной веры.

Надо искать, пока не найдешь, а когда найдешь, надо верить. А затем надо только держаться того, во что веришь. Кроме того, надо верить, что нет больше ничего, достойного веры или поисков{12}.

Это означает, что признания христианского учения вполне достаточно и что всякие поиски истины, выходящие за рамки доктрины, опасны. Тертуллиан, естественно, не возражает против более глубокого исследования христианского учения. Но все, что выходит за его рамки или поступает из других источников, надо отвергать. Это в особенности относится к языческой философии, являющей собой источник всякой ереси и не содержащей ничего, кроме пустых рассуждений.

Жалкий Аристотель, показавший им диалектику! Он показал им искусство строить, чтобы затем разрушать, искусство двусмысленных речей и необдуманных аргументов… которое отвергает все и ни к чему не относится{13}.

Короче, Тертуллиан осуждает любые умозрительные построения. Например, рассуждения о том, какие деяния Бог может совершить в Своем всемогуществе, – пустая трата времени и опасное занятие. Нам надо размышлять не о том, что Бог мог бы совершить, а о том, что Он фактически сделал. Именно этому учит церковь. Именно это мы находим в Писании. Все остальное – праздное и опасное любопытство.

Но это отнюдь не означает, что в спорах с оппонентами Тертуллиан не пользуется логикой. Его логика часто безупречна и неотразима, как, например, в "Опровержении". Но сила его аргументации заключается не столько в логике, сколько в риторике, нередко исполненной сарказма. В частности, обращаясь к Маркиону, он пишет, что Бог церкви сотворил весь мир со всеми его чудесами, тогда как бог Маркион не создал ни единого растения. Затем он спрашивает, что делал бог Маркиона до своего недавнего откровения? Неужели божественная любовь, о которой заявляет Маркион, проявилась лишь в последнюю минуту? Таким образом, благодаря редкому сочетанию в его работах язвительной иронии и безупречной логики Тертуллиан стал бичом для еретиков и защитником ортодоксального христианства.

Но вот, примерно в 207 году, этот стойкий противник ереси, этот неутомимый защитник авторитета церкви вступил в ряды монтанистов. Причины этого шага Тертуллиана остаются одной из многих загадок истории церкви, ибо в его собственных сочинениях и в других документах той эпохи очень мало прямых указаний на мотивы этого его шага. На вопрос, почему Тертуллиан стал монтанистом, нет однозначного ответа. Вместе с тем можно обратить внимание на близость характера и богословия Тертуллиана к монтанизму.

Монтанизм получил название по имени основателя движения Монтана, который до своего обращения в христианство в 155 году был языческим жрецом. Позднее он начал пророчествовать, заявляя, что в него вселился Святой Дух. Вслед за ним пророчествовать стали две женщины – Прискилла и Максимилла. Само по себе это не было чем-то новым: в то время, во-всяком случае – в некоторых церквах, женщинам разрешалось пророчествовать. Новым и внушавшим серьезные опасения стало то, что Монтан и его последователи заявляли, что их движение – начало новой эпохи. Первая новая эпоха началась с Иисуса Христа, а теперь с излиянием Духа начинается вторая. Новая эпоха предъявляет более строгие нравственные требования, как в свое время Нагорная проповедь требовала большего по сравнению с законом Ветхого Завета.

Церковь выступила против проповеди монтанистов, но не в ответ на их пророчества, а против утверждения, что с ними начинается последняя эпоха истории. Согласно Новому Завету, последние дни начались с пришествием и воскресением Иисуса и с излиянием Святого Духа в день Пятидесятницы. С годами забывалось, что последние дни уже наступили, и в XX веке многий считают это утверждение странным. Но во II веке церковь твердо верила, что последние дни уже начались с Иисусом Христом. Поэтому монтанисты, проповедовавшие, что конец начинается сейчас с излиянием Духа на Монтана и его последователей, принижали значение новозаветных событий и превращали Благую Весть лишь в дополнительный этап истории спасения. С такой постановкой вопроса монтанистами церковь согласиться не могла.

Тертуллиана, по-видимому, привлек ригоризм монтанистов. В силу своего юридического склада ума он стремился к совершенному порядку, когда все делается как надо. Но в церкви, несмотря на все ее усилия следовать Божьей воле, было слишком много недостатков, которые в миросозерцание Тертуллиана не укладывались. Единственное возможное объяснение сохранения среди христиан греха виделось в том, что церковь – переходный этап, который сменится новой эпохой Духа. Естественно, таким мечтам не суждено было сбыться, и, как пишут некоторые авторы того времени, к концу жизни Тертуллиан во многом разочаровался в монтанизме и создал свою группу, членов которой эти авторы называют "тертуллианидами".

Даже став монтанистом, Тертуллиан продолжал борьбу против богословских заблуждений. Его самая, пожалуй, значительная работа этого периода – краткий трактат "Против Праксея", в котором он выработал формулировки, сыгравшие важную роль в последующих христологических дискуссиях и дебатах о Троице.

О Праксее известно очень мало, почти что ничего. Высказывается мнение, что такого человека вообще не было и что Праксей – не кто иной, как Калликст, римский епископ, которого Тертуллиан предпочел критиковать, дав ему вымышленное имя. Кем бы Праксей ни был, ясно, что он занимал влиятельное положение в римской церкви и что проповедовавшийся им там взгляд на взаимоотношения между Отцом, Сыном и Святым Духом Тертуллиан считал недопустимым. По взглядам Праксея, Отец, Сын и Святой дух – просто-напросто три формы, в которых предстает Бог, то есть Бог бывает иногда Отцом, иногда Сыном, а иногда Святым Духом, во всяком случае – такой вывод можно сделать из трактата Тертуллиана. Это то, что называют "патрипассианством" (учением о страданиях Отца) или "модализмом" (учением, что лица Троицы – лишь разные "формы" выражения Бога).

Поскольку Праксей боролся также с монтанистским влиянием в Риме, Тертуллиан начинает трактат с присущей ему язвительностью: "Праксей служит в Риме дьяволу двояким образом: изгоняет пророчество и распространяет ересь, удаляет Духа и распинает Отца"{14}.

Затем Тертуллиан объясняет, как следует понимать Троицу. Он предлагает формулу: "Одна сущность и три лица". С другой стороны, обсуждая вопрос о том, как Иисус может быть одновременно человеком и Богом, он говорит об "одном лице" и двух "сущностях", или "природах", – божественной и человеческой. Значение терминов "лицо" и "сущность" он объясняет в основном с юридической точки зрения. Позднее богословы будут рассматривать эти понятия в метафизических категориях. Как бы там ни было, выработанные Тертуллианом формулировки в вопросах, касающихся Троицы и христологии, в конечном счете станут критерием ортодоксальности.

По всем этим причинам Тертуллиан считается уникальной личностью в истории христианства. Страстный защитник ортодоксальности и противник всякой ереси в конце концов примкнул к движению, которое церковь рассматривала как еретическое. Но даже тогда он продолжал разрабатывать богословские тезисы, которые в дальнейшем окажут большое влияние на развитие ортодоксального богословия. Более того, он стал первым христианским богословом, писавшим на латыни, то есть на языке

западной части империи, и поэтому его можно считать основателем западного богословия.

3.4 Ориген Александрийский

Ориген был самым выдающимся учеником Климента, и рассказом о нем мы заканчиваем обзор деятельности четырех христианских учителей. В отличие от Климента, Ориген вырос в христианской семье. Его отец принял' мученическую смерть во время гонений при Септимии Севере – тех самых, из-за которых из города бежал Климент. Ориген, в то время – юноша, тоже жаждал стать мучеником. Но мать спрятала его одежду, и он не смог выйти из дома, где написал письмо, адресованное находившемуся в заточении отцу.

Вскоре после этого, когда Ориген был еще совсем молод, епископ Александрии Димитрий дал ему поручение готовить катехуменов, то есть кандидатов к крещению. Это было серьезное поручение, но юный Ориген выказал необычайные способности и вскоре получил большую известность. Отдав несколько лет обучению катехуменов, он доверил эти обязанности своим лучшим ученикам, а сам полностью посвятил себя руководству христианской философской школой, мало чем отличавшейся от классических философских школ. В ней он учил не только христиан, приходивших к нему из самых дальних уголков, но и просвещенных язычников, которых влекла его известность, в том числе – префекта и мать императора Аравии.

По ряду причин, не в последнюю очередь – из-за зависти, между епископом Димитрием и Оригеном возник конфликт. В результате Ориген был вынужден покинуть родной город и поселиться в Кесарии, где он продолжал писать и учить еще двадцать лет.

В конце концов во время гонений при Деции (речь о которых пойдет в следующей главе) Оригену предоставилась возможность явить силу своей веры. В силу характера этих гонений Оригена не казнили, но подвергли таким пыткам, что он умер вскоре после освобождения. Он умер в Тире в возрасте примерно семидесяти лет.

Ориген внес огромный литературный вклад в христианское богословие. Поскольку между разными переводами Писания существовали несогласованности и различия, он создал "Гекзаплу". Это было издание Ветхого Завета, состоявшее из шести колонок: древнееврейского текста, греческой транслитерации древнееврейского текста (чтобы читатель, не знавший этого древнего языка, мог получить представление хотя бы о том, как это звучало) и четырех различных греческих переводов. Тексты сопровождались целой системой условных знаков, указывавших на варианты, пропуски и вставки. Помимо этого большого труда Ориген написал комментарии ко многим книгам Библии, уже упоминавшуюся апологию "Против Цельса" и большое сочинение, посвященное систематическому богословию, *Deprincipiis* ("О началах"). Часть этого обширного литературного наследия он составил под диктовку, говорят даже, что он мог одновременно диктовать семь разных книг семи секретарям.

По своему духу богословие Оригена приближалось к воззрениям его учителя Климента. В основе своей это были распространенные тогда в Александрии попытки связать христианскую веру с философией, то есть неоплатонизм. Но, сознавая опасность отхода от христианского учения и приближения к учению философов, Ориген заявлял, что "нельзя принимать за истину ничего, что расходится с апостольским и церковным преданием". Это предание включает в себя прежде всего догмат о единственном Боге, Творце и Владыке мира, поэтому следует решительно отвергать все спекуляции гностиков относительно происхождения мира. Во-вторых, апостолы учили, что Иисус Христос – единородный Сын Божий, существовавший до всякого творения, и что при воплощении Он, приняв человеческую природу, сохранил и природу божественную. Что касается Святого Духа, Ориген заявлял, что тут апостольское предание не

дает полной ясности за исключением того, что Духу принадлежит не меньшая слава, чем Отцу и Сыну. Наконец, апостолы учили, что в будущем душа получит награду или наказание, соответственно ее жизни в мире, и что произойдет воскресение тела, которое восстанет нетленным.

Сформулировав эти постулаты, Ориген счел себя вправе заниматься теоретическими и умозрительными изысканиями. Например, поскольку апостольское и церковное предание не содержит подробностей о сотворении мира, Ориген полагал, что это вполне законный предмет для исследований. Первые главы Бытия содержат два рассказа о творении, что было известно иудейским богословам и до Оригена. В одном из них говорится, что человек был сотворен по образу и подобию Бога и что Он "мужчину и женщину сотворил их". Во втором сказано, что Бог создал сначала Адама, а затем из его ребра – Еву. При переводе на греческий первого рассказа при описании Божьих деяний используется глагол "сотворить", а при переводе второго – "сформировать" или "создать". В чем смысл этих различий? Современные ученые сказали бы, что речь идет о соединении двух разных преданий. Ориген же рассудил, что это два рассказа о двух разных творениях.

По Оригену, пер вое творение было чисто духовным. Сначала Бог сотворил бестелесных духов. Вот почему в тексте говорится "мужчину и женщину сотворил их" – имеются в виду существа без половых различий. Вот почему также сказано, что Бог "сотворил", а не "создал" или "сформировал".

Божья цель заключалась в том, чтобы сотворенные духи посвящали себя созерцанию Божества. Но некоторые из них отошли и пали. Именно тогда Бог со вершил второе творение. Это второе творение – материальное и служит прибежищем или временным домом для падших духов. Духи, падшие еще ниже, стали бесами, а остальные как раз и есть человеческие души. Именно этим человеческим душам – предсуществовавшим падшим духам – Бог дал тела, "создав" их из праха земного и сделав одних мужчинами, а других – женщинами.

Это подразумевает, что все человеческие души существовали в виде чистых духов – или "разумов", как их называет Ориген, – еще до рождения в мире и что мы живем в нем, потому что согрешили в изначальном чисто духовном состоянии. Хотя Ориген и утверждал, что эта теория целиком основывается на Библии, совершенно ясно, что она заимствована из платонизма, долгое время развивавшего такие представления.

В этом мире нас держат в плену дьявол и его бесы, и Иисус Христос пришел для того, чтобы сломить власть сатаны и показать нам путь для возвращения в духовный дом. Кроме того, поскольку дьявол – такой же Дух, каким были мы сами, и поскольку Бог есть любовь, в конце спасение получит даже сатана и все творение вернется в первоначальное состояние, когда все было чисто духовным. Но поскольку эти духи будут свободными, нет никакой гарантии, что не будет нового грехопадения, нового материального мира и новой истории и что цикл грехопадения, восстановления и грехопадения не продолжится вечно.

Оценивая все это, нельзя не восхищаться широтой мысли Оригена. Именно поэтому у него были страстные почитатели в самые разные периоды истории церкви. Следует также признать, что все это Ориген предлагает не как истины, требующие всеобщего признания, не как постулаты, призванные сменить церковные догматы, а всего лишь как собственные умозрительные рассуждения, которые не следует противопоставлять авторитетному учению церкви.

Вместе с тем важно отметить, что во многих вопросах Ориген был скорее платонистом, нежели христианином. Так, например, Ориген отвергает теории Маркиона и гностиков о сотворении мира низшим существом, но затем приходит к выводу, что физический мир – и история – существуют в результате греха. В этом вопросе он резко расходится с Иринеем, считавшим, что история – часть извечного Божьего замысла. А рассуждая о предсуществовании душ и о вечном цикле грехопадения и восстановления, он со всей очевидностью отходит от того, чему учит христианство.

4 Гонения в III веке

Такое исповедание веры перед властями было тем более славным и благородным, что влекло за собой еще большие страдания. По мере того как борьба ужесточалась, возрастала и слава тех, кто в ней участвовал.

Киприан Карфагенский

Последние годы II века прошли для церкви относительно спокойно. Империя была занята гражданской войной и защитой границ от вторжений варваров, поэтому на христиан внимания обращали мало. По прежнему оставалась в силе установка Траяна: христиан надо наказывать, если они отказываются поклоняться императору и богам, но специально преследовать их не следует. Поэтому если и были гонения, то они носили местный и спорадический характер.

В III веке ситуация изменилась. Принцип, сформулированный Траяном, продолжал действовать, поэтому в отдельных местах постоянно сохранялась угроза гонений. Но тогда же возникли новые политические веяния, глубоко затронувшие жизнь церкви. Эту линию разработали и проводили императоры Септимий Север и Деций.

4.1 Гонения при Септимии Севере

В начале III века царствующему императору Септимию Северу удалось положить конец серии гражданских войн, ослабивших империю. Но управлять такой обширной и непокорной территорией все равно было трудно. "Варвары", жившие за Рейном и Дунаем, оставались постоянной угрозой. Внутри самой империи были группы инакомыслящих, и сохранялась опасность, что какой-нибудь легион взбунтуется и провозгласит своего императора, спровоцировав тем самым новую гражданскую войну. Перед лицом таких трудностей император пришел к необходимости добиться религиозного согласия и единства на всей территории и начал проводить политику синкретизма. Он хотел объединить всех своих подданных в поклонении *Sol invictus* – Непобедимому солнцу – и связать этим поклонением все существовавшие религиозные и философские течения. Допускались все боги при условии признания Солнца, царствующего над всем.

Вскоре эта политика столкнулась с упорным сопротивлением двух групп, отказывавшихся принять синкретизм: иудеев и христиан. Тогда Септимий Север решил остановить распространение этих двух религий и под страхом смертной казни запретил обращение в христианство и в иудаизм. Так гибельные для христиан последствия законодательства Траяна дополнились этой новой угрозой.

Прямым результатом такой политики было усиление гонений на местах, которые проводились и во II веке, но теперь к ним добавились целенаправленные преследования новообращенных и их учителей. Таким образом, 202 год, когда вышел эдикт Септимия Севера, стал важной вехой в истории гонений. Согласно одному из преданий, именно в этом году мученически погиб Ириней. Тогда же в Александрии была казнена группа христиан, в которую входил отец Оригена. Поскольку Климент был известным христианским учителем в этом городе, а императорский эдикт был в первую очередь направлен против тех, кто приводил новообращенных, ему пришлось искать убежища в местах, где его знали меньше.

Наиболее известные мученики этого периода – Перпетуя и Фелицита-та, погибшие, по-видимому, в 203 году. Вполне вероятно, что Перпетуя и ее товарищи были монтанистами и что рассказ об их мученичестве принадлежит перу Тертуллиана. Во всяком случае, мучениками были пять катехуменов, то

есть пять человек, готовившихся к крещению. Это согласуется с тем, что известно о политике Септимия Севера. Эти пять человек – некоторые из них совсем юные – обвинялись не в принадлежности к христианству, а в недавнем обращении в христианство и нарушении тем самым императорского эдикта.

Главная героиня "Мученичества святых Перпетуи и Фелицитаты" – Перпетуя, молодая, состоятельная женщина, имевшая ребенка грудного возраста. Ее товарищами были рабы Фелицитата и Ревокат, а также два молодых человека, звавшиеся Сатурнин и Секундул. Значительная часть текста "Мученичества" вложена в уста Перпетуи, и, по мнению некоторых исследователей, многие из этих слов могли действительно принадлежать ей. Когда Перпетую и ее товарищей арестовали, отец попытался убедить ее отречься от веры и спасти свою жизнь. Она ответила, что у всего есть свое имя и что попытки дать какое-то иное имя бессмысленны, она же называется христианкой, и изменить это невозможно.

Судебный процесс был долгим. По всей видимости, судьи надеялись убедить обвиняемых отречься от веры. Фелицитата, которая была беременной, опасалась, что из-за этого ей сохранят жизнь или отложат казнь и она не сможет разделить участь своих товарищей. Но в "Мученичестве" говорится, что ее молитвы получили ответ и что на восьмом месяце она родила девочку, которую затем удочерила другая христианка. Увидев ее мучения при родах, тюремщики спросили, как же она надеется выдержать испытание, когда предстанет перед хищниками на арене. Ее ответ в полной мере отражал понимание мученичества: "Сейчас я страдаю сама по себе. Но когда я предстану перед хищниками, во мне будет жить и страдать со мной Тот, за Кого буду страдать я"{15}.

Затем в рассказе сообщается, что первыми на арену вывели трех мужчин. Сатурнин и Ревокат погибли быстро и храбро. Но ни один хищник не хотел бросаться на Секундула. Одни просто отказывались выходить к нему, другие бросались на воинов. В конце концов Секундул сам сказал, что его должен убить леопард. Так оно и произошло.

Перпетуи и Фелицитате сказали, что на них набросится свирепая корова. Побитая и израненная животным, Перпетуя попросила разрешения поправить волосы, так как распущенные волосы – знак траура, а у нее сегодня счастливый день. Наконец, когда две истекающие кровью женщины стояли в центре арены и прощались друг с другом поцелуем мира, их убили мечом.

Вскоре после этого по не совсем ясным причинам гонения ослабли. Отдельные всплески наблюдались в разных концах империи, но в целом эдикт Септимия Севера не выполнялся. В 211 году, когда Септимия Севера сменил Каракалла, гонения на короткий период возобновились, но они были недолгими и ограничивались главным образом Северной Африкой.

Следующие два императора, Элагабал (218-222) и Александр Север (222-235), продолжали политику синкретизма, схожую с политикой Септимия Севера. Но они не пытались заставить иудеев и христиан принять синкретизм или помешать им приводить обращенных. Говорят, что на личном алтаре Александра Севера, наряду с изображениями различных богов, были образы Христа и Авраама. Его мать Юлия Мамея слушала лекции Оригена в Александрии.

При императоре Максимине очень короткий всплеск гонений произошел в Риме. Церковь этого города в то время была расколотой, и двух епископов-соперников, Понтиана и Ипполита, отправили работать на рудники. Но буря опять утихла, и ходил даже слух (впрочем, скорее безосновательный), что Филипп Араб, правивший с 244 по 249 год, был христианином.

Короче говоря, в течение почти полувека гонения были редкими, а число обращенных в христианство увеличивалось. В глазах этого поколения христиан мученики были достойны восхищения, но они жили в прошлом, а возврат к тем злым временам казался маловероятным. С каждым днем становилось все больше христиан среди аристократов, и слухи об аморальности христиан уже не пользовались особым

доверием в народе. Гонения относились к прошлому – тяжелому, но славному.

Затем разразилась буря.

4.2 Гонения при Деции

В 249 году пурпурную мантию императора надел Деций. Христианские историки обычно изображают его жестоким человеком, но на самом деле Деций был просто римлянином старой закалки, ставившим основной целью возрождение прежней славы Рима. Закату этой славы способствовали несколько факторов. Варвары становились все более напористыми, а их набеги в пределы империи все более дерзкими. Налицо был серьезный экономический кризис. Древние традиции, связанные с классическим периодом римской цивилизации, предавались забвению.

Римскому консерватору, каким был Деций, казалось очевидным, что одна из причин всего этого заключалась в отходе народа от поклонения древним богам. Когда все поклонялись богам, дела шли лучше, а слава и мощь Рима усиливались. Пренебрежение богами вызвало их недовольство Римом, и они в свою очередь начали пренебрегать им. Поэтому для возрождения былой славы Рима необходимо возродить прежнюю религию. Если все подданные империи будут поклоняться богам, возможно, они вновь будут благосклонно относиться к империи.

Таким было основание религиозной политики Деция. Речь шла уже не об обвинениях христиан в аморальности и не о наказании за упрямство тех, кто отказывается поклоняться императору, а о полномасштабной религиозной кампании за возрождение религии предков. В глазах Деция на карту было поставлено само выживание Рима. Отказ поклоняться богам фактически приравнивался к государственной измене.

При такой постановке вопроса гонения при Деции весьма отличались от предшествующих. Императору нужны были не мученики, а отступники. Почти за пятьдесят лет до этого Тертуллиан заявил, что кровь мучеников подобна семени, ибо чем больше ее проливается, тем больше становится христиан. Публичные казни христиан в те годы подвигли к вере многих, кто наблюдал за ними, и поэтому гонения фактически даже способствовали распространению христианства. Если же христиан не убивать, а принуждать к отречению, это будет способствовать достижению цели Деция по возрождению язычества.

Эдикт Деция не сохранился, но совершенно ясно, что речь в нем шла не о преследовании христиан как таковых, а о введении обязательного поклонения богам на территории всей империи. Во исполнение императорского указа каждый должен был принести жертву богам и воскурить фимиам перед бюстом императора. Тем, кто подчинялся этому требованию, выдавалось письменное свидетельство, удостоверяющее их лояльность. Те же, у кого не было такого свидетельства, считались людьми вне закона, не подчинившимися власти императора.

Христиане не были готовы к новому вызову, брошенному императорским указом. Поколения, жившие под постоянной угрозой гонений, отошли в прошлое, а новое поколение не было готово принять мученичество.

Одни быстро подчинялись распоряжению императора. Другие какое-то время проявляли стойкость, но затем, представ перед властями, соглашались принести требуемую жертву богам. Третьи, не совершая поклонения богам, приобретали свидетельства незаконно. Но немало было и тех, кто сохранял твердость и отказывался подчиниться императорскому эдикту.

Цель Деция заключалась в распространении поклонения богам, а не в уничтожении христиан, поэтому мученическую смерть приняли относительно немногие. Власти обычно арестовывали христиан, а

затем с помощью обещаний, угроз и пыток пытались принудить их отказаться от веры. Во исполнение такой политики был брошен в тюрьму и подвергнут пыткам Ориген. Такую же участь претерпели и сотни других людей по всей империи. Гонения из спорадических и местных стали систематическими и всеобъемлющими. Доказательством повсеместного применения императорского указа служат свидетельства о принесении жертвы, сохранившиеся в достаточно отдаленных частях империи.

Одним из результатов этих гонений стало появление в церкви нового почетного титула – "исповедник". До этого времени практически все арестованные и остававшиеся стойкими христиане были обречены на мученичество. Те же, кто приносил жертву богам и императору, становились отступниками. Благодаря политике, проводившейся Децием, теперь появились люди, оставшиеся твердыми в вере даже под самыми жестокими пытками, но не принявшие венец мученика. Тех, кто исповедовал веру при таких обстоятельствах, стали называть "исповедниками", и они пользовались высоким уважением у других христиан.

Гонения Деция продолжались недолго. Галл, сменивший его в 251 году, отказался от этой политики. Шесть лет спустя Валериан, бывший соратник Деция, начал новые гонения. Но он попал в плен к персам, и церковь получила еще сорок лет относительного спокойствия.

4.3 Вопрос о малодушных: Киприан и Новациан

Несмотря на кратковременность, для церкви гонения при Деции стали тяжелым испытанием. И обусловливалось это не только гонениями как таковыми, но и их последствиями.

Коротко говоря, перед церковью встал большой вопрос – что делать с "малодушными", то есть с теми, кто так или иначе проявил слабость во время гонений. Дело осложнялось несколькими факторами. Прежде всего, не все пали в одинаковой степени. Тех, кто сразу побежал приносить жертву, как только узнал об императорском указе, вряд ли можно было приравнивать к тем, кто приобретал незаконные свидетельства или проявил временную слабость, а затем вновь заявил о своей вере и просил вернуть его в ряды церкви, когда гонения еще продолжались.

Учитывая высокий авторитет исповедников, многие полагали, что именно они должны определять, кого из малодушных можно вернуть в церковь и как это надо делать. Некоторые исповедники, в частности в Северной Африке, сами начинали пользоваться этими прерогативами и восстанавливать в церкви малодушных. Их действия встретили сопротивление многих епископов, заявлявших, что только церковная иерархия имеет право восстанавливать в церкви и что только она может делать это единообразно и беспристрастно. Высказывалось также мнение, что как исповедники, так и епископы проявляют слишком большую снисходительность и что к малодушным надо относиться строже.

В дискуссиях на эту тему ведущую роль играли два человека: Киприан и Новациан.

Киприан стал христианином в возрасте около сорока лет, и вскоре после этого его избрали епископом Карфагена. В богословском плане он придерживался взглядов Тертуллиана, которого называл своим "учителем". Как и Тертуллиан, он учился риторике и своей аргументацией легко брал верх над оппонентами. Его сочинения стоят в ряду лучших произведений христианской литературы того времени.

Киприан, ставший епископом незадолго до начала гонений, полагал, что его долг заключается в том, чтобы вместе с другими руководителями церкви укрыться в безопасном месте и оттуда поддерживать связь с паствой и указывать ей путь посредством переписки. Как и следовало ожидать, многие сочли это решение проявлением трусости. В частности, члены и духовенство римской церкви, потерявшей в ходе гонений своего епископа, написали Киприану письмо, поставив под сомнение правильность его решения. Он же, со своей стороны, утверждал, что укрывался не из трусости, а для блага паствы. Его мужество и

верность убеждениям получили наглядное подтверждение несколько лет спустя, когда он принес свою жизнь в жертву, став мучеником. Но в то время его авторитет был поставлен под сомнение, и многие утверждали, что исповедники, пострадавшие за веру, обладают в Карфагене большими полномочиями, чем он, особенно в вопросе восстановления малодушных в церкви.

Многие исповедники придерживались мнения, что малодушных надо принимать автоматически, не требуя от них ничего, кроме заявления о покаянии. Вскоре в поддержку исповедников выступили некоторые пресвитеры, у которых были свои причины для недовольства епископом, и в результате в карфагенской церкви и в близлежащих районах произошел раскол. Тогда Киприан созвал синод – то есть собрание епископов подведомственных ему территорий, – который постановил, что те, кто купил или каким-то другим образом приобрел свидетельство о принесении жертвы, на самом деле не принося жертвы, должны быть немедленно приняты в церковь. Те же, кто все-таки принес жертву, могут вернуться в церковь только на смертном одре или в том случае, если новые гонения дадут им возможность доказать искренность их покаяния. Тех, кто принес жертву и не раскаялся в этом, принимать нельзя ни в коем случае. Все решения должны приниматься епископами, а не исповедниками. Это положило конец спорам, но какое-то время разногласия сохранялись.

На необходимости установления определенных правил для восстановления в церкви малодушных Киприан настаивал главным образом исходя из своего понимания церкви. Церковь – Тело Христово, и она станет соучастницей победы ее Главы. Поэтому "вне церкви нет спасения" и "никто не может считать Бога Отцом, если не считает церковь матерью". Но для Киприана это не подразумевало, что человек должен полностью подчиняться иерархам церкви, – у него самого были конфликты с римскими иерархами. Тем не менее сохранению единства церкви он придавал первостепенное значение. Поскольку дела исповедников подрывали это единство, Киприан решил, что им надо положить конец, и настоял на созыве синода для решения вопроса о малодушных.

Кроме того, Киприан был почитателем Тертуллиана, чьи произведения усердно штудировал. Ему импонировала высокая требовательность Тертуллиана, и к тому, что отступников так просто принимают в церковь, он относился с возмущением. Церковь должна быть сообществом святых, и в ней нет места для идолопоклонников и отступников.

Новациан придерживался еще более строгих взглядов, чем Киприан. У него произошел конфликт с римским епископом Корнилием, поскольку он считал, что малодушных слишком легко принимают в церковь. Ранее в том же самом городе аналогичный спор возник между известным богословом Ипполитом и епископом Калликстом. Суть спора свелась к тому, что Калликст выступал за прощение раскаявшихся блудников и блудниц, а Ипполит против этого протестовал. Тогда их разногласия привели к расколу, и в Риме появилось два епископа. В результате выступления Новациана произошло то же самое. Как и во многих других случаях, он выступал за то, чтобы чистота или всепрощающая любовь были отличительной чертой церкви. Раскол, спровоцированный Ипполитом, продолжался недолго, идеи же, высказанные Новацианом, продолжали оказывать воздействие на протяжении жизни нескольких поколений.

По сути, это подразумевало, что восстановление отпавших было одной из основных забот западной церкви с самого начала. Вопрос о том, как надо относиться к крещеным, но согрешившим христианам, не раз вызывал разногласия в западной церкви. Именно благодаря этому возникла целая покаянная система. Гораздо позднее протестантская Реформация выразила широкомасштабный протест против такой практики покаяния.

5 Христианская жизнь

Немного из вас мудрых по плоти, немного сильных, немного благородных; но… немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное.

1 Коринфянам 1:26-27

Рассматривая историю христианства, надо всегда помнить, что источники сами по себе не дают полного представления о происходившем. Поскольку в большинстве сохранившихся документов рассказывается о делах и мыслях ведущих деятелей церкви или о гонениях и конфликтах с государством, нередко забывают, что это – лишь часть общей картины. К тому же при попытках воссоздать остальные части картины сталкиваешься с почти полным отсутствием источников, что вынуждает довольствоваться соединением воедино крупиц имеющихся сведений.

5.1 Социальные корни ранних христиан

Раннее мы цитировали языческого автора Цельса, по мнению которого, христиане – невежественные люди, учившиеся не в школах или на форумах, а на кухнях, в мастерских и в сыромятнях. Хотя труды таких христиан, как Юстин, Климент и Ориген, как будто бы опровергают слова Цельса, в целом Цельс все же прав. Высокообразованные ученые были среди христиан исключением, а не правилом. Показательно, что в своей апологии "Против Цельса" в этом вопросе Ориген Цельса не оспаривает. С точки зрения таких культурных язычников, как Тацит, Корнелий Фронтон и Марк Аврелий, христиане были презренной чернью.

И в этом есть доля истины, ибо известно, что в первых трех веках подавляющее большинство христиан принадлежало к низшим слоям общества. По свидетельству евангелий, большую часть времени Иисус проводил среди нищих, больных и презренных людей. Павел, занимавший более высокое общественное положение по сравнению с большинством ранних учеников, говорил, что в большинстве своем христиане в Коринфе – невежественные и слабые люди без роду без племени. То же самое в общем и целом можно сказать о первых трех веках жизни церкви. Хотя среди христиан были выходцы из достаточно высоких слоев общества, такие, например, как Домицилла и Перпетуя, на каждого из таких людей приходились сотни малообразованных христиан из низших классов.

Именно из этой среды вышли в основном легенды и писания, весьма отличающиеся по своему характеру от сочинений Юстина и других христианских богословов. Наиболее видное место среди этих писаний занимают апокрифические евангелия и различные "деяния" апостолов и Девы Марии. Главную роль в этих писаниях играют чудеса, которые порой выглядят просто смешными. Например, в одном из апокрифических евангелий юный Иисус, играя со Своими товарищами, разбивает их кувшины с водой и бросает осколки в колодец. Когда они расплакались и сказали, что родители накажут их за разбитые кувшины, Иисус приказал воде вернуть разбитые кувшины, и они появились невредимыми. Или другой пример – на дерево Иисус влезает не так, как другие дети. Он просто велит дереву нагнуться, садится на него, а затем приказывает ему выпрямиться.

Но такая наивная доверчивость не должна заставлять нас недооценивать смышленость и ум тех простых христиан. Сравнение их богословских представлений с теоретическими построениями более образованных христиан не всегда говорит в пользу последних. Например, активный, всевластный и справедливый Бог, изображенный во многих из этих писаний, гораздо ближе к Богу Библии, чем

невыразимый и отдаленный Бог Климента Александрийского. Кроме того, тогда как апологеты всячески старались доказать властям, что их вера никоим образом не противостоит имперской политике, есть все основания полагать, что простые христиане хорошо сознавали неизбежное противоречие между целями империи и Божьей целью. Представ перед имперским судом, один такой христианин отказался признать власть императора и заявил, что Христос – "мой Господь, император всех царей и всех народов". Наконец, тогда как многие культурные христиане пытались одухотворить христианскую надежду, простые люди видели в ней наступление Царства, которое должно сменить существующий порядок, новый Иерусалим, где Бог утрет слезы тех, кто страдал под гнетом империи.

5.2 Христианское богослужение

Христиан из разных слоев общества объединяли службы и обряды. И тут мы вынуждены полагаться в основном на дошедшие до нас документы, написанные ведущими христианскими деятелями. Но в службах все-таки принимал участие и простой люд, и потому они дают нам редкую возможность получить хоть какое-то представление о жизни всех христиан.

В Деяниях говорится, что с самого начала в церкви существовал обычай проводить собрания в первый день недели для преломления хлеба. В первый день недели собирались потому, что это был день воскресения Господа. Поэтому цель службы заключалась не в призвании верующих к покаянию и не в показе им величины их греха, а в прославлении воскресения Иисуса и обетовании, которые это воскресение скрепляло. В Деяниях эти встречи описываются как радостные события: "принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа" (Деян. 2:46-47). На этих ранних евхаристических службах в центре внимания находились события не страстной пятницы, а Пасхи. Занялась заря новой эпохи, и христиане собирались, чтобы еще раз провозгласить ее и стать ее соучастниками.

Начиная с этого времени евхаристическая служба стала для христианской церкви самым важным обрядом, и такое отношение к ней сохранялось на протяжении большей части истории церкви. Лишь сравнительно недавно во многих протестантских церквах акцент начали переносить на проповедь.

Помимо хорошо известных, но скудных сведений Нового Завета, помочь понять содержание христианского богослужения в ранний период может сравнительный анализ некоторых сохранившихся документов. Хотя они написаны в разное время и в разных местах и в них есть разночтения и несоответствия, все же на их основании можно составить определенную общую картину типичного таинства причащения.

Наиболее знаменательная общая черта ранних евхаристических служб состояла в том, что они были праздником. На них царила атмосфера радости и благодарения, а не печали или покаяния. Сперва причащение было частью общей трапезы. Верующие приносили каждый что может, и после общей трапезы над хлебом и вином возносились молитвы. Но к началу II века от общих трапез отказались, то ли из боязни гонений, то ли из желания положить конец слухам об оргиях на "вечерях любви". И хотя таинство стало более символическим, атмосфера радости сохранялась.

Уже со II века евхаристическая служба состояла из двух частей. Сначала читали и обсуждали Писание, возносили молитвы и пели гимны. Поскольку в те времена все христиане просто-напросто не могли иметь собственный экземпляр Писания, первая часть службы была по сути единственной возможностью для верующих познакомиться с Библией, поэтому она продолжалась довольно долго – нередко часами. Затем наступала вторая часть – собственно причащение, открывавшееся поцелуем мира. После поцелуя вносились хлеб и вино, передававшиеся ведущему собрание, который возносил молитву над святыми дарами. В этой часто очень долгой молитве обычно перечислялись спасительные дела Бога и

напоминалось о силе Святого Духа. Затем хлеб преломлялся и делился, общая чаша ходила по кругу, и собрание заканчивалось благодарственной молитвой. Естественно, это лишь общие типичные черты евхаристической службы, в разных местах и в разных обстоятельствах она могла дополняться другими элементами.

Еще одна отличительная черта ранних евхаристических служб заключалась в том, что на них могли присутствовать только крещеные. Представители других общин, разумеется, принимались, но при условии, что они были крещеными. Иногда обращенные, но не получившие крещение, допускались на первую часть службы – чтение Библии, проповедь и молитвы, – но удалялись со второй части, с собственно обряда причащения.

Вечеря Господня – один из наиболее частых сюжетов в раннехристианском искусстве.

Другим ранним обрядом были собрания у могил верных. Обычно это происходило в катакомбах. Отдельные авторы, драматизируя события, пишут о "церкви катакомб", имея в виду тайные места, где христиане собирались, скрываясь от властей. Но это явное преувеличение. Катакомбы были кладбищами, хорошо известными властям, ибо под землей хоронили не только христиане. Хотя в отдельных случаях христиане прятались в катакомбах, собирались они в них не потому, что боялись властей, а потому, что там были погребены многие герои веры, а христиане полагали, что они соединены не только между собой и с Иисусом Христом, но и со своими предшественниками по вере.

Это в особенности относилось к мученикам. Уже в середине II века получил распространение обычай собираться у могил мучеников в годовщину их смерти и там причащаться. Опять же, имелось в виду, что они остаются частью церкви и что причащение соединяет живых и мертвых в одно Тело. Именно этот обычай положил начало поминовению дней святых, которые обычно отмечаются не в день их рождения, а в день мученичества.

Но чаще христиане собирались не в катакомбах или на кладбищах, а в частных домах. Указания на это есть уже в Новом Завете. Позднее, по мере Роста общин, отдельные дома превращались исключительно в места богослужений. Так, при раскопках в Дура-Европосе выяснилось, что, по всей видимости, самая ранняя существовавшая там христианская церковь, основанная в 256 году по Р.Х., возникла в доме, где проводились собрания.

Другим следствием роста общин стала невозможность для всех христиан одного города собираться вместе для богослужений. Но сохранение единства Тела Христова считалось настолько важным, что при наличии в одном городе нескольких церковных общин казалось, что теряется что-то очень существенное. Для поддержания хотя бы символических уз единства во многих местах возник обычай передавать кусок хлеба с евхаристической службы в церковь епископа с тем, чтобы он добавлялся к хлебу в других церквах города. А единство всех христиан мира выражалось и символизировалось в молитвах за епископов других церквей, ближних и дальних, список которых был во всех церквах. Эти списки обычно составлялись на двух соединенных вместе дощечках, которые в те времена использовались для распространения официальной информации. Такие дощечки назывались "диптихами", и впоследствии удаление какого-либо имени из церковных диптихов приобрело очень важное значение. Узы единства скреплялись включением имени, а при удалении имени связь нарушалась.

Вначале церковный календарь был по сути простым еженедельником. Воскресенье было как бы Пасхой и днем радости, а пятница – днем покаяния, поста и скорби. Достаточно рано и по не совсем ясным причинам среда тоже стала днем поста. Раз в году отмечалось особое воскресенье, день воскресения, который был самым большим христианским праздником. К сожалению, у христиан не было согласия относительно даты этого великого праздника – одни считали, что он должен соответствовать иудейской Пасхе, а другие – что его всегда надо справлять в воскресенье. Ко II веку по этому вопросу разгорелись жаркие дебаты. До сего дня, хотя и по иным причинам, не у всех церквей есть единое мнение относительно того, как следует определять дату пасхального воскресенья. Среди прочих событий на Пасху крестились новообращенные, а те, кто уже были христианами, подтверждали клятву, данную при крещении. Подготовка к ней заключалась в посте и покаянии. Отсюда берет начало современный Великий пост. Пятидесятница, праздник иудейского происхождения, тоже отмечалась христианами с самого начала.

Самым ранним праздником, связанным с рождением Иисуса, было Богоявление, отмечавшееся 6 января. Первоначально он относился к самому факту рождения. Но впоследствии, в частности во многих местах на Западе, на смену ему пришло 25 декабря. Фактически это был день языческого праздника, на который со времен Константина перенесли празднование Рождества.

Помимо причащения, другим важным христианским обрядом было крещение. Как уже отмечалось, для участия в евхаристической службе требовалось крещение. В Деяниях говорится, что люди крестились сразу после обращения. Это было вполне естественным в ранних христианских общинах – большинство обращенных либо приходили туда из иудаизма, либо находились до этого под его влиянием и поэтому имели представление о смысле христианской жизни и христианского послания. Когда же Церковь уже составляли преимущественно бывшие язычники, появилась необходимость в подготовке новообращенных, их испытании и обучении перед крещением. Период научения и испытания кандидата назывался "катехуменизацией", и в начале III века продолжался три года. За это время катехумены получали знания о христианском учении и своей повседневной жизнью должны были доказывать твердость убеждений. Наконец, непосредственно перед обрядом крещения они проходили проверку и вносились в списки для крещения.

Обычно крещение проводилось раз в год, в пасхальное воскресенье. К началу III века появился обычай поститься перед крещением в пятницу и субботу и креститься рано утром в воскресенье, то есть во время Воскресения Иисуса. Крестившиеся раздевались догола, причем мужчины крестились отдельно от женщин. Вышедшие из воды облачались в белые одежды, символизировавшие их новую жизнь во Христе (см. Кол. 3:9-12; Отк. 3:4). Кроме того, они пили воду как знак полного очищения, как внешнего, так и внутреннего. Затем их помазывали, вводя в сан царственного священства, давали им молоко и мед как знак обетованной земли, в которую они входили.

После обряда крещения все члены общины собирались в одном месте, и там новички первый раз в жизни причащались.

Крещение совершалось погружением в воду. В "Учении двенадцати апостолов", документе, время написания которого не очень ясно, говорится, что его лучше совершать в "живой", то есть проточной воде. Но там, где воды было мало, ее просто выливали на голову из кувшина три раза – во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Исследователями до сих пор точно не установлено, крестили ли в ранней церкви младенцев. По ряду сведений в начале III века христианские родители иногда крестили своих детей в младенческом возрасте. Но документы более раннего и более позднего периодов так скупы на этот счет, что делать выводы на их основании не представляется возможным.

5.3 Устройство церкви

Известно, что во II веке церковная иерархия складывалась из трех уровней: епископ, пресвитер, или старейшина, и диакон. По мнению некоторых историков, эта иерархическая лестница установлена апостолами. Но сохранившиеся документы по сути указывают на противоположное. В Новом Завете действительно упоминаются епископы, пресвитеры и диаконы, но эти титулы-обозначения не соотносятся в виде единой структуры с изначально существовавшими функциональными обязанностями. В общем-то, из Нового Завета явствует, что внутреннее устройство местных церквей в разных местах было разным и что в течение какого-то времени наименования "епископ" и "пресвитер" были равнозначными. Другие историки полагают, что в ряде случаев церкви – например римская – возглавлялись не одним епископом, а группой лиц, которых называли "епископами" или "пресвитерами".

Как уже отмечалось, упрочение авторитета епископов и установление их апостольской преемственности была отчасти ответом церкви на вызов еретиков в конце II и в начале III веков. По мере возрастания в церкви числа бывших язычников опасность ереси возрастала, и это, в свою очередь, вело к необходимости повышать авторитет епископов.

Особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о роли женщины в ранней церкви. К концу II века руководящие позиции в церкви занимали исключительно мужчины, однако для более ранних времен это не столь очевидно. Из Нового Завета недвусмысленно следует, что женщины тоже пользовались большим влиянием. Четыре дочери Филиппа "пророчествовали", то есть проповедовали. Фива была диаконисой в Кенхрее, а Юния приравнивалась к апостолам. По всей видимости, во II веке церковь, пытаясь бороться с ересью, занялась централизацией своей власти, в результате чего женщины потеряли прежнее влияние. Но и в начале II века прокуратор Плиний сообщал Траяну, что он подверг пыткам двух христианских "служительниц".

Говоря о женщинах ранней церкви, нельзя не упомянуть об особой роли вдов. В Деяниях говорится, что зарождавшаяся церковь помогала вдовам и поддерживала их материально. Частично это обусловливалось неоднократно повторяющимися в Ветхом Завете повелениями заботиться о вдовах, сиротах и странниках. Но играли роль и практические соображения: лишенная средств к существованию вдова была вынуждена либо повторно выйти замуж, либо искать приюта для себя и детей. И в случае, если новый муж или дети не были христианами, христианская жизнь бывшей вдовы претерпевала ограничения. Поэтому в церкви возник обычай поддерживать вдов материально, возлагая на них при этом определенные обязанности. В предыдущих главах изложена история о вдове, чье служение привело язычников в такую ярость, что она стала мученицей. Другие вдовы занимались обучением катехуменов. Постепенно слово "вдова" стало подразумевать не только женщину, потерявшую мужа, но и любую незамужнюю женщину, получавшую поддержку общины и выполнявшую в ней ряд обязанностей. Некоторые женщины сознательно не выходили замуж, чтобы продолжать служение. Тогда-то и появились странные на первый взгляд выражения типа "девы, называемые вдовами". В конечном счете такое положение привело к возникновению женского монашества, появившегося раньше мужского.

5.4 Методы проповедования

В связи с огромным численным ростом церкви в первых веках возникает вопрос о методах, с помощью которых это достигалось. Кое-кого из современных христиан ответ может удивить, но ранняя церковь не знала ничего, подобного "евангелизационным собраниям" или "движениям пробуждения". Более того, центральное место в богослужениях ранней церкви занимал обряд причащения, на который

допускались лишь крещеные христиане. Таким образом, благовестив совершалось не на церковных службах, а, как сказал Цельс, на кухнях, в мастерских и на рынках. Немногие известные учители, такие как Юстин и Ориген, выступали в своих школах и тем самым привлекали обращенных из ученой среды. Но все же большинство, и это остается фактом, обращались в христианство благодаря свидетельству безвестных христиан, приводившему людей к вере. Наиболее драматической формой такого свидетельства были, разумеется, смертные муки, и именно поэтому слово "мученик", изначально означавшее "свидетель", приобрело современное значение. Наконец, некоторые христиане славились своими чудесами, и это тоже привлекало обращенных.

Самым известным среди них был Григорий Фавматург, Чудотворец. Он был родом из Понта и обратился в христианство благодаря просвещенному свидетельству Оригена. По возвращении в Понт он стал епископом Неокесарии и достиг успехов в деле евангелизации, но достиг не с помощью богословских аргументов, а совершая чудеса, которые ему приписывают. Это по большей части чудесные исцеления, но говорят также, что он мог управлять течением реки при разливе и что ему являлись апостолы и Дева Мария, направлявшие его. Кроме того, Григорий одним из первых использовал, получивший впоследствии распространение метод проповедования: он заменял языческие праздники христианскими и стремился, чтобы христианские праздники были более впечатляющими.

Другой удивительный факт, касающийся раннего распространения христианства, заключается в том, что, в отличие от новозаветных времен, очень мало известно о каких-либо путешествиях по донесению Благой Вести, подобных тем, которые совершали Павел и Варнава. Очевидно, что в первые века Евангелие получило широчайшее распространение прежде всего благодаря не миссионерам, а многочисленным христианам, переезжавшим с места на место по иным причинам, – рабам, купцам, ссыльным, приговоренным к каторжным работам.

И наконец, отметим, что христианство распространялось главным образом в городах и что в сельские местности оно проникало медленно и с большим трудом. Только после Константина христианству удалось привлечь на свою сторону большинство сельского населения империи.

5.5 Зарождение христианского искусства

Поскольку в начальный период христиане собирались в частных домах, маловероятно, что там были какие-то украшения или символы, связанные с христианской верой. Как бы то ни было, они все равно не сохранились. Но когда у христиан появились собственные кладбища – катакомбы – и собственные церкви – например, в Дура-Европосе, – началось развитие христианского искусства. Примеры этого раннего искусства сохранились по большей части в виде простых фресок – настенной живописи – в катакомбах и церквах, а также в виде резьбы в саркофагах – каменных гробах, – в которых хоронили состоятельных христиан.

Поскольку обряд причащения занимал в богослужении центральное место, относящиеся к нему сцены и символы встречаются чаще всего. Иногда изображалась сама служба, иногда вечеря Господня в горнице. В других случаях рисовали просто корзину с рыбой и хлебом.

Рыба была одним из самых ранних христианских символов, поэтому ее изображение часто встречается в сценах причащения и в других картинах. Значение этого символа, помимо связи с чудесным насыщением множества людей, состояло еще и в том, что греческое слово *ichthys* (рыба) можно использовать как акростих с начальными буквами слов: "Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель". Поэтому рыба встречается не только в изобразительном искусстве, но и в некоторых наиболее древних христианских эпитафиях. Например, в эпитафии епископу Иерапольскому Аверкию, написанной в конце II

века, сказано, что вера питала Аверкия "рыбой из пресной воды, очень большой и чистой, выловленной непорочной девой" (Марией или церковью?). В другой подобной эпитафии говорится о "божественном роде небесной рыбы" и о "мире рыбы".

Первобытное христианское искусство обращалось и к различным библейским сценам: Адам и Ева, Ной в ковчеге, вода, изливающаяся из скалы в пустыне, Даниил в львином рву, трое юношей в раскаленной печи, Иисус и самарянка, воскрешение Лазаря и другие. Изобразительные методы были очень простыми, скорее иносказательными, нежели реалистическими. Например, Ноя часто изображали стоящим на ящике, размеры которого вряд ли позволили бы ему удержаться на плаву.

В заключение следует сказать, что ранняя христианская церковь состояла в основном из простых людей, для которых сам факт принятия их наследниками Царя царствующих был источником великой радости. Это выражалось в радостной атмосфере их богослужений, в их искусстве, в их совместной жизни и в их мужестве перед лицом смерти. Повседневная жизнь большинства тогдашних христиан являла собой серую рутину, как и у всех бедняков в любом обществе. Но в них вселял радостную надежду новый свет, призванный разрушить черную несправедливость и идолопоклонство окружающего их мира.

6 Великие гонения и конечная победа

Меня интересует только познанный мною Божий закон.
Этому закону я подчиняюсь, и в нем я преодолею все. Кроме
этого закона, нет никакого другого.

Фелика мученик

После гонений Деция и Валериана церковь получила долгий период относительного спокойствия. Нов начале IV века вспыхнули последние и самые тяжелые гонения. Царствующим императором был Диоклетиан, реорганизовавший империю и добившийся нового ее процветания. Реформы Диоклетиана заключались, в частности, в передаче управления в руки четырех императоров. Двое из них носили титул "августа": сам Диоклетиан на Востоке и Максимиан на Западе. В подчинении каждого из них находился младший император, носивший титул "кесаря": Галерий у Диоклетиана и Констанций Хлор у Максимиана. Благодаря политическим и административным способностям Диоклетиана такая система разделения сфер полномочий функционировала достаточно слаженно, пока верховная власть оставалась в его руках. Но главной целью реформы было установление четкого порядка престолонаследия: по замыслу Диоклетиана, "кесарь" должен был сменять своего "августа", и одновременно из числа других императоров должен был назначаться человек на освободившуюся "вакансию" кесаря. Тем самым Диоклетиан рассчитывал предотвратить гражданские войны, потрясавшие империю из-за несовершенства системы престолонаследия. Как мы увидим, надежды его оказались тщетными.

Тем не менее под управлением Диоклетиана жизнь в империи текла относительно спокойно и благополучно. Если не считать отдельных стычек на границах, крупные военные кампании пришлось вести только Галерию: одну на Дунае, а другую – против персов. Судя по всему, из трех императоров только Галерий проявлял признаки враждебности по отношению к христианству. Жена Диоклетиана Приска и их дочь Валерия были христианками. Казалось, что спокойной жизни церкви ничто не угрожало.

Первые трудности возникли, по-видимому, в армии. В вопросе о военной службе среди христиан не было общего согласия. Большинство церковных деятелей того времени говорили, что христиане не должны быть воинами, тем не менее в легионах служило много верующих. Примерно в 295 году нескольких христиан приговорили к смертной казни, одних – за отказ служить в армии, а других за попытку дезертирства. В таком отношении в военной службе Галерий усмотрел серьезную опасность, ибо в критический момент христиане вполне могли отказаться выполнять армейские приказы. Поэтому для поддержания боевого духа в армии Галерий убедил Диоклетиана изгнать из легионов всех христиан. Помимо удаления из рядов армии, эдикт Диоклетиана не предусматривал для христиан никаких других наказаний. Но в некоторых местах, по-видимому, из-за служебного рвения офицеров, не желавших сокращения находившихся в их подчинении воинских подразделений, предпринимались попытки принудить христиан отказаться от своей веры. В результате выносились смертные приговоры, причем все такие случаи происходили в армии на Дунае, которой командовал Галерий.

Под влиянием этих событий предубеждение Галерия против христиан росло, и наконец в 303 году он убедил Диоклетиана издать против них еще один эдикт. Но и в нем речь шла не о казнях христиан, а об удалении их с ответственных должностей в империи. Предписывалось удалить христиан со всех управленческих должностей и уничтожить все христианские здания и книги. Вначале более суровых мер не предпринималось. Но вскоре конфликт стал разрастаться, так как многие христиане отказывались отдавать свои Священные Писания, и в таких случаях их подвергали пыткам и приговаривали к смертной казни.

Затем в императорском дворце дважды вспыхнул пожар. Галерий обвинил христиан в поджоге в

отместку за разрушение их зданий и сожжение их книг. Некоторые христианские авторы того времени высказывали мысль, что Галерий сам совершил поджог, чтобы иметь возможность возложить вину на христиан. Гнев Диоклетиана не заставил себя ждать, и вышло распоряжение, что все христиане при императорском дворе должны принести жертвы языческим богам. Приска и Валерия подчинились, но управляющий двором Дорофей и еще несколько человек приняли мученическую смерть. По всей империи церкви и Священные Писания предавались огню, а кое-где чрезмерно усердные должностные лица следовали примеру императора и предавали христиан смерти. Единственным местом, где сохранялась чуть более спокойная обстановка, была территория под управлением Констанция Хлора. Там гонения ограничивались разрушением церковных зданий – во всяком случае так пишет, историк Евсевий, который вообще стремится представить Констанция в самом благоприятном свете.

Империя при Диоклетиане.

Обстановка накалялась. В некоторых местах возникли волнения, и Диоклетиан решил, что христиане замышляют против него заговор. Он распорядился арестовать всех руководителей церквей, а затем издал указ, предписывающий христианам принести жертву богам.

Так начались самые жестокие из всех гонений, которым подвергалась ранняя церковь. По примеру Деция предпринимались попытки убедить христиан отречься от веры. Многие христиане, привыкшие к относительной свободе последних десятилетий, уступали давлению. Остальных пытали с утонченной жестокостью, а затем разными способами казнили. Кое-кому удалось скрыться, а некоторым и взять с собой священные книги. Очень немногие смогли даже перейти границу с Персией, подтвердив тем самым худшие подозрения в отсутствии лояльности.

Тем временем Галерий домогался высшего положения в империи. В 304 году Диоклетиан заболел и, хотя остался жив, чувствовал себя слабым и усталым. Галерий явился к нему и сначала просьбами, а затем угрозами принудил к отречению. Он также добился отречения Максимиана, пригрозив вторгнуться на его территорию со своей явно более сильной армией. В 305 году Диоклетиан и Максимиан отреклись, а Галерий и Констанций Хлор приняли титул августа. Двумя кесарями при них стали Север и Максимин Дайя – ни на что не способные креатуры Галерия.

Лабарум стал распространенным символом христианства, о чем свидетельствуют саркофаги IV – V веков.

Но эти перестановки вызвали настороженность во многих легионах, где большой популярностью пользовались Константин и Максенций – сыновья Констанция и Максимиана. Константина держали заложником во дворе Галерия, дабы обеспечить лояльность Констанция Хлора. Но ему удалось бежать, и он присоединился к своему отцу. Когда Констанций умер, войска отказались подчиняться распоряжениям Галерия и провозгласили Константина своим августом. Тем временем Максенций захватил Рим, и Север, управлявший древней столицей, покончил жизнь самоубийством. Галерий вторгся на территории, которые занимал Максенций. Но его войска начали переходить на сторону противника, и он был вынужден вернуться в восточную часть империи, где пользовался большей поддержкой. В конце концов Галерий обратился к Диоклетиану с просьбой вернуться к делам и восстановить порядок. Диоклетиан же заявил, что его вполне устраивает выращивать капусту на покое, и отказался принять управление империей, хотя и изъявил готовность провести необходимые переговоры между враждующими сторонами. В конце концов был найден не лучший выход положения с провозглашением нового августа – Лициния. В то время претендентов в разных частях империи было слишком много, чтобы их здесь перечислять, и казалось, новые гражданские войны неизбежны. Тем временем Константин, сын Констанция Хлора, ждал своего часа и укреплял позиции на своих территориях в Галлии и Британии.

В этом политическом хаосе гонения продолжались, хотя их размах обусловливался политикой, проводившейся разными императорами в разных частях империи. На Западе большая часть территорий находилась под управлением Константина и Максенция, которые фактически игнорировали указы против христиан, считая их делом рук своего противника Галерия. Галерий и его главный ставленник Максимин Дайя продолжали преследовать христиан. Максимин пытался ужесточить политику Галерия, калеча христиан и отправляя их на работы в каменоломни. Но многие осужденные создавали новые церкви в местах заключения, и Максимин приказывал убивать их или отправлять в другие места ссылки. Список мучеников становился все длиннее, и конца не было видно.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Галерий тяжело заболел, и, возможно, под воздействием христиан, говоривших, что это кара Божья, нехотя решил сменить политику. 30 апреля 311 года он провозгласил:

Среди мер, принятых нами на благо и пользу народов, сначала решили мы восстановить все у римлян, согласно древним законам и общественным установлениям, заботясь о том, чтобы христиане оставили учение своих предков и образумились… Поэтому и последовало наше им постановление вернуться к установлениям предков; очень многие из них подверглись смертельной опасности, большое число было потревожено и умерло разной смертью. Увидев, что многие, пребывая в своем безумии, не воздают подобающего поклонения ни богам небесным, ни Богу христиан, мы, по нашему человеколюбию и неизменной привычке даровать всем прощение, решили незамедлительно распространить наше снисхождение и на христиан: пусть они остаются христианами, пусть строят дома для своих собраний, не нарушая только общественного порядка. В другом послании мы объясним судьям, что им надлежит соблюдать. И в соответствии с этим разрешением христиане должны молиться своему Богу о благоденствии нашем, всего государства и своем собственном: да будет все хорошо в государстве, и да смогут они спокойно жить у своего очага{16}.

Таким был эдикт, положивший конец самым жестоким гонениям церкви в Римской империи. Вскоре тюремные ворота раскрылись, и из них вышло множество людей, несших на себе отметины пыток и рассматривавших свое освобождение как вмешательство свыше.

Галерий умер через пять дней после издания эдикта, и христианский историк Лактанций,

утверждавший, что гонители христиан неизбежно умирают ужасной смертью, написал, что он покаялся слишком поздно.

Затем империю поделили Лициний, Максимин Дайя, Константин и Максенций. Трое первых признали власть друг друга, а Максенция объявили узурпатором. Что касается политики по отношению к христианам, лишь Максимин Дайя пытался возобновить гонения, которые прекратил Галерий.

Но близилась коренная перемена, положившая конец гонениям. Константин, в ходе предшествовавших интриг и гражданских войн занимавшийся в основном политическими махинациями, развернул кампанию, сделавшую его в конечном счете хозяином империи. Внезапно, когда этого меньше всего ожидали, Константин собрал войска в Галлии, перешел через Альпы и двинулся на Рим, столицу Максенция. Застигнутый врасплох, Максенций не сумел организовать оборону своих укрепленных пунктов, которые были быстро заняты войсками Константина. Ему удалось лишь собрать армию на подступах к Риму и там дать бой захватчику из Галлии. Рим был хорошо укреплен, и если бы Максенций поступил мудрее и остался за крепостными стенами, возможно, ход истории сложился бы иначе. Но он послушался своих авгуров, которые посоветовали ему дать сражение за пределами города.

По словам двух христианских летописцев, лично знавших Константина, накануне битвы он получил откровение. Один из них, Лактанций, пишет, что во сне Константину было дано повеление нарисовать на щитах воинов христианский символ. По сообщению другого летописца, Евсевия, на небе появилось видение со словами "сим победишь". Как бы там ни было, Константин приказал воинам поместить на щитах и на штандарте *labarum,* символ в виде греческих букв "хи" и "ро". Поскольку это были две первые буквы имени "Христос", *labarum* действительно мог являться христианским символом. Со временем христиане стали рассматривать этот эпизод как поворотный момент в обращении Константина, но историки указывают, что и после этого события Константин продолжал поклоняться Непобедимому солнцу. На самом деле обращение Константина было долгим процессом, к которому мы вернемся в следующей главе.

Во всяком случае важно то, что Максенций потерпел поражение и в бою у Мильвиева моста, упав в реку, утонул. Константин стал хозяином всей западной части империи.

Начав свою кампанию, Константин действовал быстро. После битвы у Мильвиева моста он встретился с Лицинием в Милане и заключил с ним союз. Среди прочего они договорились о прекращении гонений на христиан и о возвращении им церквей, кладбищ и прочего имущества. Это соглашение, известное под названием Миланского эдикта, обычно считается датой конца гонений (313), хотя эдикт Галерия имел куда более важное значение, а Максимин Дайя продолжал гонения и после Миланского эдикта. В конце концов после череды событий, к которым мы обратимся в следующей главе, Константин стал единственным императором, и гонения окончательно прекратились.

Вопрос о том, было ли это действительно победой или началом новых и, возможно, еще более серьезных трудностей, будет темой многих последующих глав. Однако обращение Константина имело, бесспорно, огромные последствия для христианства, перед которым встали новые проблемы. Что произойдет с теми, кто называл себя служителем плотника и чьими героями были рыбаки, рабы и преступники, приговоренные государством к смертной казни, когда они почувствуют на себе ореол имперского величия и примут его силу? Останутся ли они тверды в вере? Или на смену тем, кого подвергали пыткам и бросали на растерзание диким животным, придут люди, которым будет труднее устоять перед искушением легкой жизни и преимуществами высокого общественного положения? Именно эти жгучие вопросы встали перед христианской церковью в последующий период ее истории.

Часть вторая. Имперская церковь

7 Константин

Вечная, святая и непостижимая благость Божья не позволяет нам блуждать во тьме, она указует нам путь к спасению… Я наблюдал это не только в себе, но и в других людях.

Константин

Мы оставили Константина в тот момент, когда после разгрома Максенция в битве у Мильвиева моста он вместе с Лицинием издал указ о прекращении гонений. Мы уже отмечали, что в конце концов он стал единственным правителем Римской империи, и теперь нам предстоит проследить, как он добивался своей цели. Мы также остановимся на характере и искренности его обращения. Но первостепенное значение для истории христианства имеет не степень искренности Константина и не понимание им христианской веры, а то, какое влияние оказывали обращение и все совершенное этим императором при его жизни и впоследствии. Это влияние таково, что, по ряду мнений, церковь вплоть до XX века жила в "эпоху Константина" и нынешний кризис связан с завершением этой долгой эпохи. Вопрос о справедливости такого взгляда мы обсудим, когда наш рассказ дойдет до XX столетия. Во всяком случае, религиозная политика Константина оказала такое огромное воздействие на ход христианской истории, что вся вторая часть книги посвящена рассмотрению разного рода ответных действий на эту политику и попыткам приспособить ее к иным историческим обстоятельствам.

7.1 От Рима к Константинополю

Расширить подвластные ему территории Константин намеревался задолго до битвы у Мильвиева моста. С этой целью он готовил прочную оперативную базу в Галлии и в Британии. Пять лет он потратил на укрепление границ по Рейну, откуда постоянно исходили угрозы со стороны варваров, и на то, чтобы завоевать расположение своих подданных справедливым и мудрым правлением. Но он не был идеальным правителем. Он так любил роскошь и помпезность, что построил в своей столице Трире грандиозный и богато украшенный дворец, общественными же работами пренебрегал, и дело дошло даже до того, что дренажную систему окрестных полей прорвало, затопив виноградники, которые были основой местной экономики. Вместе с тем он обладал редким для правителей умением соблюдать разумные пределы налогообложения подданных, дабы сохранить их лояльность. Обезопасив границы от вторжений варваров, Константин добился расположения многих жителей Галлии. Частые грандиозные представления в цирке обеспечили ему поддержку любителей насилия и кровавых зрелищ – в жертву приносили так много плененных варваров, что, как утверждает летописец тех времен, эти представления в какой-то мере поблекли – животные устали убивать.

Будучи искусным политиком, Константин расправлялся с противниками по одному и всегда, прежде чем сделать очередной ход, старался обезопасить фланги. Например, хотя кампания против Максенция выглядела внезапной, он и в военном, и в политическом плане готовился к ней не один год. Военная подготовка вылилась в то, что в кампании против Максенция он задействовал всего четверть своих ресурсов, чтобы в его отсутствие не произошло крупного вторжения варваров или бунта на его собственных землях. В дипломатическом плане ему надо было добиться, чтобы Лициний, который был

восточным соседом Максенция, не воспользовался вторжением Константина и не предъявил претензий на какие-либо земли Максенция. Чтобы предотвратить такую возможность, Константин предложил Лицинию в жены свою сводную сестру Констанцию и, возможно, заключил с будущим зятем секретное соглашение. Это должно было прикрыть его фланг. Но даже и тогда он не двинулся в Италию, пока Лициний не завяз в конфликте с Максимином Дайей.

Победа у Мильвиева моста сделала Константина правителем западной части империи, в то время как Восток оставался поделенным между Лицинием и Максимином Дайей. Менее дальновидный политик сразу же двинулся бы против Лициния, тем более что по имеющимся сведениям Константин уже тогда решил, что будет воевать с ним. Но Константин умел выжидать. Как и раньше в Галлии, он сосредоточил усилия на консолидации своей власти на вновь завоеванных землях. Казалось, что его встреча с Лицинием в Милане еще больше укрепила их союз, и это подтолкнуло Лициния направить свои усилия против их общего противника Максимина Дайи. Таким образом, в то время как Константин собирал силы, Лициний был вынужден тратить их в войне с Максимином. В Милане Константин еще больше привязал к себе Лициния, исполнив обещание выдать за него Констанцию.

Союзники были еще в Милане, когда пришло известие, что Максимин вторгся на территорию Лициния и захватил город Византии. Похоже, что он считал войну неизбежной и решил ударить первым. Но Лициний действовал быстро, и Максимин был еще возле Византия – позднее Константинополь, а сейчас Стамбул, – когда противник появился перед ним с менее многочисленной армией и разбил его. Максимин был вынужден бежать и вскоре умер.

Империя стала теперь поделена между Лицинием, владевшим всем ее пространством к востоку от Италии, включая Египет, и Константином, владевшим Италией, а также Западной Европой и Северной Африкой. Учитывая родственные связи двух императоров, можно было надеяться, что гражданские войны подошли к концу. Но на самом деле как Лициний, так и Константин стремились к единоличной власти во всей империи, которая, несмотря на ее обширность, была слишком тесной для них двоих. Какое-то время оба противника занимались укреплением своей власти и подготовкой к неизбежному противостоянию.

Наконец враждебные действия начались. Был раскрыт заговор с целью убийства Константина, и следствие вышло на родственника Лициния, сбежавшего на его территорию. Лициний отказался выдать родственника Константину для предания его смертной казни и в конце концов объявил Константину войну. Хотя христианские историки всю вину обычно возлагают на Лициния, на самом деле именно Константин хотел войны со своим зятем, но ему удалось представить своего противника агрессором.

Затем Константин вторгся на территорию Лициния. Две битвы не принесли никому особого успеха, но Константин проявил себя более тонким стратегом, захватив Византии. Лициний был в то время в европейской части своих владений, а Византии занимал господствующее положение на коммуникациях, связывавших его с Азией, где находились его основные силы. Поэтому Лициний оказался отрезанным от своих главных сил и был вынужден запросить мира.

Константин в очередной раз проявил себя способным политиком и терпеливым человеком. У него были все возможности отказаться заключить мир и окончательно сокрушить Лициния. Но для этого ему надо было увести армию далеко от оплота своей власти, и в таком случае не исключалась возможность, что Лициний перехитрит Константина, повторив его собственный маневр со взятием Византия. Поэтому он удовольствовался присоединением большинства европейских территорий Лициния.

Это произошло в конце 314 года, и затем воцарился мир. Константин в очередной раз использовал передышку для укрепления власти на вновь завоеванных землях. Свою резиденцию он расположил не на Западе, а в Сирмии – на территории современной Югославии, – а затем в Сердике, современной Софии. Оба эти города располагались на недавно завоеванных землях, поэтому у Константина была возможность

наблюдать за действиями Лициния и укреплять свою власть в этих областях.

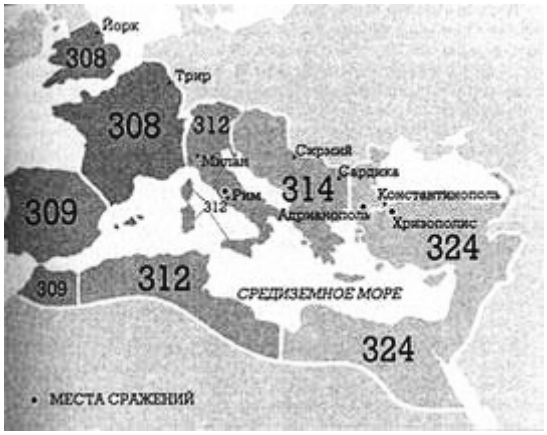
Перемирие продолжалось до 322 года, хотя напряженные отношения между императорами сохранялись. Главной причиной конфликта были их амбиции, что сказалось в вопросе о том, какие титулы и почетные звания Должны быть переданы их сыновьям. Ко времени, когда наконец разразилась война, камнем преткновения стала и религиозная политика.

На религиозной политике Лициния следует остановиться особо, ибо после победы Константина некоторые христианские авторы в своем стремлении оправдать его действия против Лициния пытались представить последнего в исключительно дурном свете. После Миланского эдикта Лициний в течение нескольких лет не предпринимал никаких мер против христиан. Более того, рассказ одного христианского автора того времени о победе Лициния над Максимином Дайя весьма созвучен рассказу о победе Константина над Максенцием – в нем тоже присутствует видение. Но у христиан во владениях Лициния не было согласия по многим вопросам, и это вело к общественным беспорядкам. Когда Лициний пытался использовать императорскую власть для наведения порядка, находились группы христиан, полагавшие, что их угнетают, и считавшие Константина защитником истинной веры и "императором, которого любит Бог". Лициний не был христианином, но есть сведения, что он боялся силы христианского Бога, поэтому в молитвах своих подданных за его противника он усматривал государственную измену. Именно поэтому он предпринял определенные меры против некоторых христиан, что дало Константину возможность выступить защитником христианства против угнетателя Лициния.

В 322 году Константин вторгся в земли Лициния под предлогом преследования отрядов варваров, перешедших Дунай. Обоснованно или нет, но Лициний расценил это как сознательную провокацию и начал готовиться к войне, собрав войска в Адрианополе, где ждал Константина с его более слабой армией.

Летописцы того времени утверждают, что Лициний боялся магической силы *labarum* Константина и что он приказал воинам не смотреть на христианский символ и не двигаться прямо на него. Если это действительно так, то войска были просто деморализованы. Но в любом случае после долгой и кровопролитной битвы менее многочисленная армия Константина одержала победу, а Лициний бежал в Византии.

Лициний надеялся, что сможет долго удерживать Византии, так как у него был сильный флот, благодаря которому он мог получать подкрепление по морю. Но его флотоводец оказался неопытным мореходом, и корабли тонули из-за штормов. Опасаясь быть полностью отрезанным от остальных своих территорий, Лициний ушел в Малую Азию. Константин последовал за ним, и после нескольких сражений Лициний пал духом и отказался от дальнейшей борьбы. Его жена Констанция – возможно, в сопровождении епископа Евсевия Никомидийского, который будет играть важную роль в нашем дальнейшем изложении, – пришла к нему от имени своего брата Константина, обещавшего сохранить жизнь Лицинию в обмен на его отречение. После многих лет интриг и войн Константин стал наконец хозяином всей Римской империи. Вскоре после этого Лициния убили. По сообщениям одних летописцев, он строил заговор против Константина, другие же намекают, что Константин сам приказал его убить или по крайней мере способствовал этому.

Расширение империи при Константине.

Константин царствовал еще тринадцать лет, вплоть до своей смерти в 337 году. В сравнении с предшествовавшим периодом гражданских войн это было время реформ и процветания. Но политическая нестабильность сохранялась, и несколько человек были казнены за подлинные или мнимые заговоры против императора, в том числе – его старший сын Крисп, командовавший флотом отца во время войны с Лицинием.

К абсолютной власти Константин стремился не ради власти как таковой. Как Деций и Диоклетиан до него, он мечтал возродить былую славу империи. Основное различие между ними заключалось в том, что Деций и Диоклетиан пытались достичь этой цели через возрождение язычества, а Константин полагал, что это лучше делать на основе христианства. Наиболее решительных противников эта политика встретила в Риме, в частности – в сенате, члены которого из числа старой аристократии сожалели о закате древних богов и о былых привилегиях. Уже за несколько лет до конечной схватки с Лицинием Константин столкнулся с противодействием римского сената. Теперь же, став полновластным хозяином империи, он провозгласил смелый курс: он построит "Новый Рим" – неприступный, могучий город, который будет называться Константинополем, то есть "городом Константина".

Вполне возможно, что стратегическое положение Византия Константин оценил в ходе кампании против Лициния. Этот город располагался на самом краю Европы, почти соприкасаясь с Малой Азией. Таким образом, он мог служить мостом между европейской и азиатской частями империи. Кроме того, если его должным образом укрепить, Византии смог бы держать под контролем весь Босфор, через который суда проходили из Средиземного моря в Черное. Срок мирного договора, заключенного несколько десятилетий назад с Персией, подходил к концу, и император чувствовал необходимость расположить свою резиденцию неподалеку от восточной границы. В то же время германские племена на Рейне по-прежнему оставались угрозой, и со стороны императора было бы неразумно слишком удалиться от западной части империи. По всем этим причинам Византии казался идеальным местом для новой столицы. Выбор Константина – который он приписывал не себе, утверждая, что следует указаниям, полученным от Бога, – оказался очень мудрым, поскольку основанный им город в течение многих веков будет оставаться важным стратегическим центром.

Но древний Византии был слишком мал для осуществления грандиозного замысла великого императора. Длина его стен, построенных при Септимии Севере, едва достигала двух миль. Повторив древнюю легенду об основателях Рима Ромуле и Реме, Константин вышел в поле далеко за пределы древних стен и копьем указал направление, которому должны следовать новые стены. Все это сопровождалось церемониями, в которых принимали участие как христианские священники, так и языческие жрецы. Когда императора, уже удалившегося от стен, спросили, далеко ли еще собирается он идти, он ответил: "До того места, куда ведет идущий впереди меня". Естественно, христиане из его свиты

могли истолковать эти слова как относящиеся к их Богу, а язычники – счесть, что имеются в виду их боги или, возможно, Непобедимое солнце. К концу церемоний Константин наметил обширную территорию, способную вместить огромные массы людей.

Строительство началось немедленно. Поскольку материалов и квалифицированных рабочих было недостаточно, чтобы уложиться в поставленные Константином сроки, статуи, колонны и другое архитектурное убранство привозили из разных городов. Посланцы Константина ездили по империи в поисках всего, что могло украсить новую столицу. Впоследствии Иероним скажет, что Константинополь одели, раздев всю остальную империю. Многие статуи языческих богов, взятые из храмов, ставили в таких местах, как ипподром, общественные бани или скверы. Тем самым боги, превращенные в элемент убранства, словно бы теряли свою силу.

Самой, пожалуй, известной статуей, привезенной в Константинополь, была статуя Аполлона, как говорят, работы Фидия, одного из лучших скульпторов всех времен. Ее поставили в центре города на вершине огромной каменной колонны, вывезенной из Египта и считавшейся самым большим подобного рода монолитом в мире. Чтобы сделать ее еще выше, колонну поместили на мраморный пьедестал высотой свыше шести метров.

Константинополь. Изображение из Нюрнбергской летописи XV века.

Общая высота монумента достигала примерно сорока метров. Но сама статуя уже не была изображением Аполлона – ее венчала голова Константина.

Среди других крупных общественных работ можно выделить базилику Святой Ирины – то есть святого мира, – ипподром и общественные бани. Был также построен большой дворец для императора, а те немногие аристократические семьи, которые согласились переехать из Рима, получили точные копии своих родовых резиденций.

Но для заселения нового города всего этого было недостаточно. Поэтому всем, кто приезжал в него, Константин предоставлял разного рода привилегии, например освобождение от налогов и службы в армии. Вскоре для жителей Константинополя стало обычным делом бесплатно получать масло, зерно и вино. В результате город начал расти такими умопомрачительными темпами, что век спустя при Феодосии II возникла необходимость в строительстве новых стен, ибо территория времен Константина, тогда казавшаяся чересчур обширной, уже не вмещала возросшего населения.

Как станет ясно из последующих глав, решение Константина основать новую столицу имело чрезвычайно важные последствия, ибо вскоре западная часть империи, в том числе Древний Рим, была

захвачена варварами, и Константинополь стал центром, в течение тысячи лет сохранявшим политическое и культурное наследие империи. Поскольку столицей этой восточной части Римской империи был бывший Византии, она стала называться Византийской империей.

7.2 От Непобедимого солнца к Иисусу Христу

По поводу обращения Константина высказывались разные точки зрения. Вскоре после событий, описанных в этой главе, появились христианские авторы – с одним из которых мы встретимся в следующей главе, – пытавшиеся доказать, что обращение императора было целью, к которой шла история церкви и империи. Другие же утверждали, что Константин был просто ловким политиком, использовавшим "обращение" для своей собственной политической выгоды.

Обе эти точки зрения – явное преувеличение. Достаточно прочитать документы тех лет, чтобы убедиться, что обращение Константина весьма отличалось от обращения других христиан. В то время обращенные проходили через долгое обучение и наставничество, чтобы понять смысл новой веры и жить по ней, и только затем крестились. Их наставником и пастырем был епископ, помогавший им понять роль веры в их повседневной жизни.

В случае с Константином дело обстояло иначе. Даже после битвы у Мильвиева моста и в течение всей последующей жизни он никогда не подчинялся духовному руководству учителя или епископа. Христиане, например Лактанций, наставник его сына Криспа, входили в его окружение. Одно время при нем состоял Осий, епископ Кордовы, выполнявший роль посредника между Константином и другими церковными деятелями. Но Константин сохранял за собой право самому определять свою религиозную политику и даже вмешиваться в дела церкви, так как считал себя "епископом епископов". И после обращения он неоднократно принимал участие в языческих обрядах, в которых христианин участвовать не мог, и епископы не высказывали по этому поводу никакого осуждения.

Объяснялось это не только его властными полномочиями и вспыльчивым характером, но и тем, что, несмотря на проводившуюся им политику поддержки христианства и на его неоднократные исповедания силы Христа, формально он не был христианином, так как крещения не принял. Крестился он только на смертном одре. Поэтому политика в целом и эдикты в поддержку христианства воспринимались церковью как дела человека, дружески настроенного к ней или даже склонного стать христианином, но еще не сделавшего решающего шага. В том же свете рассматривались все религиозные и нравственные "проступки" Константина, то есть как прискорбные дела человека, расположенного стать христианином, но не входящего в число верующих. Такому человеку церковь может давать советы или даже оказывать поддержку, но она не может направлять его. Такое двусмысленное положение дел сохранялось до последнего часа жизни Константина.

С другой стороны, по ряду причин Константина нельзя рассматривать как обычного сторонника политических компромиссов, заявившего о своем благосклонном отношении к христианству, чтобы добиться поддержки христиан. Во-первых, в такой точке зрения заложен анахронизм, ибо Константин оказывается неким предтечей современных политиканов. Но с таким тонким расчетом к религиозным вопросам не подходили и самые неверующие люди. Во-вторых, если Константин был таким беспринципным соглашателем, он начал искать поддержки христиан в неподходящее время. Монограмму "хиро" на свой *labarum* он поместил в момент, когда готовился к битве за город Рим, центр языческих традиций, где его основными сторонниками были представители старой аристократии, считавшие, что их притесняет Максенций. Более сильными позиции христиан были не на Западе, за который он тогда боролся, а на Востоке, претензии на который Константин предъявит позднее. Наконец, следует отметить, что поддержка христиан имела для Константина сомнительную ценность. Учитывая неприятие церковью

военной службы, количество христиан в войсках, особенно на Западе, было относительно небольшим. В гражданском же населении большинство христиан принадлежало к низшим классам, и их экономические возможности были весьма скромными. Кроме того, после почти трех веков напряженной обстановки в империи невозможно было предсказать, как христиане отнесутся к такому необычному явлению, как христианский император.

Быть может, истина заключается в том, что Константин просто искренне верил в силу Христа. Но это не значит, что он понимал эту силу так же, как христиане, умиравшие за нее. Христианский Бог казался ему могущественным существом, которое будет благоволить ему, пока он поддерживает верующих. Поэтому, издавая законы в пользу христианства и строя церкви, Константин добивался расположения не христиан, а их Бога. Именно этот Бог дал ему победу в битве у Мильвиева моста и во многих других сражениях. В определенном смысле Константин понимал христианство так же, как Лициний, испугавшийся сверхъестественной силы, заключенной в *labarum* его противника. Различие просто в том, что Константин использовал эту силу, встав на сторону христиан. Такое истолкование веры Константина подкрепляется его собственными заявлениями, показывающими его искренним человеком, который весьма смутно понимал смысл христианского послания.

Но это не мешало императору служить и другим богам. Его отец был верным поклонником Непобедимого солнца. Поклонение Непобедимому солнцу, не подразумевая отвержения других богов, было поклонением Высшему Существу, символом которого было солнце. Проводившаяся Константином политика показывает, что в его глазах Непобедимое солнце и христианский Бог не были так уж несовместимы. Возможно, ему казалось, что их можно считать выражениями одного Высшего Божества и что другие боги, хотя и занимающие подчиненное положение, тоже вполне реальны и обладают определенной силой. Поэтому при случае он обращался за советом к оракулу Аполлона, принял титул первосвященника, который традиционно был прерогативой императоров, и участвовал в разного рода языческих обрядах, не отдавая себе отчета, что тем самым он изменяет Богу, Который дал ему победу и власть.

Кроме того, Константин был проницательным политиком. Он обладал такой властью, что мог благоволить христианам, строить церкви и даже перевозить в Константинополь статуи языческих богов для украшения города своей мечты. Но если бы он попытался запретить поклонение языческим богам, то очень скоро столкнулся бы с непреодолимым сопротивлением. Языческие боги отнюдь не были забыты. Христианство еще только начинало укореняться среди старой аристократии и сельского населения. В армии многие поклонялись Митре и другим богам. В афинской Академии и в александрийском Музее, двух крупнейших учебных центрах того времени, учили языческой мудрости. Императорский указ не мог отменить всего этого, во всяком случае – пока не мог Да и у самого императора, не видевшего, чем так уж несовместимы Непобедимое солнце и Воплощенный Сын, не было желания такой указ издавать.

В таких условиях религиозная политика Константина представляла собой медленный, но необратимый процесс. Вполне вероятно, что этот процесс отражал как требования политической реальности, так и внутреннюю эволюцию самого Константина, постепенно отходившего от старой религии и все полнее постигавшего новую. Сначала он просто положил конец гонениям и приказал вернуть конфискованную у христиан собственность. Затем начал проявлять новые признаки благоволения христианам, такие, например, как передача в дар церкви Латеранского дворца в Риме, принадлежавшего его жене, или предоставление службы почтовой связи империи в распоряжение епископов, отправлявшихся в 314 году на Арльский синод. В то же время он стремился оставаться в ладу и с последователями старых религий, особенно – в римском сенате. Официальная религия империи была языческой, и, будучи главой этой империи, Константин принял титул первосвященника и исполнял функции, соответствующие этому титулу. На монетах, чеканившихся вплоть до 320 года, изображались

имена и символы языческих богов наряду с монограммой Христа, которую Константин впервые использовал в битве у Мильвиева моста.

Императрица Елена приносит в дар базилику. Фрагмент рисунка из рукописи V века.

Кампания против Лициния дала Константину возможность предстать защитником христианства. Он вторгался на территории, где церковь насчитывала наибольшее количество сторонников. Разгромив Лициния, Константин назначил многих христиан на высокие правительственные посты. Учитывая усиление напряженности в отношениях с римским сенатом, выступавшим за возрождение язычества, Константин все больше склонялся к поддержке христианства.

В 324 году императорский указ предписал всем воинам поклоняться Верховному Богу в первый день недели. В этот день христиане праздновали воскресение Господа. Но это был также день Непобедимого солнца, поэтому язычники не видели причин воспротивиться эдикту. Год спустя в Никее епископы собрались на встречу, которая впоследствии стала называться Первым Вселенским собором{17}. Это собрание было созвано императором, в очередной раз предоставившим в распоряжение епископов имперскую службу связи.

Строительство Константинополя стало еще одним шагом на этом пути. Решение создать "Новый Рим" само по себе было попыткой ослабить власть древних и по большей части языческих аристократических семей в Риме. А набеги на языческие храмы, из которых вывозились статуи и другие предметы для украшения новой столицы, нанесли удар по языческим религиям, многие святилища которых лишились богов, служивших предметом местного поклонения. В то же время строительство новых и великолепных церквей резко контрастировало с разграблением старых храмов.

Но несмотря на все это почти до самого дня своей смерти Константин продолжал исполнять функции языческого первосвященника. Когда он умер, сменившие его трое сыновей не воспротивились решению сената провозгласить его богом. Таким образом, по иронии судьбы Константин, нанесший такой большой ущерб язычеству, стал одним из его богов.

7.3 Значение Константина

Влияние, оказанное Константином, ощутимо в церкви вплоть до XX века. Но его царствование и проводившаяся им политика имели для церкви и более прямые последствия, проявившиеся почти немедленно.

Разумеется, самым прямым последствием обращения Константина было прекращение гонений. До тех пор даже во времена относительного спокойствия христиане жили под постоянной угрозой гонений и с надеждой для многих стать мучениками. После обращения Константина эта угроза и эта надежда исчезли. Несколько языческих императоров, правивших после него, не преследовали христиан, а пытались возродить язычество иными способами.

Одним из результатов нового положения дел стало развитие того, что можно назвать "официальным богословием". Ошеломленные милостями, которые Константин изливал на них, многие христиане стремились доказать, что Константин был избран Богом, чтобы привести историю церкви и империи к наивысшей точке развития, в которой они соединились. Типичным выразителем такого взгляда был Евсевий Кесарийский (не путать с Евсевием Никомидийским), о котором мы поговорим в следующей главе.

Другие придерживались противоположной точки зрения. По их мнению, тот факт, что императоры объявляют себя христианами и в результате люди толпами приходят в церковь, свидетельствует не о благословении, а о великом отступничестве. Некоторые из тех, кто смотрел на вещи в таком свете, но не хотел порывать с церковью, уходили в пустыню, где они вели аскетический образ жизни и предавались размышлениям. Поскольку мученичество стало невозможным, эти люди полагали, что истинные последователи Христа должны продолжать готовиться если не к мученической смерти, то к монашеской жизни. Поэтому в IV веке наблюдался массовый исход искренних христиан в пустыни Египта и Сирии. Это раннее монашеское движение мы рассмотрим в главе 15.

Неприятие нового положения дел выражалось и в другой точке зрения, согласно которой лучше всего было просто порвать связи с основной церковью, ставшей имперской, и считать ее греховной и отступнической. К рассмотрению таких взглядов мы обратимся в главе 16.

Среди тех, кто не ушел в пустыню и не стал раскольником, а остался в церкви, отмечался настоящий всплеск духовной жизни и работы мысли. Как в любой поворотный период, многие предлагали теории и учения, которые не могли быть приняты церковью. Самым значительным из таких движений было арианство, вызвавшее жаркую полемику по вопросу о Троице. В главе 17 мы рассмотрим, как развивалась эта полемика до 361 года, когда императором стал Юлиан.

Правление Юлиана ознаменовало высшую точку реакции язычников на обращение Константина. Глава 18 будет посвящена его правлению и рассмотрению попыток придать язычеству новые силы.

Но большая часть христиан не выражала по этому поводу ни крайнего восторга, ни безусловного неприятия. Большинство руководителей церкви считали, что новые условия не только открывают благоприятные возможности, но и таят серьезные опасности. Поэтому, заявляя о верности императору, что, впрочем, большинство христиан делало всегда, они подчеркивали, что в конечном счете их верность принадлежит только Богу. Такой была позиция "отцов" церкви (не совсем точное определение, так как среди них были и "матери"). И опасности, и благоприятные возможности были велики, поэтому перед ними стояла трудная задача. Возможно, они не всегда принимали верные решения и занимали правильную позицию, но так или иначе то была эпоха гигантов, придавших очертания церкви на много веков вперед.

Но прежде чем заняться рассмотрением разного рода ответных действий, вызванных обращением Константина, нам придется сделать паузу, чтобы рассмотреть, как его обращение сказалось на проведении богослужений, которые для большинства христиан, скорее всего, были главными свидетельствами перемен.

До времен Константина христианское богослужение было относительно простым обрядом. Поначалу христиане собирались в частных домах. Затем они стали собираться на кладбищах,таких как римские

катакомбы. К III веку появились помещения, специально предназначенные для проведения богослужений. Самую старую церковь, относящуюся примерно к 250 году, археологи нашли в Дура-Европосе. Она представляла собой небольшую комнату, украшенную очень простыми фресками.

После же обращения Константина на христианских богослужениях появился отпечаток имперского величия. Фимиам, использовавшийся как знак уважения к императору, начал применяться и в христианских церквах. Священники, совершавшие до того времени богослужение в обычной одежде, теперь облачались в роскошные одеяния. Некоторые обрядовые действия, которые обычно совершались перед императором, стали частью христианского богослужения. Вошло в обычай начинать службу с шествия. Появились хоры, в значительной мере – для сопровождения этих шествий. В конечном счете, прихожане стали играть менее активную роль.

Уже во II веке появился обычай отмечать день смерти мучеников, собираясь у мест их погребения. Теперь же во многих таких местах были построены церкви. В конце концов многие пришли к выводу, что богослужение имеет особенную ценность, если проводится в одном из тех святых мест, где есть останки мучеников. В результате начали выкапывать тела мучеников и помещать их – или отдельные их части – под алтарями многих строившихся церквей. Другие утверждали, что получили откровение от неизвестных или забытых мучеников. Кое-кто заявлял даже, что получил видение, показавшее, где погребен тот или иной мученик, – именно так обстояло Дело с Амвросием и с предполагаемыми останками святых Гервасия и Протасия. В конце концов в церкви распространилось убеждение, что останки святых и реликвии новозаветных времен обладают чудодейственной силой. Особый вклад в развитие таких настроений внесла императрица Елена, мать Константина, нашедшая в ходе паломничества на Святую землю то, что она сочла крестом Христа. Вскоре было объявлено, что крест обладает чудодейственной силой, и кусочки дерева – якобы от этого креста – разошлись по всей империи.

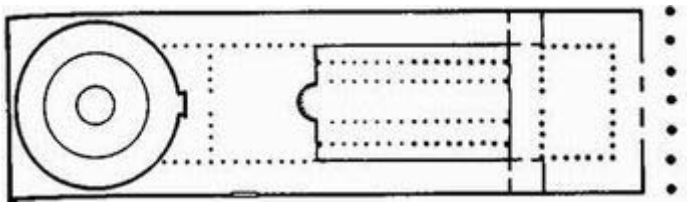
Ко всему этому многие руководители церкви относились неодобрительно и пытались предотвратить развитие суеверных представлений. Поэтому в своей проповеди они обычно говорили, что хороший христианин не обязательно должен идти в Святую землю и что почитание мучеников не надо делать самоцелью. Но их проповедь часто не достигала цели, так как людей в церковь приходило так много, что не оставалось времени для подготовки их к крещению и тем более для водительства их в христианской жизни после крещения.

Церкви, построенные при Константине и его преемниках, никоим образом не походили на простую церковь в Дура-Европосе. Константин приказал построить в Константинополе церковь Святой Ирины, то есть святого мира. Его мать Елена построила на Святой земле церковь Рождества и еще одну – на Елеонской горе. Подобные церкви строились во всех крупных городах империи, иногда по прямому распоряжению императора, а иногда просто по примеру новой столицы. Такая политика продолжалась и при преемниках Константина, большинство из которых стремились увековечить свою память строительством больших церквей. Хотя большинство церквей, построенных при Константине и его ближайших преемниках, не сохранились, есть достаточно указаний на их общий замысел, проявившийся в церквах, построенных позже и стоящих до сих пор.

В некоторых церквах алтарь находился в центре, а внутреннее пространство имело многоугольную или почти круглую форму. Но строители большинства церквей придерживались классической прямоугольной планировки "базилики". Этим древним словом называли большие общественные (или иногда частные) здания, основная часть которых представляла собой зал, разделенный на нефы двумя или несколькими продольными рядами колонн. Именно эта планировка служила в основном моделью для строительства церквей в первые века после обращения Константина, поэтому такие церкви получили название базилик.

Христианские базилики состояли обычно из трех основных частей: атриума, нефов и алтарной части. Атриум представлял собой прямоугольное окруженное стенами помещение у входа. В центре атриума находился фонтан, где верующие могли совершить ритуальное омовение, прежде чем войти в основную часть здания. Притвор, расположенный между атриумом и собственно базиликой, назывался нартексом и имел одну или несколько дверей, ведущих в нефы.

Нефы были самой просторной частью базилики. В центре находился главный неф, отделенный от боковых рядами колонн. В главном нефе потолок обычно располагался выше, чем в остальной части здания, и над двумя рядами колонн, отделявших его от других нефов, возвышались стены с окнами, через которые проходил свет. Боковые нефы были ниже и обычно уже. Поскольку, как правило, имелось два или четыре ряда колонн, в одних базиликах было три нефа, и в других – пять (хотя строились и базилики с девятью нефами, обычно их число не превышало пяти).

Типичный план христианских церквей при Константине, с рядами колонн, образующими несколько нефов (в данном случае пять). Обратите внимание также на апсиду и атриум.

В конце главного нефа возле алтарной части располагалось место для хора, чаще всего огражденное. С двух сторон от него стояли две кафедры, с которых читалось и комментировалось Писание и на которые входил регент хора во время пения псалмов.

Алтарная часть располагалась в конце нефа и возвышалась над ним. Она была перпендикулярна нефу и немного превышала ширину основной части базилики, что придавало общей планировке форму креста или буквы Т. Ближе к середине алтарной части находился собственно алтарь, на который помещались Святые Дары для причастия.

Задняя стена алтарной части напротив главного нефа была полукруглой, образуя апсиду – вогнутую нишу за алтарем. У стены апсиды стояли скамьи для служителей. Если церковь была епископской, среди этих скамей помещалось кресло для епископа, или "кафедра", от которой образовалось слово "кафедральный". В некоторых случаях епископ читал проповедь, сидя на кафедре.

Внутреннее помещение базилики богато украшалось полированным мрамором, светильниками и гобеленами. Но наиболее характерной формой христианского искусства в тот период (и долгое время спустя в Восточной церкви) была мозаика. Стены покрывались картинами, составленными из очень маленьких цветных кусочков камня, стекла или фарфора. На мозаиках обычно изображались сцены на библейские темы или на темы, связанные с христианским преданием. Иногда изображался человек, оплативший строительство базилики, в этих случаях он часто был показан передающим в дар небольшую копию базилики. Естественно, главной стеной была стена апсиды. Она обычно украшалась большим мозаичным панно с изображением либо Девы Марии с Младенцем на коленях, либо Христа, сидящего во славе как Верховный Властелин мироздания. Такое изображение Христа как Пантократора, то есть Верховного Правителя, отражало влияние изменившейся политической обстановки на христианское искусство – сидящий на престоле Христос очень напоминал римского императора.

Возле базилики располагались другие здания. Наиболее важным из них был баптистерий. Он представлял собой круглое или многоугольное помещение достаточно больших размеров, чтобы принять несколько десятков человек. В центре находился бассейн для крещения, в который спускались по

ступенькам. Там совершалось крещение, обычно погружением или обливанием. (Это были два принятых способа крещения, во всяком случае до IX века. Крещение окроплением головы практиковалось и раньше, но только в исключительных случаях, когда того требовало состояние здоровья, когда крещение совершалось на смертном одре или когда не хватало воды. Альтернативная форма крещения получила распространение в IX веке в более холодных районах Западной Европы. В Италии крестить погружением продолжали до XIII века, а в восточных церквах – греческой, русской и других – погружением крестят до сих пор.)

В середине баптистерия висел большой занавес, разделявший помещение на две части, мужскую и женскую половины, поскольку в IV веке в воду спускались обнаженными, а после выхода из нее получали белые одежды.

Все это служит иллюстрацией последствий обращения Константина. В ранней церкви сохранялись традиционные обычаи. Причащение оставалось основным обрядом богослужения и совершалось каждое воскресенье. Крестили по-прежнему погружением, и сохранялось многое из старой символики. Но изменения, вызванные новыми условиями, наблюдались повсюду. Основная проблема, стоявшая перед церковью, заключалась в том, до какой степени и как она должна приспособиться к изменившимся обстоятельствам. Все были едины во мнении, что так или иначе перемены необходимы. Все были едины также во мнении, что перемены не должны привести к отказу от традиционной веры церкви. Расхождения касались вопроса, что в сущности означает признание новой реальности с одновременным сохранением верности изначальному учению.

8 Официальное богословие: Евсевий Кесарийский

Когда я смотрю на запад или на восток, когда я смотрю на всю землю и даже на небо, я всегда и повсюду вижу благословенное Константинова руководство одной империей.

Евсевий Кесарийский

Евсевий Кесарийский был, по всей вероятности, самым образованным христианином своего времени. Он был также одним из самых страстных почитателей Константина и его дел, что видно из приведенных выше слов, и именно поэтому его иногда изображают бесхарактерным человеком, позволившим ослепить себя блеском императорской власти. Но если рассмотреть его жизнь в целом, все выглядит не настолько простым.

Евсевий родился примерно в 260 году, скорее всего в Палестине, где провел большую часть молодых лет. Его называют Евсевием Кесарийским, потому что в этом городе он провел большую часть жизни и служил епископом, хотя и нет уверенности, что он родился именно там. О его родителях практически ничего не известно, неясно даже, вырос ли он в христианской семье или обратился позднее.

Во всяком случае человеком, оказавшим глубокое влияние на Евсевия, был Памфил Кесарийский. Памфил, родом из Берита – ныне Бейрута в Ливане, – учился в Александрии у Пиерия, известного учителя, продолжавшего в этом городе дело Оригена. Памфил занимал важные должности в Берите, а затем перебрался в Кесарию, по-видимому по просьбе епископа этого города. Церковь в Кесарии хранила библиотеку Оригена, и Памфил проводил много времени, работая с ней и пополняя ее. В этом ему помогали несколько человек, которых привлекали интеллектуальная любознательность Памфила и глубина его веры. Одним из тех, на кого ученый из Берита произвел сильное впечатление, был молодой Евсевий, отдававший ему долг признательности тем, что называл себя Евсевием Памфилом.

Памфил, Евсевий и еще два-три человека несколько лет работали одной сплоченной группой единомышленников, жили, вероятно, в одной комнате, ведя общее хозяйство. В конце концов ученик превзошел учителя – Евсевий предпринял всеобъемлющие исследования документов, касающихся происхождения христианства. В этот период совместной работы Памфил и Евсевий написали несколько книг, но большинство из них не сохранились.

Но затем мирной жизни, посвященной ученым штудиям, наступил конец. Еще не прошло время гонений, и угроза, которая не переставала маячить на горизонте, вылилась в бурю, разразившуюся при Диоклетиане. К июню 303 года гонения дошли до Кесарии, когда там впервые за много лет за веру погиб человек. Буря нарастала. В 305 году в сан императора был возведен Максимин Дайя, злейший враг христианства. Два года спустя Памфила арестовали. Как раз тогда буря на какое-то время затихла, и великий христианский ученый просидел в тюрьме более двух лет, прежде чем его приговорили к смертной казни. В течение этого времени Евсевий принимал участие в составлении пятитомника "Защита Оригена", к которому он после мученической смерти своего учителя добавил шестой том.

Самого Евсевия не арестовали. Почему, неясно. По крайней мере дважды он покидал город, и можно предположить, что причиной тому было желание избежать ареста. В то время большинство христиан не считало постыдным скрываться от гонений, ибо на мученичество человека избирает Бог. Как бы там ни было, сам Евсевий не пострадал во время гонений, но его учитель и многие его товарищи стали мучениками.

Именно в эти грозные времена Евсевий написал свою самую значительную работу – "Церковная история". Этот труд, в который он впоследствии вносил изменения, стал важнейшим источником для всех последующих поколений историков церкви. Не будь его, многое из того, о чем мы сейчас рассуждаем, было бы утрачено. Именно Евсевий собрал, свел в единое целое и опубликовал практически все, что нам сегодня известно о людях и событиях ранней церкви. Если бы не он, наше представление о ранней истории христианства было бы далеко не полным.

Наконец, в 311 году положение дел переменилось. Сначала издал указ Галерий. Затем Константин разгромил Максенция и вместе с Лицинием в Милане положил конец гонениям. С точки зрения Евсевия и его выживших товарищей, это стало результатом прямого вмешательства Бога и чем-то напоминало события исхода. С этого времени Евсевий – и, по-видимому, многие другие христиане, не выражавшие своих взглядов письменно, – считали Константина и Лициния орудиями Божьего провидения. Когда борьба между императорами наконец закончилась, Евсевий пришел к убеждению, что у Лициния помутился рассудок, отчего он и начал преследовать христиан. Орудием Божьим остался только Константин.

За несколько лет до того, как Константин стал единоличным императором, Евсевия избрали епископом Кесарии. Это была большая ответственность, так как гонения рассеяли паству, которую предстояло собрать снова. Кроме того, сфера полномочий епископства Кесарии распространялась не только на церковь самого города, но и на всю Палестину. Теперь, когда Евсевий стал пастырем и администратором, у него оставалось мало времени для литературных и ученых занятий.

После избрания Евсевия епископом Кесарии прошло достаточно много лет, когда спокойная жизнь церкви была нарушена новой бурей. На этот раз причиной ее стали не гонения со стороны властей, а ожесточенная богословская полемика, угрожавшая единству церкви: арианская ересь. На ней мы особо остановимся в одной из следующих глав, поэтому сейчас не имеет смысла вдаваться в подробности. Достаточно сказать, что поведение Евсевия в этой полемике нельзя назвать безукоризненным. Но объяснялось это не лицемерием или склонностью к компромиссам. Евсевий просто не понимал до конца, что было поставлено на карту. По его представлениям, первостепенное значение имело сохранение единства церкви. Поэтому, хотя сначала он как будто бы поддерживал арианские взгляды, на Никейском соборе он занял противоположную позицию, но по окончании собора опять начал лавировать. Он был известным епископом и ученым, и многие ориентировались на него, так что неопределенность его позиции, как, по-видимому, и многих других менее одаренных людей, мало способствовала достойному завершению полемики.

Впервые Евсевий встретился с Константином много лет назад, когда будущий император посетил Палестину в свите Диоклетиана. На Никейском соборе он увидел, что император выступает сторонником единства церкви и ратует за ее благополучие. Он несколько раз беседовал с императором и вел с ним переписку. Возможно, он узнал Константина лучше, когда тот приехал со своим двором в Иерусалим на освящение нового храма Гроба Господня. Торжества по этому случаю совпали с празднованием тринадцатой годовщины правления Константина. Вопрос об арианстве продолжал оставаться актуальным, и епископы, собравшиеся сначала в Тире, а затем в Иерусалиме, живо им интересовались, как и император. Евсевий, будучи епископом главного города этой части империи, играл важную роль во всех церемониях и выступил с хвалебной речью в адрес Константина. Эта речь, текст которой сохранился, служит одним из оснований для обвинений его в лести и угодничестве. Но если на нее посмотреть с точки зрения принятых тогда норм поведения в подобных обстоятельствах, восхваление императора в речи Евсевия выглядит достаточно умеренным.

Во всяком случае Евсевий не был ни близким другом, ни придворным Константина. Большую часть жизни он провел в Кесарии и в близлежащих местностях, занимаясь церковными делами, тогда как

Константин проводил время либо в Константинополе, либо в других частях империи. Их встречи были краткими и редкими. Поскольку Евсевий пользовался уважением и авторитетом многих других деятелей церкви, император оказывал ему поддержку. А Евсевий, со своей стороны, будучи убежден, что после великих испытаний предшествовавших лет Сам Бог поставил Константана, тоже без колебаний поддерживал императора. Более того, только после смерти Константина в 337 году Евсевий написал свои самые хвалебные строки в адрес правителя, принесшего мир церкви. Поэтому его поведение было не столько выражением лести, сколько благодарностью пристрастного человека.

Но благодарность Евсевия шла дальше словесных восхвалений. Его представление о роли личности Константина наложило отпечаток на все его творчество, особенно в плане понимания истории церкви вплоть до его времени. Последний вариант "Церковной истории" представляет собой не просто пересказ различных событий из жизни ранней церкви. Это по сути апология, в которой автор стремится доказать, что христианство – конечная цель человеческой истории и что это ярко проявилось на примере Римской империи. Подобные мысли высказывались и раньше, когда христианские авторы II века заявляли, что вся истина исходит от Логоса, воплотившегося в Иисусе Христе. По мнению таких авторов, как Юстин и Климент Александрийский, философия и иудейское Писание подготавливали учение Христа. Также звучала мысль, что сама империя и относительный порядок, который она поддерживала в Средиземноморском бассейне, были Божьим установлением с целью облегчить распространение христианской веры. Другие авторы, например Ириней, утверждали, что вся человеческая история со времен Адама и Евы представляет собой широкомасштабный процесс, в ходе которого Бог готовит человечество к единению с божественным началом. Евсевий свел эти идеи воедино, показав их в действии на примере конкретных фактов в истории церкви и империи. В результате история стала уже не просто чередой событий, представляющих лишь археологический интерес, а еще одним доказательством истины христианства, являющегося кульминационной точкой человеческой истории.

Краеугольным камнем этой теории было обращение Константина. По мысли Евсевия, основная причина гонений – непонимание римскими властями, что христианство представляет собой наивысшее выражение лучших римских традиций. Вера и империя, так же как вера и философия, по сути не являются несовместимыми вещами. Наоборот, христианская вера – это конечная точка развития как философии, так и империи. Таким образом, по представлениям Евсевия, религиозная политика Константина имела значение не только потому, что она была выгодна церкви, но и по более глубоким причинам. Создавшаяся новая обстановка стала наглядным и убедительным доказательством истины Евангелия, к которому была направлена вся человеческая история.

Такая богословская точка зрения не позволяла Евсевию критически относиться к событиям, происходившим в то время. Он как будто бы отдавал себе отчет, что у Константина есть недостатки, в частности знал о его вспыльчивом характере и даже о проявлявшихся порой кровожадных наклонностях. И дабы избежать обсуждения этого вопроса, Евсевий просто обходил его молчанием.

Но суть заключается не в том, что Евсевий говорит или не говорит о Константине. Его труды показывают, до какой степени, пусть даже невольно, христианское богословие стало приспосабливаться к новым условиям, так что при этом оно даже отказалось от некоторых своих традиционных постулатов.

Чтобы показать, как менялось богословие применительно к изменившимся условиям, достаточно привести три примера. Во-первых, совершенно ясно, что в Новом Завете и ранней церковью утверждалось, что Евангелие – это прежде всего Благая Весть для нищих и что богатым чрезвычайно трудно услышать и принять ее. Один из наиболее сложных вопросов для ранних христиан заключался в том, как богатый человек может получить спасение. Но теперь, начиная со времен Константина, богатство и пышность стали считаться признаками божественного расположения. В следующей главе мы покажем, что монашеское

движение возникло как протест против такого приспособленческого отношения к христианской жизни. Но Евсевий – и тысячи других, от имени которых он говорил, – как будто бы не сознавали значения радикальных изменений, в результате которых гонимая церковь превратилась в церковь власти, и опасностей, связанных с этим изменением.

Во-вторых, Евсевий с радостью и гордостью описывает вновь построенные и богато украшенные церкви. Но прямым результатом строительства таких церквей и проведения соответствующих им богослужений стало зарождение и развитие клерикальной аристократии, подобной имперской аристократии и столь же чуждой простому люду. Порядки, существовавшие в империи, церковь воспроизводила не только в богослужениях, но и в своем внутреннем устройстве.

Наконец, разработанная Евсевием концепция истории привела его к игнорированию основополагающей темы христианской проповеди: пришествия Царства Божьего. Хотя Евсевий и не говорит об этом прямо, при чтении его работ складывается впечатление, что замысел Божий нашел завершение в Константине и в его преемниках. В условиях существующего политического порядка лучшее, на что могут рассчитывать христиане, – обретение Небесного Царства для каждого отдельного верующего. Со времени Константина и в значительной мере благодаря работам Евсевия и многих других богословов, придерживавшихся такой же ориентации, постоянно проявлялась тенденция приглушить или отодвинуть на неопределенный срок надежду ранней церкви, что Господь вернется в облаках и установит Царство мира и справедливости. Позднее многие из тех, кто пытались возродить эту надежду, объявлялись еретиками и осуждались за ересь.

Евсевий был наиболее ярким сторонником произошедших изменений, но не единственным. Вся история того периода свидетельствует, что Евсевий, излагавший свои взгляды в наиболее доходчивой форме, просто-напросто выражал чувства христиан, полагающих, что Константин принес мир и обеспечил победу христианства над его врагами. Простые христиане не могли выразить свои мысли с таким же изяществом и с таким знанием дела, но именно они, продвигаясь шаг за шагом, определяли лицо церкви. Евсевий был не создателем того, что мы назвали "официальным богословием", а скорее выразителем мыслей тысяч христиан, которые, как и он, осознали Божью милость, избавившую церковь от гонений. Но, как будет видно из следующих глав, не все христиане относились к этому столь же восторженно.

9 Ответ монашеского движения

Монахи, покидающие свои кельи или стремящиеся к общению с другими людьми, теряют покой, как рыбы, вытащенные из воды, теряют жизнь.

Антоний

Не все одинаково отнеслись к новой обстановке, в которой оказалась церковь после установленного Константином мира. Наряду с теми, кто, подобно Евсевию Кесарийскому, во всех этих событиях видел исполнение Божьих целей, были люди, сожалевшие, что уровень христианской жизни так резко снизился. Узкие врата, о которых говорил Иисус, стали настолько широкими, что через них устремились бесчисленные толпы людей, многих из которых привлекали привилегии и особое положение, но не интересовало глубокое изучение смысла крещения и христианской жизни под крестом. Епископы боролись друг с другом за влияние. В церковной жизни главную роль все чаще играли богатые и сильные. Плевелы росли так быстро, что угрожали заглушить пшеницу.

Почти триста лет церковь жила под постоянной угрозой гонений. Все христиане знали, что однажды они могут предстать перед римскими властями и что тогда им придется сделать выбор между смертью и отступничеством. Во II и в III веках случались достаточно долгие периоды спокойной жизни, когда многие забывали о возможности гонений, а когда они вспыхивали снова, проявляли слабость и не выдерживали испытаний. Вследствие этого укоренялось представление, что безопасная и спокойная жизнь – злейший враг церкви и что сильнее всего этот враг в период относительного затишья. Теперь же, когда мирной жизни церкви как будто бы ничего не угрожало, многие увидели в этом происки сатаны.

Каким же при таких обстоятельствах виделся истинный христианин? В условиях, когда церковь соединилась с властными структурами мира, когда показная роскошь завладела христианскими алтарями, когда общество готово было узкие врата превратить в столбовую дорогу, как человек мог противостоять окружавшим его искушениям? Как человек мог свидетельствовать о распятом Господе, о Том, у Кого часто не было где преклонить голову, когда многие иерархи церкви жили в роскошных домах и когда уже не было возможности свидетельствовать мученичеством? Как можно было победить сатану, постоянно искушавшего верующих новыми благами, предлагавшимися обществом?

Многие нашли ответ в монашеской жизни: в уходе от человеческого общества, в отказе от всего, в подавлении тела и его страстей, ведущих к искушению. Таким образом, в то время как тысячи людей, требующих крещения, осаждали церкви в больших городах, происходил настоящий исход других тысяч, искавших блаженства в уединении.

9.1 Истоки монашеского движения

Еще до эпохи Константина были христиане, по разным причинам ощущавшие призвание вести необычный образ жизни. Мы уже упоминали о "вдовах-девах", то есть о женщинах, принявших решение не выходить замуж и посвятить свою жизнь и всю энергию делам церкви. Некоторое время спустя Ориген, следуя платоновскому идеалу мудрой жизни, ограничил себя самым необходимым и начал вести крайне аскетическую жизнь. Говорят даже, что он буквально воспринимал слова Христа о "скопцах для Царства Небесного". Кроме того, хотя гностицизм был отвергнут церковью, его влияние сохранялось и выражалось, в частности, в широко распространенном представлении о неискоренимом противоречии между телом и духовной жизнью, согласно которому по-настоящему духовная жизнь требует подчинения и наказания

тела.

Таким образом, корни монашеского движения надо искать как в самой церкви, так и за ее пределами. Что касается церковных истоков, монашество вдохновлялось словами Павла о том, что у человека, не связанного узами брака, больше возможностей для служения Господу. Побудительные мотивы к безбрачию подкреплялись и надеждой на скорое возвращение Господа. Если конец близок, не имеет смысла вступать в брак, обзаводиться домом и семьей, строя планы на будущее. Были и другие причины, побуждавшие к безбрачию: поскольку христиане должны свидетельствовать о приближении Царства и поскольку Иисус объявил, что в Царстве "ни женятся, ни выходят замуж", не вступившие в брак в этой жизни становятся свидетелями грядущего Царства.

В развитии христианского монашеского движения сыграли роль и внешние факторы. Различные школы классической философии учили, что тело представляет собой тюрьму или гробницу души, которая не сможет вырваться оттуда, пока не выйдет за рамки связывающего ее тела. Согласно распространенному в то время учению стоиков, главным противником подлинной истины выступают страсти, и мудрый человек должен направлять все свои усилия на совершенствование души и обуздывание страстей. Во многих религиях Средиземноморья были девы, священники, не вступавшие в брак, евнухи и другие люди, посвящавшие свою жизнь служению богам. Из всего этого, помимо Писания, христианское монашество черпало свои идеи.

9.2 Первые монахи в пустыне

Монахи начали появляться в разных частях Римской империи, но самой благодатной почвой для развития монашеского движения стали пустыни, особенно – Египетская пустыня. "Монах" – производное от греческого слова *monachos,* означающего "одинокий". Одной из главных забот ранних монахов был поиск одиночества. Они полагали, что общество с его шумными и суетными делами вводит в искушение и отвлекает от достижения монашеских целей. Слово "отшельник", которым вскоре начали называть одиноких монахов, изначально означало "ушедший" или "убежавший". Этих людей пустыня привлекала не столько трудностями жизни в ней, сколько тем, что там их было трудно найти. Они стремились не в раскаленные пески, а в оазис, укромное место или на всеми забытое кладбище, где их покой никто бы не нарушил.

Кто стал первым монахом – или монахиней, – определить невозможно. Павел и Антоний, которым обычно приписывается эта честь, обязаны своей славой двум христианским авторам, Иерониму и Афанасию, каждый из которых отводил своему герою роль основоположника монашеского движения в Египте. Но кто же все-таки был основателем движения, узнать невозможно, да и тогда этого никто не знал. Монашество было не изобретением какого-то одного человека, а массовым исходом, идеей, завладевшей в одночасье умами тысяч людей. Тем не менее Павел и Антоний сыграли значительную роль, пусть даже не как основоположники монашества, но хотя бы как типичные представители его ранних форм.

Иероним очень кратко описывает жизнь Павла, и в его изложении она выглядит почти мифологической. Тем не менее суть рассказа, по всей видимости, верна. В середине III века, спасаясь от гонений, молодой Павел ушел в пустыню, придя на место, где раньше скрывались фальшивомонетчики. Там он провел всю оставшуюся жизнь в молитвах и ел только финики. Если верить Иерониму, Павел жил в таких условиях почти что сто лет, и единственные, кто его за это время навещал, были дикие животные и старый монах Антоний. Возможно, это выглядит преувеличением, тем не менее именно таким был идеал одиночества ранних монахов.

Антоний, по словам Афанасия, родился в маленькой деревушке на левом берегу Нила в достаточно

состоятельной семье. Родители умерли, когда Антоний был еще совсем молод, и полученное наследство позволяло ему и его младшей сестре, опекуном которой он был, жить без особых забот. Он намеревался просто прожить наследство, но однажды чтение Евангелия в Церкви произвело на него такое впечатление, что он решил круто изменить свою жизнь. В тот день речь шла о богатом юноше, и слова Иисуса отозвались в сердце Антония, который тоже был относительно богат: "Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах" (Мф. 19:21). В ответ на эти слова Антоний распродал свое имущество и вырученные деньги раздал бедным, оставив часть денег на содержание сестры. Но затем его потрясли другие слова Иисуса в Мф. 6:34: "Не заботьтесь о завтрашнем дне". Он избавился от небольшой суммы, оставленной для сестры, передал ее на попечение церкви и отправился в пустыню.

Первые годы уединения Антоний провел, изучая смысл монашеской жизни, знания о которой он получал от пожилого человека, жившего неподалеку, и это показывает, что Антоний не был первым христианским отшельником. Это было трудное время для молодого монаха – часто ему недоставало удовольствий, от которых он отказался, и он даже начинал сожалеть, что продал все свое имущество и удалился в пустыню. Когда его посещали такие искушения, Антоний устанавливал для себя еще более жесткую дисциплину. Иногда он постился по нескольку дней или ел раз в день после захода солнца.

Через несколько лет Антоний решился покинуть своего престарелого учителя и других живших там монахов, от которых он научился монашеской дисциплине. Он поселился в склепе на заброшенном кладбище, где питался только хлебом, который ему приносили добрые души раз в несколько дней. По словам Афанасия, в это время Антонию начали являться видения бесов, которые преследовали его почти постоянно. Временами встречи с бесами выливались почти что в физическую борьбу, после которой он несколько дней чувствовал себя больным.

Наконец, в возрасте тридцати пяти лет Антоний получил видение, в котором Бог сказал ему, чтобы он не боялся, так как всегда может рассчитывать на помощь свыше. Тогда Антоний решил, что склеп, в котором он жил, был недостаточно удален от общества, и двинулся дальше в пустыню. Он нашел развалины заброшенной крепости, где и остановился. Но бесы преследовали его даже там, и искушения продолжались. Но теперь Антоний знал, что с ним Бог, и ему стало бороться легче.

Но его преследовали не только бесы. Ему досаждали другие монахи, желавшие научиться у него дисциплине и мудрости в молитве и созерцании. Ему досаждали также любопытные и больные, так как к тому времени он получил известность как святой и чудотворец. Раз за разом отшельник удалялся в безлюдные места, но его всегда находили. В конце концов он смирился и согласился жить неподалеку от нескольких учеников при условии, что они не будут посещать его слишком часто. Антоний, со своей стороны, обязался иногда навещать их и рассказывать им о монашеской дисциплине, Божьей любви и чудесах созерцания.

Тем не менее Антоний дважды посетил большой город Александрию. В первый раз, когда разразились гонения при Диоклетиане, Антоний с несколькими учениками решили пойти в город, чтобы принять мученическую смерть. Но легат счел этих одетых в лохмотья и нечесаных бродяг недостойными внимания, и несостоявшиеся мученики довольствовались словами ободрения другим христианам.

Во второй раз Антоний посетил Александрию много лет спустя во время полемики с арианами. Ариане утверждали, что святой отшельник встал на их сторону против Афанасия, и Антоний решил, что для опровержения этих ложных слухов лучше всего самому предстать перед собравшимися в Александрии епископами. По словам Афанасия, этот уже престарелый монах, говоривший на коптском языке, так как он не знал греческого (и, по-видимому, неграмотный), выступил с такими мудрыми, убежденными речами, что ариане были посрамлены.

Наконец к концу жизни Антоний согласился принять двух молодых монахов, которые с тех пор жили с ним и ухаживали за ним. Он умер в 356 году, завещав перед смертью двум своим товарищам держать место его захоронения в тайне и передать его плащ (единственную собственность) епископу Афанасию в Александрии.

Павел и Антоний ушли в пустыню до начала правления Константина, но и тогда уже там были другие монахи. Когда же Константин пришел к власти, эти отшельники приобрели еще большую известность. Одни путешественники, посещавшие этот район, писали, явно преувеличивая, что в пустыне жило больше людей, чем в иных городах. Другие говорили о двадцати тысячах женщин и десяти тысячах мужчин, ведущих монашескую жизнь только в Египте. Но сколь бы преувеличенными ни были эти цифры, несомненно, что очень многие уходили из общества и вели отшельническую жизнь в пустыне.

Их жизнь отличалась крайней простотой. Некоторые разводили овощи, но большинство зарабатывали на пропитание тем, что плели корзины и циновки, которые обменивали на хлеб и масло. Тростник рос в изобилии, и, занимаясь плетением, во время работы можно было молиться, повторять псалмы или заучивать места Писания. Питались в пустыне в основном хлебом, к которому иногда добавлялись фрукты, овощи и масло. Вещи их ограничивались самой необходимой одеждой и циновкой, на которой они спали. Большинство из них неодобрительно относились к книгам, обладание которыми могло привести к гордыне. Они учили друг друга и заучивали наизусть целые книги Библии, особенно псалмы и книги Нового Завета. Они также рассказывали друг другу поучительные истории и делились перлами мудрости, исходившими от наиболее уважаемых отшельников.

Царивший в пустыне дух не очень подходил иерархически устроенной Церкви, епископы которой жили в больших городах и пользовались влиянием и авторитетом. По убеждению многих монахов, худшее, что их могло ждать в жизни, – это назначение священником или епископом. Именно в это время и в определенной мере вследствие изменений, произошедших после обращения Константина, христианских служителей стали называть "священниками". Хотя некоторые монахи были рукоположены, это почти всегда делалось против их воли или в ответ на настойчивые просьбы епископов, известных своей святостью, таких как Афанасий. Это в свою очередь вело к тому, что многие анахореты могли годами не принимать участия в причащении, которое с самого начала было главным обрядом христианского богослужения. В некоторых районах строились церкви, где по субботам и воскресеньям собирались жившие там отшельники. По воскресеньям после причащения они часто разделяли общую трапезу, а затем на неделю расставались.

С другой стороны, такой образ жизни не ограждал от соблазнов. С годами многие монахи начали приходить к выводу, что коль скоро святость их жизни, несомненно, выше святости епископов и других церковных иерархов, именно им, а не этим иерархам, принадлежит право определять истинность христианского учения. Но многие монахи были достаточно невежественными и склонными к фанатизму, поэтому они часто становились пешками в руках более образованных, влиятельных и ловких людей, использовавших их самоотверженную жизнь в пустыне для достижения собственных целей. В V веке дело доходило до бунтов, когда монахи пытались силой добиться признания того, что они считали правильным учением.

9.3 Пахомий и общинное монашество

Увеличение числа людей, удалявшихся в пустыню, и стремление большинства из них найти опытного учителя привели к появлению новой формы монашеской жизни. Антоний сторонился тех, кто искал у него помощи и водительства. Постепенно монахи-одиночки уступали место общинной форме монашеской жизни. Члены таких общин продолжали называть себя "монахами", то есть одиночками, но подразумевали

они не полное одиночество, а жизнь в уединении и удалении от мира. Такая форма монашества получила название "киновитства" – от двух греческих слов, означающих "общежитие".

Как и в случае с монахами-одиночками, имя основателя общежительного, или общинного, монашества назвать невозможно. Скорее всего, оно появилось одновременно в разных местах не столько благодаря творческому гению какого-то одного человека, сколько под давлением обстоятельств. Абсолютно уединенная жизнь ранних монахов не слишком подходила многим из тех, кто уходил в пустыню, поэтому и возникло киновитство. Вместе с тем организатором, внесшим наибольший вклад в придание движению окончательной формы, можно считать Пахомия, хотя он и не был его основателем.

Пахомий родился примерно в 286 году в деревушке на юге Египта. Его родители были язычниками, и он мало знал о христианстве, пока его не забрали в армию. Он горько сетовал на свою судьбу, но к нему и к его товарищам со словами утешения пришла группа христиан. Такое проявление любви настолько поразило молодого новобранца, что он дал обет тоже посвятить себя служению людям, если ему каким-то образом удастся уйти из армии. Когда совершенно неожиданно ему разрешили это сделать, он начал искать человека, который дал бы ему наставление в христианской вере и окрестил его. Несколько лет спустя он решил удалиться в пустыню и попросил там одного старого анахорета быть его учителем.

В 404 году монах Телемах остановил бой гладиаторов, и разъяренные зрители убили его. Тем не менее эта смерть знаменовала собой окончание гладиаторских поединков.

С этим анахоретом молодой Пахомий жил семь лет, пока не услышал голос, повелевавший ему уйти. Престарелый учитель помог ему соорудить убежище, и Пахомий жил там один, пока к нему не присоединился младший брат Иоанн. Два брата посвящали время молитве и созерцанию.

Но Пахомий не получал удовлетворения и постоянно просил Бога показать ему путь к более совершенному служению. Наконец он получил видение, в котором ангел сказал ему, что он должен служить людям. Пахомий не согласился, заявив, что он пришел в пустыню служить Богу, а не людям. Но призыв повторился, и Пахомий, быть может вспомнив о данном им обете во время службы в армии, решил изменить направление своей монашеской жизни.

С помощью брата он огородил место, в котором могло разместиться достаточное число монахов, и пригласил тех, которые должны были стать первыми членами новой общины. Пахомий надеялся научить их тому, что он сам узнал о молитве и созерцании, и организовать общину, в которой все будут помогать друг другу. Но подбор членов оказался неудачным, дисциплина упала, и Пахомий всех разогнал.

Затем он предпринял вторую попытку организовать монашескую общину. Первый опыт Пахомия не удался, так как набранные им люди говорили, что он предъявляет слишком высокие требования. На этот раз он не только не дал послаблений в плане дисциплины, но и ужесточил ее. С самого начала он поставил условием, что все, кто хочет присоединиться к общине, должны отказаться от своего имущества и безоговорочно подчиняться своим руководителям. Кроме того, все должны были заниматься физическим трудом, и никому не разрешалось относиться к какой-то работе как к недостойной. Основополагающим правилом было взаимное служение, и даже люди, наделенные властными полномочиями, несмотря на данную всеми членами клятву безоговорочного им послушания, должны были служить тем, кто находился у них в подчинении.

Монашеское движение на установленных Пахомием основаниях развивалось очень быстро – только при его жизни было создано девять таких общин с несколькими сотнями монахов в каждой. Одновременно сестра Пахомия Мария создавала подобные общины для женщин.

Каждый из этих монастырей был окружен стеной с одними воротами. Внутри находилось несколько зданий. Одни из них, например церковь, кладовая, трапезная и молитвенный зал, предназначались для общего пользования. Другие были жилыми помещениями, по которым монахи распределялись в соответствии с родом занятий. Было, например, помещение для привратников-вратарей, которые отвечали за размещение тех, кто нуждается в приюте, а также за прием и подготовку желающих присоединиться к общине. В других помещениях жили ткачи, пекари, сапожники и так далее. В каждом здании была общая комната и кельи – одна на двух монахов.

Повседневная жизнь монахов Пахомия заключалась в работе и молитве, и сам Пахомий подавал пример остальным, занимаясь самыми непривлекательными делами. Что касается молитвенной жизни, образцом был призыв Павла – "непрестанно молиться". Поэтому когда пекари месили тесто, а сапожники шили обувь, они одновременно пели псалмы, повторяли отрывки из Писания, молились вслух или про себя, размышляли над библейскими текстами и так далее. Дважды в день встречались на общие молитвы. Утром для молитвы, пения псалмов и чтения Писания собиралась вся община. Вечером собирались на такую же службу, но небольшими группами в общих комнатах жилых помещений.

Общины Пахомия несколько различались материальной стороной жизни. В бедности жили все, но Пахомий потребовал чрезмерно нищенской жизни, которую вели некоторые анахореты. На стол подавались хлеб, фрукты, овощи и рыба, но мясо не ели никогда. Произведенную монахами продукцию продавали на ближайших рынках, причем не только для того, чтобы иметь средства для покупки еды и других необходимых вещей, но и для раздачи нищим и странникам. В каждом монастыре был управляющий с помощником, которые периодически отчитывались перед управляющим главного монастыря, где жил Пахомий.

Каждый монах должен был повиноваться своим начальникам, был установлен четкий иерархический порядок. Каждым жилым подразделением руководил настоятель, который в свою очередь подчинялся настоятелю монастыря и его заместителю. Над ними стоял Пахомий, а затем его преемники, которых называли "аббатами" или "архимандритами". Перед смертью Пахомия монахи дали клятву повиновения тому, кого он изберет своим преемником. Таким образом был установлен обычай, согласно которому аббаты назначают своих преемников, передавая в их полное распоряжение всю организацию. Аббаты обладали высшей властью, они могли назначать, переводить или смещать настоятелей всех общин во всей

системе.

Дважды в год все монахи Пахомия собирались вместе для молитвы и обсуждения вопросов, связанных с положением дел в общинах. Единство организации поддерживалось также частыми посещениями монастырей аббатом или его представителем.

Пахомий и его последователи не принимали церковных званий, поэтому среди них не было рукоположенных священников. Для участия в обряде причащения они по субботам посещали ближайшую церковь, а по воскресеньям в монастырь приходил священник.

В женских общинах порядок был таким же. Ими, как и мужскими, управляли Пахомий и его преемники.

Желавшие стать членами общины Пахомия просто подходили к воротам монастыря. Но им открывали не сразу – прежде чем быть принятыми привратниками, они должны были провести у ворот несколько дней и ночей, умолял, чтобы их впустили. Тем самым от них требовалось, чтобы они продемонстрировали твердость принятого решения, смирение и готовность повиноваться. Когда двери наконец открывались, их принимали привратники, с которыми они жили долгое время, пока не доказывали свою подготовленность к вступлению в общину. Затем их, посадив на особое место, представляли собранию монастыря, подыскивали им занятие в монастырской жизни и место в одном из домов.

Любопытный факт, касающийся процедуры приема в общины Пахо-мия, состоит в том, что многие кандидаты, появлявшиеся у ворот и в конечном счете принятые, были изначально не подготовленными в вопросах веры и некрещеными. Это говорит об огромной привлекательности жизни в пустыне в IV веке – ведь даже язычники видели в монашестве образ жизни, достойный подражания.

9.4 Распространение монашеского идеала

Хотя корни монашества следует искать не только в Египте, в IV веке именно там оно приобрело наибольшую силу. В Египет приходили многие искренне верующие люди, и одни из них оставались там, а другие возвращались на родину, унося с собой идеалы и разные навыки, приобретенные в пустыне. Паломники приходили из Сирии, Малой Азии, Италии и даже Месопотамии и по возвращении рассказывали истории и легенды о Павле, Антонии, Пахомии и многих других. В восточной части империи монахи устраивали свои обители повсюду, где для этого имелись подходящие места. Среди них были и такие, кто нарочито подчеркивал аскетизм своей жизни, проводя, например, долгое время на вершине колонны разрушенного храма. Однако большинство из них показывали церкви пример дисциплинированности и абсолютной преданности, которые были необходимы в казалось бы благоприятных условиях, сложившихся при Константине.

Но больше всего распространению монашеского идеала способствовали не анахореты, воссоздающие условия египетской пустыни и искавшие уединенные места, где они могли бы предаваться молитвам и размышлениям, а епископы и богословы, которые сознавали значение монашеского свидетельства для повседневной жизни церкви. Хотя на раннем этапе монашество в Египте развивалось как бы вне церкви и даже противостояло ее иерархии, в конечном счете наибольшее воздействие на верующих оно оказало именно благодаря иерархам.

Некоторые из них внесли такой большой вклад в распространение монашеского движения, что мы обратимся к их деятельности особо в следующих главах. Но уже сейчас можно отметить их роль в истории монашества. Афанасий, написавший "Жизнеописание Великого Антония", неоднократно посещал монахов в пустыне, и когда он подвергся преследованию имперских властей, то нашел у них убежище. Будучи епископом, а не монахом, он тем не менее стремился строить свою жизнь на монашеских идеалах

самодисциплины и самоотречения. Когда его отправили на Запад, он познакомил латиноязычную церковь с тем, что происходит в египетской пустыне. Иероним не только написал "Жизнеописание отшельника Павла", но и перевел на латынь "Устав" Пахомия и сам стал монахом, – хотя среди монахов он выделялся необычайной образованностью. Иероним был одним из самых уважаемых и влиятельных христиан своего времени, поэтому его дела и его пример оказали значительное воздействие на западную церковь, которая стала с большим интересом относиться к монашеству. Василий Кесарийский, известный также как Василий Великий, несмотря на поглощенность богословскими спорами, принимал участие в основании монастырей, в которых не только молились, но и заботились о нуждающихся. Отвечая на вопросы монахов, он написал несколько трактатов, которые хотя и не преследовали цель излагать монастырские уставы, в конечном счете стали использоваться именно в этом смысле. Августин, великий епископ Гиппона, своим обращением частично обязан чтению "Жизнеописания Великого Антония" Афанасия – он был монахом, пока обстоятельства не вынудили его активнее участвовать в жизни церкви. Но даже потом работавшие с ним люди составляли своего рода полумонашеское объединение, в результате чего впоследствии появился "августинский канон".

Но самый замечательный пример праведного епископа, способствовавшего распространению монашеского идеала, явил собой Мартин Турский. "Жизнеописание святого Мартина", написанное Сульпицием Севером, веками оставалось одной из самых популярных книг в Западной Европе и во многом способствовало формированию основ западного монашества.

Мартин родился примерно в 335 году в Паннонии на территории современной Венгрии. Его отец был язычником и служил в армии, поэтому свои ранние годы Мартин провел в самых разных уголках империи, хотя как будто бы по большей части он жил в Павии на севере Италии. Уже в очень молодом возрасте он против воли родителей решил стать христианином и записался катехуменом; чтобы отвратить сына от христиан, отец зачислил его в армию. Это были годы, когда Юлиан, позднее ставший известным как Отступник, вел свои первые военные кампании. Под его началом Мартин служил несколько лет. К этому времени относится эпизод, который с тех пор связывают с именем Мартина.

Когда Мартин с друзьями входили в город Амьен, у них попросил милостыню дрожащий от холода полуголый нищий. Денег у Мартина не было, но он снял плащ, разорвал его и половину отдал нищему. Рассказывали, что позднее во сне Мартин увидел Иисуса, укрывающегося половиной солдатского плаща, Который сказал ему: "Так как ты сделал это одному из сих братьев Моих меньших, то сделал Мне". Эта история получила такую известность, что Мартина обычно изображают передающим плащ нищему. Отсюда происходит слово "капелла" – в одной маленькой церкви несколько веков лежал кусок материи, считавшийся частью плаща Мартина. По этому куску плаща – *capella* – небольшую церковь стали называть "капеллой", а ее служителей – "капелланами".

Как пишет Сульпиций Север, вскоре после этого эпизода в Амьене Мартин принял крещение, а два года спустя ему удалось уйти с военной службы. Затем он посетил ученого праведника Илария, епископа Пиктавы (ныне Пуатье), ставшего его близким другом. Разного рода дела и заботы побуждали его переезжать из одного уголка империи в другой, пока в конце концов он не обосновался в предместье города Тура неподалеку от Пуатье. Там он посвятил себя монашеской жизни, и молва о его святости распространилась по окрестностям. Говорят, что Бог совершил через него великие дела, но сам он всегда считал себя не более чем учеником в христианской жизни.

Когда освободилось место епископа Тура, простой народ хотел видеть на этом месте Мартина. Но некоторые епископы, присутствовавшие на выборах, воспротивились этому под тем предлогом, что Мартин ходил обычно грязным, одетым в тряпье, нечесаным и что его избрание нанесло бы урон епископскому престижу. К согласию все еще не пришли, когда подоспело время чтения Библии, но куда-то

запропастился человек, выполнявший эту обязанность. Тогда один из присутствовавших взял книгу, открыл ее наугад и начал читать: "Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя" (Пс. 8:3). Народ воспринял это как прямое послание с неба. Неопрятный, оборванный Мартин, к которому епископы относились с презрением, был избран Богом, дабы сделать безмолвными епископов. Без дальнейших проволочек Мартина избрали епископом Тура.

Но новый епископ не хотел отказываться от монашеских привычек. Рядом с собором он построил небольшую келью, где проводил свободное время как монах. Когда его известность так возросла, что он не мог больше жить спокойно в своей келье, он вернулся на окраину города и исполнял пастырские обязанности, поселившись там.

После смерти Мартина многие пришли к убеждению, что он был святым. Его слава и вся его жизнь заставляли думать, что именно таким и должен быть настоящий епископ. Итак, монашеское движение, которое поначалу в значительной мере было выражением протеста против суетного и помпезного образа жизни епископов, в конечном счете наложило отпечаток на само представление о сане епископа. Многие века считалось (а в некоторых кругах считается до сих пор), что настоящий епископ должен как можно больше приближаться к монашескому идеалу. Но за это время изменилось и само монашество – вначале люди уходили в пустыню в поисках личного спасения, но постепенно монашество, особенно на Западе, превращалось в орудие благотворительной и миссионерской работы церкви.

9.5 Ответ раскольников: донатисты

Суть спора между нами и донатистами заключается в том, что такое Т ело Христово, то есть Церковь. Следует ли нам искать ответ в собственных словах или в словах Главы Тела, Господа Иисуса Христа?

Августин Гиппонский

Недовольство новым порядком тех, кто шел по пути монашества, выражалось в затворничестве в пустыне, но были и такие, кто прямо заявлял, что церковь в целом разложилась и что истинную церковь составляют именно они. Среди тех, кто придерживался таких взглядов, самой многочисленной группой были донатисты.

Раскол, причиной которого стали донатисты, явился еще одним примером разделения церкви в вопросе о том, как надо относиться к малодушным и как следует восстанавливать их в церкви. Каждый раз после суровых гонений церкви приходилось решать, что делать с теми, кто отступил от веры, а теперь хотел вернуться в христианское сообщество. В III веке это обернулось раскольничеством Новациана в Риме, а в Северной Африке епископ Карфагенский Киприан был вынужден отстаивать свои епископские полномочия перед теми, кто требовал, чтобы порядок восстановления малодушных определяли исповедники. В IV веке особенно ожесточенные споры по вопросу о принятии в лоно церкви отступников велись в Северной Африке.

Гонения там отличались особенной жестокостью, а значит, и отступивших от церкви было много. Как и в других случаях, не все отступники вели себя одинаково малодушно. Чтобы избежать дальнейших гонений, некоторые епископы передавали властям еретические книги, давая понять, что это – христианское Писание. Другие приносили настоящие Писания и затем утверждали, что сделали это, дабы избежать кровопролития, и что тем самым они исполняли свой пастырский долг. Многие, как духовные лица, так и простые прихожане, уступали давлению властей и поклонялись языческим богам – их было так много, что, по словам некоторых авторов, в иные дни языческие храмы заполнялись до предела.

С другой стороны, многие христиане, оставаясь твердыми в вере, подвергались арестам, пыткам и даже принимали смерть. Как и раньше, тех, кто перенес заключение и пытки, называли "исповедниками", и за свою твердость в вере они пользовались огромным уважением. Во времена Киприана находились исповедники, часто склонявшиеся восстанавливать малодушных, не советуясь с руководством церкви. Теперь же, после обращения Константина, большинство исповедников, наоборот, требовало ужесточить политику церкви. Эти более требовательные исповедники утверждали, что малодушными были не только те, кто поклонялся языческим богам, но и те, кто сдавал властям Писание. Если даже малейшее изменение текста Писания – большой грех, заявляли исповедники, разве не больший грех отдавать Священное Писание для уничтожения? Поэтому ряд епископов и других руководители церкви получили оскорбительное прозвище "предателей", то есть тех, кто передал книги, или предал.

Так обстояли дела, когда вскоре после окончания гонений освободилось весьма влиятельное Карфагенское епископство. Выбор пал на Цецилиана. Но он был непопулярен среди приверженцев строгих взглядов, в противовес ему избравших Майорина. Эти выборы сопровождались такими интригами и недостойными уловками с обеих сторон, что каждая из них вполне справедливо называла избрание соперника незаконным. Когда вскоре после избрания вторым епископом Карфагена Майорин умер, его сторонники избрали на его место Доната из Казы Нигре, который оставался их лидером в течение почти полувека и по имени которого движение получило название "донатизм".

Естественно, раскол в Северной Африке вызвал в церкви глубокую озабоченность, ибо признать можно было только одного епископа Карфагена. Епископы Рима и ряда других крупных городов настоящим епископом Карфагена признали Цецилиана, а Майорина и Доната объявили узурпаторами. Константин, заинтересованный в укреплении единства церкви ради сохранения целостности империи, последовал примеру этих епископов и дал распоряжение своим должностным лицам в Северной Африке признавать только Цецилиана и тех, кто с ним связан. Это обернулось важными последствиями – Константин издал указы, направленные на поддержку христианства и касавшиеся, например, освобождения духовенства от налогов. В соответствии с полученными в Северной Африке указаниями, только те, кто был связан с Цецилианом, пользовались этими льготами и получали дары, которые Константин делал церкви.

В чем же заключались причины донатистского раскола? Приведенные выше факты – лишь внешняя канва того, как все начиналось. В действительности донатизм имел богословские, политические и экономические корни.

Богословским обоснованием и непосредственной причиной раскола стал вопрос об отношении к тем, кто проявил слабость во время гонений.

Зарождение донатизма.

По утверждению донатистов, один из трех епископов, посвятивших Цецилиана в сан, был предателем, передавшим Писание властям, а значит, и его посвящение не имело силы. Цецилиан и его сторонники отвечали, что, во-первых, этот епископ не был предателем, а во-вторых, даже если бы он им был, посвящение Цецилиана в епископы все равно законно. Таким образом, речь шла не только о самом факте того, пошел ли на уступки этот конкретный епископ (и другие из окружения Цецилиана), но и о законности рукоположения или посвящения, совершенного недостойным епископом. Донатисты заявляли, что законность в данном случае определяется достоинством поведения совершающего ее епископа. Цецилиан и его сторонники отвечали, что законность таинств и других подобных церемоний не может определяться достоинством поведения того, кто их совершает, ибо тогда все христиане должны постоянно испытывать сомнения относительно действенности своего крещения или причащения. Заглянуть в душу служителя, совершающего таинство, невозможно, поэтому сомнения всегда будут.

Донатисты, со своей стороны, утверждали, что Цецилиан, чье посвящение незаконно ввиду участия в нем предателя, фактически не является епископом, – следовательно, всех рукоположенных им священников следует считать лжеслужителями, а совершаемые ими таинства – не имеющими законной силы. Более того, другие епископы, чье посвящение сомнений не вызывает, согрешили тем, что присоединились к Цецилиану и его сторонникам. Поэтому совершаемые ими таинства и рукоположения тоже не имеют силы.

В таких обстоятельствах, если какой-то сторонник Цецилиана хотел примкнуть к донатистам, требовалось повторное крещение, так как крещение, совершенное их противниками, донатисты не признавали. Цецилиан же и его последователи не крестили повторно бывших донатистов, поскольку считали, что сила крещения не зависит от того, кто его совершил.

В этом заключались главные богословские разногласия. Но если прочесть документы того времени между строк, за богословской полемикой прослеживаются и иные причины конфликта. Выясняется, например, что среди донатистов были люди, передававшие властям Писания и даже составленные ими описи предметов, которые использовались в церкви при проведении богослужений. Тем не менее донатисты вновь принимали их в свои ряды. Более того, одним из первых лидеров донатистов был некий Пурпурий, убивший двух своих племянников. Таким образом, трудно поверить, что главной причиной враждебного отношения донатистов к церкви была их забота о чистоте действий и помыслов.

Между двумя движениями очень быстро произошло социальное и географическое размежевание. Цецилиан и его последователи занимали сильные позиции в Карфагене и его окрестностях – в

Проконсульской Африке. Однако западнее, в Нумидии и Мавретании, большим сочувствием пользовались донатисты. Нумидия и Мавретания были аграрными районами. Значительная часть продукции экспортировалась в Италию через Карфаген. В результате карфагеняне без особого труда и риска зарабатывали больше тех, кто фактически выращивал урожай. Кроме того, Нумидия и Мавретания были романизированы в меньшей степени, чем Карфаген и его окрестности. На многих из этих менее романизированных территориях сохранялись древний язык и древние обычаи, и в Риме и во всем, что с ним связано, видели чужеземную, несущую порабощение и гнет силу. В Карфагене же сложились в значительной степени латинизированные слои землевладельцев, торговцев и военных, и именно этим слоям торговля и другие контакты с Италией были как нельзя более выгодны. Для этих людей тесные контакты с Римом и с другими частями империи были вопросом первостепенной важности. Но в самом Карфагене и в близлежащих областях многочисленные "низы" испытывали примерно те же чувства, что и нумидийцы и мавретане.

Задолго до воцарения Константина христианство укрепилось в Нумидии, и среди низших слоев в Проконсульской Африке, и, хотя и в меньшей степени, в Мавретании. Вера этих христиан была силой, с которой не могла совладать даже империя. Одновременно христианство приняла и некоторая часть представителей романизированного населения Карфагена, что привнесло в христианскую общину противоречия, существовавшие в обществе в целом. Но в то же время обращенным, особенно принадлежавшим к знати, приходилось порывать со своим социальным окружением, благодаря чему разброд и противоречия в церкви были все же умереннее, чем можно было ожидать.

Все резко переменилось с приходом к власти Константина, когда для церкви настали мирные времена. Теперь человек мог быть одновременно добропорядочным римлянином и достойным христианином. Следуя примеру императора, романизированная знать устремилась в церковь. Христиане из богатых слоев увидели в этом положительный знак и подтверждение правильности принятого ими ранее решения, тогда как представители "низов" заговорили о разложении церкви. То, что эти неимущие христиане всегда ненавидели в Римской империи, становилось частью церкви. Вскоре сильные мира сего, заправлявшие политикой и экономикой, начали подчинять своей власти и церковные дела. Казалось очевидным, что этому надо противостоять и напоминать новообращенным из числа власть имущих, что когда они еще поклонялись языческим богам, якобы неграмотные ну-мидийцы, мавретане и другие им подобные уже знали истину.

Все это прослеживается на разных этапах противостояния. Цецилиан был избран при поддержке романизированных христиан Карфагена. Его избранию противились низшие классы Проконсульской Африки и почти все в Нумидии, как простые люди, так и духовенство. Константин, не успевший вникнуть в обсуждавшиеся вопросы, решил, что законную церковь представляет Цецилиан. Так же рассудили епископы крупных латинских городов, а затем и греческих. Донатисты, со своей стороны, охотно принимали поддержку нумидийских священников, проявивших слабость во время гонений.

Это не означает, что донатизм с самого начала был осознанно политическим движением. Ранние донатисты противостояли не империи, а "миру", хотя в их глазах многие порядки в империи были мирскими. Они неоднократно пытались убедить Константина в ошибочности его решения поддержать Цецилиана. Даже при Юлиане во второй половине IV века некоторые донатисты надеялись, что римские власти осознают свою ошибку и начнут их поддерживать.

Примерно в 340 году среди донатистов выделилась группа так называемых "циркумцеллионов" (происхождение этого названия не совсем ясно, возможно, оно означает, что они собирались в усыпальницах мучеников). Они по большей части были нумидийскими и мавретанскими крестьянами, вставшими на путь насилия. Их иногда изображают просто бандитами, прикрывавшимися религиозными

мотивами, но на самом деле они были фанатично верующими людьми. По их убеждению, самой славной смертью умирали мученики, и теперь, когда гонения в прежней форме закончились, те, кто гибли в борьбе с исказителями веры, тоже становились мучениками. В отдельных случаях стремление к мученичеству достигало такой силы, что люди совершали массовые самоубийства, прыгая со скал. Можно назвать это фанатизмом, но никак не лицемерием.

Циркумцеллионы сыграли важную роль в истории раскола. Донатистские лидеры в городах пытались отмежеваться от этого радикального направления. Но иногда, когда им требовались отряды активистов, они обращались за помощью к циркумцеллионам. Недвижимое имущество и земельные владения, вдали от городов, приходилось оставлять в запустении. Богатые люди и представители имперской власти не решались отправляться в сельскую местность без усиленной охраны. Циркумцеллионы не раз появлялись у ворот укрепленных городов. Все жили в постоянной тревоге, а торговля пришла почти в полный упадок.

Римские власти ответили применением силы. Начались гонения, попытки убедить раскольников, кровавые побоища, на помощь была брошена армия. Но все было напрасно. Циркумцеллионы выражали глубокое недовольство масс, и подавить это движение империи никак не удавалось. Как мы увидим ниже, вскоре на эти земли вторглись вандалы, положившие конец римскому правлению. Но выступления продолжались и при вандалах. В VI веке эти территории были захвачены Восточной Римской империей со столицей в Константинополе. Циркумцеллионы же оставались и тогда. И только в VII веке после мусульманских завоеваний донатисты и циркумцеллионы исчезли.

В заключение отметим, что донатизм (и особенно его наиболее радикальное ответвление – Циркумцеллионы) был одним из ответов на новые условия, сложившиеся после обращения Константина. В то время как одни христиане приняли новый порядок с распростертыми объятиями, а другие уходили в пустыню, донатисты просто-напросто порвали с церковью, ставшей союзницей империи. Поднятые ими важные богословские вопросы, связанные с природой церкви и действенностью совершаемых обрядов, побудили других христиан, в частности святого Августина, заняться более детальным их рассмотрением.

10 Арианская ересь и Никейский собор

…И [веруем] в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божьего, Единородного Отцу, в Бога от Бога, в свет от света, в Бога истинного от Бога истинного, врожденного, не сотворенного, единосущного Отцу…

Никейский символ веры

Богословские споры велись в христианстве с самого начала. Во времена Павла животрепещущим вопросом были взаимоотношения между обращенными иудеями и язычниками. Затем разгорелась полемика, связанная с теориями гностиков. В III веке, когда епископом Карфагенским был Киприан, главной темой обсуждения стал вопрос о восстановлении малодушных. Все эти споры имели определенное значение и часто бывали жаркими. Но в те ранние века победу в таких спорах одерживал только тот, чьи доводы звучали убедительнее или чья жизнь была образцом праведности. Гражданские власти не обращали особого внимания на богословскую полемику в церкви, поэтому противоборствующие стороны не пытались взывать к ним, чтобы положить конец спорам за недостатком богословской аргументации.

После обращения Константина обстановка изменилась. Теперь появилась возможность для разрешения богословских споров обращаться к государственным властям. Империя была крайне заинтересована в сохранении единства церкви, которая, как надеялся Константин, должна была стать "связующим началом империи". Вследствие этого государство вскоре начало использовать свои властные структуры для сохранения богословского единства среди христиан. Зачастую подавленное таким образом инакомыслие действительно могло представлять собой угрозу для правильного понимания христианского послания. Однако, не будь вмешательства имперских властей, возникавшие вопросы, вероятно, вполне можно было решать, как в прежние времена, – в долгих спорах, в результате которых приходили к согласию. Но появились иерархи, которым претили долгие, не дававшие определенности дебаты и которые при поддержке имперской власти сами принимали решение, кто прав, а кто нет. В результате многие инакомыслящие, чтобы убедить оппонентов в правильности своих взглядов, стали обращаться не к церкви, а к императорам. В конечном счете богословские споры обернулись политическими интригами.

Яркий пример этого – полемика по поводу арианской ереси, начавшаяся как местный конфликт между епископом и священником и разросшаяся до таких пределов, что вынужден был вмешаться Константин, – в итоге все вылилось в политические махинации, в ходе которых противоборствующие стороны старались уничтожить друг друга. На первый взгляд эта история не очень поучительна. Но при более пристальном рассмотрении удивление вызывает не то, что богословский спор перерос в политические интриги, а то, что в такой сложной обстановке у церкви достало силы и мудрости отвергнуть взгляды, угрожавшие самой сути христианского послания.

10.1 Начало полемики

Своими корнями арианская ересь уходит в богословские споры, которые велись еще до времен Константина. По сути полемика касалась понимания христианами природы Бога в свете работ Юстина, Климента Александрийского, Оригена и других. Когда ранние христиане проповедовали свою веру в разных концах империи, их считали невежественными безбожниками, поскольку у них не было видимых богов. В ответ на это некоторые образованные христиане начали ссылаться на авторитет общепризнанных мудрецов античного мира, то есть на философов. Мудрейшие из языческих философов учили, что над всем

мирозданием владычествует высшее существо, а некоторые из них даже заявляли, что языческие боги – порождение человеческого разума. Ссылаясь на такие уважаемые авторитеты, эти христиане заявляли, что они тоже верят в высшее существо, о котором писали философы, и что именно в нем они видят Бога. Аргумент выглядел весьма убедительным, и он, несомненно, способствовал распространению христианства среди ученых и образованных людей.

Но здесь же таилась и определенная опасность. Осознав связь между своей верой и философскими доктринами, христиане вполне могли прийти к убеждению, что о Боге лучше говорят не пророки и библейские авторы, а Платон, Плотин и другие философы. Поскольку эти философы считали совершенное существо неизменным, бесстрастным и непреложным, многие христиане считали, что это и есть Бог Писания.

Для того чтобы Бог Библии отождествлялся с неизменным и бесстрастным существом классической философии, использовались два средства: аллегорическое истолкование библейских рассказов и учение о Логосе. Применять аллегорическое истолкование было несложно. Когда в Писании говорится что-либо "недостойное" о Боге – то есть недостойное совершенства Высшего Существа, – эти слова нельзя воспринимать буквально. Например, читая в Библии, что Бог ходил по саду или что-то говорил, надо помнить, что Высшее и Неизменное Существо не ходит и не говорит. В духовном плане такое толкование многих устраивало. Но эмоционально оно не приносило удовлетворения, ибо церковная жизнь основывалась на вере в возможность прямого общения с личным Богом, а Высшее Существо философов было безликим.

Другим способом сблизить философское понятие о Высшем Существе и свидетельство Писания было учение о Логосе, разработанное Юстином, Климентом, Оригеном и другими. В соответствии с этой точкой зрения, наряду с Высшим Существом, неизменным и беспристрастным "Отцом", есть также Логос, Слово или Разум Божий, личностное существо, способное устанавливать прямые связи с миром и людьми. По представлениям Юстина, когда в Библии говорится, что Бог что-то сказал Моисею, это означает, что к нему обратился Логос Бога.

Благодаря влиянию Оригена и его учеников такие взгляды получили широкое распространение в Восточной церкви, то есть там, где говорили на греческом, а не на латинском языке. Многие полагали, что между неизменным Богом и изменчивым миром стоит Слово, или Логос Бога. Таким был контекст полемики, связанной с арианством.

Начались эти споры в Александрии, когда на Востоке еще правил Лициний, а на Западе – Константин. У епископа Александрии Александра возникли разногласия с Арием, который был одним из наиболее авторитетных и уважаемых пресвитеров города. Дискуссии велись по многим темам, но центральное место среди них занимал вопрос о том, было ли Слово Бога столь же вечным, как и Сам Бог. Суть спора достаточно ясно выражена в словах "было время, когда Его не было", ставших девизом ариан. Александр отстаивал, что Слово, как и Отец, существует вечно, а Арий утверждал, что Слово не вечно. Вопрос может показаться слишком отвлеченным, но в конечном счете речь шла о Божественности Слова. Арий утверждал, что, строго говоря, Слово – это не Бог, а первое среди всех творений. При том что существования Слова до воплощения Арий не отрицал, и вообще предсуществование Слова признавали все. По Арию, Слово было сотворено Богом прежде всего остального. Александр же отстаивал Божественность Слова, Которое, следовательно, не может быть сотворенным и, как и Отец, существует вечно. Иными словами, если бы их попросили провести черту между Богом и творением, у Ария Слово расположилось бы на одной стороне с творением, а Александр отделил бы творение от Отца и вечного Слова.

В поддержку своей позиции каждая из сторон приводила тексты из Библии и логические аргументы,

доказывающие несостоятельность точки зрения оппонента. Арий, например, утверждал, что Александр по сути отрицает христианский монотеизм, ибо, по мнению епископа Александрийского, есть два Божественных Существа и, следовательно, два Бога. Александр же на это отвечал, что позиция Ария означает отвержение Божественности Слова и тем самым Божественности Иисуса. Церковь с самого начала поклонялась Иисусу Христу, и принятие точки зрения Ария вынудило бы ее либо отказаться от этого поклонения, либо признать, что она поклоняется сотворенному существу. Оба варианта неприемлемы, утверждал Александр, что доказывает неправоту Ария.

Конфликт между ними получил широкую огласку, когда Александр, заявив о своих полномочиях и о своей ответственности епископа, осудил учение Ария и отстранил его от всех должностей в церкви Александрии. Арий не признал этого решения и обратился к жителям Александрии и к видным епископам в восточной части империи, с которыми он учился в Антиохии. Вскоре в Александрии начались народные выступления – люди ходили по улицам, выкрикивая богословские лозунги Ария. Епископы же, к которым обратился Арий, написали письма, в которых заявляли, что низложенный пресвитер прав и что именно Александр проповедует лжеучение. Таким образом, местные разногласия в Александрии начали угрожать единству всей Восточной церкви.

Так обстояли дела, когда решил вмешаться Константин, только что одержавший победу над Лицинием. Сначала он дал епископу Осию Кордовскому, своему советнику по церковным вопросам, поручение попытаться примирить враждующие стороны. Когда Осий сообщил, что полюбовными мерами согласия достичь невозможно, Константин решился на шаг, о котором думал и раньше: созвать большое собрание, или собор христианских епископов из всех частей империи. Помимо обсуждения вопросов, связанных с выработкой общей политики, этот собор должен был разрешить спор, начавшийся в Александрии.

10.2 Никейский собор

В 325 году епископы собрались в Никее, городе в Малой Азии неподалеку от Константинополя, на встречу, которая станет известной как I Вселенский собор. Точное число его участников неизвестно (цифру 318, приводимую в древних документах, многие ученые ставят под сомнение, так как она соответствует числу обрезанных во времена Авраама), но присутствовало действительно около трехсот человек – представителей главным образом грекоязычного Востока, хотя были и епископы с Запада. Чтобы понять, что значило это событие для тех, кто был его очевидцем, надо помнить, что среди собравшихся были люди, совсем недавно пережившие заключение, пытки или ссылку, а некоторые из них несли на теле физические свидетельства своей верности. И вот теперь, всего через несколько лет после жестоких испытаний, тех же епископов пригласили собраться в Никее, причем все их расходы оплатил император. Многие присутствовавшие знали друг друга понаслышке или через переписку. Но теперь, впервые в истории христианства, они воочию убедились во всеобъемлющем характере церкви. В своей книге "Жизнь Константина" присутствовавший на соборе Евсевий Кесарийский описывает это так:

Собрались самые уважаемые служители Божьи из многих церквей Европы, Ливии [т.е. Африки]и Азии. В один молитвенный дом, как будто бы расширенный Богом, пришли сирийцы и киликийцы, финикийцы и арабы, делегаты из Палестины и из Египта, фивийцы и ливийцы, представители Месопотамии. Был один персидский епископ и один скифский. Понт, Галатия, Памфилия, Каппадокия, Асия и Фригия, а также такие отдаленные районы, как Фракия, Македония, Ахаия и Эпир, прислали своих самых выдающихся епископов. Даже из Испании на этот собор приехал очень известный человек [Осий Кордовский]. Епископ имперского города [Рима] присутствовать не смог в силу своего преклонного возраста, но его представляли пресвитеры. Константин – первый правитель всех времен, соединивший такой венок узами мира и

представивший его Спасителю как дань благодарности за победы, которые Он одержал над всеми Своими врагами{18}.

В атмосфере общей эйфории епископы обсудили множество правовых вопросов, требовавших решения после прекращения гонений. Они утвердили общую процедуру восстановления малодушных, избрания и рукоположения пресвитеров и епископов, определили порядок старшинства различных епархий.

Но самым трудным пунктом программы собора стал вопрос об отношении к арианству. Здесь необходимо было учесть позиции и интересы разных групп.

Прежде всего, на соборе присутствовала небольшая группа убежденных ариан, возглавлявшихся Евсевием Никомидийским – епископом, игравшим основную роль в первые годы полемики (не путать с историком Евсевием Кесарийским). Поскольку Арий не был епископом, он не присутствовал на соборе, и его представлял Евсевий Никомидийский. По убеждению этой небольшой группы, правота Ария была настолько очевидной, что требовалось лишь логично изложить его доводы, после чего собравшиеся примут его точку зрения и вынесут порицание осудившему его Александру.

Прямо противоположную позицию занимала другая небольшая группа епископов, убежденных, что арианство угрожает самой сути христианской веры и поэтому его следует открыто осудить. Эту группу возглавлял Александр, епископ Александрийский. Один из его последователей, молодой человек, который, будучи лишь диаконом, не мог принимать участия в работе собора, впоследствии станет известным защитником никейской ортодоксальности под именем Афанасий Александрийский.

Для большинства епископов латиноязычного Запада полемика в связи с арианством не представляла особого интереса, так как они считали ее внутренним делом восточных последователей Оригена. Для них вполне достаточным было сделанное задолго до этого Тертуллианом заявление, что в Боге "три Лица и одна сущность".

Еще одна небольшая группа, состоявшая, по-видимому, всего из трех или четырех человек, занимала позицию, близкую к "патрипассианству", согласно которому Отец и Сын суть одно и, следовательно, Отец тоже испытал страдания. Эти епископы признавали, что Арий неправ, но их собственное учение тоже было отвергнуто в ходе последующего обсуждения, при уточнении учения о Троице.

Наконец, подавляющее большинство не принадлежало ни к одной из этих групп. Они просто сожалели, что в церкви возникли разногласия, когда гонения наконец закончились и перед нею открылись новые возможности и встали новые задачи. В начале работы собора эти епископы пытались найти компромиссное решение, которое позволило бы перейти к обсуждению других вопросов. Типичным примером служило поведение Евсевия Кесарийского, образованного историка, благодаря своей эрудиции пользовавшегося большим уважением среди других епископов.

Судя по свидетельству очевидцев, поворотным пунктом стало выступление Евсевия Н икомидийского, где он изложил свои взгляды, которые также были взглядами Ария. Он полагал, что собравшихся можно убедить простым и ясным изложением учения. Но ответ епископов, после того как они услышали его объяснения, был вовсе не таким, на который рассчитывал Евсевий Никомидийский. Утверждение, что Слово или Сын – всего лишь творение, хотя и очень высокое, вызвало гневные восклицания: "Ты лжешь! Это богохульство! Ересь!" Евсевию не дали больше говорить, и, по свидетельству очевидцев, текст его выступления вырвали у него из рук, разорвали и после этого растоптали.

Настроение у большинства собравшихся изменилось. Раньше они надеялись достичь согласия и компромисса, не осуждая ни то, ни другое учение, но теперь были готовы решительно осудить и отвергнуть арианство.

Вначале собравшиеся попытались сделать это на основании Писания. Но вскоре стало очевидным, что, ограничиваясь библейскими текстами, собору трудно будет четко и недвусмысленно осудить арианство. Поэтому было решено принять такой символ веры церкви, в котором арианству не оставалось бы места. Как все происходило, не совсем ясно. Евсевий Кесарийский, руководствуясь причинами, которые до сих пор обсуждаются учеными, прочитал символ веры своей церкви. Константин предложил включить в символ веры слово *homoousios,* к которому мы еще вернемся. В конце концов собравшиеся приняли формулировку, однозначно отвергавшую арианство:

Веруем в единого Бога, Всемогущего Отца, Творца всего видимого и невидимого.

И в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божьего, Единородного Отцу, в Бога от Бога, в свет от света, в Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного [homoousios] Отцу, через Которого все начало быть на небе и на земле, Который ради нас и нашего спасения сошел с небес и воплотился в человека, пострадал и воскрес на третий день, вознесся на небо и вернется, чтобы судить живых и мертвых.

И в Святого Духа.

Тех же, кто говорит, что когда-то Его не было, что прежде рождения Его не было, или что Он вышел из того, чего не существует, или что у Сына Божьего иная природа [hypostasis], или сущность [ousia], или что Он сотворен, или что Он подвержен изменениям, вселенская церковь предает анафеме{19}.

Этот текст, в который позднее были внесены дополнения, и без упоминания об анафеме в последнем абзаце, стал основой того, что сейчас называют Никейским символом веры, то есть принятым большинством христианских церквей символом веры. Апостольский символ веры римского происхождения используется только в западных церквах – римско-католической церковью и церквами, выросшими из протестантской Реформации. Никеискии же символ веры признается как западными церквами, так и восточными – греческой православной церковью, русской православной церковью и так далее.

Из текста, принятого епископами на Никейском соборе, ясно, что главной задачей они ставили отвержение любого представления о Сыне или Слове (Логосе) как о сотворенном или менее божественном по сравнению с Отцом существе. Это следует из таких утверждений, как "Бог от Бога, свет от света, истинный Бог от истинного Бога". По этой же причине в символе веры утверждается, что Отец есть "Творец всего видимого и невидимого". Таким образом, коль скоро Сын "рожден, не сотворен", Он не относится к сфере "видимого и невидимого", сотворенной Отцом. Кроме того, в последнем абзаце осуждаются те, кто утверждает, что Сын "вышел из того, чего не существует", то есть, подобно творению, из ничего. В тексте символа веры говорится также о "единосущности" Сына Отцу.

Но ключевое слово, вызвавшее многочисленные споры, – *homoousios,* которое обычно переводится как "единосущный". Оно было включено, чтобы выразить идею о равной Божественности Отца и Сына. Но оно же стало основной причиной возникших позднее возражений против Никейского символа веры, так как будто бы подразумевало, что между Отцом и Сыном нет никаких различий, и тем самым открывало путь для патрипассианства.

Собравшиеся в Никее епископы надеялись, что принятый ими символ веры вместе с приложенной к нему анафемой положит конец разногласиям, и приступили к его подписанию. Очень немногие, в том числе Евсевий Никомидийский, отказались поставить подпись. Тогда собор объявил их еретиками и лишил их епископского сана. Константин усугубил это наказание, выслав низложенных епископов из их городов. Тем самым он, вероятно, просто намеревался предотвратить дальнейшие беспорядки. Но дополнение к церковному наказанию гражданского имело серьезные последствия – был создан прецедент

вмешательства светских властей для защиты того, что считалось правильным учением.

Вопреки надеждам епископов Никеискии собор не положил конец разногласиям. Евсевий Никомидийский был тонким политиком и, говорят, даже дальним родственником императора. Он всячески старался завоевать расположение императора, который вскоре разрешил ему вернуться в Никомидию. В Никомидии располагалась летняя резиденция императора, поэтому у Евсевия была возможность добиться, чтобы Константин еще раз вернулся к принятому решению. В конце концов император счел, что поступил с арианами излишне сурово. Константин вызвал из ссылки самого Ария и приказал епископу Константинопольскому восстановить его. Пока епископ размышлял, должен ли он повиноваться императору или слушать голос совести, Арий умер.

Александр Александрийский умер в 328 году, и его сменил Афанасий, присутствовавший на Никейском соборе в качестве диакона и ставший теперь основным защитником его решений. Вскоре его имя уже было неразрывно связано с отстаиванием никейских принципов, так что всю последующую историю полемики, связанной с арианством, мы намерены рассмотреть на примере его жизни. Это будет темой главы 19, поэтому здесь не имеет смысла вдаваться в подробности. Достаточно сказать, что Евсевию Никомидийскому и его последователям удалось добиться высылки Афанасия по приказу Константина. К тому времени большинство сторонников принятых на Никейском соборе решений были уже изгнаны. Когда на смертном одре Константин наконец попросил окрестить его, обряд этот совершил Евсевий Никомидийский.

После короткого периода междуцарствия Константина сменили трое его сыновей: Константин II, Констант и Констанций II. Константин II правил в Галлии, Британии, Испании и Марокко. Констанций получил большую часть восточных территорий. Константу же была отведена узкая полоса земли между владениями братьев, включавшая Италию и Северную Африку. Поначалу в новых условиях обстановка складывалась в пользу никейской стороны, ибо старший из трех сыновей Константина встал на ее сторону и возвратил из ссылки Афанасия вместе с его товарищами. Но затем между Константином II и Константом началась война, позволившая правившему на Востоке Констанцию применить на практике свои проарианские взгляды. Афанасий был вновь сослан, но вернулся, когда после смерти Константина II Запад объединился под властью Константа, а Констанций был вынужден проводить более умеренную политику. Но в конечном счете единоличным императором стал Констанций, и тогда, по словам Иеронима, "весь мир очнулся от глубокого сна и обнаружил, что стал арианским". Лидеры тех, кто продолжал отстаивать решения Никейского собора, вновь были вынуждены покинуть свои города, давление властей еще усилилось, так что в конце концов даже престарелый Осий Кордовский и епископ Римский Либерии подписали арианское исповедание веры.

Так обстояли дела, когда неожиданная смерть Констанция изменила ход событий. Его сменил двоюродный брат Юлиан, позднее названный христианскими историками Отступником. Воспользовавшись бесконечными распрями среди христиан, к власти готовилась прийти языческая реакция.

11 Ответ язычников: Юлиан Отступник

Вот как этот весьма гуманный государь [Констанций] относился к нам, хотя мы были его близкими родственниками. Он без всякого суда убил шестерых наших общих двоюродных братьев, моего отца, то есть своего дядю, еще одного дядю по моей отцовской линии и моего старшего брата.

Юлиан отступник

У Юлиана было достаточно причин не любить как Констанция, так и христианскую веру, которую тот исповедовал. Когда Константин умер, большинство близких родственников императора были уничтожены. Исключение составили три брата, унаследовавших престол, и их двоюродные братья Юлиан и Галл – один из старших братьев Юлиана. Обстоятельства, при которых совершались эти преступления, не совсем ясны, поэтому было бы, вероятно, несправедливо всю вину возлагать на Констанция. Известно, что после смерти Константина возникли определенные сомнения относительно его преемника и что военные убили многих его родственников, но не для того, чтобы возвести на престол новую Династию, а чтобы обеспечить передачу власти трем его сыновьям. Когда началось избиение, из них в Константинополе был только Констанций, и поэтому молва считала, что именно он был инициатором убийств своих Родственников или во всяком случае им потворствовал.

Как бы то ни было на самом деле, Юлиан не сомневался в виновности своего двоюродного брата. Отец Юлиана был сводным братом Константина, поэтому Юлиан приходился двоюродным братом трем новым императорам. Из всей большой семьи Юлиана выжили только он сам и его сводный брат. Позднее он заявил, что Галла, этого его сводного брата, пощадили лишь потому, что в то время он казался смертельно больным, а самому ему сохранили жизнь, поскольку ему было всего шесть лет и он не представлял никакой угрозы для престолонаследия. Вполне возможно, что сам Констанций распорядился оставить этих своих двоюродных братьев в живых, поскольку они в силу своего малолетства не могли возглавить восстание, а с другой стороны, если бы три сына Константина умерли без наследников, эти молодые родственники могли бы стать законными претендентами на престол.

Констанций, единственный оставшийся в живых сын Константина, был стойким защитником арианства.

Тем не менее Галла и Юлиана не допускали ко двору. Тогда как Галл занимался в основном физическими упражнениями, его младший брат все больше времени посвящал философским штудиям. Оба крестились и получили христианское воспитание, во все время их отлучения от двора оба были "чтецами" в церкви.

В конце концов Констанций, став в 350 году единоличным правителем империи, призвал Галла, так как у него не было сыновей, которые могли бы помочь ему в управлении страной или сменить его на престоле. В 351 году Констанций дал Галлу титул "кесаря", то есть младшего императора, и поручил его

управлению обширные территории. Но Галл оказался неумелым руководителем, и ходили слухи, что он строил козни против своего двоюродного брата. Через несколько лет после провозглашения его кесарем по приказу Констанция его арестовали, и он был обезглавлен.

Тем временем Юлиан продолжал изучать философию в Афинах, в городе, считавшемся средоточием древней мудрости. Там он познакомился с Василием Кесарийским, преданным христианином, ставшим впоследствии одним из величайших епископов своего времени. Там же он заинтересовался древними мистическими религиями. В конце концов он отошел от христианства и начал искать истину и красоту в литературе и религии Древней Греции.

Констанций, предав забвению ошибку, которую он совершил с Галлом, призвал разделить свою власть единственного оставшегося родственника, дав ему титул кесаря и управление Галлией. Никто не ожидал, что Юлиан, проведший жизнь в изучении книг философов, станет великим правителем, тем более что Констанций не оказывал ему особой поддержки. Но Юлиан удивил своих современников. Его управление Галлией было просто-напросто образцовым. А когда возникала необходимость отражать набеги варваров, он проявлял себя умелым военачальником, чем заслужил высокое уважение в армии.

Юлиан, известный как Отступник, был последним императором из семейства Константина.

Все это не очень нравилось Констанцию, так как он опасался, что Юлиан в конце концов отнимет у него престол. Напряженные отношения между ними усиливались. Когда Констанций, готовившийся к походу против Персии, призвал войска, располагавшиеся в Галлии, на Восток, они взбунтовались и провозгласили Юлиана "августом", то есть высшим императором. Как только угроза со стороны персов миновала, Констанций отправился в поход против Юлиана и его взбунтовавшихся войск. Но когда война казалась уже неизбежной и обе стороны были готовы к ней, Констанций умер. Юлиан без труда занял Константинополь и провозгласил себя главой всей империи. Шел 361 год.

Первым делом Юлиан постарался отомстить тем, кто в наибольшей степени способствовал его бедам и пытался не допустить его к власти. С этой целью он создал судебный орган, который хотя и был формально независимым, фактически исполнял все желания императора. Нескольких злейших его врагов этот судебный орган приговорил к смертной казни.

Но в целом Юлиан был способным правителем, и ему удалось упорядочить хаотичные управленческие структуры своих обширных владений. Вместе с тем наибольшую известность он приобрел не этими делами, а своей религиозной политикой, благодаря которой он вошел в историю как "Отступник".

11.1 Религиозная политика Юлиана

Юлиан стремился возродить утерянную славу язычества и воспрепятствовать распространению

христианства. Со времен Константина язычество в значительной степени утратило былое величие. Сам Константин не преследовал язычников и не пытался силой обращать их в христианство. Но он разграбил древние храмы, забрав из них произведения искусства для украшения новой столицы. При его сыновьях был принят ряд законов, направленных на поддержку христианства. Ко времени, когда Юлиан стал единоличным императором, языческие храмы были по сути дела опустошены, а многие языческие жрецы ходили в лохмотьях, пытаясь хоть как-то пополнить свои скудные доходы и пренебрегая совершением древних обрядов.

Юлиан преследовал цель полностью восстановить и реформировать язычество. Для этого он приказал вернуть в храмы все, что было из них изъято. Следуя примеру христианской церкви, он установил среди языческих жрецов иерархию, подобную той, которая существовала в церкви. Он разделил империю на области и во главе каждой из них поставил главного жреца, которому подчинялись все остальные. В свою очередь главные жрецы областей подчинялись высшим жрецам провинций, а те – "верховному жрецу", которым был сам Юлиан. Все члены жреческой иерархии должны были вести образцовую жизнь и заниматься не только проведением служб, но и благотворительными делами для нуждающихся. Таким образом, хотя Юлиан и отвергал христианство, фактически он многое из него заимствовал.

Одновременно с реализацией этой широкой программы религиозного обновления Юлиан предпринимал более конкретные шаги для возрождения поклонения древним богам. Он считал себя избранным ими для проведения этой работы и поэтому не только старался вернуть империю в целом к старой вере, но и сам воздавал богам, поклоняясь и совершая жертвоприношения, чего не делали другие. По его приказу совершались массовые жертвоприношения, когда за один раз богам предавались сотни тельцов и других животных. Но Юлиан, будучи мудрым правителем, хорошо понимал, что восстановление язычества не столь популярно в народе, как ему хотелось бы. Люди высмеивали новые обряды, даже если и принимали в них участие. Следовательно, необходимо было не только пропагандировать язычество, но и подавлять христианство – его самого мощного противника.

С этой целью Юлиан предпринял ряд мер, хотя, отдавая ему справедливость, следует подчеркнуть, что он никогда не проводил гонений на христиан. В отдельных местах среди христиан появлялись мученики, но это объяснялось не императорскими указами, а действиями толпы или чрезмерным рвением местных властей. Сам Юлиан был убежден, что гонения на христиан не могут способствовать достижению его цели.

Вместо гонений Юлиан проводил двойственную политику, одновременно противодействуя распространению христианства и высмеивая христиан. Во-первых, он принял закон, запрещавший христианам использовать в обучении произведения классической литературы. Запретив то, что в его глазах выглядело кощунством, он лишил христиан возможности использовать для распространения веры сочинения античных авторов, что они делали со времен Юстина во II веке. Во-вторых, Юлиан пытался всячески высмеивать христиан, которых он называл "галилеянами". С этой целью он написал книгу "Против галилеян", в которой продемонстрировал знание Библии и высмеивал как содержание Писания, так и учение Иисуса. Затем он решил восстановить иерусалимский храм – не потому, что испытывал особые симпатии к иудаизму, а дабы на деле опровергнуть христианский тезис о том, что разрушение храма стало исполнением пророчеств Ветхого Завета.

Все эти начинания осуществлялись быстрыми темпами, когда его совершенно неожиданно настигла смерть. Во время кампании против персов Юлиан был смертельно ранен вражеским копьем. Согласно известной легенде, лишенной, правда, каких-либо исторических оснований, его последними словами были: "Ты победил, Галилеянин!"

12 Афанасий Александрийский

Последствия воплощения Спасителя столь значительны и столь многочисленны, что если бы кто-то попытался их перечислить, он уподобился бы человеку, стоящему перед широким морем и пытающемуся сосчитать его волны.

Афанасий Александрийский

Среди присутствовавших на Никейском соборе был молодой человек с такой смуглой кожей и такого маленького роста, что противники называли его "черным карликом". Это был Афанасий, секретарь Александра, ставший вскоре одним из основных действующих лиц полемики и величайшим защитником никейских принципов. Он был одним из великих деятелей – "отцов" – IV века, и именно к его жизни, служащей наилучшей иллюстрацией событий той эпохи, мы сейчас обратимся.

12.1 Ранние годы

Время и место рождения Афанасия неизвестны, но, скорее всего, он был человеком скромного происхождения и выходцем из какого-нибудь маленького городка или деревушки на берегу Нила. Судя по тому, что он говорил на коптском языке, то есть на языке коренных жителей этой местности, завоеванной сначала греками, а потом римлянами, и отличался смуглым цветом лица, как у коптов, можно сделать вывод, что он принадлежал именно к этой этнической группе и, следовательно, к низшим социальным слоям Египта. Он никогда не заявлял о своем высоком происхождении и не претендовал на доскональное знание тонкостей греко-римской культуры.

В молодые годы он поддерживал тесные связи с монахами в пустыне. Иероним пишет, что он подарил плащ отшельнику Павлу, а сам Афанасий в "Жизнеописании Великого Антония" говорит, что посещал этого известного монаха и мыл старцу руки. Последняя деталь побудила некоторых исследователей высказать предположение, что Афанасий еще ребенком прислуживал Антонию. Как бы там ни было, не вызывает сомнений, что всю свою жизнь Афанасий поддерживал тесные контакты с монахами в пустыне, которые неоднократно оказывали ему помощь и предоставляли убежище.

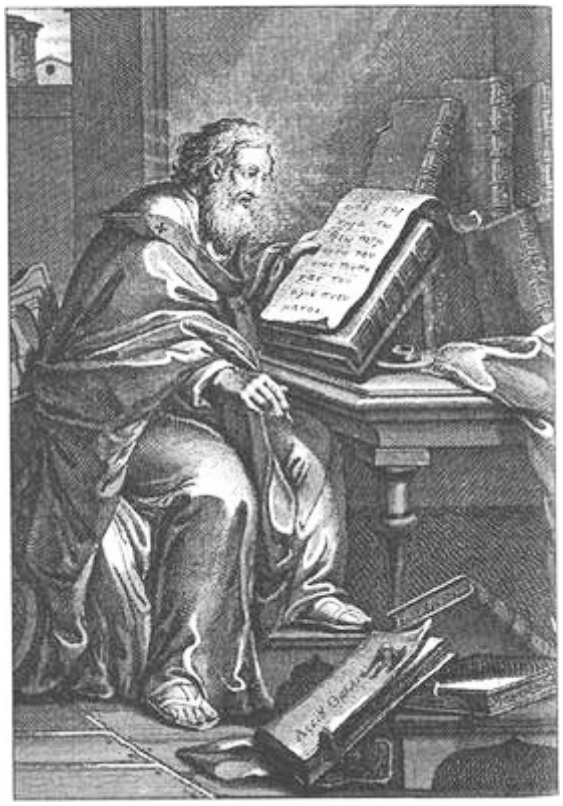
От монахов Афанасий научился строгой дисциплине, которой следовал в жизни, и аскетизму, вызывавшему не только восхищение друзей, но и уважение противников. Среди всех оппонентов арианства наиболее опасным считался именно он. Это объяснялось не изяществом его логической аргументации, не использованием каких-то особо тонких приемов и даже не его политической проницательностью. Во всем этом противникам не составляло труда превзойти Афанасия. Сильным его местом была связь с людьми среди которых он жил, и жизнь по вере без искусственности, привносимой арианами, и без помпезности, к которой были склонны многие другие епископы. Монашеская дисциплина, народные корни, пламенный дух, глубокая и непоколебимая убежденность делали его несгибаемым.

Еще до возникновения арианской ереси Афанасий написал две работы: "Слово против язычников" и "О воплощении Слова", задавшие тон его богословским воззрениям. В них нет места умозрительным построениям, как у Климента или Оригена. Эти работы отмечены его глубоким убеждением, что главным событием как христианской веры, так и всей человеческой истории является воплощение Бога в Иисусе Христе. Божье присутствие среди людей приняло человеческие формы: именно в этом состоит суть христианства в понимании Афанасия.

В одном из наиболее примечательных мест его сочинений воплощение описывается как посещение

города императором. Император решил посетить город и остановился в одном из его домов. В результате не только этот Дом, но и весь город оказались под особой защитой и удостоились особой чести. Бандиты не решались к нему подходить. Точно так же Владыка вселенной посетил наш человеческий город, жил в одном из наших домов, и благодаря Его присутствию все мы получили защиту от нападок и козней лукавого. Теперь, после этого посещения Бога в Иисусе Христе, мы обрели свободу быть теми, кем нас хочет видеть Бог, то есть жить в тесном общении с божественным началом.

Совершенно очевидно, что центральное место в богословских воззрениях Афанасия занимало Божье присутствие. Неудивительно поэтому, что в арианстве он видел серьезную угрозу самой сути христианства. Арий учил что пришедший к нам в виде Иисуса Христа был не настоящим Богом, а каким-то менее значимым существом или творением. Такие взгляды были неприемлемы как для самого Афанасия и для монахов, удалившихся в пустыню и искавших там любви воплощенного Бога, так и для верующих, приходивших к Афанасию на богослужения. В глазах Афанасия, монахов и многих верующих арианские взгляды не выглядели вопросами, имеющими какое-то второстепенное значение. Они касались самой сути христианского послания.

Враги насмехались над небольшим ростом Афанасия.На гравюре из сборника его сочинений, изданного в 1777 году, изображено,как Афанасий пишет опровержение взглядов Ария.

Когда Александр, епископ Александрийский, лежал на смертном одре, никто не сомневался, что его сменит Афанасий. Но в это время молодой человек, стремившийся к мирной жизни среди людей и к совершению для них обрядов и богослужений, бежал в пустыню. Говорят, что перед смертью Александр попросил позвать к нему его молодого друга, по-видимому для того, чтобы сказать ему о своем желании видеть его следующим епископом Александрии. Но Афанасий прятался. В конечном счете через несколько недель после смерти Александра Афанасия против его воли избрали епископом Александрии. Это произошло в 328 году, в том же году, когда Константин отменил решение об изгнании Ария. Арианство набирало силу, и противники заняли означенные позиции.

12.2 Годы испытаний

Евсевий Никомидийский и другие ариане понимали, что Афанасий – один из их самых опасных противников. Вскоре они начали добиваться его ниспровержения, распуская слухи, что он занимается магией и ведет себя как тиран по отношению к христианской пастве в Египте. В результате Константин приказал ему предстать перед синодом, собравшимся в Тире, где он должен был ответить на выдвинутые против него серьезные обвинения. В частности, его обвиняли в убийстве некоего Арсения, епископа противоборствующей группировки, и в использовании отрезанной у того руки в магических ритуалах. В документе той эпохи, автор которого умело драматизирует события, сообщается, что Афанасий прибыл в Тир, как ему было приказано, и, выслушав обвинения, пригласил в комнату человека, завернутого в плащ. Убедившись, что среди присутствовавших были люди, лично знавшие Арсения, он откинул капюшон плаща, открыв лицо этого человека, и обвинители пришли в замешательство, поняв, что перед ними стоит предполагаемая жертва Афанасия. Тогда кто-то из тех, кто был убежден в достоверности слухов, касающихся епископа Александрийского, высказал предположение, что Афанасий не убивал Арсения, а просто отрезал ему руку. Когда собравшиеся потребовали представить доказательство, что рука не отрезана, Афанасий откинул плащ с одной руки Арсения. "Ты отрезал Другую руку!" – закричали его противники. Афанасий откинул плащ со второй руки и задал вопрос: "Вы думаете, что Арсений был уродом с тремя Руками?" В зале раздался смех, но многие негодовали, что ариане так их одурачили.

Сняв с себя обвинения на синоде в Тире, Афанасий решил поехать в Константинополь, чтобы изложить свои доводы императору. Но при дворе большим влиянием пользовался Евсевий Никомидийский, и Афанасий не смог добиться приема у императора. Тогда он решился на смелый шаг. Однажды, когда Константин совершал верховую прогулку, низкорослый епископ Александрийский подбежал к лошади императора, схватился за узду и не выпускал ее, пока не добился аудиенции. Учитывая политическую обстановку при дворе, такие методы были, возможно, оправданными. Но они лишь привели Константина к убеждению, что Афанасий действительно был опасным и необузданным фанатиком. Поэтому некоторое время спустя он с вниманием отнесся к словам Евсевия Никомидийского, что Афанасий похвалялся, будто может приостановить перевозку пшеницы из Египта в Рим. На основании обвинений Евсевия Константин выслал Афанасия из Александрии и отправил его на Запад в город Трир.

Вскоре, однако, Константин умер, окрещенный перед смертью Евсевием Никомидийским, и его сменили трое сыновей – Константин II, Констант и Констанций. Трое братьев решили, что все сосланные епископы (а их было немало) могут вернуться к своим кафедрам.

Но возвращение Афанасия в Александрию было не концом, а началом долгого периода борьбы и ссылок. В Александрии большим влиянием пользовались сторонники ариан, и теперь они утверждали, что ввиду своего долгого отсутствия Афанасий не является больше законным епископом. Его соперник, некий Григорий, пользовался поддержкой властей. Поскольку Афанасий отказывался передать ему церковные здания, Григорий решил захватить их силой, в результате чего произошли такие крупные беспорядки, что Афанасий поспешил покинуть город, дабы избежать дальнейшего насилия. Ходили слухи, что всю вину за беспорядки власти возлагали на Афанасия. Они подтвердились, когда в порту по распоряжению наместника ему запретили выезд. В конце концов ему удалось уговорить одного судовладельца, который тайно вывез его из порта и доставил в Рим.

Пребывание Афанасия в Риме было плодотворным. Как ариане, так и никейцы добивались поддержки епископа Римского Юлия. Афанасию удалось лично изложить никейскую позицию, и вскоре он стал пользоваться поддержкой римского духовенства, принявшего сторону никейцев против ариан. В конце концов собравшийся в древней столице синод объявил Афанасия законным епископом

Александрии, а Григория узурпатором. Хотя это решение не означало, что Афанасий может немедленно вернуться в Александрию, оно тем не менее свидетельствовало о поддержке Западной церковью никейских принципов и лично Афанасия.

После смерти Константина II Констант, ставший единственным императором Запада, попросил Констанция, правившего на Востоке, разрешить Афанасию вернуться в Александрию. Как раз тогда Констанций нуждался в поддержке брата, поэтому он удовлетворил его просьбу, и Афанасий вернулся в Александрию.

Под управлением Григория в Александрии сложилась такая обстановка, что народ встретил Афанасия как героя и освободителя. Такому положению дел способствовало, возможного, что Григорий и ариане представляли эллинизированную знать, а Афанасий был человеком из народа. Во всяком случае ему был оказан шумный и радостный прием. Кроме жителей города, его встречали пришедшие из пустыни монахи. При такой поддержке Афанасий в течение примерно десяти лет был огражден от нападок противников. За это время он укрепил связи с другими защитниками ортодоксальности, с которыми вел оживленную переписку. В те же годы он написал несколько трактатов против арианства.

Но император Констанций был убежденным сторонником арианства, и ему хотелось избавиться от этого защитника никейской веры. При жизни Константа Констанций терпел присутствие Афанасия, который мог рассчитывать на поддержку западного императора. Затем некий Магненций попытался захватить власть на Западе, и Констанцию пришлось бросить все силы на борьбу с новым соперником.

Наконец, в 353 году, когда он был уже правителем всей империи, Констанций почувствовал достаточную уверенность в себе для проведения открытой проарианской политики. В результате угроз и применения силы все больше епископов принимали арианские взгляды. Говорят, что когда Констанций приказал синоду осудить Афанасия и ему ответили, что это невозможно, поскольку церковные каноны не позволяют осуждать человека, не выслушав его, император заявил: "Моя воля – вот канон церкви". Под давлением такой явной угрозы многие епископы подписали осуждение Афанасия. Те, кто отказались, были сосланы.

Если верить авторам тех лет, Констанций опасался влияния Афанасия в Александрии и хотел просто удалить его из города, не прибегая к высылке. Афанасий получил письмо, в котором император сообщал о предоставлении ему аудиенции, которой он не просил. Епископ вежливо ответил, что, по-видимому, произошла ошибка, ибо он не просил о такой чести, и что он не хочет отнимать у императора его драгоценного времени. Тогда Констанций приказал ввести в Александрию войска. Когда легионы заняли свои места и любой бунт мог быть подавлен, наместник от имени императора приказал Афанасию покинуть город. В ответ Афанасий показал выданное ранее императорское предписание, согласно которому ему разрешалось вернуться в Александрию. Здесь какая-то ошибка, сказал он наместнику, ведь не может же император противоречить сам себе.

Вскоре после этого, когда Афанасий совершал обряд причащения в одной из церквей, наместник приказал окружить здание и вместе с группой вооруженных воинов ворвался в него. В возникшей суматохе Афанасий призвал собравшихся петь Пс. 135 с рефреном: "Ибо вовек милость Его". Пока одни пели, а другие пытались скрыться, воины пробирались сквозь толпу. Присутствовавшие на службе священнослужители окружили Афанасия плотным кольцом – он не хотел бежать, пока его паства не окажется в безопасности. Но затем он потерял сознание, и священникам каким-то образом удалось перенести его в безопасное место.

С этого момента Афанасий стал как будто бы призраком. Власти искали его повсюду, но безуспешно. Он нашел убежище у своих верных союзников – монахов в пустыне. Эти монахи поддерживали между собой связь, и когда представители имперской власти приближались к его укрытию, он просто переходил в

более надежное место.

С монахами в пустыне Афанасий прожил пять лет. За эти годы никейскому движению были нанесены тяжелые удары. Имперская политика придерживалась откровенно арианской ориентации. Несколько синодов были вынуждены поддержать арианство. В конце концов даже Осия Кордовского и Либерия Римского, людей весьма преклонного возраста, вынудили подписать арианское исповедание веры. Хотя многие епископы и другие церковные деятели сознавали неприемлемость арианства, в условиях его столь решительной поддержки со стороны государства бороться с ним было очень трудно. Апогеем арианства стал собор в Сирмии, открыто отвергнувший решения Никейского собора. Ортодоксальные лидеры назвали его "сирмийским богохульством".

Констанций неожиданно умер, и на смену ему пришел его двоюродный брат Юлиан. Новый император не был заинтересован в поддержке ни одной из сторон, поэтому он просто отменил все постановления о высылке епископов. Он надеялся, что противники будут ослаблять друг друга и тем самым способствовать достижению его цели по возрождению язычества. Одним из последствий этого решения стало возвращение Афанасия в Александрию, где он развернул столь необходимую кампанию богословской дипломатии.

12.3 Богословское согласие

Афанасий пришел к выводу, что несогласие многих с Никейским символом веры объясняется опасением, что утверждение о единосущности Сына с Отцом может быть истолковано как отрицание всяких различий между Отцом и Сыном. Поэтому они предпочитали говорить не о "единосущности", а о "подобосущности". Эти понятия выражались греческими словами *homoousios* (единосущный) и *homoiousios* (подобосущности). Никейский собор провозгласил Сына *homoousios* Отцу. Но теперь многие говорили, что они считают Сына *homoiousios* Отцу.

Ранее Афанасий безоговорочно отстаивал никейскую формулировку и заявлял, что сторонники формулировки о "подобосущности" – такие же еретики, как и ариане. Но теперь, будучи уже в преклонных годах, епископ Александрии признавал обоснованность взглядов христиан, которые, отвергая арианство, в то же время не могли признать, что между Отцом и Сыном нет никаких различий.

В ходе многочисленных бесед Афанасий убедил многих из них, что никейскую формулировку можно истолковывать в смысле "подобосущности". Наконец, на синоде, собравшемся в Александрии в 362 году, Афанасий и его последователи заявили, что Отца, Сына и Святого Духа можно считать "единосущными", только если при этом не подразумевается отвержение различий между ними, и что вполне можно говорить о "трех сущностях" при условии не понимать под этим существование трех богов. Именно на этом основании большинство церквей признали решения Никейского собора, которые затем были утверждены на II Вселенском соборе, собравшемся в Константинополе в 381 году. Но Афанасий не увидел этой победы, достижению которой он посвятил большую часть жизни.

12.4 Новые испытания

У Юлиана не было намерения преследовать христиан, но известия, приходившие из Александрии, его беспокоили. Усилия по возрождению язычества встречали твердое сопротивление Афанасия, ставшего к тому времени народным героем. Чтобы проводившаяся им политика принесла успех в Александрии, необходимо было в очередной раз выслать епископа. Вскоре Афанасию стало ясно, что Юлиан хочет изгнать его не только из Александрии, но и из Египта. Афанасий понимал, что не может оставаться в городе, где ему негде было укрыться, и решил вновь прибегнуть к помощи монахов.

Зная, что Афанасий будет искать убежище в пустыне, имперские власти пытались схватить его. По рассказу биографов Афанасия, он плыл на корабле вверх по Нилу, когда их догнало более быстрое судно. "Вы не видели Афанасия?" – крикнули с него. "Видели, – ответил Афанасий, сказав истинную правду. – Он плывет прямо перед вами, и если вы поторопитесь, то настигнете его". Вскоре судно преследователей скрылось впереди.

Как мы видели, царствование Юлиана продолжалось недолго. Его сменил почитатель Афанасия Иовиан. Епископ Александрийский в очередной раз вернулся из ссылки, но вскоре его пригласили в Антиохию советником императора. Когда он в конце концов вернулся в Александрию, казалось, что долгая череда ссылок подошла к концу.

Но Иовиан через несколько месяцев умер, и его сменил Валент, твердый сторонник арианства. Опасаясь, что император примет меры против ортодоксальных христиан, если он останется в городе, Афанасий в очередной раз решил уехать. Но скоро стало ясно, что у Валента нет желания бороться с епископом, который сумел противостоять Констанцию и Юлиану. Афанасий смог вернуться в Александрию, где жил до самой смерти в 373 году.

Афанасий так и не увидел окончательной победы дела, которому посвятил всю свою жизнь, но написанные им труды с полной очевидностью показывают его убежденность в конечном развенчании арианства. Когда он достиг преклонного возраста, появилось новое поколение богословов, преданных тому же делу. Самыми выдающимися среди них были великие каппадокийцы, к которым мы теперь и обратимся.

13 Великие каппадокийцы

Не надо, друзья мои, не надо без нужды философствовать о Боге, ибо материя эта сложная и высокая. Говорить об этом можно не со всеми, не всегда, не на все темы, но с определенными людьми, в определенное время и в связи с определенными вопросами.

Григорий Назианзин

Каппадокия располагалась на юге Малой Азии на территории современной Турции. Там жили три христианских богослова, которых обычно называют "великими каппадокийцами". Это Василий Кесарийский, или Великий, его брат Григорий Нисский, известный своими работами на тему о мистическом созерцании, и их друг Григорий Назианзин, поэт и оратор, многие гимны которого стали классическими в греко-язычной церкви. Но прежде чем обратиться к рассмотрению их трудов и дел, справедливость требует отдать должное еще одному человеку, не менее достойному, но которым часто пренебрегают историки, имеющие склонность игнорировать вклад женщин. Этой замечательной женщиной была Макрина, сестра Василия и Григория Нисского.

13.1 Макрина

Макрина, Василий и Григорий воспитывались в семье с глубокими христианскими корнями – христианами были как минимум два предшествовавших поколения. Дедушка и бабушка по отцовской линии семь лет скрывались в лесах во время гонений при Деции. Вместе с ними там были и члены их семьи, в том числе два их сына – Григорий и Василий. Этот Григорий, дядя наших каппадокийцев, впоследствии стал епископом. Его брат Василий, отец Макрины и ее братьев, стал известным адвокатом и учителем риторики. Жена его была дочерью христианского мученика. Таким образом, христианами были предки каппадокийцев по обеим линиям, а дядя их был даже епископом.

Макрине было двенадцать лет, когда родители, в соответствии с существовавшими тогда обычаями, решили обручить ее. Они остановили выбор на молодом родственнике, готовившемся стать адвокатом, и Макрина согласилась. Все уже было готово к помолвке, но жених неожиданно умер. После этого Макрина отказывалась слышать о других претендентах и в конце концов дала обет безбрачия.

За два или три года до помолвки Макрины родился Василий. Он был больным ребенком, и какое-то время казалось сомнительным, что он выживет. Старший Василий, всегда хотевший иметь сына, дал ему самое лучшее образование, какое только мог, в надежде, что он пойдет по стопам отца и станет адвокатом и оратором. Молодой Василий учился сначала в Кесарии, главном городе Каппадокии, затем в Антиохии и Константинополе и, наконец, в Афинах. Именно в этом древнем греческом городе он встретился с Григорием, который затем станет епископом Назианзина, и с Юлианом, названным впоследствии Отступником.

Завершив учебу, Василий вернулся в Кесарию, полный самодовольства из-за переполнявших его знаний. Образование вкупе с семейным авторитетом обеспечивали ему высокое положение в кесарийском обществе. Вскоре ему предложили занять место преподавателя риторики.

Тогда-то и вмешалась Макрина. Она откровенно сказала брату, что он стал тщеславным, что он ведет себя так, будто лучше него в городе никого нет, и что ему следовало бы поменьше ссылаться на языческих писателей и больше следовать советам христианских авторов. Василий только пожимал плечами, считая

свою сестру просто недостаточно образованным человеком.

Затем пришло трагическое известие: скоропостижно умер их брат Навкратий, живший уединенно в сельской местности. Василия это потрясло. Он был очень близок с Навкратием. Правда, последнее время их пути разошлись – Навкратий совершенно отказался от мирских удовольствий, тогда как Василий предавался им. Удар оказался настолько сильным, что Василий полностью изменил свою жизнь. Он отказался от должности преподавателя и от всех других почестей и попросил Макрину научить его смыслу религиозной жизни. Незадолго до этого умер их отец, и теперь Макрина стала опорой и утешением осиротевшей семьи.

Макрина пыталась поддерживать семью, обращая их мысли на радости, которые приносит духовная жизнь. Почему бы не уехать в семейное владение в Аннисах и не жить там в самоотречении и созерцании? Подлинное счастье приносит не мирская слава, а служение Богу. Такое служение лучше всего проводить, порвав все связи с миром. Одежда и пища должны быть самыми простыми, и человеку надлежит всецело посвятить себя молитве. Иными словами, Макрина предлагала примерно такой же образ жизни, какой вели затворники в пустыне.

Макрина вместе с матерью и еще несколькими женщинами удалилась в Аннисы, а Василий по совету сестры отправился в Египет, чтобы больше узнать о монашеской жизни. Поскольку Василий стал величайшим проповедником монашества в грекоязычной церкви, а интерес к этому пробудила в нем Макрина, можно утверждать, что основоположником греческого монашества была именно она.

Остаток жизни Макрина провела в монашеском уединении в Аннисах. Многие годы спустя, когда Василий уже умер, ее посетил Григорий Нисский. К тому времени она уже пользовалась такой известностью, что ее называли просто Учителем. Об этом своем посещении Григорий рассказал в трактате "О душе и воскресении". В начале этой работы он пишет, что "Василий, величайший среди святых, ушел из этой жизни, отправился к Богу, и все церкви оплакивают его смерть. Но его сестра, Учитель, еще жива, и я был у нее". Вид страдавшей астмой сестры произвел на Григория тяжелое впечатление. "При виде Учителя, – написал он, – мне стало больно, ибо было видно, что она тоже вот-вот умрет".

Когда он выплакался и излил свою печаль, она успокоила его, напомнив о надежде на воскресение. Затем она умерла в полном умиротворении. Григорий закрыл ей глаза, отслужил отпевание и отправился продолжать работу, завещанную ему братом и сестрой.

13.2 Василий Великий

За много лет до этих событий Василий вернулся из Египта, Палестины и других стран, где он изучал монашескую жизнь, и обосновался неподалеку от Аннис. Вместе со своим другом Григорием Назианзином он организовал общину для мужчин наподобие той, которую Макрина основала для женщин. Он был сторонником общинной жизни, ибо считал, что отшельник никому не может служить, а смысл монашеской жизни заключается в служении людям. Сам он взял за правило заниматься самыми неприятными делами в общине. Он также написал устав, которого следует придерживаться в монашеской жизни. Поскольку все установления греческой церкви, касающиеся монашеской жизни, основываются на учении Василия, он обычно считается отцом восточного монашества.

Но уединенную жизнь Василий смог вести сравнительно недолго. Он прожил монахом немногим более шести лет, когда его против воли назначили пресвитером. Вскоре у него возникли разногласия с епископом Кесарийским, и он, не желая создавать дополнительные трудности, решил вернуться в монашескую общину. Там он оставался до тех пор, пока императором не стал Валент. Новый император придерживался арианских взглядов, поэтому епископ Кесарийский решил предать забвению разногласия с

Василием и позвал святого монаха на помощь в борьбе с арианством.

Когда Василий прибыл в Кесарию, ситуация там была очень сложной. Год выдался неурожайным из-за плохой погоды, и богатые люди прятали зерно. Василий осудил такое поведение и распродал все свое имущество, чтобы накормить бедных. Если все, говорил он, будут оставлять себе только необходимое, а остальное отдавать нуждающимся, не будет ни бедных, ни богатых.

После смерти епископа Кесарийского избрание его преемника стало основным пунктом разногласий между ортодоксальными христианами и арианами. Авторитет, которым пользовался Василий, делал его наиболее приемлемым кандидатом. Ариане смогли выдвинуть против него только одно возражение: слабое здоровье. На это ортодоксальные христиане ответили, что они избирают епископа, а не гладиатора. В конце концов Василия избрали.

Новый епископ Кесарийский понимал, что его избрание придется не по нраву императору, который поддерживал ариан. Вскоре Валент выразил желание посетить Кесарию. Никейцы уже получила горький опыт при посещении Валентом других городов, где он делал все возможное для укрепления арианских позиций.

Для подготовки визита Валента в Кесарию туда прибыло множество должностных лиц. Император дал им указание путем обещаний и угроз склонить нового епископа на свою сторону. Но сломить Василия было не так-то просто. Наконец в ходе жаркого спора претор потерял терпение и пригрозил Василию конфискацией имущества, ссылкой, пытками и даже смертной казнью. Василий на это ответил: "Конфисковать у меня вы можете только вот это тряпье и несколько книг. Сослать меня вы никуда не можете, ибо куда бы вы меня ни отправили, я везде буду гостем Бога. Что же касается пыток, вам следует знать, что мое тело уже умерло во Христе. А смерть будет для меня величайшим благом, поскольку она быстрее приведет меня к Богу".

Ошеломленный претор сказал, что до сих пор никто так с ним не разговаривал. Василий ответил: "Скорее всего, потому, что ты еще не встречался с настоящим епископом".

Наконец прибыл император. В знак своего благоволения к городу он возложил на алтарь щедрые дары, но никто не пришел за ними. Императору пришлось ждать епископа, который в конце концов принял дары, дав при этом ясно понять, что именно он оказывает честь императору.

После этих событий Василий смог наконец посвятить себя выполнению епископских обязанностей. Особое внимание он уделял организации и распространению монашеского движения, а также защите никейских идеалов. Кроме того, своей обширной перепиской и своими работами он внес значительный вклад в развитие учения о Троице. Но, как и Афанасий, он не увидел плодов конечной победы – он умер за несколько месяцев до Константинопольского собора, подтвердившего в 381 году решения Никейского собора.

13.3 Григорий Нисский

У младшего брата Василия Григория Нисского был совершенно иной склад характера. В отличие от непоседливого, живого и даже порой самонадеянного Василия Григорий предпочитал тишину, уединение и безвестность. Роль борца и защитника его не привлекала. Он получил неплохое образование, но не такое основательное, как Василий. Одно время он хотел стать адвокатом и ритором, но в конечном счете понял, что это занятие не для него.

В те годы, когда Василий со своим другом Григорием Назианзином со всем пылом души посвятили себя монашеской жизни, Григорий женился на одной молодой женщине и чувствовал себя с ней вполне

счастливым. Позднее, когда его жена умерла, а сам он стал монахом, Григорий написал трактат "О девственности", отразивший его взгляды. Он полагал, что если человек не женится, он не страдает при виде болей роженицы и тем более от потери жены. По его мнению, монашество ограждает от боли и страданий обычной жизни. Известность он приобрел благодаря своим мистическим взглядам и сочинениям, в которых описывал такую жизнь и указывал направление тем, кто хотел бы ей следовать.

Однако острые, злободневные вопросы того времени не могли оставить равнодушным такого человека, как Григорий. Василий буквально принудил его стать епископом Ниссы – почти что деревушки. Валент и ариане всеми силами пытались сокрушить ортодоксальную "партию". Борьба казалась Григорию непомерно тяжелой, и он начал скрываться. И все же, несмотря на все это, после смерти Валента и Василия Григорий стал одним из тех, кто возглавил никейское движение. Как лидер никейцев он и прибыл в 381 году на Константинопольский собор.

По характеру он был спокойным и скромным человеком, но в его трудах отражается внутренний огонь духа. А убедительное изложение им никейских принципов способствовало их победе на Константинопольском соборе.

После этого знаменательного собора император Феодосии пригласил его к себе в качестве одного из ведущих советников по богословским вопросам, и Григорию пришлось много путешествовать по империи и посетить даже Аравию и Месопотамию. Хотя эта деятельность приносила большую пользу, Григорий всегда относился к ней как к помехе, отвлекающей его от созерцательной жизни.

Наконец, убедившись в твердой победе никейских принципов, Григорий вернулся к монашеской жизни в надежде, что мир оставит его в покое. И он в этом преуспел – нам не известны ни дата, ни обстоятельства его смерти.

13.4 Григорий Назианзин

Другим великим каппадокийцем был Григорий Назианзин, с которым Василий познакомился во время учебы. Родителями Григория были епископ Назианза, которого тоже звали Григорий, и его жена Нонна (в те времена многие епископы женились). Григорий Старший придерживался еретических взглядов, но Нонна воспитывала сына в ортодоксальном духе. Как и у Василия, семья Григория была очень благочестивой, и многих из них позднее начали даже называть "святыми" – самого Григория, его родителей Григория и Нонну, его брата Кесария, сестру Горгонию и двоюродного брата Амфилохия.

Юношеские годы Григорий провел за книгами. Сначала он учился в Кесарии, а затем отправился в Афины, где оставался около четырнадцати лет и где встретился с Василием и будущим императором Юлианом. В возрасте тридцати лет он вернулся домой и вместе с Василием начал вести монашескую жизнь. В то же самое время его брат Кесарии стал известным врачом в Константинополе, где лечил Констанция и Юлиана, не принимая при этом ни арианских взглядов первого, ни языческих взглядов второго.

По возвращении в Назианзин Григорий был против воли рукоположен пресвитером. Он скрылся в монашеской общине Василия, где оставался какое-то время, но в конце концов вернулся к исполнению пастырских обязанностей в Назианзе. Именно тогда он прочитал известную проповедь, посвященную долгу пастыря и начинающуюся со слов: "Меня одолели, и я признаю свое поражение".

С этого момента Григорий начал принимать больше участия в богословских спорах того времени. Когда Василий сделал его епископом маленькой деревушки, Григорий решил, что друг просто обманул его, и их отношения стали крайне натянутыми. Это время было тяжелым для Григория – умерли Кесарии, Горгония, отец и мать. Чувствуя себя одиноким и покинутым, Григорий ушел из доверенной ему церкви,

чтобы иметь время Для спокойных размышлений. Он удалился в уединенное место, где его настигло известие о смерти Василия, с которым он так и не успел помириться.

Для Григория это стало тяжелым ударом. Нов конце концов он почувствовал призвание принять активное участие в борьбе против арианства, к которой его без особого успеха побуждал Василий. В 379 году он прибыл в Константинополь. В тот период арианство пользовалось всецелой поддержкой государства, и во всем городе не было ни одной ортодоксальной церкви. Григорий начал совершать службы в доме одного из своих родственников. Когда он появлялся на улице, толпа забрасывала его камнями. Арианские монахи не раз врывались на службу и оскверняли алтарь. Но он проявлял твердость, укрепляя небольшую паству пением сочиненных им гимнов, некоторые из которых стали классикой греческих песнопений.

Наконец настали иные времена. В конце 380 года император Феодосии совершил триумфальный въезд в Константинополь. Он придерживался ортодоксальных взглядов и вскоре удалил всех ариан с высоких постов, которые они использовали для упрочения своих позиций. Несколько дней спустя новый император пригласил Григория посетить вместе с ним собор Святой Софии. День был пасмурным, и только Григория озарил единственный луч солнечного света. Присутствующие сочли это знамением с неба и закричали: "Григорий – епископ, Григорий – епископ!" Такой оборот дела устраивал Феодосия, поэтому он согласился. Григория, не желавшего становиться епископом, в конце концов уговорили. Безвестный монах из Назианза стал патриархом Константинопольским.

Через несколько месяцев император созвал в Константинополе собор, на котором Григорий председательствовал как епископ города. Новые обязанности были ему не по душе – он говорил, что собрание епископов подобно осиному гнезду. Когда кто-то из его противников сказал, что он не может быть епископом Константинопольским, поскольку занимает должность епископа в другом месте, Григорий сразу же отказался от этого высокого положения, к которому никогда не стремился. На его место был избран гражданский наместник Константинополя Нектарий, достойно выполнявший свои функции, пока его не сменил Иоанн Златоуст, к деятельности которого мы обратимся ниже.

Константинопольский собор подтвердил решения Никейского собора в отношении Божественности Сына и добавил к ним положения, касающиеся Святого Духа. Таким образом, именно этот собор провозгласил учение о Троице. Его решения и заложенные в них богословские принципы стали в значительной степени результатом работы великих каппадокийцев.

Григорий же вернулся на родину, где занялся сочинением гимнов и посвящал время исполнению пастырских обязанностей. Узнав о намерении Феодосия созвать еще один собор и пригласить его председательствовать на нем, он решительно отказался от этой чести. Он не принимал больше участия в гражданских и церковных церемониях и умер в возрасте примерно шестидесяти лет.

14 Амвросий Медиоланский

Бог у строил все таким образом, чтобы была общая пища для всех и чтобы земля была общим достоянием. Итак, природа произвела общее право для всех, но человеческая алчность сделала его правом для немногих.

Амвросий Медиоланский

В IV веке появилось множество выдающихся христианских деятелей, но среди них не было никого, чья жизнь складывалась бы столь необычайно, как у Амвросия Медиоланского.

14.1 Неожиданное избрание

В 373 году смерть епископа Медиолана{20} поставила под угрозу мир и спокойствие в этом крупном городе. Умер Авксентий, которого на эту должность поставил арианский император, отправивший в ссылку предыдущего епископа. Теперь, когда кафедра освободилась, выборы преемника могли легко вылиться в беспорядки, так как и ариане, и ортодоксальные христиане были полны решимости добиться избрания следующим епископом Милана одного из своих людей.

Дабы предотвратить возможные эксцессы, Амвросий, консул с резиденцией в Милане, решил сам присутствовать на выборах. Он проявил себя умелым и справедливым руководителем, благодаря чему завоевал популярность, и у него были все основания надеяться на более высокую Должность в управленческой структуре империи. Но сейчас перед ним стояла задача справиться со взрывоопасной обстановкой в Милане. Поэтому он пришел в церковь, где страсти уже разгорались, и обратился к народу. Он был хорошим оратором, и собравшиеся постепенно успокоились.

Внезапно из толпы какой-то ребенок крикнул: "Амвросий – епископ". Призыв понравился, и раздались настойчивые возгласы: "Амвросий – епископ, Амвросий – епископ!"

Избрание на эту должность не входило в планы Амвросия, поэтому он употребил все силы, чтобы переубедить народ. Когда из этого ничего не вышло, он пытался бежать из города, но безуспешно. В конце концов, когда стало ясно, что император доволен избранием своего наместника и что отказ Амвросия будет ему очень неприятен, он согласился стать епископом Милана. Поскольку он был всего лишь катехуменом и, следовательно, еще даже не крещенным, предстояло совершить этот обряд, а затем провести его через различные степени священства. Все это было сделано за восемь дней, и 1 декабря 373 года он был посвящен в епископы Милана.

Амвросий не стремился к должности епископа, но раз так случилось, считал, что эту обязанность он должен исполнять как можно лучше. За помощью в административных делах он обратился к своему брату Уранию Сатиру, наместнику другой провинции (их сестра Марцеллина тоже была преданной христианкой и вела полумонашескую жизнь в Риме). Он начал изучать богословие с помощью священника, разъяснившего ему основные положения христианского учения. Благодаря своему острому уму он вскоре стал одним из лучших богословов Западной церкви.

Вскоре после посвящения Амвросия соседняя область подверглась нашествию готов, которые с разрешения императора перешли границу, но затем взбунтовались. В Милан устремились беженцы, и прошел слух, что готы захватили много пленных, за которых требуют выкуп. Амвросий распорядился переплавить золотые сосуды и другую церковную утварь и украшения, чтобы собрать средства для помощи беженцам и для выкупа пленных. Это вызвало недовольство, особенно со стороны ариан, искавших повода

найти за ним какой-нибудь грех и обвинявших его в святотатстве. Амвросий на это заявил:

Лучше сохранять для Господа души, а не золото. Он послал апостолов без золота и собрал церкви без золота. У церкви есть золото не для того, чтобы копить его, а чтобы отдавать его, использовать для помощи нуждающимся… Лучше хранить живые сосуды, нежели золотые{21}.

Сходные мысли он высказывал, размышляя об обязанностях пастырей: истинная сила заключается в поддержке слабого, и на праздники надо приглашать не богатых, которые могут вознаградить пастырей, а бедных, которым этого не сделать.

Среди многих других слушать его проповеди приходил молодой учитель риторики, который к тому времени проделал долгий и извилистый духовный путь и на которого слова епископа произвели такое сильное впечатление, что он вернулся к вере своей матери, от которой отошел много лет назад. В конце концов Амвросий окрестил этого юношу, которого звали Августин. Он, вероятно, не подозревал о необычайных дарованиях новообращенного, который со временем станет самым влиятельным богословом Запада после апостола Павла.

14.2 Епископ и власть

Западной частью империи управляли Грациан и его сводный брат Валентиниан II. В силу малолетства последнего Грациан был также регентом его областей. Затем во время восстания Грациана убили, и узурпатор Максим угрожал захватить территории Валентиниана. Малолетний император был беззащитным, и они вместе с матерью Юстиной, пойдя на отчаянный шаг, отправили Амвросия на переговоры с Максимом. Епископ добился успеха, и опасность вторжения миновала.

Несмотря на это, отношения между Амвросием и Юстиной оставались напряженными. Императрица была арианкой и хотела иметь базилику для проведения арианских служений. Епископ же в этом вопросе проявлял непреклонность. Он не мог допустить, чтобы святое место осквернялось еретическими богослужениями и чтобы влияние императрицы использовалось для распространения арианства в Милане. Это надолго обернулось множеством столкновений, хорошо всем запомнившихся. Однажды имперские войска даже осадили церковь, ставшую причиной конфликта, когда там находились Амвросий и его последователи. Осаждавшие грозили оружием, а Амвросий вместе со своей паствой в ответ на это пели сочиненные им гимны (помимо прочего, он был талантливым автором гимнов). В конце концов Юстина сочла для себя достойным выходом потребовать выдачи императору если не церкви, то хотя бы священных сосудов. Разве Амвросий не сделал того же самого для беженцев и пленных? Епископ опять отказался, ответив следующее:

Я ничего не могу взять из храма Божьего, я не могу отдать то, что получил, я должен не отдавать это, а хранить. Тем самым я помогаю императору, ибо я не имею права отдавать эти вещи, а он – брать их{22}.

Во время этого столкновения с императорской властью Амвросий распорядился раскопать захоронения под одной из церквей. Там нашли два скелета, погребенные, вероятно, задолго до начала христианской эры. Но кто-то вспомнил, что еще ребенком слышал о двух мучениках, Протасии и Гервасии, и останкам дали эти имена. Вскоре начали ходить слухи о чудесах, совершаемых этими "святыми мощами", что еще больше сплотило народ вокруг своего епископа.

Затем, скорее всего при пособничестве Юстины, Максим вторгся на земли Валентиниана. Соглашение подразумевало, по-видимому, что Максим избавит императрицу от неугодного ей епископа Медиоланского. Но тут в ход событий вмешался восточный император Феодосии, разгромивший Максима. Когда Валентиниан был убит кем-то из тех, кто хотел занять его место, Феодосии вмешался еще раз и стал единоличным правителем империи.

Феодосии был никейцем – именно благодаря ему в 381 году собрался Константинопольский собор, подтвердивший решения Никейского собора. Но несмотря на это и по совершенно иным причинам, дважды он разошелся во взглядах с Амвросием. В обоих случаях он уступил перед лицом твердости Амвросия, хотя справедливости ради следует сказать, что в первом из них прав был именно он.

Причиной первого разногласия между ними стало разрушение слишком ревностными христианами синагоги в небольшом городе Каллинике. Император решил, что их надо наказать и что они должны восстановить синагогу. Амвросий возразил, сказав, что христианский император не должен заставлять христиан строить иудейские синагоги. После нескольких бурных объяснений император уступил, синагогу не восстановили, и поджигатели не были наказаны. Этот случай стал дурным прецедентом, ибо отныне подразумевалось, что в империи, называющей себя христианской, закон не должен защищать иные верования.

Во втором случае разногласие носило иной характер, и правда была на стороне Амвросия. В Фессалонике вспыхнули беспорядки, был убит римский наместник. Амвросий, знавший вспыльчивый характер императора, посоветовал ему проявить сдержанность. Феодосии сначала вроде бы согласился, но затем гнев обуял его с новой силой, и он решил примерно наказать взбунтовавшийся город. Он отправил послание о прощении, а затем по его приказу войска окружили цирк, где люди собрались отпраздновать прощение императора и перебили семь тысяч человек.

Узнав об этом, Амвросий решил добиться, чтобы император перед всеми засвидетельствовал свое покаяние. Подробности происшедшего нам точно не известны, но один из биографов Амвросия рассказывает, что когда Феодосии в очередной раз пришел в церковь, епископ с поднятыми руками встретил его у входа словами: "Остановись! Такой человек, как ты, запятнанный грехом, на чьих руках – несправедливо пролитая кровь, недостоин войти в святое место и принять участие в причащении, пока не покается"{23}.

Придворные грозились применить силу. Но император признал правоту Амвросия и публично покаялся. Он также распорядился, чтобы с того дня исполнение всех вынесенных им приговоров о смертной казни стали откладывать на тридцать дней.

После этого конфликта отношения между Феодосием и Амвросием становились все более сердечными. В конце концов, почувствовав приближение смерти, император призвал единственного человека, который осмелился публично осудить его.

К тому времени известность Амвросия была уже так велика, что Фритигилла, королева маркоманов, попросила его написать краткое введение в христианскую веру. Прочитав его, Фритигилла решила посетить мудреца в Милане. Но на пути к нему она узнала о смерти Амвросия – это случилось 4 апреля 397 года, в пасхальное воскресенье.

15 Иоанн Златоуст

Как вымажете думать, что следуете заповедям Христа, если вы заботитесь только о собственной выгоде, наживаетесь на долговых процентах, покупаете рабов как скотину и интересуетесь только делами?… Но это еще не все. Приобретая земли и дома, умножая нищету и голод, вы сеете несправедливость.

Иоанн Златоуст

Через сто лет после смерти Иоанн Константинопольский удостоился имени, под которым стал известным в последующие века: Иоанн Златоуст. Он вполне заслужил это имя, – будучи современником таких великих проповедников, как Амвросий Медиоланский и Григорий Назианзин, Иоанн Константинопольский возвышался над всеми остальными, как гигант над другими гигантами своего века.

Но для Иоанна Златоуста кафедра была не просто трибуной, с которой он произносил проповеди – замечательные образцы ораторского искусства. Проповеди были словесным выражением всей его жизни, его борьбы против сил зла, отчаянным призывом, который в конечном счете привел к ссылке и смерти.

15.1 Голос из пустыни

Он был прежде всего монахом, но прежде чем им стать, он был адвокатом, учившимся в родной Антиохии у известного языческого оратора Ливания. Говорят, что когда старого учителя спросили, кто будет его преемником, он ответил: "Иоанн, но на него претендуют христиане".

Мать Иоанна Антуза была ревностной христианкой, любившей сына глубокой и властной любовью. Ей доставило большое удовольствие, когда ее сын-адвокат в двадцатилетнем возрасте попросил внести его имя в список для подготовки к крещению. Три года спустя, по завершении требовавшегося тогда срока подготовки, его окрестил епископ Мелетий Антиохийский. Это опять пришлось по сердцу его матери. Но когда он сообщил ей, что намерен покинуть город и вести монашескую жизнь, она проявила непреклонность и взяла с него обещание, что он никогда не оставит ее, пока она жива.

Иоанн нашел простое решение для того, чтобы вопреки собственническим наклонностями матери осуществить свое монашеское призвание – он превратил свой дом в монастырь. Он жил там стремя единомышленниками вплоть до смерти матери, а затем присоединился к монахам в сирийских горах. Там он в течение четырех лет учился дисциплине монашеской жизни и старался ей следовать, проведя еще два года в полном одиночестве. Впоследствии он сам признал, что такая жизнь – не лучшая подготовка к исполнению пастырских обязанностей. "Многие из тех, кто от монашеского уединения переходят к деятельной жизни священника или епископа, совершенно не способны справляться с трудностями, встающими перед ними в их новом качестве"{24}.

Как бы там ни было, по возвращении в Антиохию после шести лет монашеского затворничества он был рукоположен в диаконы, а затем в пресвитеры. Он начал проповедовать, и вскоре слава о нем распространилась по всей грекоязычной церкви.

В 397 году освободилось место епископа Константинополя, и император распорядился перевести Иоанна в столицу, чтобы он занял там эту высокую должность. Но он пользовался такой популярностью в Антиохии, что власти опасались беспорядков и держали императорский указ в тайне. Они просто пригласили известного проповедника посетить небольшую часовню за городом, и когда он появился там,

его посадили в коляску и силой увезли в столицу. В начале 398 года он был посвящен в епископы.

Константинополь был богатым городом, славившимся роскошью и интригами. Великий император Феодосии умер, а двое сменивших его сыновей Гонорий и Аркадий были безвольными и неспособными людьми. Официальным правителем восточной части империи с резиденцией в Константинополе стал Аркадий, но всем заправлял некий Евтропий, управляющий двором, использовавший власть в собственных интересах и в интересах своих приспешников. Управляющий пользовался таким влиянием, что императрица Евдоксия чувствовала себя из-за этого униженной, хотя именно Евтропий устроил ее брак с Аркадием. Без интриг, опутывавших все происходящее в городе, не обошлось и при возведении Иоанна в сан архиепископа – архиепископ Феофил Александрийский всячески поддерживал одного из александрийцев, и Иоанн получил кафедру благодаря вмешательству Евтропия.

Как утверждают, Иоанн Златоуст был невысок ростом, с большой головой, широким морщинистым лбом и глубоко посаженными глазами. Так он выглядит на древнем портрете из Константинополя.

Новый епископ Константинополя не вполне сознавал все это. Но и знай он обо всем этом, он, вероятно, вел бы себя точно так же, такой уж, как известно, был у него характер. Монах оставался монахом, и он не мог терпимо относиться к тому, что богатые жители Константинополя, приняв христианскую веру и Евангелие, продолжают жить в богатстве и роскоши.

Первым делом он постарался изменить образ жизни духовенства. В домах некоторых священников, заявлявших о безбрачии, жили женщины, которых они называли "духовными сестрами", и это во многих случаях выливалось в скандальные истории. Другие священнослужители обогащались и жили в такой же роскоши, как и мирские властители. Из церковной казны черпали не считая, и средств для заботы о пастве оставалось мало. Решение этих вопросов Иоанн считал первоочередной задачей. Он приказал удалить "духовных сестер" из домов священников и предписал последним вести беспорочную христианскую жизнь. Финансы церкви стали строго учитываться. Ненужная утварь из епископского дворца была распродана, а вырученные средства использовались для помощи голодающим. Священнослужители получили указание

открывать церкви, когда это удобно не только богатым, но и тем, кто работает. Такие меры, несомненно, одни встретили с одобрением, а другие заклеймили.

Но реформа должна была коснуться не только священнослужителей. Мирян тоже необходимо было призвать вести жизнь, более отвечающую евангельским принципам. Проповедник-златоуст громогласно взывал с кафедры:

Позолота на вашем доме, золотой браслет на руке вашего раба, золотые украшения на вашей обуви означают, что вы обкрадываете сироту и обрекаете на голод вдову. Когда вы уйдете из жизни, любой прохожий, глядя на ваш роскошный особняк, скажет: "Скольких слез стоило строительство этого дома, сколько было ограблено сирот, сколько пострадало вдов, сколько работников лишились справедливой оплаты труда?" Даже смерть не оградит вас от обвинений{25}.

15.2 Возвращение в пустыню

Сильные мира сего не могли терпеть, чтобы этот голос бросал им вызов с кафедры собора Святой Софии – самого большого в христианском мире. Евтропий, сделавший его епископом, рассчитывал на особое к себе отношение и на особые привилегии. Но в глазах Иоанна Евтропий был простым христианином, нуждавшимся, чтобы ему было ясно и недвусмысленно донесено Евангелие. В результате Евтропий раскаялся, но не в грехе, а в ошибке, которую совершил, пригласив этого дотошного проповедника из Антиохии.

Буря разразилась по вопросу о праве на убежище. Спасаясь от преследований Евтропия, люди нашли убежище в соборе Святой Софии. Управляющий дворцом просто послал за ними воинов. Но епископ проявил непреклонность и не пустил их в храм. Евтропий воспротивился этому перед императором, но Златоуст высказался на сей счет с кафедры, и на этот раз Аркадий не уступил требованиям своего фаворита. Затем влияние управляющего дворцом стало ослабевать – как многие считали, из-за его конфликта с епископом.

Вскоре в силу ряда политических обстоятельств Евтропий был окончательно низвергнут. Народ ликовал, толпы людей требовали отмщения тому, кто угнетал и эксплуатировал их. Управляющему оставалось только укрыться в Софийском храме и броситься к алтарю. Когда за ним пришла толпа, Златоуст встал на ее пути и воззвал к тому же самому праву на убежище, которое он отстаивал в конфликте с Евтропием. Таким образом, Златоусту пришлось защищать жизнь своего прежнего врага от посягательств сначала народа, затем армии и, наконец, самого императора. Дело закончилось тем, что бывший управляющий, не полагаясь на ненадежную, по его мнению, защиту в церкви, покинул свое убежище, был схвачен и убит людьми, которым он причинил зло.

Но еще больше врагов Златоуст нажил себе среди власть предержащих. Жена императора Евдоксия была недовольна растущим авторитетом епископа. Кроме того, ей не нравились проповеди, произносившиеся с кафедры Софийского собора, – речь как будто бы шла о ней. Когда Златоуст говорил о помпезности и безрассудстве сильных мира сего, ей казалось, что все взоры обращаются в ее сторону. Необходимо было заставить замолчать этот голос из пустыни – голос человека, говорившего в стенах благообразного собора Святой Софии такие дикие вещи. Именно с этой целью императрица делала церкви богатые подарки. Епископ благодарил ее. И продолжал проповедовать.

Тогда императрице пришлось действовать в открытую. Когда Златоуст уехал по делам в Ефес, Евдоксия стала вместе с Феофилом Александрийским плести интриги против докучливого проповедника. По возвращении Златоуст узнал, что небольшая группа епископов, созванных Феофилом, выдвинула против него длинный список смехотворных обвинений. Он не придал им никакого значения и продолжал

проповедовать и руководить церковью. Феофил и его сторонники признали Иоанна виновным и попросили Аркадия изгнать его. Под давлением Евдоксии слабовольный император согласился и приказал Златоусту покинуть город.

Обстановка накалилась. Народ негодовал. Епископы и другие священнослужители из близлежащих городов собрались в столице и заявили о своей поддержке епископа. Пусть он только отдаст распоряжение, и они соберут синод, который осудит Феофила и его последователей. К тому же могли начаться народные волнения, угрожающие самому основанию империи. Чтобы расстроить заговор, достаточно было одного слова красноречивого епископа. Аркадий и Евдоксия знали об этом и готовились к войне. Но Златоуст был сторонником мира и поэтому готовился к изгнанию. Через три дня после получения императорского эдикта он попрощался с друзьями и последователями и предал себя в руки властей.

Народ же не хотел сдаваться без борьбы. Улицы наполнились слухами о восстании. Аркадий, Евдоксия и военные не осмеливались показываться в общественных местах. В ту ночь произошло землетрясение, воспринятое как знамение Божьего гнева. Несколько дней спустя в ответ на настоятельную просьбу исполненной страха Евдоксии Златоуст вернулся в город и на свою кафедру, где был встречен шумными приветствиями.

Епископ вернулся, но распри не утихали. После нескольких месяцев новых интриг, противостояния, унижений Златоуст вновь был отправлен в изгнание. И опять он не послушался совета друзей и подчинился пришедшим за ним воинам, не желая подстрекать к бунту, который мог повлечь новые страдания народа.

Но бунта было не избежать. Толпы людей стекались к Софийскому храму. Армия получила приказ подавить беспорядки, и в завязавшейся схватке собор и расположенные рядом здания загорелись и были уничтожены пожаром. Причину пожара так и не установили. Но в ходе следствия многие сторонники Златоуста подверглись пыткам, а его наиболее известные друзья отправились в изгнание.

Тем временем златоустый проповедник направлялся к месту своего изгнания в далекий городок Кукуз. Лишившись кафедры, он взялся за перо, и мир был потрясен случившимися событиями. Римский епископ Иннокентий встал на его сторону, и его примеру последовали многие другие. Все осуждали действия императора, а Феофила Александрийского поддерживали лишь немногие слабодушные, не смевшие выступить против императорской власти. Когда полемика приняла всеобщий характер, Кукуз стал казаться центром мира.

В конце концов даже Кукуз сочли недостаточно удаленным для изгнания, и Златоусту приказали отправиться еще дальше – в холодную и безвестную деревушку на берегу Черного моря. Охранники, зная, что их подопечный в опале, не обращали внимания на его слабое здоровье, и переезд потребовал от него непомерных усилий. Вскоре опальный епископ серьезно заболел. Почувствовав приближение смерти, он попросил остановиться в небольшой церкви у дороги. Там он причастился, попрощался с теми, кто его сопровождал, и произнес свою самую короткую и самую выразительную проповедь: "Богу слава во всем. Аминь".

Судьбы и жизненные пути Златоуста и Амвросия отражают дальнейший ход развития церквей на Востоке и на Западе. Амвросий противостоял самому сильному императору своего времени и победил. Златоуст же был низложен и отправлен в изгнание слабым Аркадием. С тех пор латиноязычная церковь на Западе постепенно набирала силу, заполняя вакуум, создавшийся с развалом империи. Что же касается грекоязычного Востока, то там империя просуществовала ещетысячу лет. У Византийской империи, восточной преемницы древней Римской империи, были взлеты и падения, но она всегда ревниво оберегала свои прерогативы в отношении церкви. Феодосии был не последним западным императором, которого смирил латиноязычный епископ. Иоанн Златоуст тоже не был последним грекоязычным епископом, изгнанным восточным императором.

16 Иероним

Честно признаюсь, что меня охватило негодование. Я не могу слышать таких кощунственных речей.

Иероним

Из всех выдающихся фигур IV века Иероним – личность самая необычайная. И выделялся он не святостью, как Антоний, не проницательностью в богословских вопросах, как Афанасий, нетвердостью в отношениях с властями, как Амвросий, и даже не проповедями, как Златоуст, а скорее титанической и непрестанной борьбой с миром и с самим собой. Его называют "блаженным Иеронимом", но он не принадлежал к святым, которым при жизни дарована радость мира от Бога. Его святость, далекая от смирения, мира и благолепия, была горделивой, бурной и даже резкой. Он всегда стремился к большему, чем быть просто человеком, и поэтому нетерпимо относился к тем, кто проявлял слабодушие или осмеливался его критиковать. Резкому осуждению Иеронима подвергались не только еретики, невежды и лицемеры, но и такие люди, как Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, Василий Кесарийский и Августин Гиппонский, а тех, кто с ним не соглашался, он называл "двуногими ослами". Но несмотря на такую позицию, а быть может, во многом благодаря ей, Иероним занял заслуженное место среди великих христианских деятелей IV века.

Иероним родился примерно в 348 году где-то на севере Италии. Он был моложе многих великих личностей IV века. Но, по очень удачному определению, Иероним родился стариком и поэтому с юных лет начал считать себя старше своих сверстников. Однако еще удивительнее то, что и окружающие уже тогда считали его непререкаемым авторитетом почтенного возраста.

Он был восторженным почитателем классической литературы, хотя и признавал греховность пристрастия к языческой по сути своей традиции. Из-за этого он переживал внутреннюю борьбу, которая достигла апогея, когда он серьезно заболел и ему приснилось, что в Судный день ему задали вопрос: "Кто ты есть?" – "Я христианин", – ответил Иероним. Но Судья возразил: "Ты лжешь. Ты поклонник Цицерона". Иероним решил полностью посвятить себя изучению Писания и христианской литературы. Но и впоследствии он не переставал читать классических языческих авторов и во многом им следовал.

Не только это было причиной непрестанной борьбы с собой, но и не оставлявшие его плотские желания. От бремени плоти он надеялся избавиться, став монахом. Но сновидения и воспоминания о римских танцовщицах продолжали преследовать его. Дабы подавить непристойные мысли, он усмирял свою плоть, и придерживался крайнего аскетизма. Он был неопрятен, нечесан и говорил даже, что, будучи омытым Христом, не нуждается ни в каком другом омовении. Но и всего этого оказалось недостаточно. Чтобы вытеснить мысли о римских удовольствиях, он решил изучать древнееврейский язык. Этот язык с его необычными алфавитом и грамматикой казался ему варварским. Но кто-то сказал ему, что, коль скоро на нем написан Ветхий Завет, он должен быть божественным.

В конце концов Иероним понял, что жизнь отшельника не для него. По всей видимости, не прошло и трех лет, как он вернулся к прежнему образу жизни. В Антиохии его рукоположили пресвитером. До и во время собора 381 года он был в Константинополе. Затем он вернулся в Рим, где епископ Дамас, хорошо знавший человеческую природу, сделал его своим личным секретарем и побудил к дальнейшей учебе и сочинительству. Именно Дамас первым предложил ему заняться тем, что в конечном счете станет делом почти всей его жизни и величайшим ему памятником: сделать новый перевод Писания на латинский язык. Работу эту Иероним начал в Риме, но основная ее часть приходится на более поздние годы его жизни.

Тем временем ему начали оказывать помощь несколько богатых и благочестивых женщин, живших во дворце вдовы Альбины. Помимо самой Альбины, наиболее примечательными членами этого кружка были ее вдовствующая дочь Марцелла, сестра Амвросия Марцеллина и ученая женщина Павла, которая вместе со своей дочерью Евстохией сыграет заметную роль в дальнейшей жизни Иеронима. Секретарь епископа регулярно посещал этот дом, ибо видел в его обитательницах верных учениц, причем некоторые из них достигли больших успехов в изучении греческого и древнееврейского языков. С ними Иероним мог свободно обсуждать интересовавшие его вопросы, в частности все связанное с текстом Библии.

Знаменательно, что Иероним, у которого никогда не было друзей среди мужчин и который был одержим терзаниями плоти, нашел пристанище у этой группы женщин. Возможно, среди них он чувствовал себя покойно, поскольку они не пытались с ним соперничать. Во всяком случае, именно им раскрылась его душа, которую он тщательно таил от всего остального мира.

Но Иероним был человеком резким, бескомпромиссным, и вскоре в I Римской церкви у него появились противники. Со смертью Дамаса в конце 384 года Иероним лишился своего самого надежного защитника. Новый епископ Сириций не проявил особой заинтересованности в услугах Иеронима как ученого. Когда умерла одна из дочерей Павлы, противники Иеронима, которых он осуждал за жизнь в роскоши, заявили, что она довела себя до смерти крайним аскетизмом, следуя наставлениям Иеронима. В конце концов он решил покинуть Рим и отправиться в Святую землю, или, как он сказал, уйти "из Вавилона в Иерусалим".

Иероним в своем кабинете за переводом Библии. С гравюры А. Дюрера.

Паула и Евстохия последовали за ним другим путем, и они вместе совершили паломничество в Иерусалим. Затем Иероним посетил Египет, где встретился с учеными в Александрии и с монахами в пустыне. В 386 году он вернулся в Палестину, где они вместе с Павлой решили обосноваться и посвятить себя монашеской жизни. Но они намеревались вести не отшельническую жизнь монахов в пустыне, а жизнь умеренно суровую, посвященную в основном ученым занятиям. Павла была богатой женщиной, да и у Иеронима не было недостатка в средствах, поэтому они смогли основать в Вифлееме два монастыря, один для женщин под руководством Павлы, а другой для мужчин под руководством Иеронима. Он продолжал также изучать древнееврейский язык для работы над переводом Библии. Одновременно он учил латыни местных ребятишек и занимался греческим и древнееврейским с монахинями Павлы.

Но большую часть времени он посвящал работе, которая станет величайшим литературным памятником: переводу Библии на латинский язык. Тогда уже существовали другие переводы, но все они были сделаны с Септуагинты – древнего перевода с древнееврейского языка на греческий. Иероним же предпринял прямой перевод с древнееврейского языка на латинский. После многолетней работы, которой мешали обширная переписка и разного рода бедствия, потрясавшие римский мир, Иероним наконец завершил свой огромный труд.

Перевод Иеронима, известный под названием *Вульгата,* в конце концов стал нормативным для всей латиноязычной церкви. Но поначалу он был встречен не так хорошо, как хотелось Иерониму. В новом переводе некоторые привычные места, естественно, звучали иначе, и многие недоумевали, кто дал Иерониму право самовольно вносить изменения в Писание. Более того, многие верили в легенду, согласно которой Септуагинта написана семьюдесятью двумя работавшими независимо друг от друга учеными, которые по окончании работы обнаружили, что их переводы слово в слово совпадают. Эта легенда долгое время лежала в основе утверждения, что Септуагинта богодухновенна в той же мере, как и древнееврейский текст. По-этому, когда Иероним представил перевод, расходившийся с Септуагинтой, многие сочли, что он неуважительно относится к богодухновенному Слову.

Критика исходила не только от недостаточно грамотных верующих, но и от высоко образованных христиан. Августин Гиппонский писал из Северной Африки:

Молюсь о том, чтобы ты не тратил сил на перевод священных книг на латинский язык, если только ты не сопровождаешь его примечаниями, как в случае перевода Книги Иова, ясно показывающими, чем твой перевод отличается от Септуагинты, авторитет которой не имеет равных… Кроме того, я не могу себе представить, что в древнееврейских рукописях можно найти что-то такое, чего не заметили те переводчики, тем более что они великолепно знали древнееврейский язык{26}.

Сначала Иероним вообще не ответил на письмо Августина. Когда же он все-таки на него ответил, написанное им подразумевало, что Августин – просто-напросто молодой человек, пытающийся сделать себе имя, критикуя старших. Отдавая должное его учености, он в то же время намекал, что, отказываясь вести с ним полемику, он оказывает Августину честь, так как борьба между ними была бы неравной.

Большинство споров, которые вел Иероним, заканчивались незаживающими ранами, но в данном случае исход был иным. Многие годы спустя, когда Иероним вступил в борьбу с пелагианством, речь о котором пойдет в следующей главе, он использовал для этого труды Августина. В своем следующем письме мудрому епископу Северной Африки он выразил ему такое восхищение, которого удостаивались немногие.

На первый взгляд Иероним кажется человеком бесчувственным, заботящимся исключительно о поддержании собственного авторитета. Но на самом деле он был совершенно не таким, и за его суровой внешностью скрывалась чувствительная душа. Никто не знал об этом лучше Паулы и Евстохии. Но в 404 году Паула умерла, и Иероним почувствовал себя одиноким и покинутым. Его боль усиливалась и от осознания того, что заканчивается не только его жизнь, но и целая эпоха. Несколько лет спустя, 24 августа 410 года, Рим был захвачен и разграблен готами под предводительством Аларика. Это известие потрясло мир. Иероним узнал об этом в Вифлееме и написал Евстохии:

Кто мог подумать, что падет Рим, созданный для овладения миром? Что сойдет в могилу мать многих народов? От старости зрение у меня стало слабым… и ночью я уже не могу читать книги на древнееврейском языке, которые трудно читать даже днем из-за того, что буквы кажутся невероятно маленькими{27}.

Иероним прожил еще почти десять лет. Это были годы одиночества, страданий и внутренней борьбы.

Наконец, через несколько месяцев после смерти Евстохии, которая стала для него как дочь, уставший от жизни ученый обрел вечный покой.

17 Августин Гиппонский

Когда я думал о том, чтобы полностью посвятить себя Тебе, Боже… я сам хотел этого и я сам этого не хот ел. Я сам. И поскольку у меня не было ни твердого желания, ни твердого нежелания, я боролся с собой и разрывался на части.

Августин Гиппонский

Возьми и читай… Возьми и читай… Возьми и читай… Эти слова играющего ребенка донеслись из-за ограды миланского сада до преподавателя риторики, в отчаянии сидевшего под смоковницей и взывавшего: "Доколе, Господи, доколе? Почему завтра и всегда завтра?Почему я не могу очиститься сию же минуту?" Слова ребенка показались ему словами с неба. Незадолго до этого он оставил где-то в парке книгу, которую читал. Он вернулся, взял книгу и прочитал слова Павла: "Не [предаваясь] ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа (нашего) Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти". Ответом Августина – а именно он и был этим ритором – стало решение, которое он долгое время откладывал: посвятить себя служению Богу. Вскоре он отказался от преподавательской работы и посвятил себя деятельности, которая в конечном счете сделает его одной из наиболее влиятельных фигур за всю историю христианства. Чтобы понять значение и смысл того, что ему довелось пережить в миланском саду, нам придется проследить жизненный путь Августина до этого дня.

17.1 Извилистый путь к вере

Августин родился в 354 году в небольшом городке Тагасте в Северной Африке. Его отец был римским магистратом, исповедовавшим традиционную языческую религию. Но мать Моника была ревностной христианкой, чьи непрестанные молитвы об обращении мужа в конце концов были услышаны. Августин, по-видимому, не был особенно близок с отцом, о котором он почти не упоминает в своих сочинениях. Моника же играла важную, а порой и решающую роль в жизни своего единственного сына.

Родители знали о необычайных дарованиях ребенка и постарались дать ему по возможности блестящее образование. С этой целью они отправили его сначала в соседний город Мадавру, а затем в Карфаген.

В этот крупный город, который на протяжении многих веков был политическим, экономическим и культурным центром латиноязычной Африки, Августин прибыл лет в семнадцать. Он не пренебрегал занятиями, но в то же время не чурался удовольствий, которыми изобиловал город. Вскоре он вступил в связь с некой женщиной, родившей ему сына. Он назвал мальчика Адеодатом – богоданным.

Как и все молодые люди того времени, готовившиеся к карьере адвокатов или государственных должностных лиц, Августин изучал риторику. Эта дисциплина учила изящно и убедительно излагать свои мысли устно и письменно. При этом истина значения не имела. Она была сферой преподавателей философии.

Занятия по риторике в числе других сочинений древности предполагали чтение произведений Цицерона – знаменитого оратора античного Рима. Цицерон же был мастером не только риторики, но и философом. Читая Цицерона, Августин пришел к убеждению, что искусного слога и стиля недостаточно – риторика должна сопровождаться поисками истины.

Искания Августина привели его к манихейству. Эта религия, персидская по своему происхождению, была основана Мани в III веке. Согласно учению Мани, в каждом из нас присутствуют два начала. Первое, которое он называл "светом", – духовное. Второе, "тьма", – это материя. В космосе тоже есть два вечные начала: свет и тьма. По определенным причинам, которые манихеи объясняли с помощью мифов, они смешались, и человек в своей природе – результат этого смешения. Спасение заключается в разделении этих начал и в подготовке нашего духа к возвращению в сферу чистого света, которая поглотит его. Поскольку любое новое смешение начал есть зло, истинные верующие должны избегать произведения на свет потомства. Как утверждал Мани, это учение в том или ином виде было раскрыто многим пророкам, в том числе Будде, Зороастру, Иисусу и самому Мани.

Во времена Августина манихейство получило распространение в Средиземноморском бассейне. Основная его привлекательность заключалась в претензиях на рациональность. Как и гностицизм до него, многие свои положения манихейство основывало на астрономических наблюдениях. Кроме того, свою пропаганду оно частично строило на осмеянии христианского учения и особенно Библии, в частности ее материализма и примитивного языка.

Августину казалось, что манихейство способно разрешить два сложных вопроса, связанных с христианством. Первый касался того, что, сточки зрения искусства риторики, Библия не всегда изъясняется изящно, а иногда и употребляет варваризмы, к тому же стилистические нормы она соблюдает редко, и содержит множество сцен откровенного насилия, повествует о жестокости, обмане и тому подобном. Второй вопрос был связан с происхождением зла. Моника учила его, что есть только один Бог. Но Августин видел зло как вокруг, так и внутри себя и задумывался об источнике этого зла. Если Бог есть выражение высшей и чистой благости, зло не может быть божественным творением. Но, с другой стороны, если все создано Богом, Он не может быть таким благим и мудрым, как утверждают Моника и церковь. Манихейство давало ответы на оба вопроса. Библия – особенно Ветхий Завет – не несет в себе слово, выражающее вечное начало света. А зло представляет собой порождение не этого начала, а начала тьмы.

По этим причинам Августин стал манихеем. Но он еще далеко не во всем разобрался, и девять лет провел "слушателем", не стремясь достигнуть положения "совершенного". Когда на одном из собраний манихеев он поделился своими сомнениями, ему ответили, что эти вопросы слишком сложны и что ответить на них может великий манихейский учитель по имени Фавст. Но когда этот пресловутый Фавст наконец появился, оказалось, что он ничем не превосходит других манихейских учителей. Разочарованный Августин решил продолжить свои ученые занятия в другом месте. Кроме того, его ученики в Карфагене не отличались особой дисциплинированностью, а жизнь в Риме предоставляла больше возможностей для роста. Но в столице ученики, хотя и были прилежнее, не торопились оплачивать его работу. Тогда он переехал в Милан, где освободилось место преподавателя риторики.

В Милане он стал неоплатонистом. Неоплатонизм, в то время чрезвычайно распространенный, был философским течением с религиозным подтекстом. Его последователи пытались дойти до Первоединого, до источника всего сущего посредством учебы, самодисциплины и мистического созерцания, которое должно было помочь им достичь экстатического состояния. В отличие от манихейского дуализма, неоплатонизм постулировал, что есть только одно первоначало и что все сущее исходит из него путем эманации – подобно тому, как на поверхности воды появляются концентрические круги, когда в нее бросают камень. Ближе к Нему расположены более высокие разряды сущего и все более низкие – по мере удаления. Следовательно, зло исходит не из какого-то другого источника, а просто становится злом, удаляясь от Первоединого. Нравственное зло мы совершаем, отвращая взгляд от Него и созерцая более низкие проявления сущего. Неоплатонизм как будто бы давал ответ на мучившие Августина вопросы о происхождении зла, позволяя утверждать, что источником всего стало существо бесконечной благости, и при этом признавая наличие зла в творении. Зло реально, но оно представляет собой не "творение", а

отход от благости Первоединого. Кроме того, неоплатонизм помог Августину понять, что есть Бог и душа, и отойти от "материалистичности" манихейских представлений.

Но оставалось еще одно сомнение: как можно Библию с ее грубым языком и рассказами о насильственных и вероломных поступках считать Словом Божьим? Ответ на этот вопрос Августину дал Амвросий. Моника, которая была с ним в Милане, посоветовала послушать проповеди Амвросия. Августин, будучи преподавателем риторики, с готовностью стал присутствовать на службах, которые проводил самый известный оратор в Милане. Поначалу его больше интересовало, как, а не что говорит Амвросий. Но со временем он слушал епископа уже не как оратора, а как человека, ищущего истину. Амвросий аллегорически истолковывал многие места, которые Августину казались труднопостижимыми. Поскольку аллегорическое истолкование вполне соответствовало канонам риторики, у Августина не возникало никаких возражений. В результате текст Писания представал более благозвучным и вразумительным и его легче было постичь.

Гравюра на дереве из "Града Божьего" Августина, издание 1489 года. В верхней части гравюры Августин пишет свою книгу. Внизу – два города, один под покровительством Авеля, а другой – Каина. Обратите внимание на то, как ведут себя бесы из города справа.

К тому времени в духовном плане расхождения Августина с христианством были преодолены. Но оставались трудности иного рода. Он и мысли не допускал о какой бы то ни было половинчатости и веру матери мог принять только всем сердцем, чтобы посвятить ей всего себя. Кроме того, учитывая влияние в то время монашеских идеалов и его собственные неоплато-нистские воззрения, Августин был убежден, что, став христианином, он должен будет отказаться от преподавания риторики, от всех своих честолюбивых целей и мирских удовольствий. И последнее было самым трудным. Позднее он писал, что в то время часто молился: "Дай мне целомудрие и воздержание, но не очень скоро".

Он вел отчаянную борьбу с самим собой – борьбу между желанием и нежеланием. Да, он решил стать христианином. Но не сейчас. Оправдывать свою нерешительность возражениями духовного порядка он больше не мог. К тому же отовсюду приходили известия, от которых ему становилось стыдно. В Риме известный философ Марий Викторин, который перевел на латинский язык труды неоплатонистов, пришел в

церковь и публично заявил о своей вере. Затем прошел слух, что два знатных магистрата, прочитав книгу Афанасия "Жизнеописание Великого Антония", оставили службу и высокое положение в обществе и последовали примеру этого отшельника. Тогда, не в силах больше выносить общество своих друзей (а может быть, и себя самого), он бежал в сад, где произошло это его обращение.

После обращения Августин сделал все, чтобы начать новую жизнь. Он попросил окрестить его, и Амвросий совершил этот обряд над ним и Адеодатом. Августин отказался от преподавания. Затем вместе с Моникой, Адеодатом и группой друзей он решил уехать в Северную Африку, намереваясь провести там остаток жизни в монашеском уединении. Моника убедила его порвать связь с женщиной, с которой он жил много лет и имени которой он не называет. Но добрались они только до Остии, где Моника серьезно заболела и умерла. После ее смерти Августин так переживал, что им пришлось на несколько месяцев задержаться в Риме.

В конце концов они прибыли в Тагаст. Там Августин продал большую часть полученного наследства, часть денег раздал нищим, а на остальные вместе с Адеодатом (который вскоре умер) и несколькими друзьями поселился в Кассициаке, чтобы проводить время в мистическом созерцании и философских штудиях. У них не было намерения вести аскетическую жизнь монахов в пустыне, они просто хотели жить в строгости и дисциплине, без ненужных излишеств, и посвятить себя молитвам, учебе и размышлениям. Именно в Кассициаке он написал свои первые христианские труды. Они еще несли отпечаток неоплатонизма, но постепенно он начал приходить к постижению различий между христианским учением и некоторыми положениями неоплатонизма. Он надеялся, что несколько диалогов, написанных в Кассициаке, станут лишь началом многих лет жизни, посвященных "философским размышлениям".

17.2 Служитель и богослов Западной церкви

Но этим замыслам не суждено было исполниться – известность его росла, и его жизнью предлагали распорядиться иначе. В 391 году он посетил город Гиппон, чтобы переговорить с другом, которого хотел пригласить в свою общину в Кассициаке. В Гиппоне он пришел в церковь, и, заметив его, епископ Валерий начал проповедь на тему о том, как Бог посылает пастырей, после чего попросил собравшихся помолиться о Божьем водительстве на тот случай, если среди них есть человек, которого Он послал для служения им. Прихожане не обманули его ожиданий, и Августин, во многом против своей воли, был рукоположен на служение в Гиппоне. Четыре года спустя он стал епископом совместно с Валерием, опасавшимся, что какая-нибудь другая церковь лишит его столь выгодного приобретения. В те времена епископам было запрещено переходить из одной церкви в другую, поэтому посвящение Августина в епископы совместно с Валерием означало, что он проведет остаток жизни в Гиппоне. (Ни Августин, ни Валерий не знали о другом положении, не позволявшем церкви иметь больше одного епископа.) Валерий вскоре умер, оставив Августину епископство Гиппона.

Став служителем и епископом, Августин старался по возможности не менять образ жизни, который он вел в Кассициаке. Но теперь ему приходилось уделять меньше времени созерцанию и больше – исполнению пастырских обязанностей. Как пастырь он написал большинство своих произведений, сделавших его наиболее влиятельным богословом во всей латиноязычной церкви после новозаветных времен.

Многие ранние сочинения Августина представляют собой попытки опровержения манихейства. В свое время он побудил некоторых друзей войти в это религиозное течение и теперь чувствовал настоятельную необходимость опровергнуть взгляды, которые сам раньше поддерживал. Поскольку основными вопросами в этой полемике были авторитет Писания, происхождение зла и свободная воля, именно они занимали центральное место в большинстве ранних работ Августина.

В полемике с манихеями особое значение имела свобода воли. Они утверждали, что все предопределено и что человек не свободен. Возражая им, Августин отстаивал принцип свободы воли. По его представлению, источник человеческой свободы заключен в ней самой. Мы поступаем по свободному выбору, повинуясь не каким-то внутренним или внешним побуждениям, например по необходимости, а нашей собственной воле. Решение свободно в том смысле, что оно есть результат проявления не сил природы, а самой воле. Это, разумеется, не означает, что обстоятельства никак не влияют на наши решения. Но свободными можно назвать только те решения, которые мы принимаем по собственной воле, а не под воздействием обстоятельств, то есть не по необходимости.

Эти выводы имели важное значение для разрешения проблем, связанных с происхождением зла. Августин подчеркивал, что есть только один Бог и что Его благость бесконечна. Как же тогда можно объяснить существование зла? Достаточно просто осознать, что воля создана благим Богом, но что она способна принимать собственные решения. Свобода – благо для воли, даже если это означает, что такая свободная воля может порождать зло. Следовательно, источник зла надо искать в дурных решениях, исходящих от воли как людей, так и ангелов, то есть павших ангелов, ставших бесами. Таким образом, Августин мог одновременно заявлять о реальности зла и о сотворении всего сущего благим Богом.

Но это не означает, что зло представляет собой какую-то "сущность". Зло не есть извечное начало, как полагали манихеи, отождествлявшие его с тьмой. Это скорее мировоззрение, предрасположенность, отрицание добра.

Еще одним движением, с которым боролся Августин, был донатизм. Читатель помнит, что распространение оно получило именно в Северной Африке, где теперь проводил служение Августин. Поэтому ему в течение всей жизни приходилось затрагивать различные вопросы, поднимавшиеся донатистами. Один из них касался законности рукоположения, совершенного недостойным епископом. На это Августин отвечал, что правомочность любого церковного обряда не зависит от нравственных качеств человека, который его совершает. Если бы это было так, христиане должны были бы испытывать постоянные сомнения относительно законности их крещения. Независимо от того, достоин или нет священник совершать то или иное таинство, оно остается в силе, несмотря на его вину или греховность. В этом отношении большинство западных церквей веками придерживались взглядов Августина на церковь и таинства, на Западе получивших официальный статус.

Кроме того, именно полемика с донатистами подтолкнула Августина к разработке теории справедливой войны. Как уже отмечалось, некоторые из донатистов, а именно циркумцеллионы, прибегли к насилию. О социальных и экономических корнях этого движения Августин, по-видимому, не Догадывался, но считал, что разбойным нападениям циркумцеллионов надо положить конец. Размышления над этим привели его к убеждению, что война может быть справедливой, но при соблюдении определенных условий. Первое из них – справедливой должна быть цель, то есть война не может быть справедливой, если ее цель – завоевание территорий или просто расширение объема власти. Второе условие справедливой войны – она должна вестись законно установленной властью, дабы не допустить сведения личных счетов. Однако в последующие века вопреки тому, как мыслил Августин, этот принцип начал использоваться для обоснования права сильного нападать на слабого и для утверждений, что слабый, со своей стороны, не имеет на это права. Фактически, такой взгляд присутствовал уже у Августина, по мнению которого циркумцеллионы не имели права вести войну против государства, в то время как государство таким правом располагало. Третий принцип – самый важный для Августина – заключался в том, что даже во время насильственных действий, неотделимых от войны, необходимо проявлять любовь.

Но наиболее значительные богословские работы Августина были направлены против пелагианства.

Пелагий, монах из Британии, получил известность своей благочестивой и аскетической жизнью. Смысл христианской жизни он видел в непрестанных усилиях по преодолению греха и достижению спасения. Пелагий, как и Августин, полагал, что Бог сделал нас свободными и что источник греха заключен в человеческой воле. По его представлениям, это означает, что человек обладает способностью преодолевать грех. В противном случае грех был бы простительным.

Но Августин помнил о времени, когда он одновременно хотел и не хотел стать христианином. Это значит, что с человеческой волей не все так просто, как думал Пелагий. Бывают случаи, когда воля бессильна против связывающего ее греха. Воля не всегда подчиняется только самой себе, ибо совершенно ясно, что она реализуется не всегда.

По мысли Августина, грех обладает такой силой, что он завладевает нашей волей, и до тех пор, пока мы находимся под его властью, мы не можем направлять свою волю на освобождение от него. Самое большее, на что мы способны, – это вести борьбу между желанием и нежеланием, что лишь доказывает бессилие нашей воли. Грешник способен не желать ничего другого, кроме греха.

Но это не означает, что свободы больше нет. У грешника остается свобода выбора между разными возможностями. Но все они ведут к греху, и закрыта для него только одна возможность – перестать грешить. По словам Августина, до грехопадения человек обладал свободой грешить или не грешить. Но между грехопадением и искуплением у нас оставалась только свобода грешить. После искупления нас осеняет Божья благодать, ведущая нашу волю от жалкого состояния, в которое она попала, к новому состоянию, в котором восстанавливается свобода грешить или не грешить. Наконец, в небесном доме мы тоже будем свободными, но свободными только не грешить. Это опять же не означает, что не будет свободы выбора. Напротив, у нас останется свобода выбора между разными возможностями. Но ни одна из них не будет вести к греху.

Как мы можем сделать выбор и принять благодать? По мысли Августина, только силой самой благодати, ибо до момента обращения мы не можем не грешить и, следовательно, не можем принять такое решение. Инициатива обращения исходит не от человека, а от Бога. Кроме того, благодать непреодолима, и Бог дает ее тем, кто для нее предназначен.

Пелагий, со своей стороны, утверждал, что каждый из нас приходит в мир полностью свободным грешить или не грешить. Нет таких понятий, как первородный грех или извращенность человеческой природы, побуждающая к греху. Дети не грешат до тех пор, пока по собственной свободной воле не принимают решения согрешить.

Полемика продолжалась несколько лет, и в конце концов пелагианство было отвергнуто. Оно оставляло без внимания ужасающую власть греха над человеческой волей и всеобъемлющий характер греха, распространяющегося даже на детей, которые сами согрешить еще не успели. Тем не менее взгляды Августина не получили широкого признания. Его обвинили в новациях. В Южной Франции, где сопротивление Августину было наиболее сильным, Викценций Леринский заявил, что верить надо только в то, что принималось и принимается "всегда, везде и всеми". Многие оспаривали утверждение Августина о возникновении веры благодаря Божьему вмешательству, а не вследствие принятого человеком решения. Этих противников учения Августина о предопределении не совсем правильно называют "полупелагианцами". Затем, на протяжении почти столетия, взгляды Августина подверглись переистолкованию, и многие богословы стали называть себя "августинианцами", отвергая при этом его теории о необходимости божественной благодати и предопределении. В 529 году Оранжский синод поддержал учение Августина о благодати как единственном условии спасения, но не принял его наиболее существенные следствия. Таким образом, последующие поколения, за некоторыми примечательными исключениями, по-своему истолковывали содержание учения великого епископа Гиппонского.

Особое значение имеют два сочинения Августина. Первое – "Исповедь". Это духовная автобиография в форме обращенной к Богу молитвы, показывающая долгий и трудный путь, по которому Бог вел его к вере. По своему жанру книга уникальна для древней литературы и даже сейчас свидетельствует о глубокой психологической и интеллектуальной проницательности Августина.

Другая работа, заслуживающая особого упоминания, – "О граде Божием". Непосредственным поводом для ее написания послужило падение Рима в 410 году. В то время многие продолжали цепляться за язычество, и вскоре падение Рима стали объяснять его отходом от древних богов и обращением к христианству. Опровергнуть такие утверждения и был призван трактат Августина "О граде Божием" – многостороннее историческое исследование, в котором он заявляет, что существует два города, основанием которых служит любовь. "Град Божий" строится на Божьей любви, "земной град" – на любви к себе. В человеческой истории два эти града всегда взаимосоединялись, но, несмотря на это, между ними существует непримиримое противоречие и ведется смертельная борьба. В конечном счете останется только град Божий. Человеческая история представляет собой построенную на себялюбии историю царств и народов, выражающих лишь мимолетность земного града. Все эти царства и народы, какими бы могучими они ни были, прейдут и исчезнут к концу истории, когда сохранится только град Божий. Что касается Рима, то Бог обеспечил ему и его империи процветание, чтобы служить средством распространения Евангелия. Но теперь, когда эта цель выполнена, Бог отдал Рим на волю судьбы – судьбы всех человеческих царств, которая заканчивается не чем иным, как наказанием за грехи.

Августин стал последним великим деятелем имперской церкви на Западе. Когда настал его смертный час, у ворот Гиппона стояли вандалы, возвещая тем самым начало новой эпохи. Поэтому труды Августина были в определенном смысле последней вспышкой уходящей эпохи.

Но свершенное им не было погребено под обломками рушившейся цивилизации. Более того, благодаря своим сочинениям он стал учителем новой эпохи. В средние века никого из богословов не цитировали больше, чем его, и он стал одним из крупнейших авторитетов католической церкви. Но он же был излюбленным богословом великих деятелей протестантской Реформации XVI века. Таким образом, хотя толковали его по-разному, Августин стал наиболее влиятельным богословом всей Западной церкви, как католической, так и протестантской.

18 Конец эпохи

Мир рушится. Да! Но несмотря на это и к нашему стыду, грехи наши живут и даже благоденствуют. Великий город, столица Римской империи, поглощен великим огнем, и римляне странствуют в изгнании по всей земле. Когда-то почитавшиеся церкви обратились во прах и тлен.

Иероним

Когда умирал Августин, город Гиппон осаждали вандалы. Вскоре они завладели всем северным побережьем Африки, за исключением Египта. А за несколько лет до этого, в 410 году, вестготы во главе с Аларихом захватили и разграбили Рим. Еще раньше, в 378 году, в битве при Адрианополе вестготы разгромили армию императора, погибшего в сражении, а затем двинулись к стенам Константинополя. Рушилась древняя империя, вернее – ее западная часть. В течение многих веков римским легионам удавалось удерживать германские племена за Рейном и Дунаем. В Британии романизированные территории были отделены от "варваров" прочной стеной. Но теперь "шлюзы открылись". Волны варваров хлынули через границы империи. В ходе казавшихся бесконечными набегов они грабили города и поселки, а затем селились на территориях, принадлежавших Римской империи. Там они основывали собственные царства, многие из которых, юридически подчиняясь империи, по сути были самостоятельными. История Западной Римской империи подошла к концу.

Имперская церковь, созданная Константином, продолжала существовать еще тысячу лет в Византийской империи. Но на Западе дело обстояло иначе – пройдет еще много времени, прежде чем Западная Европа вновь обретет политическое единство и относительный мир, которые она знала при римском правлении. Века потребуются и для возрождения уничтоженного, причем не только дорог, зданий и акведуков, но и литературы, искусства и науки. На всех этих территориях преемственность с прошлым обеспечивала церковь. Она стала хранительницей цивилизации и порядка. Во многих отношениях она заполняла вакуум власти, образовавшийся с развалом империи. В конечном счете империя на Западе была воссоздана усилиями церкви, и императора короновал папа.

В то же время появились новые задачи. Многие захватчики были язычниками, и перед побежденными встала необходимость обратить в свою веру победителей. Благодаря свидетельству тысяч христиан завоеватели постепенно начали принимать христианскую веру, и в результате из их числа вышли новые поколения церковных деятелей.

Среди них были и ариане. Много лет назад, когда императором был Констанций и арианство пользовалось поддержкой империи, за Дунай отправились проповедники для работы с готами. Наиболее выдающимся среди них был Ульфила (чье имя означает "волчонок"), который составил алфавит готского языка и перевел на него Библию. В те же годы в императорской гвардии в Константинополе служило значительное число готов, и многие из них перед возвращением домой обратились в христианство. Поскольку все это происходило, когда арианство было на подъеме, готы обращались именно в арианство. Примеру готов последовали и их соседи. В результате ко времени великих нашествий многие захватчики стали христианами (хотя и арианского вероисповедания). Это привело к тому, что вопрос об арианстве, казалось бы, уже разрешенный несколько десятилетий назад, вновь вышел на передний план. В конечном счете под влиянием завоеванных ими христиан все эти ариане примут Никейский символ веры, но при этом не обойдется без упорной борьбы и тяжелых испытаний.

Все это будет ознаменовано рождением новой цивилизации, которая станет наследницей античного

греко-римского мира, христианства и германских традиций. Процесс этот займет тысячу лет, известных как период средневековья, к которому мы теперь и обратимся.

19 Часть третья. Средневековое христианство

20 Новый порядок

Если варвары были посланы в пределы Римской империи для того… чтобы церковь Христова пополнилась гуннами и свевами, вандалами и бургундами и другими многочисленными верующими, нам надо воздать хвалу Божьей милости… даже если это совершается через уничтожение нас самих.

Павел Орозий

После падения западной части Римской империи возникло несколько самостоятельных государств, каждое из которых оказало большое влияние на дальнейшую историю церкви. В ходе этого процесса новый смысл и новое значение приобрели два института, основания которых были заложены раньше: монашество и папство. В конечном счете новые нашествия, на этот раз с юго-востока, поставили перед христианством новые задачи. Каждая из них заслуживает отдельного рассмотрения.

20.1 Варварские государства

К "варварам" римляне относились как к грабителям и разрушителям, но на самом деле большинство из них хотели просто поселиться в пределах Римской империи и пользоваться благами цивилизации, о которых они знали только понаслышке. Поэтому после определенного периода нестабильности каждое из основных племен завоевателей начало осваивать свою часть империи – то ли в силу того, что именно она им нравилась, то ли потому, что их вытесняли туда другие завоеватели.

Вандалы, перейдя Рейн в 407 году, прошли по Франции и Испании, затем в 429 году переправились через Гибралтарский пролив и в 439 году захватили Карфаген. Они стали хозяевами почти всего северного побережья Африки от Гибралтарского пролива до границ Египта. Затем они обратили взор на море и заняли Сицилию, Корсику и Сардинию. В 455 году они разграбили Рим, оставив разрушений даже больше, чем готы сорок пять лет назад. Воцарение их в Северной Африке нанесло церкви огромный урон. Они были арианами и преследовали как ортодоксальных христиан, так и донатистов. Затем, после почти целого века правления вандалов, эта территория была захвачена Велисарием, военачальником Византийской империи. Эта империя со столицей в Константинополе переживала тогда краткий всплеск величия под руководством императора Юстиниана I, мечтавшего о возрождении былой славы империи. Завоеватели с Востока, которых в Северной Африке называли "греками", проповедовали иную форму христианства, которая хотя в общих чертах согласовывалась с представлениями западных католиков, тем не менее явно расходилась с ними в плане культурных традиций и повседневных обычаев. В результате к моменту завоевания этой территории мусульманами в конце VII века христианство там было расколотым и в конце концов исчезло.

Вестготы (еще одно племя варваров) в 378 году в битве при Адрианополе разгромили римлян, затем перешли Балканы и в 410 году захватили Рим. К 415 году они были уже в Испании и правили этой страной, пока их в свою очередь в начале VIII века не покорили мусульмане. Политическая история этого королевства была бурной. Лишь пятнадцать из тридцати четырех королей умерли своей смертью или погибли на поле боя. Остальные были либо убиты, либо свергнуты. Они тоже были арианами, но не преследовали ортодоксальных христиан, как вандалы. Примерно через два века после завоевания стало

ясно, что хранителями культурных ценностей были покоренные коренные жители и что для достижения хоть какой-то стабильности требовалось их участие. Это привело к обращению вестготского короля Рекареда (586-601) в никейскую веру, которую он торжественно провозгласил на соборе в Толедо в 589 году. Вслед за королем ортодоксальную веру принило большинство знати, и арианство вскоре исчезло.

Выдающимся христианским деятелем вестготского королевства был Исидор Севильский, ученый, стремившийся по мере возможности сохранить прежние культурные ценности. Его труд "Этимологии" – подлинная энциклопедия знаний того времени, причем не только в религиозных вопросах, но и в области астрономии, медицины, сельского хозяйства и так далее. Эти двадцать книг представляют собой типичный, хотя и один из лучших, образец литературы той эпохи – Исидор лишь собрал и систематизировал мудрость прошлого, высказав очень немного оригинальных мыслей. Тем не менее именно благодаря сочинениям таких людей, как Исидор, средневековье узнавало о великолепии и мудрости древности.

После обращения Рекареда церковь начала играть в вестготском королевстве законодательную роль. Это привело к установлению определенного порядка, хотя, читая решения ее соборов, нельзя не поражаться царившим тогда несправедливости и неравенству. Например, в 633 году собор в Голедо постановил, что священники могут вступать в брак только с разрешения епископов и что в случае непослушания на священника "на некоторое время налагается епитимья", а жену его забирает и продает епископ.

Крещение Хлодвига. Справа Клотильда благодарит Бога за обращение мужа. С рисунка XV века. Собор в Реймсе.

Подобного рода меры принимались и в отношении иудеев. Тот же собор – на котором председательствовал Исидор Севильский, самый просвещенный человек той эпохи, – постановил, что иудеев не следует насильно обращать в христианство, но что обращенным насильно раньше нельзя позволять возвращаться к вере предков, ибо это было бы богохульством. Более того, таким обращенным запрещалось иметь дело с евреями, сохраняющими свою старую веру, даже если они были близкими родственниками. А если кто-то из них уличался в соблюдении своих традиционных обрядов, в частности в "мерзостном обрезании", детей у них надлежало отобрать. Если выяснялось, что иудей женат на христианке, перед ним ставился выбор: обращение или отказ от жены и детей. Если же от обращения

отказывалась жена-иудейка, она должна была оставить детей отцу.

Даже после обращения Рекареда и несмотря на все усилия церкви, политическая обстановка в вестготском королевстве оставалось нестабильной и характеризовалась произволом и насилием. Король Рицесвинт (649-672), например, убил семьсот своих противников, а их жен и детей раздал друзьям. В итоге при короле Родерихе (710-711) в Испанию вторглись мусульмане, положившие конец правлению вестготов. Но к тому времени христианство настолько укоренилось в стране, что стало объединяющим началом в долгой борьбе за освобождение полуострова от мавров-мусульман.

Галлия в течение большей части V века была поделена между бургундами, исповедовавшими арианство, и франками, остававшимися язычниками. Но бургунды не преследовали католиков, как вандалы в Северной Африке. Более того, они подражали их обычаям, и вскоре многие бургунды приняли никейскую веру своих подданных. В 516 году король Сигизмунд признал учение о Троице, и вскоре его примеру последовали остальные.

Франки (чья территория в конце концов стала называться "Францией") сначала являли собой непрочный конгломерат независимых племен, но затем усилиями династии Меровингов было достигнуто определенное единство. Хлодвиг, внук основателя династии Меровея и наиболее видный ее представитель, женился на христианке – племяннице короля бургундов и накануне одной из битв дал обещание, что обратится в христианство, если Бог его жены даст ему победу. В результате на Рождество 496 года он принял крещение вместе со многими другими знатными людьми. Вслед за этим окрестились большинство франков.

В 534 году франки покорили бургундов и объединили под своей властью всю территорию. Но последующие Меровинги были слабыми правителями, и к VII веку власть фактически перешла в руки майордомов, то есть "управляющих двором", выполнявших по сути функции премьер-министров. Один из них, Карл Мартелл (что значит "молот"), встал во главе Франкского войска в войне с мусульманами, которые захватили Испанию, перешли Пиренеи и начали угрожать самому сердцу Европы. Он разгромил их в битве при Пуатье в 732 году. К тому времени он по сути дела был уже королем, но не претендовал на этот титул. Однако его сын Пипин Короткий решил, что пришло время избавиться от ни на что не годного короля Хильдерика III, получившего прозвище Глупый. С согласия папы Захарии он принудил Хильдерика к отречению и монашеству. Затем он был помазан королем епископом Бонифацием, действовавшим по указаниям папы. Это имело огромные последствия для всей дальнейшей истории христианства, ибо сын Пипина Карл Великий стал величайшим правителем раннего средневековья, который стремился реформировать церковь и которого в сан императора возвел папа.

Европа в период после нашествий.

В ходе всех этих перипетий церковь далеко не всегда была на высоте. При таких сильных правителях,

как Хлодвиг, руководители церкви поддерживали короля и повиновались ему. Для королей вскоре стало привычным самим решать, кто и где должен занять должность епископа. Это можно понять, учитывая, что во владение епископа передавались значительные земельные владения, а сам он становился феодальным сеньором. Вскоре после коронации Пипина Бонифаций пожаловался папе, что франкская церковь по сути оказалась в руках мирских землевладельцев, что многие епископы ведут себя как феодалы, а не как пастыри, и что во франкском государстве не прислушиваются к призывам созвать собор епископов для наведения порядка в жизни церкви и для ее обновления. Такое положение дел сохранялось до эпохи Карла Великого.

В Британии римская власть никогда не распространялась на всю ее территорию. Император Адриан возвел вал, отделявший южную часть острова, принадлежавшую Римской империи, от северной части, где жили сохранявшие независимость пикты и скотты. Когда угрозе подверглись римские владения на континенте, войска ушли из Британии, и вместе с ними остров покинули многие его жители. Тех, кто там остались, быстро покорили англы и саксы, основавшие семь государственных образований: Кент, Эссекс, Суссекс, Восточную Англию, Уэссекс, Нортумбрию и Мерсию. Все завоеватели были язычниками, но среди коренных жителей оставалось много людей, сохранявших христианскую веру, полученную при римской власти.

Ирландия никогда не была частью Римской империи, но христианство получило там распространение еще до падения империи. Скорее всего, оно проникало туда разными путями, но основная заслуга обычно приписывается святому Патрику. Еще юношей Патрик попал в плен к ирландским разбойникам и стал рабом в Ирландии. После смелого побега и многих других приключений он получил видение, в котором призывался нести Благую Весть своим бывшим угнетателям. Вернувшись в Ирландию, он столкнулся со многими опасностями, но проповедовал успешно, и люди приходили креститься толпами. Вскоре появились монастыри, а изучение древности стало одним из самых привлекательных занятий. Ирландия оставалась в стороне от нашествий, которые потрясали Европу, поэтому ее монастыри стали одним из основных источников для возвращения того, что было утеряно в ходе этих перипетий.

Затем ирландцы начали посылать проповедников в другие страны, прежде всего в Шотландию. Наиболее известным из них был монах Коломба, который примерно в 563 году обосновался со своими двенадцатью товарищами на небольшом острове Айона. Основанный ими монастырь стал центром христианского служения в Шотландии, где вскоре появились другие общины, созданные по образцу монастыря на острове Айона. Впоследствии их деятельность по распространению христианского учения охватила юг, то есть территории, принадлежавшие англам и саксам.

По не совсем понятным причинам между христианами в Шотландии и Ирландии и христианами на бывших территориях Римской империи возник ряд разногласий. Церкви в Шотландии и Ирландии признавали авторитет не епископов, а руководителей монашеских общин. Кроме того, они расходились в определении даты Пасхи и в том, как надо совершать некоторые обряды.

В Британии всегда существовала еще одна форма христианства, которую сохраняли те, кто придерживался традиций времен Римской империи, но особое значение она приобрела после того, как христиане на континенте начали интересоваться Британией. Биограф Григория Великого, к которому мы вернемся ниже в этой главе, записал эпизод, когда юный Григорий увидел группу светловолосых молодых людей, которых привезли в Рим для продажи в рабство.

– Кто эти юноши по национальности? – спросил Григорий.

– Это англы, – ответили ему.

– Они действительно ангелы – у них такие лица. Где их страна? – В Дейре.

– Они и вправду призваны *de ira* (от гнева) к Божьей милости. Кто ими правит?

– Аэлла.

– Аллилуйя! Да прославится имя Божье в этой земле.

Такой диалог, вероятно, никогда не происходил. Но совершенно очевидно, что Григорий интересовался землей англов и, по-видимому, намеревался отправиться туда для насаждения христианства. В 590 году он стал папой и девять лет спустя послал к англам группу для благовествования во главе с Августином, монахом из того же монастыря, к которому он когда-то принадлежал сам. Столкнувшись с серьезными трудностями, Августин и его товарищи решили было отказаться от задуманного. Но Григорий не захотел ничего слушать, и они были вынуждены продолжить путь. Наконец они прибыли в Кент, король которого Этельберт был женат на христианке. Поначалу они не добились больших успехов. Нов конце концов Этельберт обратился в христианство, и его примеру последовало большинство подданных. Затем Августин стал первым архиепископом Кентербери (столицы Кента). В свою очередь христианскими становились и другие королевства, а Кентербери превратился в духовную столицу всей Англии.

Но вскоре между последователями этой формы христианства и сторонниками шотландско-ирландской традиции начались конфликты. В Нортумбрии конфликт принял серьезный характер, так как король там следовал шотландско-ирландским обычаям, а королева – римским. Поскольку Пасха приходилась на разное время, получалось так, что когда один из них постился, другой праздновал. Для решения возникших разногласий в 663 году собрался синод в Уитби. Сторонники шотландско-ирландской формы христианства твердо стояли на своих позициях и заявляли, что предание получено ими от Коломба. Римские миссионеры и их последователи отвечали, что предание святого Петра выше предания Коломбы, ибо апостол получил ключи Царства. Рассказывают, что, услышав это, король спросил защитников шотландско-ирландской позиции:

– Правду ли говорят ваши противники, что ключи Царства у святого Петра?

– Конечно, – ответили они.

– Тогда дальнейшие споры бессмысленны. Я буду повиноваться Петру. Иначе, когда я приду на небо, Петр может закрыть двери и не впустить меня.

В результате синод в Уитби принял решение в пользу сторонников европейского христианского предания, а не шотландско-ирландского. Подобные решения были приняты и в других местах Британских островов. Но причиной тому стали не наивные представления правителей, как может показаться из эпизода в Уитби. Это было почти неизбежным следствием давления и возросшего престижа остальной части западного христианского мира, стремившейся к единству церкви.

Ирландские проповедники странствовали по Европе, используя любую возможность для благовествования.

В Италии в результате нашествий варваров воцарился хаос. Хотя фактически императоры в Риме оставались до 476 года, по сути они были просто марионетками различных германских полководцев. Наконец, в 476 году Одоакр, предводитель херусков, низложил последнего императора Ромула Августула и написал Зенону, императору в Константинополе, что теперь империя воссоединилась. Сначала Зенону это польстило, и он даже возвел Одоакра в ранг "патриция". Но вскоре начались конфликты, и император решил разделаться с херусками. С этой целью он предложил остготам завоевать Италию. Они так и сделали, и какое-то время Италия оставалась под властью остготов.

Но остготы были арианами, и коренное население Италии, придерживавшееся никейской веры, искало поддержки в Константинополе. Это вызвало у правителей подозрение, что их подданные замышляют заговор. Поэтому ортодоксальные христиане подвергались преследованиям, причем чаще всего не по религиозным мотивам, а по подозрению в заговоре. Именно по этой причине король Теодорих бросил в тюрьму Боэция, просвещеннейшего человека той эпохи. В тюрьме он написал свою самую известную работу "Утешение философией". В 524 году его казнили вместе с тестем Симмахом. Два года спустя в тюрьме умер папа Иоанн. Церковь признала Боэция, Симмаха и Иоанна мучениками, поэтому напряженность в отношениях между коренным населением и остготами возрастала. Затем, когда Византийская империя под руководством императора Юстиниана обрела на короткое время былое величие, полководец Юстиниана Велисарий вторгся в Италию, и после военной кампании, продолжавшейся двадцать лет, владычеству остготов был положен конец.

Но в 568 году в Северную Италию вторглись лангобарды, и мир на полуострове был в очередной раз нарушен борьбой между лангобардами и византийцами. Когда Константинополь начал терять влияние, приобретенное при Юстиниане, возникла опасность, что лангобарды захватят весь полуостров. Поэтому к середине VIII века папы, поняв, что от Константинеполя особой помощи ждать не приходится, обратили свои взгляды на север. И менно так возник союз между папством и франкским королевством, который в конечном счете привел к провозглашению Карла Великого императором Запада.

Короче говоря, между V и VIII веками Западная Европа неоднократно подвергалась нашествиям, гибла сложившаяся цивилизация, а многие знания древних оказались утерянными. С завоевателями вернулись и, казалось бы, оставшиеся в прошлом язычество и арианство. В конечном счете язычники и ариане обратились в веру завоеванных ими народов, то есть в никей-скую веру, которую называют также "ортодоксальной" или "кафолической". В том, как происходило это обращение, а также в сохранении древней мудрости особую роль сыграли два института – монашество и папство, на которых мы сейчас остановимся подробнее.

20.2 Бенедиктинское монашество

Мы уже видели, что когда церковь стала имперской, то есть церковью сильных мира сего, многие нашли прибежище в монашестве, что позволяло вести жизнь, в полной мере соответствующую требованиям прежних времен. Наибольшее распространение монашество получило в Египте и в других областях восточной части империи, тем не менее последователей оно нашло и на Западе. Но западное монашество отличалось от восточного в трех отношениях. Во-первых, западное монашество ставило перед собой цели более практического свойства: смирение плоти считалось не только путем к самоотречению, но и способом подготовки и тела, и души к исполнению миссии в мире. Коломба и Августин Кентерберийский являют собой яркие примеры этого "практического" направления в западном монашестве. Во-вторых, западное монашество не придавало такого значения затворничеству, как восточное, и с самого начала

стремилось к организации общинной жизни. Наконец, западное монашество почти никогда не конфликтовало с иерархами церкви, подобно восточному. За исключением времен, когда церковь пребывала в глубоком кризисе, западное монашество всегда оставалось правой рукой пап, епископов и других церковных деятелей.

Основной фигурой западного монашества в период его формирования и во многих отношениях его основателем был Бенедикт, родившийся около 480 года в небольшом итальянском городке Нурсии. Иными словами, он рос при правлении остготов. Его семья принадлежала к древней римской аристократии, поэтому ему было хорошо известно о противостоянии ариан и ортодоксов и о гонениях, которым подвергались последние. Лет в двадцать он решил стать отшельником и поселился в пещере. Там он вел крайне аскетическую жизнь, борясь с искушениями плоти. Его известность росла, и, как это происходило раньше с другими знаменитыми монахами в Египте, вокруг него образовалась группа учеников. Когда поставленные им цели потребовали иного пристанища, Бенедикт вместе со своей небольшой общиной отправился в Монте-Кассино – удаленное место, где сохранилось древнее капище и где местные жители продолжали поклоняться языческим богам. Бенедикт и его последователи разрушили капище, уничтожили языческий жертвенник и заложили на этом месте фундамент монастыря. Вскоре поблизости обосновалась его сестра Схоластика, основавшая такую же общину для женщин. В конце концов известность Бенедикта так возросла, что его посетил король остготов. Но для человека, которого он считал тираном, у монаха не нашлось ничего иного, кроме резких слов и страшных пророчеств.

Величайшей заслугой Бенедикта стал "Устав", составленный им для своей общины. Этот краткий документ на века вперед сформировал иерархию ценностей монашества. Устав предписывал не крайний аскетизм, а разумный распорядок монашеской жизни со строгой дисциплиной, но без ненужных тягот. Например, тогда как многие монахи в пустыне жили на хлебе, соли и воде, устав Бенедикта предусматривал для монахов двухразовое питание из двух блюд, к которым иногда добавлялись свежие фрукты и овощи. Кроме того, каждый монах ежедневно получал немного вина. На кроватях монахов были одеяла и подушки. Но такие условия предоставлялись только во времена благополучия и достатка, в трудные же времена монахи должны были довольствоваться тем, что есть.

Особое значение для Бенедикта имели два важнейших условия монашеской жизни – постоянство и послушание. Постоянство означало, что монахи не вольны были по своему усмотрению переходить из одного монастыря в другой. Каждый монах должен был оставаться в своем монастыре до конца жизни, если ему не приказывали перейти в другое место. Постоянство бенедиктинских монахов стало одной из основ стабильности этой структуры во времена хаоса.

Во-вторых, от монахов требовалось послушание, и прежде всего – послушание уставу. Помимо этого, следовало "незамедлительно" повиноваться аббату, что означало не только немедленное повиновение, но и желание проявить послушание. При невозможности выполнить приказ монаху предписывалось объяснить аббату причину неповиновения. Аббат, со своей стороны, не мог быть тираном, ибо он тоже подчинялся Богу и уставу. Слово "аббат" означает "отец", и именно так он должен был себя вести.

Согрешившего монаха надлежало сначала вразумить лично. Если после двух таких вразумлений он не каялся, ему делали предупреждение перед всей общиной. Следующим шагом было отлучение, то есть отстранение от участия не только в причащении, но и в совместных трапезах, а также прекращение любых контактов с другими монахами. Если и после этого согрешивший не каялся, его следовало высечь. Если и это не помогало, такого монаха изгоняли из общины. Если затем он все же каялся, его следовало принять обратно. Так могло повторяться до трех раз, а после третьего изгнания двери монастыря закрывались для грешника навсегда. Короче говоря, устав был написан не для святых, подобных монахам-пустынникам, а для простых грешных людей. В этом, возможно, и заключался секрет его успеха.

Устав требовал также физического труда, который предписывался всем. Исключая случаи болезни или особых дарований, все должны были по очереди выполнять все работы. Например, устанавливались недельные дежурства поваров, и чтобы показать, что к этой работе нельзя относиться неуважительно, повара должны были сменяться на одном из богослужений. При распределении обязанностей учитывались возможности больных, престарелых и совсем молодых. С другой стороны, не допускалось особого отношения к пришедшим из богатых семей. Если по каким-то причинам требовалось установить порядок старшинства, учитывалась продолжительность пребывания в общине. Таким образом, тогда как в раннем монашестве бедность была формой личного самоотречения, Бенедикт стремился использовать ее для создания в общине нового порядка. Бедность монаха сплачивает его с общиной, в которой все одинаково бедны и на которую все должны полагаться во всех своих нуждах.

Основой монашеской жизни в понимании Бенедикта была молитва. Ежедневно выделялось время для личной молитвы, но большую часть молитвенного времени монахи проводили в часовне. Там они собирались по восемь раз в сутки – семь раз в течение дня и один раз ночью, ибо псалмопевец сказал: "Седмикратно в день прославляю Тебя" (Пс. 118:164) и "В полночь вставал славословить Тебя" (Пс. 118:62).

Первое молитвенное собрание проводилось на рассвете, и за ним следовали семь других. Эти уставные часы, соблюдавшиеся большинством монастырей в средние века, назывались полунощница, утреня, час первый, час третий, час шестой, час девятый, вечерня и повечерие. Большая часть времени на этих собраниях посвящалась пению псалмов и чтению других мест Библии. Псалмы распределялись таким образом, чтобы за неделю их можно было повторить все. Другие места читались в зависимости от времени дня, дня недели и времени церковного года. В результате большинство монахов запоминали наизусть всю Псалтирь и многие другие места Писания. Такой же системой пользовались и многие прихожане, у которых было свободное время, поэтому они тоже приобретали хорошие знания различных частей Библии, помещенных в "Бревиарии" – книге, содержащей материалы для чтения в разные часы. Восемь молитвенных часов стали называть "уставными часами" и "суточным кругом богослужений".

Бенедикт был основателем монашеского движения на Западе. Деталь с картины Леоне Леони "Чудо святого Бенедикта", Национальная художественная галерея, Вашингтон.

Сам Бенедикт мало говорил о необходимости учебы, но вскоре это стало одним из основных занятий бенедиктинских монахов. Для проведения суточного круга богослужений требовались книги. Монахи прилежно переписывали Библию и другие книги, сохраняя их тем самым для будущих поколений. Монастыри стали также учебными центрами, в частности для детей, которых помещали под их попечение для прохождения монашеской подготовки. Кроме того, многие монастыри выполняли роль больниц, аптек или постоялых домов, где находили приют уставшие путники.

Наконец, монастыри имели большое экономическое значение, так как многие из них создавались на

пустынных землях, которые осваивались благодаря труду монахов. Европа таким образом получила дополнительно огромное количество акров сельскохозяйственных угодий. Кроме того, в обществе, в котором богатые считали физический труд унизительным, монастыри выступали свидетелем того, что высочайшие достижения разума и духа могут сочетаться с тяжелым физическим трудом.

Хотя в Западной Европе у монашеского движения было много последователей и до Бенедикта, в конечном счете широкое распространение получил именно его устав. В 589 году монастырь, основанный Бенедиктом в Монте-Кассино, был разграблен и сожжен лангобардами. Большинство монахов бежало в Рим, взяв с собой "Устав". Именно там с ними познакомился Григорий, впоследствии ставший папой. Устав был принят многими в Риме. Отправившись с благовествованием в Англию, Августин взял с собой и этот устав. При поддержке пап устав Бенедикта получил распространение во всей Западной церкви. Многие принявшие его монастыри, формально не состоявшие в одном "ордене", объединяли общие принципы и идеалы.

20.3 Папство

Вторым институтом, способствовавшим укреплению единства и обеспечению преемственности в средние века, было папство. Слово "папа" означает просто "отец", и на ранних этапах оно использовалось применительно к любому известному и уважаемому епископу. Есть, например, документы, в которых упоминается о "папе Киприане" Карфагенском или о "папе Афанасии" Александрийском. На Западе в конечном счете этим титулом стали называть только епископов Рима, тогда как на Востоке его продолжали использовать в более широком смысле. Как бы там ни было, значение имеет не происхождение титула "папа", а процесс, в ходе которого епископ Рима стал пользоваться таким большим авторитетом в средние века и продолжает пользоваться в римско-католической церкви до сих пор.

Исторические корни римского епископства не вполне ясны. Большинство ученых едины во мнении, что Петр действительно посетил Рим и что, по всей вероятности, именно там он и умер. Но различные списки ранних епископов, относящиеся в основном к концу II века, не согласуются между собой. В одних указывается, что Климент был преемником Петра, а в других его имя называется третьим по счету после смерти апостола. На этом основании некоторые исследователи высказывают предположение, что вначале римская церковь управлялась не одним епископом, а "коллегиальным епископством", то есть группой епископов. В отношении этой теории мнения могут быть разными, но совершенно очевидно, что в первые века численное превосходство христианство имело на грекоязычном Востоке и что такие церкви, как антиохийская и александрийская, играли гораздо более важную роль по сравнению с римской. Даже на Западе главенствующее положение в богословских вопросах принадлежало Северной Африке, откуда вышли такие крупные фигуры, как Тертуллиан, Киприан и Августин.

Резкому повышению авторитета папы способствовали нашествия варваров. На Востоке империя продолжала существовать еще тысячу лет. На Западе же хранительницей остатков прежней цивилизации, в том числе понятий порядка и справедливости, стала церковь. Вследствие этого наиболее авторитетный епископ Запада, то есть епископ Римский, занял центральное место в процессе восстановления единства, подорванного нашествиями.

Ярким примером этого служит Лев Великий, которого первым стали называть "папой" в современном смысле слова. Ниже мы рассмотрим его участие в тогдашних богословских спорах, анализ которого показывает, что его взгляды приобретали всеобщее признание не просто потому, что он был епископом Рима, но и в силу благоприятных политических условий. Поскольку эти споры велись в основном на Востоке, его вмешательство, при всей его авторитетности, не могло принести результата при сопротивлении имперских властей и принималось во внимание только в том случае, если власти

соглашались с ним.

Но на Западе дела обстояли иначе. В 452 году в Италию вторглись гунны во главе с Аттилой. Они захватили и разграбили город Аквилею, и перед ними открылась дорога на Рим – между ними и древней столицей никаких войск не было. Западный император был слабохарактерным человеком с очень ограниченными возможностями, а Восток дал понять, что не желает вмешиваться. Тогда Лев покинул Рим и пошел на встречу с "бичом Божьим". О чем шла речь на этой встрече, неизвестно. Согласно легенде, Аттила увидел, что вместе с папой идут святые Петр и Павел, угрожая гуннам. Что бы там ни было сказано, Аттила решил не идти на Рим и повернул на север, где вскоре умер.

Лев был епископом Римским и в 455 году, когда город разграбили вандалы. На этот раз ему не удалось остановить завоевателей. Но именно он вел переговоры с предводителем вандалов Гейзерихом и спас город от уничтожения огнем.

Нет нужды говорить, что благодаря этим и другим подобным деяниям Лев пользовался в Риме большим авторитетом. Тот факт, что именно он достигал таких результатов, объяснялся не только его личными дарованиями, но и политической обстановкой, когда гражданские власти были не в состоянии исполнять свои обязанности. Но, по мнению Льва, была и более глубокая причина. Он был убежден, что Иисус сделал Петра и его преемников камнем, на котором должна быть построена церковь, и что поэтому епископ Рима, будучи прямым преемником Петра, является главой церкви. В сочинениях Льва приводятся все традиционные аргументы в пользу того, что мир должен быть собран под папской властью.

Лев умер в 461 году, и пришедший ему на смену Иларий, который был его ближайшим помощником, продолжил проводившуюся им политику. Но при следующем папе, Симплиции, обстоятельства переменились. В 476 году Одоакр низложил последнего западного императора, и в Италии начался долгий период политического хаоса. Номинально Италия стала теперь частью Восточной Римской империи. Но между папами и восточными императорами сохранялись напряженные отношения, главным образом из-за богословских разногласий, к которым мы вскоре вернемся. В конечном счете это приведет к разрыву между Востоком и Западом, для преодоления которого потребуется несколько лет. Последствия разрыва усугубило вторжение в Италию остготов. Они были арианами, поэтому противоборство между ними и местным населением стало неизбежным. К 498 году это противоборство вылилось в избрание двух пап, одного из которых поддерживали остготы, а другого Константинополь. На улицах Рима происходили яростные стычки между сторонниками одного папы и другого. В конце концов после нескольких синодов конфликт был улажен.

Новым папой стал Гормизд (514-523), и под его руководством после долгих переговоров разрыву с Константинополем был положен конец. Тем временем Восточная империя под началом императора Юстиниана переживала недолгое возрождение. Именно тогда Велизарий вторгся в Италию и уничтожил королевство остготов. Но это не обернулось для церкви в Италии благоприятными переменами, так как император и его должностные лица пытались навязать ей те же условия, что и в восточной части империи, где церковь была почти полностью подчинена государству. Пока сохранялась власть Византии, следующие несколько пап были простыми марионетками Юстиниана и императрицы Феодоры. На тех, кто пытался проводить независимую политику, незамедлительно обрушивался императорский гнев.

Господство Византии в Италии продолжалось недолго. Всего через шесть лет после захвата последнего укрепленного пункта остготов на полуостров вторглись лангобарды. Сохраняя единство, они быстро завоевали бы его. Но после первых побед лангобарды раскололись на несколько соперничающих группировок, их продвижение замедлилось. После смерти Юстиниана в 565 году могущество Византии пошло на убыль, и Константинополь не мог больше держать в Италии крупную армию. Поэтому еще не завоеванные лангобардами области были вынуждены обороняться самостоятельно, хотя формально они

продолжали оставаться частью Византийской империи. В Риме защиту города взяли на себя папы. В 579 году, когда умер Бенедикт I, лангобарды осадили Рим. Новый папа, Пелагий II, спас город, откупившись от них. Поскольку никакой помощи из Константинополя не поступало, Пелагий II обратился к франкам, рассчитывая на их удар с севера. Первые переговоры успехом не увенчались, но они словно бы предвещали будущее, когда франки станут главной опорой папства.

Юстиниан и его придворные. Мозаичное изображение.

Феодора со своими придворными.

Одним из талантливейших людей среди тех, кто когда-либо занимал это высокое положение, был папа Григорий. Он родился в Риме около 540 года в семье, по всей видимости, принадлежавшей к древнему аристократическому роду. В то время в Константинополе царствовал Юстиниан, а в Италии его полководцы воевали с остготами. Наиболее способный военачальник Юстиниана Велисарий был уже отозван в Константинополь, и наступление приостановилось. Король остготов Тотила на время перехватил инициативу. В 545 году он осадил Рим, который на следующий год сдался. Архидиакон Пелагий (ставший позднее папой Пелагием II) встретился с предводителем победителей и призвал отнестись к побежденным с милосердием. Вполне вероятно, что Григорий находился тогда в Риме и был свидетелем и того, что выпало городу во время осады, и последствий вмешательства Пелагия. Но как бы там ни было, Рим, представший глазам Григория, не имел ничего общего со славной столицей древней империи. Вскоре после победы Тотилы византийские войска во главе с Велисарием вернулись в город, но затем опять его потеряли. В городе, которым по сути дела никто не управлял, после нескольких осад царили разруха и запустение. Многие древние памятники и сооружения использовали как строительный материал для восстановления крепостных стен. Водопроводы и канализационная система пришли в полную негодность, болезни косили людей.

О ранних годах жизни Григория в осажденном городе известно мало. Возможно, прежде чем стать монахом, он был какое-то время высокопоставленным римским чиновником. Затем папа Бенедикт сделал его диаконом, то есть членом своего административного совета. Следующий папа, Пелагий II, назначил Григория своим посланником при дворе в Константинополе. Там Григорий провел шесть лет, принимая участие в богословских спорах, а нередко и в политических интригах, неотделимых от этого великого города. Наконец, в 586 году Пелагий направил туда другого посланника, и Григорий смог вернуться в свой монастырь в Риме, став его настоятелем.

Положение дел в Риме тогда было сложным. Лангобарды наконец-таки объединились и вознамерились завоевать всю Италию. Несмотря на то что из Константинополя были посланы войска для защиты Рима, а с тыла на лангобардов могли напасть франки, Рим подвергался очень большой опасности.

К тому же в Риме вспыхнула эпидемия. А незадолго до этого большинство складов с зерном затопило. У больных часто возникали галлюцинации, поэтому по городу ходили невероятные слухи. Будто бы видели дракона, поднявшегося из Тибра, или смерть, с косой бродившую по улицам, или огонь, ниспадавший с неба. Но затем папа Пелагий, который вместе с Григорнем и другими монахами боролся с эпидемией, хоронил мертвых, кормил голодных, сам заболел и умер.

Григорий I, занимавший папский престол с 590 по 604 год, был одним из наиболее выдающихся понтификов всех времен.

Занять освободившееся место стремились тогда немногие. Григорий тоже не хотел стать папой, но духовенство и народ избрали именно его. Он попытался отменить избрание и обратился к императору с просьбой не утверждать это назначение – в то время, прежде чем посвящать епископов крупных городов, обычно испрашивали согласия Константинополя. Но в пути его письмо перехватили. В конце концов он все же против своей воли стал епископом Рима.

К исполнению новых обязанностей Григорий отнесся очень серьезно. Поскольку никто этим не занимался, он организовал раздачу питания нуждающимся римлянам и принял меры по обеспечению бесперебойной доставки зерна из Сицилии. Помимо этого, он лично руководил восстановлением водопровода и городских укреплений, обучением войск гарнизона и укреплением его морального духа. От Константинополя особой помощи ждать не приходилось, поэтому он вступил в переговоры с лангобардами и заключил с ними мир. Таким образом, папа в силу создавшихся условий действовал как правитель Рима и близлежащих областей, которые вскоре получат название "наследия святого Петра". Гораздо позднее, в VIII веке, был составлен документ под названием "Константинов дар", в котором утверждалось, что великий император передал эти земли преемникам святого Петра.

Но Григорий считал себя прежде всего духовным пастырем. Он постоянно выступал с проповедями в разных церквах Рима, призывая верующих к преданности. Он также пропагандировал принцип безбрачия духовенства, который постепенно станет нормой во всей Италии и который многие станут провозглашать, на деле не следуя ему. Кроме того, будучи епископом Рима, Григорий считал себя патриархом Запада. Он не претендовал, подобно Льву до него, на всеобъемлющую власть. Но предпринял шаги более практического свойства, укрепившие его авторитет на Западе. В Испании именно он способствовал обращению короля вестготов Рекареда в никейскую католическую веру. В Англию с аналогичной миссией он отправил Августина, благодаря чему влияние Рима распространилось на Британские острова. Но в Африке, куда он писал письма по поводу полемики с донатистами, местные епископы, стремившимися сохранить независимость, принимали их настороженно. Он пытался также проводить свою линию на франкских территориях для достижения большей независимости церкви, в чем он не особенно преуспел, так как франкские вожди желали сохранить контроль над церковью и не видели оснований уступать папе.

Но "Великим" Григория нарекли нетолько по этим причинам. Он написал множество сочинений, оказавших глубокое воздействие на все средневековье. В них он не стремился высказать оригинальные или творческие мысли. Основная его цель заключалась не в том, чтобы сказать нечто, чего не говорили великие богословы прошлых веков, в частности святой Августин. Он считал, что вполне достаточно быть просто учеником великого епископа Гиппонского, учившего всем догматам, которые были с восхищением восприняты Григорием. Но несмотря на это между Григорием и Августином зияла глубокая пропасть. Григорий жил во времена обскурантизма, суеверий и легковерия и в определенной мере был выразителем своей эпохи. Видя в Августине непогрешимый авторитет, он вступил в противоречие с самим духом воззрений этого учителя, чей гений проявлялся, во всяком случае отчасти, в пытливом уме и в построении смелых гипотез. То, что для Августина было предположением, для Григория становилось неопровержимой истиной. Например, богослов из Гиппона допускал, что, возможно, существует место очищения для умерших в грехе, где они остаются какое-то время, прежде чем отправиться на небо. Исходя из этой умозрительной идеи Августина, Григорий вывел теорию о том, что действительно существует такое место, благодаря чему появилось учение о чистилище.

Особенно много изменений и даже искажения Григорий внес в учение Августина о спасении. Идеями Августина о предопределении и о непреодолимой благодати Григорий просто пренебрег, его больше интересовал вопрос о том, как мы должны искупать грехи пред Богом. Он полагал, что искупление грехов должно совершаться через покаяние, то есть сожаление, исповедание и наказание или искупление, и может также сопровождаться отпущением греха священником, подтверждающим прощение его Богом. Умирающие в вере и в общении с церковью, но не искупившие своих грехов, До получения полного спасения отправляются в чистилище. Живые могут помогать мертвым выйти из чистилища, совершая о них заупокойные мессы. Григорий верил, что во время мессы или причащения Христос повторно приносит Себя в жертву (по легенде, Распятый явился ему во время мессы). Понимание мессы как обряда жертвоприношения утвердилось в Западной Церкви, пока в XVI веке не было отвергнуто протестантами.

Григорий рассказывал историю о монахе, умершем в грехе. Аббат – то есть сам Григорий – распорядился, чтобы о нем ежедневно совершались заупокойные мессы, и через тридцать дней его душа явилась брату, сообщив, что он вышел из чистилища и направляется на небо. Эта и подобные ей истории не были выдумкой Григория. Они скорее отражали общую атмосферу той эпохи. Но тогда как христианские учителя прежних времен стремились оградить христианскую веру от суеверий, Григорий охотно пользовался ходившими в то время слухами, если они, пусть даже в самой примитивной форме, способствовали распространению христианской веры.

При преемниках Григория папство переживало не самые лучшие времена. Константинополь пытался утвердить свое превосходство над Римом. Поскольку, как мы увидим в следующей главе, Восточная

церковь была поглощена христологическими спорами, императоры в богословских вопросах рассчитывали на поддержку пап. К тем, кто от этого отказывался, применялись самые суровые меры. Вследствие этого папа Гонорий (625-638) объявил себя монофелитом, то есть последователем христологической ереси. Когда позднее папа Мартин I ослушался императорского повеления о прекращении христологических дискуссий, его просто похитили и доставили в Константинополь. Его главному стороннику, монаху Максиму, по императорскому указу отрезали язык и отрубили правую руку, а затем его отправили в изгнание. С тех пор все богословские споры, которые мы рассмотрим в следующей главе, оказывали серьезное воздействие на Рим, который никак не мог освободиться от сильнейшего давления императоров Константинополя. В течение всего этого времени вплоть до избрания папы Григория III (731-741) посвящение епископа Рима утверждалось в Константинополе.

Затем был уничтожен весь византийский флот, и влияние Константинополя стало ослабевать. Угроза со стороны лангобардов вынудила пап искать поддержки в других местах, и они обратились к франкам. Именно поэтому папа Захария согласился низложить Хильдерика III Глупого и возвести на его место Пипина. Захария умер в год провозглашения Пипина королем (в 753 году), но его преемник Стефан II заставил Пипина заплатить его долг папству. Когда лангобарды вновь начали угрожать Италии, Стефан обратился за помощью к Пипину, который уже дважды вторгался на итальянские земли и передавал папе города, захваченные лангобардами. На протесты со стороны Константинополя внимания больше не обращали, и папы взяли на себя руководство значительной частью Италии. В этом отношении союз пап с франками стал еще теснее при Льве III, который на Рождество 800 года короновал Карла Великого.

20.4 Арабские завоевания

В начале VII века казалось, что на большинстве территорий бывшей Римской империи вот-вот восстановится порядок. Арианские завоеватели приняли никейскую веру. Франки, с самого начала обращенные в эту веру, начали объединение Галлии. На Британских островах деятельность Августина принесла первые плоды. Византийская империя продолжала пользоваться плодами завоеваний Юстиниана I, особенно в Северной Африке, где государство вандалов было разгромлено.

Но затем случилось непредвиденное. Аравия, забытый уголок земли, на который не обращали внимания ни Римская, ни Персидская империи, стала плацдармом для завоевательных походов, грозивших покорением всей земли. Всего за несколько лет персидская империя прекратила свое существование, а многие территории Римской империи оказались в руках арабов.

Арабские завоевания.

Движущей силой этой внезапно обрушившейся лавины было учение Мухаммеда, арабского купца, проявлявшего глубокий интерес к религиозным вопросам и соприкасавшегося с учениями иудаизма и

различных христианских групп в Аравии, в том числе достаточно неортодоксальных. Послание, полученное, по его утверждению, от Гавриила, провозглашало существование единого Бога, милостивого и справедливого, Который управляет всем и требует повиновения от всех. Оно часто облекалось в поэтическую форму по образцу писаний древних еврейских пророков. Мухаммед утверждал, что он проповедует не какую-то новую религию, а высшее выражение того, что Бог раскрыл в еврейских пророках и в Иисусе, Который был величайшим пророком, но не божественным существом, как утверждают христиане.

Купцам в Мекке были на руку политеистические взгляды, поэтому они воспротивились учению Мухаммеда, и он нашел прибежище в оазисе, на месте которого затем вырастет большой город Медина. 622 год, когда он убежал туда, считается началом мусульманской эры, и от него ведется ее исчисление. Там он основал первую мусульманскую общину, богослужения, и гражданская, и политическая жизнь которой основывались на его предписаниях. Затем вместе со своими последователями он развернул военную и политическую кампанию и в результате захватил Мекку. На этом этапе Мухаммед провозгласил прощение своих противников, но повелел разрушить всех идолов. Ко времени его смерти в 632 году большая часть Аравии находилась в руках мусульман.

Мухаммед II захватил Константинополь, впоследствии переименованный в Стамбул. Рисунок Б. Констанита.

Затем руководство перешло к халифам, что на арабском языке означает "преемники". При Абу-Бекре (632-634) влияние мусульман в Аравии еще более укрепилось, и они одержали первую победу над византийскими войсками. При Омаре (634-644) арабы вторглись в Сирию. В 635 году они захватили Дамаск, а в 638 году Иерусалим. Два года спустя они стали хозяевами всего этого региона. В то же самое время другие мусульманские войска вторглись в Египет, основали город, который впоследствии станет Каиром, и в 642 году захватили Александрию. В 647 году по северному побережью Африки они двинулись на Запад. Тем временем третья армия пошла на Персидскую империю, последний царь которой умер в 651 году. После этой даты, если не считать ряда вынужденных задержек, мусульмане одно за другим захватывали самые мощные государства на земле.

Во второй половине века продвижение мусульман приостановилось из-за внутренних неурядиц, но тем не менее продолжалось. В 695 году пал Карфаген, и вскоре многие жители Северной Африки, которых донимали разногласия между ортодоксами, донатистами, арианами и византийцами, приняли ислам. В 711 году небольшой отряд переправился через Гибралтарский пролив, получивший, кстати, свое название по имени его предводителя Тарика, и там столкнулся с таким слабым государством вестготов, что завоевать его не составило труда. Вскоре вся Испания, за исключением территорий на Крайнем Севере,

была захвачена мусульманами. Затем они перешли Пиренеи и начали угрожать самому сердцу Западной Европы. Но в 732 году Карл Мартелл нанес им поражение в битве при Пуатье, и это положило конец первой волне мусульманской экспансии.

Для христианства эти нашествия имели огромные последствия. Многие традиционные центры христианства – Иерусалим, Антиохия, Дамаск, Александрия и Карфаген – оказались в руках мусульман. В Карфагене и вокруг него христианство было вообще искоренено. В остальной части обширных арабских владений к христианству относились терпимо, но оно не распространялось, и оставалось только довольствоваться существующим положением.

У Византийской империи, до того времени обладавшей обширными территориями на Ближнем Востоке и на северном побережье Африки, оставалось лишь то, что теперь называется Турцией, и некоторые владения в Европе. В следующей главе мы увидим, что многие жители империи, не соглашаясь с ее политикой, подчинялись мусульманским установлениям и больше не принимались в расчет византийскими императорами.

Но самое главное, изменилось географическое пространство, в котором действовала церковь. До сих пор христианство развивалось вокруг Средиземноморского бассейна. Теперь же центр тяжести сместился к северу, то есть к Британским островам, франкскому государству и к Италии. Константинополь же будет все больше отдаляться от этих территорий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что через несколько лет после арабских завоеваний, в 800 году, папа короновал Карла Великого императором Запада – протесты Константинополя и папа, и Карл Великий оставили без внимания.

21 Восточное христианство

Когда у меня под рукой нет книг или когда в меня, как колючки, впиваются мысли, не позволяя сосредоточиться на чтении, я иду в церковь, которая излечивает любую болезнь души. Яркость икон привлекает мое внимание, зачаровывает глаза… и постепенно приводит душу к прославлению Бога.

Иоанн Дамаскин

В предыдущей главе мы сосредоточили внимание на западном христианстве, но не надо забывать, что в то же самое время существовало восточное ответвление церкви. Для христиан в ту эпоху Восточная и Западная церкви составляли единое целое. Н о сейчас для историков очевидно, что две ветви церкви начали расходиться уже в раннем средневековье и что окончательный раскол в 1054 году стал результатом долгого процесса. Помимо очевидных культурных различий между латиноязычным Западом и грекоязычным Востоком, значительную роль играл ход политических событий, создававший в двух частях церкви совершенно разное положение дел. На Западе падение империи обернулось вакуумом, который заполнила церковь, и иерархи церкви, в частности папы, стали пользоваться политической властью. Н а Востоке же империя продолжала существовать еще тысячу лет. Она выжила, несмотря на многочисленные нашествия извне и на внутренние неурядицы. А ее самодержавные императоры держали иерархов церкви на коротком поводке. Это обычно приводило к вмешательству гражданских властей в церковные вопросы, в частности в богословские споры. На богословскую полемику накладывала отпечаток возможность в любой момент обратиться к императору и тем самым сокрушить противника, для опровержения взглядов которого не хватало аргументации. Естественно, многие императоры богословские решения принимали исходя из политических соображений, что вело к еще большей напряженности. По этим причинам в раннем средневековье богословские споры стали одной из отличительных черт восточного христианства. Тем самым мы не хотим сказать, что эти споры не имели никакого значения. Рассматривавшиеся вопросы нередко затрагивали саму суть Евангелия. Более того, учитывая, что все христиане в то время считали себя членами единой церкви, решения, принимавшиеся на Востоке с номинальным участием Запада или вообще без него, становились обязательными как на Востоке, так и на Западе. Наконец, эти споры в конечном счете привели к первым расколам в христианстве и к зарождению самостоятельных церквей, существующих до сих пор.

21.1 Христологическая полемика и Халкидонский собор

Вопрос о Божественности Второго Лица Троицы (и Святого Духа) был решен на Никейском (325) и Константинопольском (381) соборах. Обращение многих варваров в арианство и последующее завоевание ими западной части Европы снова привлекли на короткое время внимание к арианству, но в конце концов христиане пришли к общему согласию и приняли учение о Троице. Но оставались другие вопросы, вызывавшие острые богословские разногласия. Главным среди них был вопрос, каким образом в Иисусе Христе сочетались божественное и человеческое начала. Именно в этом заключалась основная Христологическая проблема.

В этом отношении на Востоке возникли два основных течения, которые историки условно называют "антиохийским" и "александрийским", хотя не все "александрийцы" были родом из Александрии и не все "антиохийцы" жили в Антиохии. Обе стороны были согласны, что Божественность неизменна и вечна. Суть

вопроса заключалась в том, как неизменная и вечная природа Бога может сочетаться с непостоянной и неустойчивой природой человека. В этом плане их взгляды резко расходились. Александрийцы вслед за Климентом и Оригеном упор делали на роли Иисуса как учителя божественной истины. Для этого Спаситель полностью и ясно раскрыл Свою Божественность. Его Божественность надо утверждать даже в ущерб Его человеческой природе. Антиохийцы, со своей стороны, полагали, что для спасения человечества Иисусу надо было стать полностью человеком. Он, без сомнения, оставался Божеством, но это не следует понимать в том смысле, что Его человеческое начало может каким-то образом затушевываться или отвергаться. Обе стороны признавали как Божественность, так и человеческую природу Иисуса. Проблема заключалась в том, каким образом они могут сочетаться.

На Западе такие вопросы не вызывали особого интереса. Во-первых, после нашествия варваров там появились более насущные проблемы. Во-вторых, Запад придерживался формулировки Тертуллиана – во Христе соединились две природы в одном лице – и довольствовался ею. Поэтому Запад играл роль как бы миротворца в споре между противоборствующими группировками на Востоке и тем самым повышал свой авторитет.

Разногласия начались еще до попыток разрешить вопрос о Троице. Аполлинарий Лаодикийский, один из защитников никейской позиции по вопросу о Троице, полагал, что может подкрепить ее, показав, как вечное Слово Божье воплотилось в Иисусе. Он попытался сделать это с помощью утверждения, что в Иисусе Слово Божье, Второе Лицо Троицы, выражало разумное начало. Как и у всех человеческих существ, у Иисуса было физическое тело, и оно подчинялось тем же законам, которые дают жизнь всем людям. Но Его разум был нетаким, как у людей. Слово Божье выполняло в Нем ту же роль, какую в нас играет разум, или "разумная душа".

Это объяснение казалось Аполлинарию вполне удовлетворительным, но вскоре многие начали видеть в нем слабые места. Человек с чисто божественным разумом не может быть до конца человеком. С точки зрения александрийцев, оно выглядело приемлемым, так как требовалось всего лишь доказать, что Иисус действительно говорил как Бог и что у Него было тело, необходимое для общения с нами. Но для антиохийцев этого было недостаточно. Иисус должен был стать полностью человеком. Это имеет особое значение потому, что Иисус принял человеческий облик для спасения человечества. Спасти нас в полном объеме Он мог только в том случае, если стал человеком в полном объеме. Если бы Он не принял хоть какую-то часть того, что составляет человеческое существо, эта часть осталась бы неспасенной. Григорий Назианзин (один из великих каппадокийцев) писал об этом так:

Если кто-то верит в Иисуса Христа как в человеческое существо без человеческого разума,такой человек сам лишен разума и недостоин спасения. Ибо Он не спас того, чего не принял на Себя. Он спас то, что добавил к Своей Божественности. Если бы грехопадение Адама относилось только к какой-то его части, тогда Христос мог бы принять на Себя эту часть и спасти ее. Но если грехопадение затронуло всю человеческую природу, для ее спасения она должна была соединиться в Слове целиком{28}.

После непродолжительного обсуждения теории Аполлинария были отвергнуты сначала рядом ведущих епископов и созванными ими местными синодами, а затем в 381 году Константинопольским собором – тем самым, который подтвердил решения Никейского собора в отношении арианства.

Следующий эпизод христологической полемики связан с Несторием, представителем антиохийской школы, ставшим в 428 году патриархом Константинопольским. Патриархат Константинополя всегда был объектом политических интриг и соперничества между патриархами Антиохии и Александрии. Константинопольский собор постановил, что епископ Константинополя должен занимать на Востоке более высокое положение, подобное тому, которое на Западе занимает епископ Римский. Это было просто признанием политической реальности, ибо Константинополь стал столицей Восточной империи. Но

епископы более старых церквей в Антиохии и Александрии были недовольны отведенной им второстепенной ролью. Среди прочего их реакция выразилась в том, что епископство Константинополя они превратили в приз, который надо завоевать для своих сторонников. В этой игре успех чаще сопутствовал Антиохии, поэтому большинство патриархов Константинопольских были антиохийцами, и, следовательно, патриархи Александрии относились к ним как к своим противникам – мы уже видели это на примере Иоанна Златоуста. Учитывая это, положение Нестория было непрочным, и александрийцы рассчитывали поймать его на первой же ошибке.

Это произошло, когда Несторий заявил, что Марию следует называть не *theotokos,* то есть Богородицей, а *christotokos,* то есть Христородицей. Протестантам трудно понять, что по сути имелось в виду, ибо мы отвергаем представление о Марии как о "Богоматери", и на первый взгляд кажется, что речь шла именно об этом. Но на самом деле расхождения касались не столько Марии, сколько Иисуса. Вопрос заключался не в почитании Марии, а в понимании рождения Иисуса. Заявив, что Мария родила Христа, но не Бога, Несторий тем самым утверждал, что, говоря о воплощенном Господе, можно и должно проводить различие между Его человечностью и Божественностью и что одни Его свойства относятся к человеческому началу, а другие к божественному. Такая точка зрения выражала типично антиохийскую позицию, в которой, дабы сохранить полностью человеческую природу Иисуса, проводилось четкое различие между ней и Его Божественностью. Несторий и антиохийцы опасались, что если эти две природы сближать слишком тесно, Божественность поглотит человеческое начало, и уже нельзя будет говорить о человеке Иисусе в подлинном смысле слова.

Объясняя свою позицию, Несторий заявил, что в Иисусе соединились "две природы и две личности", божественная и человеческая. Человеческая природа и человеческая личность рождены Марией, а божественная – нет. Что он под этим подразумевал, не совсем ясно, так как термины "личность" и "природа" могут иметь разные значения. Но его противники сразу же увидели опасность "разделения" Спасителя на два существа, связанные не неразрывным единством, а чем-то вроде договора. Вскоре к выводу об опасности теорий Нестория пришли и многие другие.

Как и следовало ожидать, центром противоборства Несторию стала Александрия, епископ которой Кирилл был гораздо более способным политиком и богословом, нежели Несторий. Кирилл заручился поддержкой Запада, для которого учение о двух личностях в Христе было абсолютно неприемлемым, а также императоров Валентиниана III и Феодосия II, который в июне 431 года собрал Вселенский собор в Ефесе.

Основные сторонники Нестория Иоанн Антиохийский и его приверженцы задержались в пути. Прождав их две недели, собор начал работу, несмотря на протесты императорского легата и нескольких десятков епископов. Приступив к рассмотрению дела Нестория, собор, не дав ему выступить в свою защиту, объявил его еретиком и лишил патриаршего престола.

Иоанн Антиохийский со своими сторонниками прибыл несколько дней спустя и созвал собственный собор с гораздо меньшим числом участников, который объявил еретиком Кирилла и восстановил Нестория. В ответ собор под руководством Кирилла подтвердил осуждение Нестория, распространив его на Иоанна Антиохийского и на всех участников его собора. В конце концов вмешался Феодосии II, арестовавший Кирилла и Иоанна и объявивший решения обоих соборов недействительными. Затем последовали переговоры, закончившиеся выработкой компромиссной "формулы согласия", которую Кирилл и Иоанн приняли в 433 году. Было также решено, что постановление собора под руководством Кирилла в отношении Нестория остается в силе. Что касается самого Нестория, остаток жизни он провел в изгнании, сначала в монастыре в Антиохии, а затем, когда стал неугодным для своих антиохийских друзей, отступившихся от него, в отдаленном городе Петра.

Таким образом, второй эпизод в христологической полемике закончился победой Александрии и перемирием, которое, впрочем, продолжалось недолго. В 444 году, когда Кирилла в Александрии сменил Диоскор, сложились предпосылки для третьего и даже еще более ожесточенного столкновения, так как Диоскор был убежденным сторонником наиболее крайних александрийских взглядов и достаточно беспринципным интриганом.

Буря разразилась по поводу учений константинопольского монаха Евтихия, который, не вдаваясь в богословские тонкости, утверждал, что Спаситель был "единосущным Отцу", но не "единосущным нам". Он также как будто бы имел в виду, что у Христа "до соединения было две природы, а после соединения – одна". Смысл этого не вполне ясен. Как бы там ни было, патриарх Константинопольский Флавиан, придерживавшийся антиохийских богословских взглядов, счел учение Евтихия близким к докетизму и осудил его. Благодаря ряду ловких маневров Диоскору удалось перевести эти разногласия на уровень конфликта, затрагивающего всю церковь, и в 449 году император Феодосии II созвал собор в Ефесе.

Когда его участники собрались, стало ясно, что Диоскор предпринял все необходимые меры, чтобы его исход был заранее предрешен. Император поручил Диоскору председательствовать на нем и дал право подбирать выступающих. Собор занял крайне александрийские позиции. Когда легаты папы Льва попытались зачитать письмо, написанное Львом по рассматриваемому вопросу, им не разрешили этого сделать. С Флавианом обошлись так грубо, что через несколько дней он умер. Учение о существовании у Христа "двух природ" было объявлено еретическим. Осуждению, хотя и в более мягкой форме, подверглись и сторонники антиохийских взглядов. Более того, было принято постановление, согласно которому несогласные с этими решениями лишались права на рукоположение.

В Риме Лев пришел в негодование и назвал собор "разбойничьей сходкой". Но его протесты были безрезультатными. Феодосии II, получивший, по-видимому, из Александрии большие запасы золота, считал дело закрытым.

Затем случилось непредвиденное. Во время прогулки лошадь Феодосия споткнулась, и император сломал шею. На смену ему пришли сестра Пульхерия и ее муж Марциан. В свое время Пульхерия была согласна с западной точкой зрения о необходимости осуждения Нестория. Но она не разделяла крайне александрийских взглядов и считала, что решения, принятые в Ефесе в 449 году, оставляют желать много лучшего. Поэтому по настоянию Льва она созвала новый собор, который состоялся в Халкидоне в 451 году и получил название IV Вселенского собора.

Собор осудил Диоскора и Евтихия, но простил всех других участников "разбойничьей сходки" в Ефесе два года назад. Письмо Льва было наконец зачитано, и многие заявили, что оно выражает их собственные взгляды. В нем подтверждалась выдвинутая Тертуллианом несколько веков назад формулировка о существовании в Христе "двух природ в одной личности". Наконец, собор принял заявление, представлявшее собой не символ, а "Определение веры", то есть уточнение истинного учения церкви. Внимательное чтение "Определения" показывает, что в нем отвергаются крайности как александрийцев, так и антиохийцев, в частности учение Евтихия, и подтверждаются решения трех предшествующих великих соборов (Никейского в 325 году, Константинопольского в 381 году и Ефесского в 431 году):

Хорошо видно, что "определение" здесь дается не в смысле объяснения, каким образом произошло соединение, а в смысле постановки границ, за пределами которых начинается ересь. Совершенно ясно, что такая манера говорить о Спасителе весьма отличается от евангельской и что большое влияние на нее оказали внебиблейские формы выражения мысли. Но учитывая условия постановки вопроса, трудно представить себе, что еще могли сделать собравшиеся в Халкидоне епископы для подтверждения реальности воплощения.

"Определение веры" вскоре стало нормой христологической ортодоксальности во всех западных

церквах и в большинстве восточных, хотя кое-кто на Востоке отвергал его, и это послужило причиной первых долговременных размежевании в истории христианства. Одни, главным образом в Сирии и Персии, настаивали на четком разграничении между божественной и человеческой природами Христа и в конце концов получили название "несториан". Многие другие заняли противоположную позицию, отвергая учение о "двух природах", и по этой причине стали называться "монофизитами" – от греческих слов *monos* (один) и *phisys* (природа). Но лишь немногие среди них принимали учение Евтихия. Они просто считали, что божественную и человеческую природы Спасителя нельзя разделять до такой степени, когда воплощение становится бессмысленным. Этому сопутствовали политические и национальные соображения, добавлявшие масла в огонь богословских споров, продолжавшихся несколько веков.

21.2 Дальнейшая богословская полемика

Халкидонское определение веры не смогло положить конец христологической полемике, особенно на Востоке. В Египте Диоскора многие считали мучеником, а Флавиана и Льва – еретиками. Такого же мнения придерживалось большое число верующих в Сирии. И в том и в другом случае значительное влияние на богословские воззрения оказывала неприязнь к центральной власти в Константинополе, собиравшей в провинциях большие налоги и соответствующим образом не компенсировавшей их. Помимо этого, сохранялись культурные и этнические противоречия, существовавшие с самого начала римского завоевания и с тех пор так и не решенные. Лояльного отношения к ним этих народов императоры пытались добиться с помощью богословских компромиссов, которые устроили бы несогласных и сторонников решений Халкидонского собора. Но цель была недостижимой, поскольку недовольство вызывали не только решения по богословским вопросам. То, что императоры клали на одну чашу весов, немедленно перевешивалось другой чашей, которую занимали халкидонцы или кто-то еще, и это втягивало церковь в бесконечные словопрения.

Такую неразумную политику первым начал Василиск, низложивший императора Зенона, в 476 году отменивший решения Халкидонского собора и созвавший новый собор. Но он так и не состоялся, поскольку Зенон вернулся к власти и планы Василиска не осуществились. Затем Зенон в 482 году издал "Указ о согласии" – Энотикон, – в котором просто-напросто устанавливал, что все должны вернуться к прежним своим позициям, которых большинство придерживалось до раскола. Но это вызвало новые разногласия – многие, в том числе папа Феликс III, сочли, что император не имеет права предписывать, во что надо верить. Поскольку Зенона поддерживал патриарх Константинопольский Акакий, дело вылилось в открытый разрыв между епископами Рима и Константинополя. Из-за этого "раскола Акакия" отношения между Востоком и Западом прервались до 519 года, то есть до времени, когда оба его инициатора давно умерли. К тому времени император Юстин I и папа Гормизд достигли согласия, фактически означавшего признание решений Халкидонского собора.

Юстина сменил его племянник Юстиниан – самый выдающийся император Византийской империи, возродивший ее воинскую славу завоеванием Северной Африки и Италии, восстановивший Софийский собор и разработавший целостную систему законов. Но он заблуждался, полагая, что может добиться расположения своих подданных, отвергавших решения Халкидонского собора, осуждением не собора как такового, а сочинений трех антиохийских богословов, которые вызывали особенную неприязнь противников решений собора. Результатом стал так называемый "спор о трех главах", вызвавший такое волнение, что Юстиниан был вынужден созвать собор, который состоялся в Константинополе в 553 году. По настоянию Юстиниана собор, получивший известность как V Вселенский собор, осудил три главы. Но это не удовлетворило тех, кто хотел отмены решений Халкидонского собора в целом, и усилия Юстиниана не принесли особых результатов.

Говорят, что Юстиниан, увидев собор Святой Софии, воскликнул: "Соломон, я превзошел тебя!"

Последним императором, пытавшимся добиться расположения противников решений Халкидонского собора, стал Ираклий, правивший в начале VII века. Патриарх Константинопольский Сергий предложил точку зрения, согласно которой у Христа было действительно две природы, но только одна воля. Позиция Сергия выглядит не вполне ясной, но он как будто бы имел в виду, что божественная воля заняла у Христа место человеческой. Во всяком случае именно так она была истолкована и поэтому встретила те же самые возражения, которые выдвигались ранее против позиции Аполлинария: человек без человеческой воли не может быть полностью человеком. Точку зрения Сергия, получившую известность как "монофелитство" – от греческих слов *monos* (один) и *thelema* (воля), – поддержал папа Гонорий, и развернулись долгие словопрения. Но затем с началом арабских завоеваний были захвачены Сирия и Египет, Поскольку именно там более всего противились решениям Халкидонского собора, императорская политика больше не ставила целью примирение с антихалкидонцами. В 648 году Констант II запретил дальнейшие споры об одной или двух волях Христа. Наконец, VI Вселенский собор, проведенный в Константинополе в 680-681 годах, осудил монофелитство и объявил папу Гонория еретиком. (Гораздо позднее, в XIX веке, осуждение папы как еретика заняло центральное место в дискуссиях по поводу провозглашения папской непогрешимости.)

В определенном смысле завершающим эпизодом христологической полемики стали споры об использовании икон. В ранней церкви против использования образов как будто не было возражений – катакомбы и другие места богослужений украшались рисунками с изображением причащения, крещения и различных библейских сцен. Позднее, когда империя приняла христианство, некоторые ведущие епископы начали высказывать по этому поводу озабоченность, полагая, что иконы могут привести людей, которых все больше приходило в церковь, к идолопоклонству, и выступили не против икон самих по себе, а против злоупотребления ими как объектами поклонения. В VIII веке византийские императоры начали принимать меры против иконопочитания, а в 754 году Константин V созвал собор, запретивший использование икон и осудивший тех, кто выступал в их защиту. Причины этого решения не вполне ясны. Безусловно, определенную роль сыграла близость ислама с его строгим запретом телесных изображений. Кроме того, императоры, по-видимому, стремились ограничить авторитет монахов, которые почти единодушно выступали в поддержку икон. Как бы там ни было, вскоре вся империя разделилась на "иконокластов" (иконоборцев) и "иконодулов" (сторонников почитания икон).

Иконодулы свою позицию считали естественным следствием христологической ортодоксальности. Если Иисус действительно был человеком, в котором в видимой форме проявился Бог, как можно возражать против Его изображения? Более того, первым иконописцем был Бог, сотворивший человека по

образу Божьему. Иоанн Дамаскин, один из тех, кто был осужден собором Константина V, писал:

Попытки изображать Бога в виде какого-то образа были бы верхом глупости и нечестивости… Но поскольку Бог… стал подлинным человеком… отцы, зная, что не все умеют читать или имеют время для этого, одобрили изобразительное описание этих фактов, дабы оно служило кратким комментарием{29}.

Яростные споры продолжались много лет. Запад просто-напросто отказывался подчиняться императорским эдиктам, а Восток раскололся. Наконец в 787 году в Никее собрался VII Вселенский собор. На нем было проведено различие между поклонением в строгом смысле слова, *latria,* уместным только по отношению к Богу, и почитанием, *dulia,* менее высокой степенью поклонения, для которого могут использоваться иконы. Хотя затем иконокласты на какое-то время вновь взяли верх, в 842 году иконы были окончательно восстановлены в правах – это событие некоторые восточные церкви до сих пор отмечают как "праздник православия". На Западе решения собора 787 года вызвали недоумение, так как различие между *latria* и *dulia* было трудно выразить на латинском языке. Но в конце концов трудности были преодолены, и большинство христиан пришли к согласию в вопросе об использовании икон в церкви и об ограниченной степени их почитания.

21.3 Диссидентские церкви на Востоке

Решения, принимавшиеся на различных соборах, в конечном счете получали одобрение на Западе и в пределах границ Восточной империи, но не всегда признавались церквами за границами империи. Одной из них была персидская церковь. Персия традиционно была противником Римской империи, и христианам в этой стране приходилось прилагать большие усилия для доказательства, что вера, которую они исповедуют, не превращает их в иноземных лазутчиков. Когда доказать это не удавалось, они подвергались жестоким гонениям. В 410 году персидская церковь выделилась в самостоятельную церковь под руководством патриарха Ктесифона, персидской столицы. Вскоре после осуждения Нестория несколько богословов, придерживавшихся антиохийской ориентации, опасаясь дальнейших репрессалий, ушли в Персию, где основали школу, которая в дальнейшем стала основным центром богословских исследований в Персии. В результате персидская церковь приняла взгляды, которые остальные христиане называли "несторианскими". В апогее своего развития эта церковь имела процветающие миссионерские организации в Аравии, Индии и даже в Китае. Но в результате неблагоприятной политической обстановки число ее членов сократилось, и оставшиеся сейчас несколько тысяч несториан разбросаны по всему миру.

Армения была буферным государством между Персией и Римской империей, поэтому ее история отличалась крайней нестабильностью. Основателем христианства там стал Григорий Просветитель, принявший веру во время ссылки в Римской империи и после многих перенесенных страданий и трудностей обративший в христианство своего родственника царя Тиридата III, окрестив его в праздник Богоявления (6 января) в 303 году. Иными словами, правители этой страны стали христианами раньше Константина. Затем обратилось все население, и Библия была переведена на армянский язык. К 450 году, когда персы попытались навязать Армении свою религию, христианство стало объединяющим началом армянского народа. Все это происходило накануне Халкидонского собора, и армяне надеялись, что Римская империя придет на помощь братьям-христианам. Но Феодосии II, обещавший помочь, умер, а его преемники Пульхерия и Марциан не сделали ничего, чтобы помешать персам завоевать Армению. 1036 армянских воинов до последнего человека защищали горные проходы в надежде, что тем самым они дадут римским войскам время подойти и вмешаться в ход событий. Но их ожидания оказались напрасными, и страна была захвачена персами. Халкидонский собор состоялся именно в это время, поэтому нет ничего удивительного в том, что армяне отвергли его решения. На этом основании их назвали "монофизитами", то есть сторонниками веры в "одну природу" Христа. Они, в свою очередь, объявили

участников этого собора не только предателями, но и еретиками.

Находясь под владычеством персов, армяне продемонстрировали, что не желают отказываться от своей религии и от своих традиций, и им была предоставлена определенная степень автономии. Затем персов сменили арабы, под властью которых, несмотря на спорадические гонения, христианство в Армении процветало. В XI веке страну завоевали турки, и проводившаяся ими жесткая политика вынудила многих армян эмигрировать в Малую Азию, где они основали Малую Армению. Но в конце концов и эта территория была захвачена турками, правившими там железной рукой. В начале XX века они вырезали тысячи армян. Уничтожались целые населенные пункты. Оставшиеся в живых рассеялись по всему свету. Тем не менее древняя Армения, в большей части которой была установлена советская власть, продолжает сохранять свои традиции.

У христианства в Эфиопии всегда были тесные связи с Египтом. Основатели эфиопского христианства Фрументий и Эдесий потерпели в тех краях кораблекрушение, были захвачены эфиопами в плен, но затем отпущены. Фрументий отправился в Александрию, был посвящен Афанасием в епископы и вернулся в Эфиопию. После почти века благовествования, проводившегося главным образом из Египта, царь обратился в христианство, и вскоре его примеру последовали остальные жители страны. Когда Халкидонский собор объявил еретиками Диоскора и других александрийцев, эфиопские христиане вслед за большинством египетских христиан отвергли решения собора. Так они стали монофизитами и до сего дня остаются наиболее крупной среди так называемых монофизитских церквей.

В пределах Византийской империи основными оплотами монофизитства были Египет и Сирия. В Египте сопротивление решениям собора сопровождалось волнениями среди коптов, древнего народа этой страны, считавших, что империя эксплуатирует и угнетает их. В городах было немало грекоязычных христиан, которых существовавший порядок вполне устраивал и которые в целом признавали халкидонское "Определение веры". После арабских завоеваний коптская церковь стала основной христианской организацией в стране. Те, кто придерживался халкидонской ортодоксальности, получили прозвище "мельхитов", то есть "императорских" христиан. Обе церкви продолжают существовать бок о бок вплоть до нашего времени.

Нечто подобное произошло и в Сирии, хотя там халкидонцы и "монофизиты" распределились между собой более равномерно. Признанным лидером последних был Яков Барадей, неутомимый путешественник и организатор, поэтому их церковь стали называть "яковитской".

21.4 Восточное православие после арабских завоеваний

Вполне естественно, что каждая церковь считает себя православной, но это название закрепилось за Восточным халкидонским христианством, которое стали называть православной церковью.

После арабских завоеваний пути для православной церкви на юг и на восток были отрезаны исламом, и распространяться она могла только в северном и северо-западном направлениях. На этих землях Восточной Европы жили в основном славяне, захватившие их после ухода германских племен. Они занимали большую часть территорий таких современных стран, как Польша, прибалтийские государства, Россия, Чехословакия, Югославия и Греция. Те из них, кто перешел Дунай, стали частью, по крайней мере номинально, Византийской империи. Остальные были раздроблены на многочисленные племена и народы. Затем новые завоеватели, болгары, захватили значительную часть бассейна Дуная, где управляли смешанным населением, состоявшим из славян и бывших подданных Византийской империи.

Так обстояли дела в 862 году, когда в Константинополе было получено письмо от князя Ростислава из Моравии – одного из славянских государств.

К нам приходит много христиан – итальянцев, греков, германцев, и все они говорят снами по-разному. Но мы, славяне, – народ неискушенный, и нас некому научить истине… Поэтому мы просим послать нам кого-нибудь, кто мог бы научить нас всей истине{30}.

Ростислав был не так наивен, как можно было бы заключить из его письма. Он опасался, что западные проповедники сыграют в его стране роль передового отряда завоевателей, как уже случалось в других местах, куда из франкской империи прибывали проповедники. Он знал также о соперничестве между восточными и западными христианами, и его письмо было попыткой использовать это соперничество, дабы сохранить независимым свое княжество.

В любом случае в Константинополе просьба была воспринята как благоприятная возможность для расширения византийского влияния. В ответ на просьбу Ростислава с Благой Вестью были отправлены два брата – Кирилл и Мефодий. Они выросли на Балканах среди славян и неплохо владели их языком. Кроме того, они уже проявили свои способности во время благовестил в Крыму. В Моравии они встретили теплый прием. Кирилл составил алфавит, перевел Библию, многие другие книги и литургию. Но вскоре они столкнулись с сопротивлением со стороны германских проповедников, заявивших, что богослужебными языками могут быть только латинский, греческий и древнееврейский. Кирилл и Мефодий отправились в Рим, где папа не только встал на их сторону, но и взял под свою юрисдикцию. Из-за этого Моравская церковь в течение многих лет служила объектом соперничества между Константинополем, Римом и германцами. В конце концов в 906 году эту область захватили венгры, и Моравское княжество прекратило существование. Тем не менее труды Кирилла и Мефодия принесли плоды среди всех славянских народов, одни из которых в конечном счете примкнули к западному христианству, а другие стали православными.

Тем временем на Балканах набирали силу болгары. Их тоже посещали как западные, так и восточные проповедники, и князь Борис решил стать христианином. После крещения Борис попросил патриарха Константинопольского Фотия назначить в его княжество архиепископа. Фотий начал задавать вопросы и требовать соблюдения определенных условий, поэтому Борис обратился к папе Николаю, который прислал ему двух епископов, но отказал в архиепископе. В конце концов преемник Фотия на константинопольском патриаршем престоле посвятил архиепископа и нескольких епископов для руководства вновь созданной Болгарской православной церковью. После кратковременного всплеска язычества христианство укрепилось при сыне Бориса Симеоне. В 917 году Симеон заявил о независимости от Византии, приняв титул "царя" (императора), а десятью годами спустя независимость была достигнута и в церковных делах – архиепископ получил титул патриарха. В Византии эти действия сначала расценили как узурпацию власти, но в конце концов смирились.

Но самым большим успехом православной церкви в деле христианизации стало обращение России. Примерно в 950 году княгиню Ольгу обратили в христианство и окрестили германские проповедники. Но наибольшего взлета христианство достигло при ее внуке Владимире. По не совсем понятным причинам Владимир пригласил посланцев христианской церкви не с Запада, а из Византийской империи. Не очень также ясно, какие усилия ему пришлось приложить для обращения своих подданных в христианство. Его сын Ярослав укрепил связи с Константинополем и еще больше отошел от Рима. К 1240 году, когда Россию захватили монголы, правившие в ней более двух веков, христианство стало объединяющим началом, позволившим России выжить, а затем изгнать захватчиков. В XVI веке, когда Константинополь пал под ударами турок, Россия объявила Москву "третьим Римом", и ее правители стали называться царями, а митрополит Московский – патриархом.

После арабских завоеваний отношения между Римом и Константинополем становились все более натянутыми. Восстановление Западной империи под началом Карла Великого сделало для пап ненужной дальнейшую поддержку со стороны Византийской империи. А долгие споры по поводу икон убедили

Запад, что Восточная церковь – марионетка в руках императоров. Все это привело к тому, что на Западе назвали "расколом Фотия" (867). Фотий стал патриархом Константинопольским в результате восстания, в ходе которого был низложен патриарх Игнатий. Как Фотий, так и Игнатий обращались за поддержкой к папе Николаю, и тот встал на сторону Игнатия. Затем Фотий объявил еретическим весь Запад за искажение Никейского символа веры включением в него слова *filioque* – "и от Сына". В старом символе веры говорилось, что Дух Святой исходит "от Отца". Фотий утверждал, что тем самым западники исказили не только сам символ веры, но и традиционное понимание Троицы, согласно которому Дух исходит "от Отца *через* Сына".

Судя по всему, изменение Никейского символа веры изначально произошло в Испании, а затем было воспринято во Франции. Ко времени Карла Великого символ веры, провозглашавшийся в королевской часовне в Аахене, уже включал в себя *слово filioque.* Когда франкские монахи, посещавшие Восток, декламировали символ веры с этим нововведением, они тем самым вызывали негодование православных христиан, требовавших объяснить, кто дал франкам право изменять символ веры, принятый на великом соборе. Помимо прочего, значительную роль играли политическое соперничество между Византийской империей, считавшей себя хранительницей древности, и франкскими выскочками, а также взаимная подозрительность между Востоком и Западом.

Побочным результатом этой полемики стало возрождение старого римского символа веры, который сейчас называется Апостольским символом веры. Папа, не желая отторгать от себя ни византийцев, ни франков, начал использовать этот старый, почти забытый символ веры вместо Никейского. В результате под влиянием Рима Апостольский символ веры вытеснил Никейский символ веры и стал наиболее распространенным среди западных христиан.

Когда в Константинополе политическая обстановка изменилась и Игнатий вновь стал патриархом, было достигнуто соглашение, что Фотий будет следующим патриархом. Но нездоровая атмосфера, вызванная этим расколом, сохранялась и в конце концов принесла свои плоды.

Окончательный раскол произошел в XI веке. Болгарский архиепископ Лев Окридский обвинил Запад в грехе за то, что безбрачие священников стало там правилом, и за то, что обряд причащения совершается там с пресным хлебом. Когда конфликт принял серьезные формы, папа Лев IX отправил для его разрешения своего посланника в Константинополь. Но его выбор оказался крайне неудачным. Посланный им легат, кардинал Гумберт, не знал греческого языка и не прилагал никаких усилий для его изучения. Он был рьяным сторонником реформ и отстаивал точку зрения, что священники должны жить в безбрачии и что церковь не должна зависеть от мирских правителей. В его глазах браки восточного духовенства и власть византийского императора над церковью были теми самыми врагами, борьбе с которыми он дал клятву посвятить жизнь. Он и патриарх Михаил Керуларий обменялись оскорблениями. Наконец, 16 июня 1054 года, когда патриарх готовился совершить причащение, кардинал Гумберт вошел в Софийский собор, подошел к главному алтарю и положил на него от имени папы, который на самом деле умер незадолго до этого, приговор об отлучении "еретика" Михаила Керулария и всех его последователей. Затем он вышел из собора, отряхнул пыль с ног и отправился в Рим. Разрыв между Востоком и Западом стал свершившимся фактом.

22 Восстановление империи и продолжение распада

Пусть сильные мира сего остерегаются… присваивать то, что принадлежит церкви… зная, что церковные владения – это обетования верующим, наследие нищих, цена отпущения греха.

Инкмар Реймсский

На Рождество 800 года, через триста четыре года после крещения Хлодвига, папа Лев III взял в руки корону, подошел к Карлу, королю франков, и возложил ее ему на голову со словами: "Да продлит Бог жизнь великому императору-миротворцу!" Триста двадцать четыре года назад был низложен последний император Запада. Короновав Карла – или Карла Великого, как его стали называть позднее, – Лев восстановил империю, возродившуюся под эгидой церкви.

22.1 Царствование Карла Великого

Ко времени коронации Львом Карла Великого под властью императора находился почти весь западный христианский мир. Исключение составляли Британские острова и небольшие территории в Испании, которые арабам так и не удалось завоевать. Но еще до коронации императором Карл Великий, будучи просто королем франков, захватил значительные территории за пределами древней Римской империи. Он добился этого после нескольких кампаний против саксов и их союзников фризов на восточных границах своего королевства.

Кампании против фризов и саксов были долгими и кровопролитными. Карл Великий неоднократно вторгался на их земли и покорял их, но они восставали, как только он уходил. В конце концов Карл Великий решил подавить бунт кровью и водой крещения. Тех, кто оказывал сопротивление, безжалостно уничтожали. Остальных принуждали принять крещение. К 784 году отказались от борьбы фризы, а год спустя было окончательно сломлено сопротивление саксов, и их насильно крестили тысячами. Это сыграло важную роль, так как саксы полагали, что самим фактом принятия крещения они отказываются от своих прежних богов, а те, в свою очередь, отказываются от них. Поэтому после крещения они не могли обращаться ни к какому другому богу, кроме христианского Бога. В результате эти насильственные крещения привели к тому, что вскоре среди саксов появились христианские проповедники, использовавшие те же методы для обращения своих соседей.

Карл Великий распространял свою власть и на запад. Первая его кампания в Испании закончилась плачевно. Он вторгся на полуостров, заручившись поддержкой мусульманских сановников, но помощи от них так и не получил. На обратном пути его арьергард попал в засаду в Ронсевальском ущелье, устроенную, вероятно, басками и послужившую темой "Песни о Роланде" и многих других литературных произведений. Но затем Карл Великий завоевал плацдарм в Испании вплоть до реки Эбро и создал там провинцию под названием Испанская марка. Тем самым Карл Великий поддерживал Альфонса II Астурийского, начавшего долгую борьбу по освобождению полуострова от мавров.

Став императором, Карл Великий счел своим долгом руководить народом как в гражданских, так и в церковных делах. Он назначал епископов точно так же, как назначал своих военачальников, но при этом всегда старался подбирать достойных людей. Он принял также законы, согласно которым проповедовать

надо было на языке народа, воскресенье объявлялось днем поклонения и отдыха, а сбор десятины приравнивался к другим налогам. Поскольку монашество утеряло свое изначальное предназначение, а многие аббаты рассматривали свою должность как средство обогащения и достижения власти, Карл Великий решил, что вся эта система нуждается в реформировании. Рассмотреть этот вопрос он поручил Бенедикту Анианскому (не путать с Бенедиктом Нурсийским, написавшим "Устав"), который покинул королевский двор, чтобы стать монахом, и пользовался высоким уважением за мудрость и благочестие. Бенедикт Анианский привел монастыри на территории империи Карла Великого в соответствие с правилами, изложенными в бенедиктинском уставе.

Карл Великий, не будучи сам достаточно образованным человеком, тем не менее старался способствовать распространению знания. Он восстанавливал и реформировал уже существовавшие школы и пригласил к себе диакона Алкуина Йоркского, с которым он встретился в Италии и который передал франкам знания, издревле хранимые в британских монастырях. Из Испании Карл Великий вызвал Теодулфа, которого сделал епископом Орлеанским и который отдал распоряжение открыть при каждой церкви его епархии школы, доступные как для богатых, так и для бедных. Вскоре примеру Теодулфа последовали и другие епископы, и это, наряду с притоком в империю Карла Великого множества ученых людей, способствовало просвещению народа.

Сияние славы империи Карла Великого продолжалось недолго после смерти великого императора. Его сын Людовик Благочестивый был добросовестным правителем, но он не очень хорошо разбирался в людях. Он продолжил реформирование монастырей с помощью Бенедикта Анианского. Он также распорядился, чтобы две трети денег, получаемых от десятин, раздавались нищим. Кроме того, он стремился сделать церковь более автономной и с этой целью возродил древний обычай избрания епископов народом и духовенством. Но многие, в том числе некоторые епископы, пользовались его слабохарактерностью, и последние годы его правления были отмечены гражданскими войнами, в ходе которых сыновья Людовика и их сторонники сражались друг с другом и с самим императором. Когда он умер, владения империи были поделены между тремя его сыновьями. При его внуке Карле Толстом, который был императором с 881 по 887 год, большая часть империи воссоединилась, но снова распалась после смерти Карла. Внутренние неурядицы и междоусобные войны сопровождались набегами и вторжениями норманнов и других народов.

Огромное влияние на экономическую и политическую жизнь Западной Европы оказывали также арабские завоевания. До этих завоеваний широкомасштабная торговля велась по всему Средиземноморью даже со странами Востока. Теперь же арабы преградили путь на Восток и были хозяевами южного и восточного побережья Средиземного моря. Морские перевозки осуществлялись лишь по Адриатическому морю и между северными портами, расположенными в Европе, но в целом широкие торговые связи были нарушены, и отдельным областям приходилось больше полагаться на собственные возможности. Наступило время, когда обращение денег почти прекратилось, а золотые монеты стали редкостью.

В таких условиях основным источником благосостояния стала земля. Короли и другие феодальные сеньоры за услуги часто расплачивались землями. Так родился феодализм. Это была иерархическая система, основанная на владении землей, в которой каждый феодальный сеньор, принимая присягу от тех, кто получал от него землю, сам давал присягу стоявшему выше по иерархии сеньору, который предоставлял землю ему самому. Поначалу земельные владения передавались просто пожизненно. Но затем они стали наследственными. Поскольку вассалы часто владели землями, полученными от разных сеньоров, от вассальной зависимости можно было легко уклониться, сославшись на то, что она входит в противоречие с обязательствами перед другим сеньором. Результатом всего этого стала политическая и экономическая раздробленность Западной Европы и резкое ослабление центральной власти, в том числе и королевской.

Этот процесс затронул и церковь. Многие епископства и аббатства владели большими землями, и епископы, аббаты и аббатисы становились магнатами, расположения которых добивались практически все. Тем самым вопрос о том, кто может назначать их на эти должности, приобрел огромное политическое значение.

22.2 Богословские изыскания

Возрождение интереса к знаниям при Карле Великом принесло плоды в IX веке. Повсюду, где у власти стояли достаточно сильные правители и где были относительно спокойные условия, процветали школы, переписывались рукописи, развивалась богословская мысль. Тем не менее за все это время в Западной Европе появился всего лишь один выдающийся мыслитель-систематик, а богословские споры сводились в основном к вопросу о том, как надо проводить богослужение.

Великим мыслителем периода царствования Каролингов – династии Карла Великого – был Иоанн Скот Эриугена, выходец из Ирландии, получивший доступ к древним знаниям в ирландских монастырях. В середине IX века он появился при дворе Карла Лысого, одного из трех наследников Людовика Благочестивого, и своей ученостью завоевал там большой авторитет. Хорошо владея греческим языком, он перевел на латынь сочинения, написанные псевдо-Дионисием. Эти сочинения на самом деле были написаны в V веке, хотя и приписывались тому самому Дионисию, который слышал Павла в Ареопаге. Но когда они появились в Западной Европе во время царствования Карла Лысого, никто не усомнился в их подлинности. Перевод Эриугены считался словом того, чей авторитет был почти апостольским. Эти сочинения несли на себе определенную печать неоплатонистского мистицизма, поэтому вскоре их стали отождествлять с богословием Павла, а апостола считать своего рода неоплатонистом.

Главный труд Эриугены "О разделении природы" был написан в том же духе, и многие его положения считаются сейчас скорее неоплатонистскими, чем христианскими. Но его содержание отражало такую эрудицию, а представленные в нем умозаключения были настолько абстрактными, что немногие брали на себя труд читать эту книгу, а среди тех, кто ее читал, весьма немногие понимали ее, и никто как будто бы не стремился стать его последователем. Впоследствии тех немногих, кто принимал то или иное положение Эриугены, часто объявляли еретиками.

Один из основных богословских споров каролингского периода развернулся по поводу учений испанских епископов Элипанда Толедского и Феликса Ургельского. В Испании оставалось много христиан, чьи предки не бежали из страны во время ее завоевания мусульманами и жили под владычеством мавров. Эти христиане, которых называли "мозарабами", сохраняли древние традиции, в том числе литургию, известную под названием "мозарабической". Когда Карл Великий начал завоевывать земли, находившиеся под властью арабов, мозарабы оставались верными своей традиции, которую франки хотели заменить обрядами, принятыми во Франции и в Риме. Так между франками и мозарабами сложились напряженные отношения, что впоследствии вылилось в конфликт.

Конфликт начался с заявления Элипанда, основывавшегося на некоторых словах мозарабической литургии, что по Своей божественной природе Иисус был вечным Сыном Отца, но по Своей человеческой природе Он был лишь "приемным" сыном. Вследствие этого Элипанда и его последователей многие начали называть "адопциане" (от лат. *adoptio* – усыновление). Но между учением Элипанда и адопцианством в чистом виде была большая разница. Адопциане утверждали, что Иисус был "обычным человеком", усыновленным Богом. Елипанд же заявлял, что Иисус всегда был Божеством. Но он считал необходимым подчеркнуть различие между божественной и человеческой природами Спасителя и поэтому говорил о двух формах сыновства – вечной и принятой в результате усыновления. Таким образом, это было не адопцианством в строгом смысле слова, а неким подобием христологического учения,

которого придерживались ранние богословы антиохийской школы и крайние проявления которого были осуждены на Ефесском соборе.

Отвергая такие взгляды, другие богословы настаивали на тесном соединении в Иисусе божественного и человеческого. Беат из Ливаны, например, писал:

В Том, Кого они распяли, неверующие видели только человека. И они распяли Его как человека. Но они распяли Сына Божьего. Мой Бог пострадал ради меня. Бог был распят ради меня{31}.

Вскоре учение Элипанда и его последователя Феликса было осуждено франкскими богословами и папами. Феликса принудили отказаться от своих взглядов и удалили из Ургеля, где влияние мозарабов было весьма сильным. Элипанд же, живший на территории, занятой маврами, отказался от отречения. После смерти Элипанда и Феликса спор постепенно сошел на нет.

Но на Западе разворачивалась полемика и по другим вопросам. Мы уже говорили о разногласиях, возникших с Константинополем в связи с включением в Никейский символ веры слова *filioque.* Среди многих других тем, обсуждавшихся западными богословами, наиболее видное место занимали вопросы о предопределении и о присутствии Христа в обряде причащения.

В полемике о предопределении главную роль играл Готшальк из Орбэ, монах, досконально изучивший сочинения Августина и пришедший к заключению, что церковь отошла от учения великого епископа Гиппонского, прежде всего в вопросе о предопределении. По ряду причин Готшальк приобрел врагов среди настоятелей, и когда он обнародовал свои взгляды, многие сразу же обрушились на него с критикой. Среди них были аббат монастыря в Фульде Рабан Мавр и пользовавшийся большим авторитетом архиепископ Реймсский Инкмар. После дискуссий, в которых участвовали многие выдающиеся богословы, в том числе Иоанн Скот Эриугена, Готшальк был объявлен еретиком и отправлен в монастырь, где незадолго до смерти сошел с ума.

Другой крупный спор каролингского периода касался вопроса о присутствии Христа в обряде причащения. Поводом для разногласий послужил трактат "О теле и крови Господа", написанный Пасхазием Радбертом, монахом из Корби, впоследствии причисленным к лику святых. В своем трактате Радберт заявил, что освященные хлеб и вино становятся телом и кровью Господа. Они уже больше не представляют собой обычный хлеб и обычное вино, а превращаются в тело, рожденное девой Марией, и в кровь, пролитую на Голгофе. По утверждению Радберта, это превращение совершается как таинство и человеческие органы чувств обычно не воспринимают его, но бывают исключительные случаи, когда верующий видит тело и кровь Господа, а не просто хлеб и вино.

Прочитав трактат Радберта, Карл Лысый усомнился в его истинности и попросил прояснить дело Ратрамна Корбийского. Ратрамн ответил, что тело Христа действительно присутствует в обряде причащения, но это не присутствие физического тела, и что в любом случае евхаристическое тело Христа – не то же самое, что тело исторического Иисуса, сидящего одесную Бога.

Этот спор показывает, что в каролингский период были люди, полагавшие, что при совершении обряда причащения хлеб и вино перестают быть таковыми и становятся телом и кровью Христа. Но из этого также следует, что в то время многие богословы считали такие взгляды просто народными верованиями и неправильным истолкованием слов. Вскоре после этого начали говорить об "изменении сущности", и в XIII веке IV Латеранский собор (1215) провозгласил доктрину о пресуществлении.

Это всего лишь несколько примеров тех споров, которые велись в период возрождения интереса к знанию при Каролингах. Но этот период был недолгим, и конец ему положили, с одной стороны, разногласия между преемниками Карла Великого, а с другой – новые нашествия и новые волны завоевателей, которые в очередной раз повергли западное христианство в страх и хаос.

22.3 Новые вторжения

Одно время казалось, что Карл Великий и его преемники оградили Западную Европу от опасности, которой в IV и V веках она подвергалась со стороны германских племен. Но на самом деле угроза нашествий, прекратившихся на какое-то время, по-прежнему сохранялась, и они возобновились, когда империя Каролингов начала приходить в упадок.

Скандинавы веками жили на Крайнем Севере Европы. В VIII веке этот прежде оседлый народ овладел искусством кораблестроения, добившись такого мастерства, что стал хозяином близлежащих морей. Их парусные и весельные корабли длиной пятнадцать-двадцать метров могли вмещать до восьмидесяти человек. На них скандинавы, которых называли норманнами, начали совершать экспедиции в другие части Европы. С распадом империи Каролингов северное побережье Франции стало удобной мишенью, и норманны быстро поняли, что могут высаживаться там, грабить церкви, монастыри и дворцы и возвращаться домой с добычей и рабами. Поскольку в поисках сокровищ они часто совершали налеты на церкви и монастыри, их начали считать врагами Бога.

Сначала норманны ограничивались набегами на Британские острова и на северное побережье Франции. Но вскоре их дерзость возросла и они не только расширили сферу действий, но и подчинили своей власти захваченные территории. В Англии более или менее существенное сопротивление им оказывал только Альфред Великий в Уэссексе, но к XI веку датский король Кнуд овладел всей Англией, а также территориями современных Дании, Швеции и Норвегии. Во Франции датчане захватили и разграбили такие города, как Бордо, Нант и даже Париж, до которого они дошли в 845 году. В Испании они разграбили христианскую святыню в Сантьяго-де-Компостела, а также мусульманский город Севилью, расположенный гораздо южнее. Они прошли через Гибралтарский пролив и дали о себе знать в Средиземноморье. В конце концов они обосновались на Сицилии, отобранной у мусульман, и в Южной Италии, и создали на этих землях свое королевство. Другие норманны поселились на севере Франции, в провинции, которая стала называться Нормандией. Оттуда они впоследствии двинутся в Англию для окончательного завоевания страны.

В конце концов норманны стали христианами. Многие из них просто восприняли веру людей, которых они покорили и среди которых жили. Другие, главным образом выходцы из собственно Скандинавии и из далекой Исландии, принимали крещение по примеру – или по принуждению – своих правителей. Ко времени Кнуда в первой половине XI века крещение приняли почти все скандинавы.

Примерно в то же самое время, когда скандинавы двигались с севера, начались вторжения и с востока. Их совершали мадьяры, которых на латиноязычном Западе называли "хунгарами", венграми, так как они вызывали в памяти гуннов. Обосновавшись на территории современной Венгрии, они неоднократно вторгались в Германию и переходили Рейн. Даже далекая Бургундия сотрясалась от стука копыт их коней. Они доходили и до юга Италии, разрушая все на своем пути. Наконец, в 933 и 955 годах, Генрих Птицелов и его сын Оттон I нанесли им сокрушительные поражения, и набеги в основном прекратились.

Венгры восприняли многое из культуры своих германских соседей и покоренных ими славян. В Венгрию приходили проповедники как из Германии, так и из Византийской империи, и в конце X века король принял крещение. Следующий король, принявший имя Стефана (Иштвана) Арпада и получивший известность как святой Стефан Венгерский, обратил в веру всех своих подданных.

По определению одного историка, вторжения скандинавов и мадьяр сделали X век "мрачным веком свинца и стали". Хотя к концу века при Оттоне Великом и его ближайших преемниках империя пережила

определенного рода возрождение, она тоже была империей свинца и стали. В таких условиях папство, в соответствии с духом времени, испытало самое глубокое падение за всю свою историю.

22.4 Разложение папства

Коронация Карла Великого поставила папство в двусмысленное положение. С одной стороны, полученное папами право короновать императоров повысило их престиж по ту сторону Альп. Но с другой стороны, в самом Риме часто царил хаос. Получалось, что люди, облеченные властью распоряжаться судьбами империи, были не в состоянии управлять собственным городом. Это в свою очередь делало папский престол легкой добычей честолюбцев, которые завладевали им подкупом, обманом и даже насилием.

Упадок папства был не столь быстрым, как упадок империи Каролингов. Когда императорская власть ослабла, папы в течение короткого периода рассматривались в Западной Европе как единственный источник всеохватывающей власти. По этой причине правление Николая I с 858 по 867 год было наиболее выдающимся со времени Григория Великого. Повышению его авторитета способствовал появившийся в обращении сборник якобы древних документов, согласно которым папам должна принадлежать верховная власть. Эти документы, "Лжеисидоровы декреталии", были, по всей видимости, сфабрикованы членами низшего уровня германской церковной иерархии, стремившимися укрепить власть папы над их непосредственными начальниками. Как бы там ни было, Николай вместе со всей Европой верил в подлинность "Декреталий" и на этом основании действовал необычайно энергично. С особой энергией он пытался обуздать воинственные наклонности правителей, зачастую относившихся к войне как к спорту и не желавших принимать в расчет страдания простых людей.

Его преемник Адриан II проводил такую же политику. У него возник конфликт с королем Лотарингии Лотарем II, которого еще Николай осудил за нарушение норм супружеской жизни. В Монте-Кассино, когда король явился на причастие, папа проклял его самого и его двор. Когда вскоре при королевском дворе разразилась ужасная эпидемия и одной из ее жертв стал Лотарь, престиж папы необычайно вырос.

Но уже при следующем папе, Иоанне VIII, появились первые признаки упадка. Пытаясь отвести угрозу вторжения мусульман, папа обратился за поддержкой к Карлу Толстому и к византийцам, но помощи ни от кого из них не получил. Он был убит в собственном дворце, и рассказывают, что когда отравивший его помощник увидел, что папа долго не умирает, он проломил ему череп молотком.

С этого момента один папа сменял другого со скоростью молнии – как при ускоренной съемке. Эта история полна столь сложных интриг, что проследить их здесь не представляется возможным, а сам папский престол превратился в приз, за который боролись различные соперничающие группировки в Риме и по ту сторону Альп. Папы умирали задушенными или от голода в темницах, куда их бросали преемники. Временами за власть боролись два или даже три папы, каждый из них объявлял себя единственным подлинным преемником святого Петра.

Для иллюстрации нравов того времени достаточно привести несколько примеров. В 897 году Стефан VI председательствовал на соборе, который получил название "собор мертвеца". Одного из его предшественников, Формоза, выкопали из могилы, одели в папское облачение и провезли по улицам. Затем его судили, признали виновным во множестве преступлений и тело изуродовали. Наконец, то, что осталось от тела, бросили в Тибр.

В 904 году Сергий III бросил в тюрьму и убил двух своих соперников, Льва V и Христофора I. Он пришел к власти при поддержке одной из самых могущественных семей Италии. Эту семью возглавляли Теофилакт и его жена Теодора, чья дочь Марозия была любовницей Сергия. Вскоре после смерти Сергия

Марозия и ее муж Гвидо из Тускуло овладели Латеранским собором и захватили, а потом задушили подушкой Иоанна X. После двух кратких понтификатов Льва VI и Стефана VII Марозия под именем Иоанна XI возвела на папский престол своего сына от Сергия III. Через тридцать лет после смерти Иоанна XI папская власть перешла к внуку Марозии Иоанну XII. Затем ее племянник стал Иоанном XIII. Его преемник Бенедикт VI был свергнут и задушен Кресцентием, братом Иоанна XIII. Иоанн XIV умер либо задушенным, либо от голода в темнице, куда его бросил Бонифаций VII, в свою очередь отравленный.

Какое-то время императору Оттону III удавалось самому определять, кто будет следующим папой. В первый раз его выбор пал на собственного племянника, ставшего папой в двадцать три года под именем Григория V. Затем он поставил папой известного ученого Герберта д'Орильяка, ставшего Сильвестром II и предпринявшего мужественные, но безрезультатные усилия по реформированию как самого папства, так и церкви в целом.

После смерти Отгона семья Кресцентия, то есть фактически и семья Теофилакта, Теодоры и Марозии, вновь завладела контролем над папским престолом, и так продолжалось до тех пор, пока верх не взяла семья графов Фраскати, поставившая папами поочередно Бенедикта VIII, Иоанна XIX и Бенедикта IX. Последний стал папой в возрасте пятнадцати лет. Двенадцать лет спустя, в 1045 году, он отрекся, сославшись на то, что ему была обещана финансовая компенсация. Его крестный отец Григорий VI пытался реформировать церковь, но затем Бенедикт IX объявил свое отречение недействительным, а семья Кресцентия выдвинула собственного папу, которого она назвала Сильвестром III.

Наконец, в дело вмешался германский король Генрих III. После встречи с Григорием VI он созвал собор, низложивший всех трех пап и избравший папой Климента II. Тот же самый собор принял несколько решений, направленных на борьбу с разложением в церкви, в частности осудив симонию – практику продажи и покупки церковных должностей.

Климент II короновал Генриха императором и вскоре после этого умер. Тогда Генрих решил предложить папский престол Бруно из Туля, хорошо известному своими реформаторскими взглядами. Н о Бруно отказался стать папой, если его не изберут римляне. Поэтому он направился в древнюю столицу в сопровождении двух других монахов, придерживавшихся тех же взглядов, – Гильдебранда и Гумберта. Эти несколько человек несли в Рим начало новой эпохи церкви.

23 Движения за обновление

Евангельская история о Марфе и Марии показывает, что созерцательная жизнь предпочтительнее. Мария избрала лучший путь… Но если нам уготована судьба Марфы, мы должны терпеливо нести свой груз.

Бернар Клервоский

Размах насилия и разложения вследствие развала империи Каролингов породил во многих страстное стремление к установлению нового порядка. Превращение папского престола в яблоко раздора между мелкими соперничающими группировками, купля и продажа епископских званий и использование церкви в интересах власть предержащих возмущали многих, кто серьезно относился к своей вере. Учитывая существовавшие тогда возможности, следовало ожидать, что большинство сторонников реформ обратятся к монашеской жизни. Поэтому именно монастыри дали импульс реформаторской волне, которая увлекла и папство, мощно обрушилась на правителей и дала о себе знать даже на отдаленных берегах Святой земли.

23.1 Монастырская реформа

Монашество само нуждалось в реформировании. Многие монастыри были разграблены и уничтожены норманнами и венграми. В более спокойных областях они стали орудиями для достижения корыстных целей аббатов и прелатов. Титулованные сеньоры и епископы, которые, казалось бы, должны были покровительствовать монастырям, использовали их в собственных интересах. Подобно папскому и епископскому престолам, большие аббатства тоже стали средствами личного обогащения. Должность аббата можно было купить или даже получить, совершив убийство, а затем вести жизнь в полном достатке благодаря доходам монастыря. Бенедиктинский устав обычно предавали забвению, и монахи, ощущавшие в себе истинное призвание к монашеской жизни, видели, что их призвание попирается.

В такой обстановке в 909 году герцог Гильом Благочестивый Аквитанский основал небольшой монастырь. В самом этом факте не было ничего нового, ибо так часто тогда поступали титулованные особы. Но так случилось, что несколько мудрых решений и стечение благоприятных обстоятельств сделали этот небольшой монастырь центром широкомасштабной реформаторской деятельности.

Для руководства новым монастырем Гильом пригласил Бернона, монаха, известного своей стойкой приверженностью "Уставу" и своими усилиями по реформированию монашества. По просьбе Бернона Гильом выделил для монастыря свое любимое охотничье угодье – Клюни. Монастырь вместе с землями, необходимыми для его содержания, был передан "святым Петру и Павлу", то есть поставлен под прямую юрисдикцию папы и под его покровительство. Поскольку папство в то время переживало упадок, это покровительство всего-навсего ограждало от вмешательства местных епископов и феодальных сеньоров, с том числе самого Гильома или его наследников. Кроме того, чтобы новый монастырь не стал добычей разложившегося папства, документ о передаче недвусмысленно запрещал папе захватывать или забирать то, что принадлежит исключительно двум святым апостолам.

Верной руководил Клюни до 926 года. Об этих ранних годах известно немного, так как Клюни был лишь одним из монастырей, которые Бернон намеревался создать или реформировать. Но после его смерти монастырь поочередно возглавляли несколько даровитых и независимо мысливших аббатов, сделавших Клюни центром широкомасштабной реформы монашества: Одон (926-944), Эмар (944-965), Майель (965-994), Одилон (994-1049) и Гуго (1049-1109). В течение двухсот лет монастырем в Клюни

руководили шесть аббатов, отличавшихся необычайной преданностью делу, большими способностями и долголетием. Под их руководством идеалы монастырской реформы распространялись все шире. Седьмой аббат, Понтий (1109-1122), был человеком не такого склада, как остальные. Но его преемник Петр Преподобный (1122-1157) восстановил многое из того, что было утеряно при Понтий.

Поначалу целью монахов Клюни было просто следование "Уставу" Бенедикта во всей его полноте. Но затем поле их деятельности расширилось, и аббаты Клюни, по примеру Бернона, приступили к реформированию и других обителей. В результате появилась целая сеть "филиалов Клюни", подчинявшихся аббату основного монастыря, – не "орден" в строгом смысле слова, а скорее структура, состоявшая из самостоятельных монастырей под началом одного аббата, назначавшего настоятелей в каждую общину. Такому же принципу начали следовать и в женских монашеских общинах, первая из которых, в Марсиньи, была основана в XI веке, когда аббатом Клюни был Гуго.

Как предписывал "Устав", основным занятием монахов и монахинь было выполнение суточного круга богослужений или соблюдение уставных часов молитвы и чтения Писания, определенных Бенедиктом. Этому клюниицы уделяли такое внимание, что когда движение достигло своей высшей точки, за один день они пели 138 псалмов. Кроме того, совершались обряды, с годами все усложнявшиеся, поэтому клюниицы почти все время проводили в богослужениях, пренебрегая физическим трудом, который для Бенедикта также имел важное значение. Отход от "Устава" оправдывался тем, что назначение монахов – молиться и прославлять Бога и что они могут делать это в большей чистоте, если не будут пачкаться на полях.

Достигнув высшего накала, реформаторское рвение клюнийцев не знало границ. Определив порядок жизни в сотнях монашеских обителей, они обратились к реформированию всей церкви. Для папства настали самые мрачные времена, когда понтифики сменяли друг друга с головокружительной быстротой и когда папы и епископы стали феодальными сеньорами, участвовавшими во всякого рода интригах. В таких условиях монашеский идеал, каким он был осуществлен в Клюни, являл собой луч надежды. Наряду с клюнийцами все больше становилось сторонников общей реформы церкви по образцу монастырских общин. На фоне разложения, царившего в высшей церковной иерархии, клюнийское движение многим казалось чудом, божественным вмешательством, несущим с собой новую зарю.

Таким образом, в XI веке целью церковной реформы считалось распространение порядков, принятых во многих монашеских общинах. Именно с таким настроением Бруно из Туля со своими спутниками Гильдебрандом и Гумбертом отправились в Рим, где Бруно станет папой под именем Льва IX. Монастырь в Клюни процветал благодаря независимости от гражданских властей, поэтому мечтой этих реформаторов тоже была церковь с руководителями, свободными от всяких обязательств по отношению к гражданским властям, будь то короли или феодалы. Неудивительно поэтому, что одним из наибольших зол, подлежащих искоренению, считалась симония (купля и продажа церковных должностей). Назначение епископов и аббатов феодалами, королями и императорами хотя и не было симонией в чистом виде, тем не менее находилось к ней в опасной близости и, следовательно, тоже подлежало запрету, особенно там, где правители не были убежденными реформаторами.

Другим препятствием для реформы по образцу монашеских общин были браки духовенства. Безбрачие среди духовенства было известно не один век, и попытки распространить его шире предпринимались и раньше, но его не стремились сделать всеобщим правилом. Теперь же, воодушевленные монашеским примером, реформаторы превратили безбрачие духовенства в один из краеугольных камней своей программы. В конце концов требование, касавшееся только монахов и монахинь, станут относить ко всему духовенству.

Чрезвычайно важное значение в реформе XI века придавалось также послушанию – еще одному краеугольному камню бенедиктинского монашества. Как монахи должны проявлять послушание своим

настоятелям, так и вся церковь (фактически – весь христианский мир) должна подчиняться папе, который возглавит великое движение возрождения и чья роль в нем будет аналогична роли аббатов Клюни в монастырской реформе.

Наконец, и клюнийское монашество, и реформаторы, которых оно вдохновляло, были двойственны и противоречивы в вопросе о бедности. Настоящий монах не должен был иметь никакого имущества, ему полагалось вести скромную и простую жизнь. Монастыри же могли быть собственниками, в том числе больших земельных владений. Они росли благодаря пожертвованиям и передаче имущества в наследство от верующих, восхищенных образом жизни монахов или просто желающих заслужить награду на пути к спасению. В конечном счете это привело к тому, что монахам стало трудно вести простую жизнь, как того требовал "Устав". Наступило время, когда община в Клюни и основанные ею монастыри обогатились настолько, что монахи могли все свое время посвящать богослужениям, пренебрегая физическим трудом. Равным образом, реформаторы обрушивались на епископов, которые, живя в роскоши, в то же время заявляли о праве церкви на земельные владения и на все богатства, накопленные ею в течение веков. Теоретически все это предназначалось не для удовлетворения потребностей прелатов, а дабы провозглашать славу Божью и помогать бедным. Но на деле это препятствовало проведению реформы, так как поощряло симонию и побуждало епископов и аббатов, становившихся феодальными сеньорами, к политическим интригам.

Накопленное богатство стало одной из основных причин заката клюнийского движения. Святость монахов побуждала вносить пожертвования в монастыри как богатых, так и бедных. В аббатстве Клюни и в связанных с ним обителях церкви были украшены золотом и драгоценными камнями. В конечном счете бенедиктинский идеал, выражавшийся в простоте жизни, был утерян, и на смену клюнийцам пришли другие движения, с большим упором на бедность. Богатство церкви явилось и одной из основных причин конечной неудачи реформы XI века – оно мешало ей отмежеваться от политических интриг и встать на сторону угнетенных и бедных.

Недовольство легкостью жизни в Клюни породило вскоре другие движения. Петр Дамиани, например, пытался ужесточить бенедиктинский принцип, согласно которому монах должен довольствоваться необходимым, и призывал жить в крайней нужде. Но следующее крупное движение монастырской реформы возникло в конце XI века, когда Роберт Молезмский основал новый монастырь в Сито. Поскольку на латинском языке селение называлось *Cistertium,* движение получило название "цистерцианского". Роберт вернулся в свой первоначальный монастырь, но община в Сито сохранилась и дала импульс новой волне монастырской реформы, подобной той, которую ранее проводили аббаты Клюни.

Выдающимся деятелем цистерцианского движения стал Бернар Клервоский, которому было двадцать три года, когда он появился в Сито (в 1112 или 1113 году) вместе с группой родственников и друзей и попросил принять его в общину. Он решил жить в монастыре и, прежде чем явиться туда, уговорил других близких ему людей последовать за ним. Это было первым проявлением его необычайной способности убеждать людей – вскоре этот его дар станет известен всей Европе, а многих даже подвигнет отправиться в Святую землю. Когда в Сито монахов стало слишком много, ему поручили основать еще одну общину в Клерво. Она выросла очень быстро, превратившись в центр реформаторской деятельности.

Бернар был там первым и самым выдающимся монахом. Он был убежден, что Мария избрала лучший путь, чем Марфа, и стремился проводить время в размышлениях о Божьей любви, более всего раскрытой в человеческой природе Христа. Но вскоре он понял, что вынужден исполнять роль Марфы. Он стал известным проповедником и был даже назван "медоточивым доктором", поскольку слова из его уст текли как мед. Приобретенная им известность вынуждала его выступать третейским судьей во многих

политических и церковных спорах. Он был величайшей фигурой своего времени – мистиком, отдававшимся созерцанию человеческого начала Христа, личностью, стоявшей за и над папской властью (в особенности когда папой стал один из его монахов), сторонником реформы церкви, проповедником Второго крестового похода и противником каких-либо богословских новаций. Слава Бернара во многом способствовала развитию цистерцианского движения, и вскоре оно уже играло такую же роль, что и Клюни более века назад.

После краткого обзора двух основных течений монастырской реформы с X по XII век нам придется вернуться назад и продолжить наше повествование. Начнем с того, на чем мы остановились в предыдущей главе, – с 1048 года, когда аббатом Клюни был Одилон, а Бруно со своими товарищами направлялся в Рим.

23.2 Реформирование папства

Небольшую группу паломников, направлявшихся в Рим, возглавлял Бруно, которому император предложил папский престол и который предпочел войти в город паломником. Если бы народ и духовенство избрали его, он бы принял предложение. Принятие же титула папы из рук императора было бы почти симонией, или, как Гильдебранд сказал Бруно, это означало бы прийти в Рим "отступником, а не апостолом".

Другим членом группы был Гумберт, проводивший время в своем монастыре в Лотарингии в учебе и в непрестанном обличении симонии. Его трактат "Против симонии" содержал яркую бескомпромиссную критику правителей того времени. Позднее, в 1054 году, именно он положит на главный алтарь Софийского собора приговор об отлучении от церкви, окончательно скрепивший раскол между Востоком и Западом.

Третьим и самым удивительным членом группы был Гильдебранд, который, еще будучи римским монахом, встретился с будущим папой Григорием VI. Как отмечалось в конце предыдущей главы, Григорий VI пытался реформировать церковь. С этой целью он привлек на свою сторону Гильдебранда. Но затем обстоятельства сложились так, что права на папский престол предъявили три человека, и Григорий ради сохранения мира и единства отказался от папского престола. Гильдебранд отправился вместе с ним в изгнание и, как рассказывают, закрыл глаза этого праведного человека на его смертном одре. Два года спустя Бруно по пути в Рим попросил Гильдебранда присоединиться к нему и помочь в проведении реформы.

Гильдебранда часто изображают человеком амбициозным, руководившим несколькими папами. Однако из документов того времени явствует, что на самом деле до тех пор, пока он не почувствовал готовности взять власть в свои руки, его целью была исключительно реформа церкви. По всей видимости, именно поэтому он поддерживал нескольких пап, пока не пришло время, когда он счел, что лучше всего реформу может проводить он сам в качестве папы, и тогда он им стал под именем Григория VII.

Однако в то время, о котором мы ведем речь, на папский престол был призван Бруно из Туля, пришедший в Рим босоногим паломником, явив тем самым свою набожность и преданность вере. Когда на пути в Рим он шел по Северной Италии, на дорогах его встречали и приветствовали толпы людей, и вскоре заговорили о чудесах, которые якобы происходили во время этого паломничества. Войдя в Рим босым под шумные приветствия народа и духовенства, Бруно принял папскую тиару и имя Льва IX.

Воссев на престол святого Петра, Лев начал реформаторскую деятельность с того, что призвал на свою сторону людей, разделявших его взгляды. Краеугольным камнем реформы он видел безбрачие духовенства и отмену симонии. Эти два пункта были взаимосвязаны, так как в феодальном обществе церковь была одним из немногих институтов, сохранявшим долю социального равенства. Но равенству в

церкви угрожала практика симонии, вследствие которой высшие должности в церковной иерархии занимали исключительно богатые. И если священнослужители могут вступать в брак, то те, кто занимает высокие должности, будут стремиться передавать их своим детям, – возникала угроза, что церковь будет отражать интересы только богатых и сильных. Поэтому реформаторское движение, призывавшее к искоренению симонии и безбрачию духовенства, пользовалось поддержкой народных масс, которые понимали, что таким образом они получают возможность взять в свои руки контроль над церковью.

Проведя ряд реформ в Италии, Лев решил, что пришло время заняться реформаторской деятельностью и по ту сторону Альп. Он посетил Германию, где император уже предпринял ряд мер против симонии, и одобрил решения императора, хотя и намекнул, что это не дает императору права руководить церковью на своей территории. В Германии он также предал анафеме Годфрида Лотарингского, поднявшего восстание против императора, и принудил его смириться. Затем он вступился за бунтовщика перед императором и спас ему жизнь.

Во Франции симония получила широкое распространение, и Лев стремился положить ей конец. Именно с этой целью он и отправился в эту страну. Король и некоторые прелаты дали понять, что там его не очень-то ждут, тем не менее Лев не отказался от своего замысла и созвал собор во Франции, низложивший нескольких прелатов, виновных в симонии. Тот же собор постановил, что женатые епископы должны оставить жен, но этому решению подчинились не все.

За время пребывания на папском престоле Лев совершил две серьезные ошибки. Первой было нападение на норманнов, обосновавшихся в Сицилии и в Южной Италии. Петр Дамиани отговаривал его, но он сам пошел во главе войск, потерпевших сокрушительное поражение. Те, кого он надеялся разгромить, захватили его, и он оставался в плену почти до самой смерти. Второй ошибкой было назначение Гумберта легатом для переговоров в Константинополе. Непреклонность Гумберта и его нежелание понять позицию византийцев привели вскоре после смерти Льва к расколу 1054 года.

Избрание нового папы стало трудным делом. Обращение в связи с этим к императору означало бы признание контроля государства над церковью, к чему реформаторы относились крайне отрицательно. С другой стороны, предоставление права выбора римскому духовенству и народу могло в очередной раз отдать папскую власть в руки одной из итальянских семей, стремившихся заполучить ее для достижения своих политических целей. В конце концов было решено, что нового папу изберут римляне, но что им должен быть немец, – это делало невозможным захват папской власти одной из политических партий в Риме. Новый папа Виктор II продолжил политику Льва. Когда император Генрих III снова переживал не лучшие времена (Годфрид Лотарингский опять поднял восстание), папа пришел ему на помощь, а после смерти императора ему на попечение был отдан его сын Генрих IV. Таким образом, в течение ряда лет Виктор держал в руках бразды правления как церковью, так и империей, и проводившиеся им реформы распространялись очень быстро.

С этого времени несколько пап, за одним-единственным исключением, были реформаторами. И как раз папа, составляющий исключение, Николай II, вынудил реформаторов созвать II Латеранский собор, определивший порядок избрания пап. Полномочиями для избрания наделялись кардиналы, имевшие также звание епископов, которые затем должны были добиваться согласия других кардиналов и римлян. (Изначальный смысл слова "кардинал" не очень ясен, и мы не будем на этом останавливаться. Но ко времени II Латеранского собора в 1059 году сан кардинала существовал уже достаточно долго.) Коль скоро кардиналы были приверженцами реформ и коль скоро избираемые ими папы назначали новых кардиналов, проведение в жизнь реформы казалось неизбежным. Следующий папа Александр II был по всем правилам избран кардиналами и продолжил реформирование, несмотря на то что несколько влиятельных римских семейств при поддержке немцев выдвинули своего папу.

После смерти Александра папой избрали Гильдебранда, хотя при этом был нарушен порядок, установленный на II Латеранском соборе, – его избрания потребовал народ, а кардиналы с их требованием просто согласились. Он принял имя Григория VII и продолжил реформы, проведению в жизнь которых он и до этого посвятил многие годы. Он мечтал об объединении всего мира под властью папы, выполняющего роль пастыря, пекущегося о всей пастве. Он имел в виду не только Западную Европу, но и Византию, а также земли, захваченные в то время мусульманами. Какое-то время он подумывал о широкомасштабной военной кампании против ислама с одним фронтом на западе в Испании и с другим на востоке, где западные христиане должны были прийти на помощь осажденному Константинополю. Но эти намерения, как и усилия распространить свое влияние на Восток, не увенчались успехом.

В Западной Европе он продолжил кампанию против симонии и браков священников. Наибольших успехов он добился в Англии, где правил Вильгельм Завоеватель. Будучи еще советником папы, Гильдебранд одобрил замысел Вильгельма вторгнуться в Англию из Нормандии, и теперь король, который и до этого был сторонником церковной реформы, поддержал кампанию папы против симонии. Во Франции же Филипп I не прислушивался к наставлениям Григория. При его поддержке французское духовенство отказывалось подчиняться реформаторским указаниям Григория. Одновременное наступление на симонию и браки священнослужителей было неразумным, так как оно вело к созданию союза между прелатами, пользовавшимися властными полномочиями и получавшими доход от своих должностей, и многими простыми священниками, которые не одобряли симонию, но, будучи женатыми, не хотели отказываться от жен. Приняв монашеский идеал безбрачия, Григорий и его друзья затруднили тем самым исполнение своих замыслов.

23.3 Противостояние папства и императорской власти

Реформаторское рвение Григория вскоре столкнулось с интересами императора Генриха IV. В молодом возрасте Генрих находился на попечении одного из реформаторски настроенных пап, поэтому Григорий надеялся, что он будет поддерживать реформы. Но Генрих понимал, что епископы и прелаты так всесильны, что император, для поддержания власти империи, должен иметь возможность самостоятельно назначать людей, которые поддерживали бы его. В конце концов противостояние приняло открытый характер, когда вследствие беспорядков в Милане, спровоцированных наиболее рьяными сторонниками безбрачия духовенства, Генрих низложил епископа и назначил на его место другого. В ответ Григорий приказал Генриху к определенному сроку явиться в Рим и заявил, что в случае отказа он будет низложен, а душа его низвергнется в ад. Но император, добившийся к тому времени значительных успехов и находившийся в расцвете могущества, за несколько дней до срока, установленного папой, созвал собор, объявивший о низложении папы за деспотизм, прелюбодеяния и занятия магией. Затем Генрих от имени собора отправил уведомление о принятых решениях "Гильдебранду, не папе, а лжемонаху".

Григорий собрал на синод своих сторонников, которые посоветовали ему принять против императора жесткие меры. На следующий день после срока, к которому Генрих должен был явиться в Рим, Григорий огласил свой приговор:

Во имя Отца, Сына и Святого Духа, силой и властью Святого Петра, в целях защиты интересов и чести церкви налагаю на короля Генриха… интердикт и запрещаю ему управлять каким-либо королевством на территории Германии или Италии. Освобождаю также от клятв всех, кто присягнул или присягнет ему на верность. Запрещаю повиноваться ему как королю{32}.

Поначалу Генрих был полон решимости не отступать, но число тех, кто поддерживал его, убывало. У

тех же, кто имел иные причины не повиноваться ему, появилось оправдание – приговор папы. Поползли суеверные слухи, что, находясь рядом с ним, навлекаешь на себя проклятие. И слухи получили подтверждение, когда неожиданно умер один из его наиболее преданных сторонников. В конце концов Генриху стало ясно, что ему остается только вымаливать у Григория прощение. Все должно было происходить в строжайшей тайне, поэтому он решил встретиться с Григорием в Италии. Григорий точно не знал, идет ли император с миром или намеревается прибегнуть к насилию. Его худшие опасения подтвердились, когда в Северной Италии многие встретили Генриха как героя и присоединились к нему. Но Генрих не хотел рисковать престолом, поставив свою судьбу в зависимость от неясного исхода битвы, и потому он не стал формировать армию из своих сторонников.

Они встретились в Каноссе – этот город папа избрал своей резиденцией, из-за крепких укреплений. Генрих надеялся на встречу с глазу на глаз, в ходе которой он выразил бы Григорию свое почтение. Но Григорий требовал публичного покаяния, и Генрих был вынужден три дня просить, чтобы его впустили в Каноссу для покаяния, прежде чем его принял Григорий. Поскольку человек, называющий себя пастырем учеников Христа, не мог поступить иначе, Григорий в конечном счете дал Генриху прощение и отменил приговор в отношении императора.

Затем Генрих поспешил в Германию, где его противники, вдохновленные его противостоянием с Григорием, подняли восстание. Григорий, хотя он и отменил свой приговор о запрещении Генриху управлять королевством, ничего не предпринял, чтобы помешать мятежникам, избравшим собственного императора. Двусмысленная позиция папы способствовала началу гражданской войны, и скоро стало ясно, что победу одержит Генрих. Но Григорий не доверял ему и решил связать судьбу с узурпатором. Он еще раз предал Генриха анафеме и предсказал ему смерть в ближайшем будущем. Но на этот раз сторонники императора оставили приговор папы без внимания, и был избран другой папа, принявший имя Климента III. В конце концов император-узурпатор был убит в бою, и Генрих стал полновластным хозяином империи.

Как только весной 1081 года на перевалах в Альпах растаяли снега, Генрих двинулся на Рим. Помочь Григорию могли только норманны, которые правили в Северной Италии и были когда-то его союзниками. Но он предал анафеме и их. Затем он обратился к Византии, но безрезультатно. Сначала римляне храбро защищали свой город. Но когда стало ясно, что папа не будет вести переговоры с захватчиками, они открыли ворота города, и Григорий был вынужден бежать в один из своих замков. Генрих с триумфом вошел в Рим, и Климент III вступил во владение городом. Затем вмешались норманны, и Генрих покинул город. Норманны вели себя как хозяева, убивали жителей, жгли здания и тысячи людей увели в рабство.

Григорий, бежавший сначала в Монте-Кассино, а затем в Салерно, продолжал метать громы и молнии в адрес Генриха и Климента III. Но все было тщетно. Рассказывают, что последними его словами перед смертью в 1085 году были: "Я любил справедливость и ненавидел беззаконие. Поэтому умираю в изгнании".

Незадолго до смерти Гильдебранд заявил, что его преемником должен стать пожилой аббат Монте-Кассино. Пожелание было исполнено, и человеку преклонного возраста, никоим образом не стремившемуся стать папой, пришлось согласиться. Он принял имя Виктора III и был восстановлен в Риме своими союзниками. Но вскоре он заболел и вернулся в Монте-Кассино, чтобы там скончаться в мире и покое.

Затем реформаторы избрали Урбана II, сумевшего вернуть Рим и изгнать Климента III. Более всего он известен провозглашением Первого крестового похода, к которому мы обратимся в следующей главе. Но он также продолжил политику Григория VII. Это привело его к конфликту с королем Франции Филиппом I, которого он отлучил от церкви за то, что тот отверг одну жену и женился на другой. В Германии он потворствовал восстанию сына Генриха Конрада, обещавшего отказаться от всех прав на инвеституру

епископов, если он станет императором. Но Генрих действовал решительно, разгромил войска сына и через рейхстаг империи лишил его наследства.

Преемник Урбана Пасхалий II (1099-1118) надеялся, что раскол прекратится со смертью Климента III. Но император принял меры, чтобы на место Климента был поставлен другой человек, и противостояние продолжалось.

Генрих IV умер в 1106 году, когда готовился к войне с другим своим сыном, Генрихом, который тоже восстал против него. Пасхалий был готов заключить мир и заявил, что все предшествующие назначения и инвеституры, даже произведенные светскими властями, остаются в силе. Но он дал также ясно понять, что в дальнейшем назначения светскими властями недопустимы и что не подчиняющиеся ему в этом вопросе будут отлучаться от церкви. Таким образом, предавая забвению старые дела, он одновременно бросал вызов новому императору.

Ответ на вызов папы Генрих дал через три года. Он вторгся в Италию, и Пасхалий был вынужден пойти на уступки. Предложение, сделанное Генрихом и принятое Пасхалием, заключалось в том, что император откажется от права на инвеституру епископов, если церковь откажется от всех феодальных привилегий, которыми пользовались прелаты и которые делали их могущественными властелинами. Пасхалий согласился с одним условием: "наследие Святого Петра" должно остаться в руках римско-католической церкви. Предложение Генриха отражало самую суть противостояния, так как гражданские правители не могли отказаться от права назначать епископов, пока те оставались влиятельными политическими фигурами. И если реформаторы хотели быть последовательными в применении монашеских принципов при проведении церковной реформы, им надо было предоставить церкви идти по пути бедности.

Но это решение, каким бы разумным оно ни казалось, с политической точки зрения не было жизнеспособным. Вскоре оно восстановило против Пасхалия прелатов, оказавшихся лишенными мирской власти. Многие из них возмущались, что папа проявил необычайную щедрость в отношении их владений, но при этом сохранил свое. Даже высшая знать в Германии теперь подозревала, что император, укрепив свои позиции после того, как лишил власти епископов, примется за них и отменит многие старые привилегии. Затем против императора взбунтовалось население Рима, когда он покинул город, взяв с собой в качестве заложников папу и нескольких кардиналов и епископов. В конце концов император вернул папу в Рим, а тот в свою очередь короновал его в соборе Святого Петра при закрытых дверях из страха перед простым народом. Затем император вернулся в Германию, где его присутствия требовали срочные дела.

В Германии Генрих столкнулся с новыми трудностями. Волнения начались среди высшего духовенства и знати, опасавшейся ослабления своей власти. Пасхалий хранил молчание, но многие германские прелаты предавали императора анафеме. Их примеру последовали несколько местных синодов. Когда Генрих выразил протест, заявив, что своим поведением Пасхалий нарушает соглашение, папа предложил созвать собор для разрешения разногласий. Пойти на это Генрих не мог, так как прекрасно понимал, что большинство епископов, владения и власть которых политика императора ставила под угрозу, выступят против него. Поэтому он решил снова прибегнуть к силе. Как только позволила обстановка в Германии, он еще раз вторгся в Италию, и Пасхалий был вынужден укрыться в замке святого Ангела, где и умер.

Кардиналы поспешили избрать нового папу, пока в дело не вмешается император. Понтификат нового папы Геласия II (1118-1119) был коротким и бурным. Сторонник императора, пользовавшийся большим влиянием в Риме, арестовал и пытал его. Затем его освободил восставший народ. Но в Рим вернулся император со своим войском, и Геласий скрылся в Гаете. По возвращении в Рим его опять схватил тот же самый римский вельможа, но он бежал и в конце концов упал в изнеможении в поле, где его почти голого

и полумертвого нашли какие-то женщины. Затем он нашел убежище во Франции, где вскоре умер в аббатстве Клюни.

Решение Геласия укрыться во Франции отражало новое направление папской политики. Поскольку империя стала врагом, а норманны на юге оказались ненадежными союзниками, папы смотрели теперь на Францию как на естественного союзника в борьбе с германскими императорами.

Следующий папа Каликст II (1119-1124) был родственником императора, и оба они считали, что пришло время положить конец разногласиям и спорам. После длительных переговоров, сопровождавшихся взаимными угрозами и даже военными действиями, обе стороны пришли к соглашению, выразившемуся в Вормсском конкордате (1122). Было решено, что прелаты должны избираться свободно, в соответствии с древним обычаем, но в присутствии императора или его представителя. Таким образом, право на введение в сан и наделение епископов кольцом и жезлом, то есть символами их пастырской власти, получали исключительно правомочные церковные инстанции, а предоставление всех феодальных прав, привилегий и владений, как и относящихся к ним символов, оставалось в руках гражданских властей. Император согласился также вернуть церкви все ее владения и принять меры, чтобы феодальные сеньоры, захватившие церковное имущество, сделали то же самое. Это решение положило конец длительному противостоянию папства и империи, хотя подобного рода разногласия будут неоднократно возникать и в будущем.

В конце концов реформаторы одержали победу. Безбрачие духовенства стало в Западной церкви общим правилом, которое в целом соблюдалось. На какое-то время прекратилась и практика симонии. Папская власть продолжала набирать силу, достигнув зенита своего могущества в XIII веке.

Вместе с тем разногласия по поводу назначения и инвеституры прелатов показывают, что папы-реформаторы, пропагандировавшие монашеский идеал безбрачия, в то же время пренебрегали идеалом бедности. Вопрос об инвеституре имел большое значение для гражданских властей, особенно для императора, поскольку церковь обрела такие богатства и могущество, что враждебно настроенный епископ в политическом плане представлял собой немалую опасность. Епископы могли позволить себе содержать большой двор или даже армию. Поэтому правителям в интересах самосохранения надо было иметь уверенность в лояльном отношении к ним людей, занимавших такие высокие посты. Генрих V дошел до самой сути вопроса, предложив отказаться от права на инвеституру епископов, если эти епископы не будут обладать властью и возможностями крупных феодальных сеньоров. Папы-реформаторы смотрели на дело так, что владения церкви принадлежат Христу и нищим и поэтому не могут передаваться гражданским властям. Но на самом деле эти владения использовались для личного обогащения и для достижения личных корыстных целей епископов и других людей, которые теоретически были не собственниками, а попечителями.

24 Наступление на ислам

Я говорю это присутствующим. Предписываю сказать этой тем, кого здесь нет. Это повеление Христа. Все, кто пойдет туда и потеряет жизнь, будь то в пути, или на море, или в бою с язычниками, тотчас получат прощение грехов. Я обещаю это всем, кто пойдет, на основании великих полномочий, которыми наделил меня Бог.

Урбан II

Среди многих идеалов, завораживавших воображение средневекового христианского мира на Западе, ни один не был столь ярким, завораживающим и столь противоречивым, как дух крестовых походов. В течение нескольких веков Западная Европа всю страсть и кровь своих граждан вкладывала в эти походы, результаты которых были в лучшем случае эфемерными, а в худшем – трагическими. Они предпринимались в надежде разгромить мусульман, угрожавших Константинополю, спасти Византийскую империю, воссоединить восточную и западную ветви церкви, вернуть Святую землю и тем самым завоевать небо. О том, достигнута или не достигнута была последняя цель, судить не нам. Но остальные замыслы были осуществлены, пусть и ненадолго. Мусульмане, сначала потерпевшие поражение из-за своей раздробленности, в конце концов создали единый фронт и изгнали крестоносцев. Константинополь и тень его империи просуществовали вплоть до XV века, но затем были сметены турками. Две ветви церкви в силу обстоятельств объединились на короткое время после Четвертого крестового похода, но конечным результатом этого вынужденного союза стала еще большая ненависть между Востоком и Западом. Святая земля оставалась в руках крестоносцев около столетия, а затем ею снова завладели мусульмане.

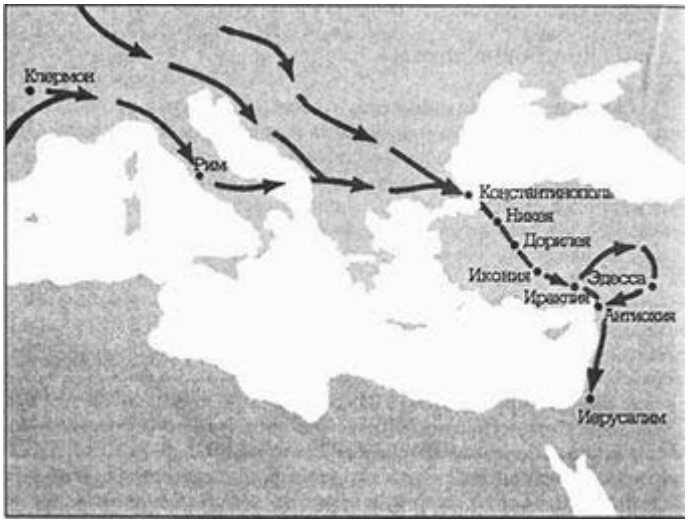
24.1 Первый крестовый поход

К Святой земле христиане всегда относились с глубоким почтением, а паломничество в святые места считалось высшим проявлением веры. Эти святые места веками оставались в руках мусульман. Но теперь, когда ставшие мусульманами турки-сельджуки начали угрожать Византийской империи, многие вспомнили о потерях во времена арабских завоеваний. Подразумевалось, что если Запад оградит Византию от этой угрозы, отношения между двумя ветвями церкви, разорванные в 1054 году, должны восстановиться. Поэтому еще Григорий VII намеревался собрать большую армию для спасения Константинополя и завоевания Святой земли. Но тогда условия для этого еще не сложились, и только Урбан II на соборе в Клермоне в 1095 году обратился к присутствующим с призывом, на который они ответили громкими возгласами "Deus vult" – "на то Божья воля".

В то время во многих уголках Европы народ бедствовал из-за неурожая и эпидемий. Поэтому призыв пойти воинами Христа в дальние страны был восторженно встречен как простым народом, так и аристократией. Апокалиптическим мечтам, веками подавлявшимся и таившимся, теперь можно было предаваться в открытую. Многие видели кометы, ангелов или Святой город, явившийся над горизонтом. Вскоре разнузданная, оголтелая толпа крестоносцев под предводительством не сумевшего призвать их к дисциплине Петра Пустынника двинулась в Иерусалим. На своем пути они, как саранча, уничтожали все, им приходилось вступать в бой с другими христианами, защищавшими свое добро и свой урожай. Война против неверных обернулась также уничтожением тысяч иудеев. В конце концов большая часть крестоносцев первой волны погибла, а более организованные ряды других крестоносцев пополнялись немногими.

Формально крестовый поход возглавлял Адемар, епископ Пюи, которого Урбан назначил своим личным представителем. Другими руководителями были Готфрид Бульонский, Раймунд де Сен-Жиль, Боэмунд и Танкред. Крестоносцы разными путями пришли в Константинополь, где встретили радушный прием императора Алексия и где к ним присоединился Петр Пустынник с остатками своего воинства. С помощью византийцев они захватили Никею, столицу турок, в которую византийцы вошли первыми, так как император опасался, что крестоносцы разграбят город. Затем они пошли на Антиохию, столкнувшись со многими трудностями при переходе через Малую Азию. Под стенами Тарса Танкред и Болдуин, младший брат Готфрида, перессорились, и Болдуин решил отказаться от участия в этом предприятии и принять предложение армян стать их правителем с титулом графа Эдесского. Остальные продолжили тяжелый путь к Антиохии, которую в конце концов осадили.

Осада Антиохии стала делом нелегким. У осажденных было больше съестных припасов, чем у крестоносцев, у которых они подходили к концу, и начали появляться дезертиры. Но живший в городе армянский христианин открыл им ворота. С криком "На то Божья воля!" крестоносцы ворвались в город, а турки укрылись в крепости. Но через несколько дней подошла большая турецкая армия, и крестоносцы сами оказались осажденными с непокоренной крепостью в тылу. Голодных, обескураженных крестоносцев охватили сомнения – а стоило ли все это затевать.

Первый крестовый поход.

Затем кто-то рассказал о видении, из которого узнал, что копье, которым проткнули Христа на кресте, зарыто в Антиохии. Крестоносцы принялись копать в том месте, что указал ясновидец. И нашли копье! В полной уверенности, что это то самое копье, крестоносцы решили продолжать борьбу. После пяти дней поста и молитвы, предписанных провидцем, рассказавшим им о копье, они вступили в сражение с намного превосходящей их турецкой армией. Их знаменем было копье, и они исполнились таким неистовым рвением, что турки дрогнули и побежали, а крестоносцы завладели всем провиантом, который турки захватили с собой. Они также взяли в плен женщин, оставшихся в турецком лагере, и очевидец, восхвалявший святость христианской армии, сказал: "Мы не сделали им ничего плохого, мы просто пронзили их копьем".

Епископ Адемар, поставленный предводителем похода, во время осады умер от горячки, и армия оказалась обезглавленной. После долгих споров и проволочек его сменил Готфрид Бульонский, и наконец 7 июня 1099 года армия увидела Святой город.

Иерусалим защищали не турки, а арабы-фатимиды из Египта, названные так по имени Фатимы, дочери Мухаммеда. По сути таких успехов крестоносцы добились благодаря разобщенности мусульман.

Но, как бы там ни было, войска в Иерусалиме были готовы к долгой осаде, земли вокруг города выжжены, а колодцы отравлены, так что у осаждавших не было возможности пополнить свои припасы. Крестоносцы готовились к долгой осаде. Но в начале июля они получили известие о приближении большой арабской армии и пришли к выводу, что им надо либо взять город, либо отступить. Поскольку речь шла о христианском деле, они обратились за помощью к Богу и босыми ходили вокруг города с покаянными песнями. Через несколько дней они бросились на приступ. Осажденные яростно сопротивлялись. Но в конце концов одному рыцарю удалось подняться на стену и продержаться до подхода других. По мере того как брешь разрасталась, сопротивление слабело. Защитники города покидали стены, и крестоносцы заполняли город – цель их долгой кампании. Это произошло 15 июля 1099 года.

Затем была устроена настоящая кровавая бойня. Перебили всех защитников города и множество мирных жителей. Женщин насиловали, а головы детей разбивали о стены. Многие иудеи нашли убежище в синагоге, и крестоносцы подожгли это здание. По свидетельству очевидца, у Соломонова притвора лошади шли по щиколотку в крови.

Затем крестоносцы занялись устройством покоренной земли по образцу Западной Европы. Готфрид Бульонский был объявлен "хранителем гроба Господнего", а его брат Болдуин, в 1100 году его сменивший, принял титул короля Иерусалимского. Основными вассалами этого королевства стали Боэмунд, князь Антиохийский, Болдуин, граф Эдесский, и Раймонд Тулузский, граф Триполийский.

24.2 Дальнейшая история крестовых походов

Многие крестоносцы считали свою задачу выполненной и готовились отправиться домой. Готфриду Бульонскому едва удалось собрать достаточно рыцарей, чтобы остановить мусульманскую армию, приближавшуюся к Иерусалиму. В битве при Аскалоне крестоносцы одержали победу над мусульманами, в результате чего католическое королевство в Иерусалиме получило короткую передышку. Но настоятельно требовалось подкрепление, поэтому все чаще небольшие группы вооруженных людей отправлялись из Европы на временную службу в Святой земле. Одни из них оставались там, а другие возвращались после своего рода вооруженного паломничества.

Пламенным духом крестовых походов были охвачены и народные массы. Были люди, получавшие апокалиптические видения и по пути в Иерусалим увлекавшие за собой других. Были и такие, кто утверждал, что, поскольку Богу угодна невинность, дети должны сыграть в этом предприятии особую роль. Так начались "крестовые походы детей" – толпы детей и подростков шли в восточном направлении, одни из них умирали в пути, а других захватывали в рабство на территориях, через которые они проходили.

"На то Божья воля! На то Божья воля!" Рисунок А. де Невиля.

Дух крестовых походов сохранялся веками, поэтому не совсем правильно говорить об эпохе "крестовых походов" как об отдельных экспедициях. Но были "вспышки", которые обычно называют Вторым крестовым походом, Третьим крестовым походом и так далее. Их краткая история даст нам представление о том, как развивался этот дух.

Поводом для Второго крестового похода стало падение Эдессы, захваченной султаном Алеппо в 1144 году. В очередной раз появились народные проповедники, призывавшие массы вторгнуться в Святую землю. При этом даже говорили, что надо уничтожить всех иудеев. К иному призывал Бернар Клервоский – он предлагал собрать армию для помощи Иерусалимскому королевству и выступал против безрассудного броска на Иерусалим. В конце концов в Святую землю отправилась армия численностью почти в двести тысяч человек, во главе с королем Франции Людовиком VII и германским императором Конрадом III. Они потерпели несколько поражений от турок и достигли немногого.

На какое-то время Иерусалимское королевство усилилось, и при Амальрихе I оно расширило свои границы до Каира. Но затем мусульмане перегруппировали свои силы и под руководством египетского султана Салах-ад-Дина (Саладина) в 1187 году захватили Иерусалим.

Известие об этом потрясло христианский мир, и Григорий VIII воззвал к возрождению духа крестовых походов. Третий крестовый поход возглавили три монарха: император Фридрих Барбаросса, король Англии Ричард Львиное Сердце и король Франции Филипп II Август. Но и им не удалось добиться успеха. Фридрих утонул, а его армия рассеялась. Ричарду и Филиппу удалось взять лишь Акру после осады, продолжавшейся два года. Затем Филипп вернулся в Европу, где надеялся завладеть землями Ричарда, воспользовавшись его отсутствием. Самого Ричарда на пути домой взял в плен германский император, отпустивший его только после того, как был обещан огромный выкуп.

Четвертый крестовый поход, организованный Иннокентием III, закончился еще большим крахом. Изначальной его целью было взятие столицы Саладина в Египте, но вместо этого крестоносцы захватили

Константинополь. Там они провозгласили императором Константинополя Болдуина Фландрского, установив тем самым в Константинополе Латинскую империю (1204-1261). Был также поставлен католический патриарх Константинополя, и, во всяком случае теоретически, – Запад и Восток объединились. Иннокентий III, пришедший сначала в негодование из-за такого искажения целей похода, в конечном счете решил, что это было Божьей волей для воссоединения церкви. Но византийцы относились к этому иначе и начали долгое сопротивление. В 1261 году они вернули Константинополь и положили конец Латинской империи. Конечным результатом этого эпизода стало еще более враждебное отношение грекоязычного Востока к латиноязычному Западу.

Детские крестовые походы стали одной из самых трагических страниц того времени.

Пятый крестовый поход во главе с "королем Иерусалима", города, который уже давно находился в руках мусульман, достиг очень немногого. Шестой поход, возглавлявшийся отлученным от церкви Фридрихом II, стал более удачным, так как император и султан пришли к соглашению о передаче Фридриху Иерусалима, Назарета и Вифлеема, а также дорог, связывающих эти святые места с Акрой. Фридрих вошел в Иерусалим и, поскольку никто другой не мог этого сделать, короновал себя королем Иерусалимским. Отлучивший его от церкви Григорий IX пришел в негодование, но вся Европа возрадовалась и назвала Фридриха "освободителем Иерусалима".

Седьмой и Восьмой крестовые походы, возглавлявшиеся королем Франции Людовиком IX (Святым), потерпели крах. Во время Седьмого похода король был взят в плен мусульманами и заплатил большой выкуп. Во время Восьмого похода он умер от горячки в Тунисе. Это произошло в 1270 году, и с тех пор крестовые походы прекратились.

24.3 Испанская реконкиста

Королевство вестготов в Испании было уничтожено мусульманами в VIII веке, и лишь на севере, в

Астурии, влачили жалкое существование немногие его остатки. Позднее на эти земли распространили свое влияние франки. В таких условиях в Испании началась длительная борьба против ислама, получившая название реконкисты, то есть отвоевывания земли. В созданных впоследствии легендах дело изображается как непрестанная борьба христиан против неверных, но в действительности все обстояло значительно сложнее, так как христиане сражались не только против мусульман, но и между собой, и заключавшиеся союзы не всегда отражали религиозные верования.

Важную роль в объединении христианской Испании сыграла "находка" могилы святого Иакова. К IX веку она стала одним из основных мест паломничества христиан со всей Западной Европы, и тем самым Сантьяго – святой Иаков – связал Северную Испанию с остальной частью западного христианского мира. В конечном счете святой Иаков стал святым покровителем борьбы против мусульман и был назван Сантьяго Матаморос – истребителем мавров.

В 1002 году умер последний великий халиф Кордовы, и вскоре мусульманские владения разделились на множество мелких княжеств. Именно с этого времени испанская реконкиста начала набирать силу. В 1085 году Кастилия захватила Толедо, бывшую столицу вестготов. В ответ поднялись мавры, получившие подкрепление из Северной Африки. Но в 1212 году объединенные силы христианских королей разгромили мавров в битве при Лас-Навас-де-Толоса, и реконкиста пошла быстрыми темпами. К 1248 году в руках мавров на полуострове оставалась только Гранада, платившая дань королю Кастилии. Так было до 1492 года, когда Гранаду захватили Фердинанд и Изабелла.

Увидев нападавших венецианцев, участники Четвертого крестового похода попытались разбить их флот, но им это не удалось.

Людовик Святой Французский возглавил крестовый поход на Египет.

Испания и Сицилия, захваченная норманнами в XI веке, были единственными территориями, где военные операции против ислама неизменно заканчивались успехом.

24.4 Последствия наступления на ислам

Наиболее очевидным последствием наступления на ислам стало возрастание взаимного недоверия и вражды между христианами и мусульманами, а также между латинскими и византийскими христианами. Кровь, пролитую в крестовых походах, забыть просто так было нельзя.

В Западной Европе крестовые походы и испанская реконкиста укрепили позиции папства. Поскольку именно папы призывали к крестовым походам, назначали их предводителей и проявляли особый интерес к Испании, папский престол стал пользоваться большим международным авторитетом. Когда Урбан II призвал к Первому крестовому походу, его властные полномочия выглядели весьма сомнительными, особенно в Германии. Но ко времени Иннокентия III, когда крестоносцы Четвертого похода захватили Константинополь, папство достигло своего наивысшего могущества.

Крестовые походы оказали влияние и на понимание христианской веры. Благодаря знакомству со Святой землей люди стали обращать больше внимания на исторические рассказы Библии и на человеческое начало Иисуса. Бернар Клервоский, проповедник Второго крестового похода, был мистиком, проводившим время в размышлениях о человеческой природе Иисуса. О страданиях Иисуса слагали поэмы и писали книги. По тем же причинам в Европе, наводнявшейся кусочками "истинного" креста Господня, костями патриархов, зубами библейских персонажей и другими реликвиями, развивалось поклонение мощам, имевшее давние корни.

Монашеский идеал принял новое направление с созданием военизированных орденов. Члены этих орденов следовали традиционным принципам послушания, жизни в бедности и целомудрии. Но они были воинами, а не созерцателями или учеными мужами. Орден святого Иоанна Иерусалимского (который впоследствии обосновался на Мальте), орден тамплиеров и некоторые другие ордена были основаны на Святой земле. В Испании тоже появились такие же ордена – орден Калатрава, орден Алкантара и орден святого Иакова Компостельского. Эти ордена существовали еще долгое время после окончания крестовых походов, и некоторые из них обладали огромной силой.

Дух крестовых походов использовался и для борьбы с ересью. На юге Франции и в некоторых районах Италии распространялись учения, сходные с манихейскими. Судя по всему, они пришли из Болгарии или из Византийской империи, где секта богомилов давно исповедовала манихейский дуализм. Их называли также катарами, от греческого слова, означающего "чистый", или альбигойцами, так как особенно много их было в городе Альби на юге Франции. Иннокентий III призвал к крестовому походу против них, и в 1209 году честолюбивые бароны Северной Франции вторглись на юг. Там они совершали такие же жестокости, как крестоносцы в мусульманских землях, причем расправлялись они не только с альбигойцами, но и с католиками, приходившими им на помощь. Это свидетельствовало о том, что дух крестовых походов начал распространяться и на другие дела, не имеющие никакого отношения к изначальной цели завоевания Святой земли.

В богословском плане контакт с мусульманским миром имел далеко идущие последствия. Мусульманская Испания и в меньшей степени мусульманская Сицилия были центрами распространения знаний. В Кордове родились Маймонид и Аверроэс – величайшие философы средневековья, один из которых был евреем, а другой мусульманином. Эти двое и другие вслед за ними вернулись к изучению античной философии и связали ее с богословскими вопросами иудаизма и ислама. Аверроэс, в частности, написал комментарии к трудам Аристотеля, получившие настолько широкую известность, что его стали называть "Истолкователем". Труды этих философов, как и самого Аристотеля, из Испании и Сицилии дошли до Западной Европы, где в XIII веке дали импульс богословским и философским толкованиям.

Наконец, крестовые походы оказали определенное, хотя и не очень явное воздействие на экономические и демографические изменения, происходившие в Европе примерно в то же время. Безусловно, крестовые походы способствовали этим изменениям, но были и другие факторы, относительно значимости которых историки до сих пор не могут прийти к согласию. В любом случае, в эпоху крестовых походов развивались города и торговля. До того времени основным источником богатства была земля, и, следовательно, экономическая власть находилась в руках феодальных сеньоров и прелатов, которые ею распоряжались. Но развитие торговых отношений привело к возникновению новых источников обогащения. Это в свою очередь способствовало росту городов, где зарождался новый класс – буржуазия. Этот новый класс, название которого означает "жители города", формировался главным образом из купцов, экономическая и политическая сила которых была тогда на подъеме. Вскоре они получили поддержку со стороны монархов, опасавшихся усиления власти высшей знати, но в конечном счете во время Французской революции этот класс покончил как с королевской властью, так и с аристократией.

25 Золотые годы средневекового христианства

Бог установил на небе два светила – более яркое, чтобы направлять нас днем, и менее яркое, чтобы направлять нас ночью. Точно так же Он установил два светила над вселенской церковью… Более яркое, чтобы направлять наши души, именее яркое, чтобы направлять наши тела. Это – папская власть и королевская власть.

Иннокентий III

По завершении эпохи крестовых походов средневековое христианство достигло зенита своего развития. Это проявилось прежде всего в двух сферах религиозной жизни: монашестве и папстве. Это нашло также выражение в богословии и в архитектуре. Поэтому мы кратко остановимся на этих темах в такой последовательности: возникновение нищенствующих монашеских орденов, усиление папской власти, развитие богословия и архитектуры.

25.1 Нищенствующие ордена

Рост городов, торговли и экономики, основанной на денежном обращении, привел к изменениям, которые нравились не всем и не всегда. Монетарная экономика, например, хотя и способствовала развитию производства, повышая тем самым общее благосостояние, в то же время имела тот недостаток, что делала экономические связи менее прямыми и менее человечными и увеличивала разрыв между богатыми и бедными. С ростом городов и связанной с ним миграции населения традиционному приходскому служению становилось все труднее отвечать на нужды тех, кто переезжал в города. Поэтому нет ничего удивительного, что монашество, в течение многих веков демонстрировавшее необычайную приспособляемость, принимало новые формы, бросая вызов законам монетарной экономики и отвечая на нужды пришедшего в движение населения. Так появились "нищенствующие", то есть живущие подаянием ордена.

Предтечей нищенствующих орденов стал Пьер Вальдо, купец из Лиона, который, услышав историю о монахе, жившем в крайней нищете, решил тоже посвятить себя жизни в бедности и проповедовать. Вскоре у него появился ряд последователей, но архиепископ запретил их деятельность. Они обратились в Рим, и богословы, которым поручили рассмотреть это дело, высмеяли их за невежество. Несмотря на это и на неоднократные осуждения, они продолжали проповедовать. Затем гонения вынудили их укрыться в отдаленных долинах Альп, где они оставались вплоть до протестантской Реформации. Тогда к ним пришли протестантские богословы, чье учение они приняли, став протестантами.

На ранних этапах францисканское движение было весьма близким к вальденсам. Франциск, как и Пьер Вальдо, принадлежал к купеческому сословию. Его настоящее имя было Джованни. Но его матерью была француженка, отец вел торговые дела с Францией, а сам он очень любил песни французских трубадуров. Поэтому друзья в родном городе Ассизи начали называть его Франческо – "маленький француз", и под этим именем он известен по сей день.

Как и Пьер Вальдо, Франциск пережил глубокий духовный опыт, побудивший его вести жизнь в нищете. Рассказывают, что однажды друзья увидели его необычайно счастливым.

– Чему ты так радуешься? – спросили они его.

– Я женился.

– На ком?

– На госпоже Нищете!

Он раздал нищим все, что имел. Если бы ему досталось от родителей что-то еще, он немедленно отдал бы и это. Он ходил в лохмотьях и проводил время либо в превознесении достоинств нищеты, убеждая всех, кто хотел его слушать, либо в работе по восстановлению какой-нибудь заброшенной часовни, либо в созерцании красоты и гармонии природы. Отец посадил его в подвал и обратился к властям. В конце концов епископ решил, что если Франциск не желает разумно распоряжаться семейным имуществом, он должен от него отказаться. Выслушав вердикт, он отказался от наследства, отдал отцу всю одежду, которая на нем была, и голым убежал в лес, где жил отшельником.

Затем, в конце 1209 года, он услышал стихи Евангелия (Мф. 10:7-10), в которых Иисус отправил учеников проповедовать, повелев не брать с собой ни золота, ни серебра. До сих пор его занимали почти исключительно добровольная нищета и радость, которую она ему доставляла. Теперь же он увидел возможность сочетать нищету с проповедью. Он должен проводить время не в спокойном уединении, а в суете городов, где живут люди, проповедуя им и помогая бедным и больным. Теперь добровольная нищета стала средством не просто самодисциплины, но и единения с теми, кто бедствовал вынужденно.

Под влиянием этого нового видения Франциск покинул свое убежище и вернулся в Ассизи, где начал проповедовать и столкнулся с оскорбительным отношением бывших друзей. Однако постепенно вокруг него сплотилась небольшая группа последователей, и они отправились в Рим испросить у папы разрешение основать новый монашеский орден. Папой был Иннокентий III – один из самых влиятельных и мудрых людей, когда-либо занимавших это место. Иннокентий сначала не склонен был удовлетворять просьбу Франциска. Но он был мудрее своих предшественников и, испытав характер Франциска, согласился.

Франциск вернулся в Ассизи и продолжил работу с благословения папы. Вскоре в его "орден меньших братьев" начал стекаться народ. Св. Клара, духовная сестра Франциска, основала орден для женщин, которых стали называть "кларисами". Проповеди, пение и испрашивание подаяний францисканцев вскоре стали обычным явлением во всей Западной Европе.

Франциск опасался, что успех движения станет причиной его неудачи. Когда его последователи начали пользоваться уважением, он засомневался в их смирении. Рассказывают, что когда один послушник спросил, можно ли иметь Псалтирь, Франциск ответил: "Когда у тебя будет Псалтирь, ты захочешь Бревиарий. А когда у тебя будет Бревиарий, ты захочешь подняться на кафедру как епископ".

Рассказывают также историю об одном монахе, вернувшемся в очень веселом настроении, так как кто-то дал ему золотую монету. Франциск приказал ему взять монету в зубы и закопать ее в куче навоза, сказав, что для золота это лучшее место.

Хорошо сознавая искушения, которым подвергался его орден, достигая все большего успеха, Франциск написал завещание, запрещавшее его последователям иметь что-либо в личном пользовании и обращаться к папе или к кому-либо еще с просьбой сделать составленный им "Устав" менее строгим.

На общем собрании ордена в 1220 году он отказался от руководства им и в знак послушания преклонил колена перед своим преемником. 3 октября 1226 года он умер в часовне, восстановленной им в молодости. Говорят, что последними его словами были: "Я исполнил свой долг. Да покажет вам Христос ваш долг. Приветствую тебя, сестра Смерть!"

Основателем другого крупного нищенствующего ордена был святой Доминик. Он был на двенадцать лет старше Франциска, но основал свой орден позднее. Он родился в кастильском городе Каларуэга в аристократической семье, замок которой до сих пор возвышается над окрестной местностью.

После десяти лет учебы в Валенсии Доминик стал каноником собора в Осме. Четыре года спустя, когда ему минуло двадцать девять лет, собрание собора решило следовать монашескому уставу святого Августина. Это означало, что члены собрания собора должны жить в монашеском общежитии, но не удаляясь от мира и не прекращая служения верующим.

В 1203 году Доминик и епископ Осмы Диего посетили Южную Францию. Там его потрясло то, чего добились альбигойцы, и попытки обратить их в католичество силой. Он заметил также, что основная привлекательность движения альбигойцев заключалась в аскетизме его руководителей, резко контрастировавшем с легкой жизнью многих католических священников и прелатов. Будучи убежденным, что для борьбы с ересью существуют более надежные средства, Доминик начал проповедовать и учить. Он сочетал это со строгостью монашеской жизни и учеными занятиями, чтобы иметь возможность использовать в борьбе с ересью наиболее убедительные доводы. У подножия Пиренеев он основал школу для женщин, обращенных из числа альбигойцев. Под впечатлением его успехов архиепископ Тулузский выделил ему церковь для проповедей и здание для организации монашеской общины.

Вскоре после этого при поддержке архиепископа он отправился в Рим просить у Иннокентия III разрешения основать новый орден с собственным уставом. Папа ответил отказом, так как его беспокоило увеличение числа разных монастырских уставов. Но он призвал Доминика продолжить работу и принять один из уже существующих уставов. По возвращении в Тулузу Доминик и его последователи приняли устав святого Августина. Затем они переделали его в соответствии со своими потребностями. Они приняли также принцип нищенствования, следуя, возможно, примеру ранних францисканцев и наверняка для опровержения утверждений альбигойцев, что ортодоксальные христиане ведут слишком мирской образ жизни.

С самого начала Орден братьев-проповедников (таково было официальное название доминиканцев) уделял большое внимание учебе. В этом вопросе Доминик отличался от святого Франциска, не желавшего, чтобы у его монахов была даже Псалтирь, и с подозрением относившегося к учебе. Доминиканцы считали, что для успешной борьбы с ересью у них должны быть глубокие знания, поэтому их новобранцы проходили основательную подготовку. Вскоре они дали церкви ряд выдающихся богословов, хотя и францисканцы, вступившие на богословское поле позднее, не намного от них отстали.

Оба эти нищенствующие ордена распространились на большей части Европы. Вскоре появились другие подобные им движения. Кроме того, существовавшие ранее ордена начали следовать их примеру. В целом дальнейшая история Ордена братьев-проповедников была гораздо менее бурной, чем у францисканцев.

Доминиканцы с самого начала рассматривали нищенствование как аргумент, подкреплявший и облегчавший их борьбу с ересью. Основной целью они ставили проповедь и обучение, и бедность была одним из средств достижения этой цели. Поэтому, когда сложились новые обстоятельства, в которых казалось разумным владеть собственностью, орден без особого труда перестроился и отказался от идеала нищенской жизни. Кроме того, поскольку это согласовывалось с их изначальной целью, они вскоре начали закрепляться в университетах, появлявшихся в то время.

Двумя основными центрами развития богословия были Парижский и Оксфордский университеты. Доминиканцы основали монастыри в обоих городах и вскоре начали преподавать в университетах. Через некоторое время благодаря деятельности таких доминиканцев, как Альберт Великий и Фома Аквинский, орден приобрел высокий престиж в кругах ученых людей.

Доминиканцы пытались также обращать мусульман и иудеев. На раннем этапе наиболее известным проповедником, работавшим среди мусульман, был Вильгельм Триполийский. Среди иудеев в Испании аналогичную роль играл Викентий Ферье. Но в обоих случаях успех в значительной степени объяснялся

применением силы – со стороны крестоносцев в отношении мусульман в Триполи и со стороны испанских христиан в отношении иудеев в Испании.

Францисканцы тоже начали закрепляться в университетах. В 1236 году профессор Парижского университета Александр Галесский стал францисканцем, и "меньшие братья" получили своего первого "профессора" университета. Вскоре францисканские преподаватели появились во всех крупных университетах Западной Европы.

По примеру Франциска его последователи проповедовали не только христианам. Сам Франциск всегда уделял этому внимание и в 1219 году самолично отправился в Египет. Францисканец Иоанн Монтекорвинский посетил Персию, Эфиопию и Индию, а в 1294 году после четырехлетнего путешествия прибыл в Камбалук (ныне Пекин). За несколько лет он обратил в веру тысячи людей. Папа сделал его архиепископом Камбалука и отправил ему еще семь францисканцев в качестве епископов. Но до пункта назначения добрались только трое из них. Поскольку Франциск проявлял большой интерес к проповеди христианства мусульманам, орден продолжал эту работу, и за годы ее проведения тысячи францисканцев принесли свою жизнь в жертву.

Несмотря на успехи, достигнутые на раннем этапе (или, возможно, вследствие их), история ордена, созданного святым Франциском, была бурной. Франциска всегда беспокоило, что его монахи станут богатыми и будут вести спокойную жизнь. Поэтому он предписывал нищенское существование не только отдельным монахам, но и ордену в целом. Это повеление он подтвердил в завещании и запретил своим последователям вносить какие-либо изменения в составленный им "Устав".

Вскоре после смерти Франциска орден раскололся. Ригористы настаивали на неукоснительном соблюдении наставлений основателя. Умеренные говорили, что изменившиеся обстоятельства требуют не такого буквального толкования "Устава" и что орден должен принимать собственность, которая ему передается для выполнения миссии. В 1230 году Григорий IX заявил, что завещание Франциска не связывает орден и что он может обратиться в Рим для пересмотра пункта, касающегося нищеты. В 1245 году орден начал владеть собственностью, хотя формально она принадлежала Римской курии, а францисканцы имели право лишь пользоваться ею. В конечном счете отказались и от этой видимости, и орден стал собственником обширных владений.

Постепенно ригористов все больше отвращала церковная иерархия. Все происходившее они считали предательством святого Франциска. Вскоре начали говорить об исполнении пророчеств Иоахима Флорского, жившего до Франциска. Иоахим предложил делить человеческую историю на три последовательных этапа: эру Отца, эру Сына и эру Святого Духа. Первая эра, от Адама до Иисуса, продолжалась в течение жизни сорока двух поколений. Поскольку Бог любит порядок и симметрию, говорил Иоахим, эра Сына должна продолжаться в течение жизни того же числа поколений. Из расчета тридцати лет на поколение, Иоахим пришел к выводу, что в 1260 году закончится эра Сына и начнется эра Духа. Поскольку монахи более духовны по сравнению с остальными верующими, именно они в эпоху Сына выступают глашатаями эры Духа.

1260 год приближался, и неудивительно, что многие убежденные францисканцы, враждебно настроенные к церковной иерархии, приняли концепцию Иоахима. По их мнению, разворачивавшийся конфликт был последней схваткой перед наступлением новой эры, когда их усилия получат достойную оценку. Папу же и других иерархов церкви они считали в лучшем случае верующими второго сорта, необходимость в которых отпадет.

Эти францисканцы, называвшие себя "духовниками", начали проповедовать теории Иоахима Флорского. Одним из их сторонников стал генерал ордена Иоанн Пармский, и какое-то время казалось, что францисканцы пойдут по пути вальденсов и порвут связи с иерархически организованной церковью. Но

следующий генерал святой Бонавентура сумел соединить глубокую духовность с повиновением иерархии, и "духовники" утратили авторитет. Те же идеи в XIV веке проповедовали "фратичелли" (в переводе с итальянского – "малые братья"), которые подвергались безжалостным преследованиям и в конце концов были искоренены.

25.2 Одна паства с одним пастырем

Вормсский конкордат (1122) не положил конец проблемам, связанным с папским престолом. В Риме были могущественные семейства, стремившиеся завладеть им для достижения собственных целей, и вскоре на престол святого Петра опять появилось два претендента. Если бы не решительное вмешательство Бернара Клервоского в пользу Иннокентия II, Европа оказалась бы разделенной. Оставив Рим в руках своего противника, Иннокентий нашел убежище во Франции, которая встала на его сторону. Англия и Германия, традиционные враги Франции, проявляли нерешительность. Но Бернар убедил обоих монархов выступить в пользу Иннокентия. В конечном счете при поддержке императорских войск Иннокентий вернулся в Рим.

Но после смерти императора отношения Иннокентия с его преемником испортились. В Италии распространялись республиканские идеи, и папа поддерживал их в принадлежащих империи городах на севере, а император то же самое делал в Риме. Несколько городов, находившихся в подчинении империи, восстали и провозгласили себя республиками. В Риме произошло то же самое, его жители провозгласили республику, избрали сенат и заявили, что будут подчиняться только духовной, но не мирской власти папы. Следующие несколько пап лишь изредка подолгу оставались в городе. Противоборство между папством и империей еще усугубилось при следующем императоре Фридрихе Барбароссе (1152-1190), когда одновременно избирались разные папы. Но он не сумел навязать свою политику в Италии, где непокорные города объединились в Ломбардскую лигу и нанесли ему поражение. После многих лет борьбы Барбаросса заключил мирное соглашение с папой, которым в то время был Александр III. Его соперник, Каликст III, сложил свои полномочия в 1178 году. Александр благосклонно отнесся к нему и даже назначил его на высокий пост в церковной иерархии.

Фридрих укрепил позиции, женив своего сына Генриха на наследнице престола Сицилийского королевства – традиционного союзника пап. Потом Фридрих утонул во время Третьего крестового похода, и на престол взошел его сын Генрих VI, ставший одновременно германским императором и королем Сицилии. Вскоре выяснилось, что Генрих стремится к установлению контроля над папским престолом, и папа Целестин III отлучил его от церкви. Открытое столкновение казалось неизбежным, но тут почти одновременно умерли император и папа.

Империя еще не успела оправиться от неожиданной смерти Генриха VI, и кардиналы воспользовались этим, избрав папу без внешнего давления. Их выбор пал на тридцатисемилетнего Лотарио де Конти ди Сеньи, который под именем Иннокентия III стал самым могущественным папой за всю историю христианства.

Вдова Генриха опасалась, что ее малолетний сын Фридрих станет жертвой кого-либо из претендентов на власть в Германии и поместила ребенка под покровительство папы, объявив Сицилийское королевство вассальным владением папского престола. Таким образом была ликвидирована угроза, которую это королевство представляло для папства при Генрихе VI.

Императорская корона Генриха не была наследственной. Император избирался знатью. Юный Фридрих был, разумеется, слишком молодым, чтобы стать императором, тем более что эту корону удержать было нелегко. Сторонники Генриха VI и династии Гогенштауфенов избрали императором брата

Генриха Филиппа. Но соперничающая партия выдвинула Оттона IV, которого затем поддержал Иннокентий III. Избрание Филиппа было, несомненно, совершено по всем правилам. Но Иннокентий заявил, что он запятнан кровью преступлений своего брата и что папа в любом случае имеет право определять законного императора. Как духовная, так и мирская власть, говорил он, установлены Богом. Они подобны луне и солнцу. Но как луна получает свет от солнца, так и император должен получать власть от папы. На этом основании законным императором Иннокентий объявил Отгона, и началась гражданская война, продолжавшаяся десять лет и закончившаяся лишь с убийством Филиппа.

Человек, осужденный судом испанской инквизиции. В силу незначительности вины его приговорили не к смерти, а к позорному ношению "самбенито".

Став полновластным хозяином империи, Оттон IV порвал с папой, который ранее его поддерживал. В очередной раз основной причиной разлада стали попытки императора укрепить свою власть в Италии и сопротивление этому со стороны папы. Приверженцы Отгона поощряли действия сторонников республики в Риме, а сам он готовился к вторжению в Сицилийское королевство, принадлежавшее, во всяком случае номинально, папскому престолу, так как молодой Фридрих был вассалом Иннокентия.

В ответ Иннокентий отлучил Отгона от церкви, объявил его низложенным, а законным императором назвал молодого Фридриха. При поддержке папы Фридрих перешел через Альпы, появился в Германии и вырвал императорскую корону из рук своего дяди. Победа была одержана в результате весьма странных действий как Фридриха, так и Иннокентия. Поддержав Фридриха, Иннокентий способствовал восстановлению династии Гогенштауфенов – традиционных противников папского престола. Со своей стороны, новый император Фридрих II получил корону на основании заявления папы о его власти над императорами и королями. Таким образом, Иннокентий признал Фридриха, а новый император молчаливо признал за папой право определять законного правителя. Германия была не единственной страной, в дела которой вмешивался Иннокентий III. По сути в Европе вряд ли был какой-то монарх, который не испытывал бы давления с его стороны.

Во Франции он вмешался в семейную жизнь короля Филиппа Августа. Король овдовел и женился на датской принцессе, но затем отказался от нее и взял третью жену. Иннокентий призвал короля вернуться к законной жене, и когда Филипп отказался, наложил интердикт на всю страну, запретив совершать таинства. Филипп созвал знать и епископов в надежде, что они поддержат его. Но они приняли сторону папы, и Филипп был вынужден оставить третью жену и вернуться ко второй. Низложенная королева вскоре умерла от психического расстройства. Восстановленная же в правах королева остаток жизни провела в жалобах, что ее мнимое восстановление по сути вылилось в нескончаемую пытку. Как бы там ни было, папа одержал верх над одним из самых могущественных монархов того времени.

В Англии правил Иоанн Безземельный, брат и наследник Ричарда Львиное Сердце. Супружеская

жизнь Иоанна была еще более беспорядочной, чем у Филиппа, но Иннокентий не вмешивался, так как в то время нуждался в поддержке Англией своих усилий по возведению Оттона на престол в Германии. Но позднее между Иннокентием и Иоанном возник конфликт по вопросу о том, кого следует считать законным архиепископом Кентербе-рийским. На эту самую важную в Англии кафедру претендовали два человека, и оба обратились к папе. Иннокентий ответил, что законным архиепископом не может быть ни один из них. На эту должность он назначил Стефана Лэнгтона. Иоанн Безземельный отказался признать решение папы, и Иннокентий отлучил его от церкви. Когда этого оказалось недостаточным, Иннокентий объявил о низложении Иоанна, освободил всех подданных от присяги ему и призвал к крестовому походу против него. Возглавить его должен был король Франции Филипп Август, охотно подчинившийся папе в этом вопросе. Сомневаясь в лояльности многих своих подданных и в возможности сохранить власть, Иоанн капитулировал и сделал все свое королевство вассальным владением папского престола, как раньше это произошло с Сицилийским королевством.

Иннокентий принял капитуляцию Иоанна, отменил готовившийся Филиппом поход и стал верным сторонником своего нового союзника. Например, когда английские бароны при поддержке Стефана Лэнгтона вынудили Иоанна подписать Великую хартию вольностей, ограничивавшую власть короля, Иннокентий заявил, что это узурпация власти. Но все его протесты ни к чему не привели.

Иннокентий вмешивался и в испанские дела. Педро II Арагонский, Католик, был вынужден превратить свое королевство в вассальное владение папского престола, сделав тем самым обоснованными заявления Иннокентия, что все завоеванные у неверных земли принадлежат папской власти. По иронии судьбы этот король, известный под прозванием "Католик", погиб, защищая еретиков, во время объявленного Иннокентием крестового похода против альбигойцев. Королевства Леон и Кастилия тоже испытали на себе давление Иннокентия, когда он не дал разрешения на брак короля Леона с дочерью его двоюродного брата, короля Кастилии. И вновь по иронии судьбы один из отпрысков этого запрещенного брака, Фердинанд III Кастильский и Леонский, был объявлен церковью святым.

Это лишь немногие примеры широкомасштабной международной политики Иннокентия. Он вмешивался в дела Португалии, Богемии, Венгрии, Дании, Исландии и даже Болгарии и Армении. Хотя это было сделано против его воли, захват Константинополя во время Четвертого крестового похода и провозглашение там Латинской империи тоже способствовали распространению его власти.

Но и это еще не все. При Иннокентии были созданы два крупных нищенствующих ордена францисканцев и доминиканцев, объединенными силами христианских королевств Испании в битве при Лавас-Навас-де-Толосе были разгромлены мавры, был организован крестовый поход против альбигойцев. Во всех этих событиях Иннокентий играл ведущую роль.

Замыслы Иннокентия по реформированию церкви нашли выражение в решениях IV Латеранского собора, состоявшегося в 1215 году. Именно на этом соборе было провозглашено учение о пресуществлении, согласно которому при причащении природная сущность хлеба и вина заменяется сущностью тела и крови Христа. Кроме того, этот собор осудил вальденсов, альбигойцев и учение Иоахима Флорского. Он также учредил институт епископской инквизиции, обязывавшей епископов выявлять ересь в своих епархиях и искоренять ее. Он принял решение, что не должны создаваться новые монашеские ордена с новыми уставами. Он постановил, что при каждом соборе должна быть школа и что обучение в этих школах должно быть доступным для бедняков. Он предписал духовенству воздерживаться от посещения театров, участия в играх, охоте и других развлечениях. Он установил, что все верующие должны по крайней мере раз в год исповедоваться в грехах. Он запретил использование новых мощей и реликвий без одобрения папы. Он потребовал, чтобы в христианских землях все иудеи и мусульмане носили особую одежду, по которой их можно было бы отличить от христиан. Было признано незаконным взимать плату за

совершение таинств. Поскольку все эти решения собор принял всего на трех заседаниях, каждое из которых заканчивалось в течение дня, совершенно очевидно, что большинство из них были не результатом обсуждения, а частью представленной Иннокентием программы, которую собор просто одобрил.

По всем этим причинам именно при Иннокентии III христианский мир ближе всего подошел к идеалу "одна паства с одним пастырем", то есть папой. Поэтому нет ничего удивительного, что современники начали относиться к папе как к более высокому по сравнению с обычными людьми существу, по праву обладающему властью, распространяющейся на все человеческие дела.

Иннокентий умер в 1216 году, и его преемники в течение нескольких десятилетий грелись в лучах его славы. В Германии период между 1254 и 1273 годом был временем внутренних конфликтов и неурядиц, и именно папа Григорий X восстановил порядок, поддержав избрание Рудольфа Габсбурга. Новый император в знак благодарности заявил о независимости ох империи Рима и папских государств.

Тем временем набирала силу Франция, и папы неоднократно обращались к ней за помощью. Кроме того, престиж нищенствующих орденов был настолько высоким, что многие в них надеялись на избрание пап из своих, рядов. Первым папой-доминиканцем на очень короткий срок в 1267 году стал Иннокентий V. Первым францисканским папой с 1288 по 1292 год был Николай IV.

После смерти Николая кардиналы разошлись во мнениях. Одни из них считали, что папой должен быть опытный в мирских делах человек, хорошо разбирающийся в подспудных течениях и помышлениях мира; другие придерживались францисканских идеалов и хотели избрать человека, который воплощал бы их. В конце концов верх взяла вторая группа, и был избран Целестин V. Он был францисканцем из "духовного" крыла ордена. Когда он появился босым на осле, многие сочли это исполнением пророчеств Иоахима Флорского. Наступала эра Духа, и церковью будут руководить смиренные и нищие. Но после короткого понтификата Целестин решил сложить с себя полномочия. Он предстал перед кардиналами, сбросил с себя папскую одежду и сел на землю, поклявшись, что не изменит решения.

Его преемником стал человек совершенно иных взглядов, принявший имя Бонифация VIII (1294-1303). Его булла *Unam Sanctam* ознаменовала апогей папских претензий на мирскую власть:

Один меч должен покоряться другому, и мирская власть должна подчиняться духовной… Поэтому если земная власть сбивается с пути истинного, она подлежит суду духовной власти… Но если с пути сбивается высшая духовная власть, судить ее может только Бог, но нелюди… Мы заявляем, утверждаем и постановляем, что для получения спасения всем людям абсолютно необходимо находиться под властью римского понтифика{33}.

Но как мы увидим в следующей главе, эти претензии оказались необоснованными, так как именно при Бонифации VIII стало ясно, что власть папства идет на убыль.

25.3 Развитие богословия: схоластика

XIII век, когда папская власть достигла наивысшей точки и появились нищенствующие ордена, был также периодом расцвета средневековой схоластики. Это название получили богословские штудии, которыми занимались в "школах" и которые отличались особым методом. Своими корнями схоластика уходит в монастыри, но в XII веке центром богословской деятельности стали соборные школы, которые в начале XIII века сменили университеты. В определенной мере это стало еще одним следствием роста городов. Из монастырей, которые обычно располагались вне населенных пунктов, богословие переместилось в соборные школы, то есть в школы, связанные с церквами, где были епископы и которые обычно располагались в городах. Затем они сосредоточились в университетах, которые объединяли ученых в крупных городах.

Наиболее выдающимся предтечей схоластики был Ансельм Кентерберийский. Он родился Италии и в 1060 году поступил в монастырь в Беке в Нормандии. Именно в этот монастырь Ансельма привлекла слава его настоятеля Ланфранка, ставшего в 1078 году архиепископом Кентерберийским. В 1066 году Вильгельм Нормандский завоевал Англию и теперь искал в Нормандии людей, сведущих в церковных и гражданских делах. В 1093 году Ансельм тоже был призван в Англию на смену Ланфранку в качестве архиепископа Кентерберийского. Он отправился неохотно, так как знал, что вскоре неизбежно столкнется с королем в вопросе о взаимосвязи церковной и государственной власти. (Семьдесят лет спустя Фома Бекет, в то время архиепископ Кентерберийский, будет убит в соборе по тем же причинам.) Сначала при Вильгельме, а потом при его сыне Генрихе большую часть времени Ансельм провел в изгнании из Кентербери. Время этих ссылок он, как и в Беке, использовал для размышлений и составления трудов по богословским вопросам.

Заслуга Ансельма в развитии схоластики заключалась в стремлении связать разумное знание с вопросами веры. Его целью было не доказательство того, во что он не мог бы поверить без такого доказательства, а более глубокое понимание того, во что он уже верил. Такой подход ярко проявился в его исследованиях, касающихся бытия Бога и мотивов воплощения.

Ансельм верил в существование Бога. Но он хотел глубже понять, что это существование означает. Именно по этой причине в своем труде "Proslogion" ("Прибавление к рассуждению") он разработал то, что называют "онтологическим доказательством бытия Бога". Коротко говоря, доказательство Ансельма сводится к тому, что Бога можно представлять себе только как Того, "выше Которого невозможно помыслить никого". Вопрос, следовательно, стоит так: можно ли считать несуществующим "Того, выше Которого невозможно помыслить никого"? Разумеется, нет, ибо в таком случае любое другое существо можно было бы считать выше Его. Следовательно, сама идея о невозможности "помыслить кого-то выше Его" подразумевает Его существование. Отрицать существование Бога столь же нелепо, как говорить о существовании треугольника с четырьмя сторонами. Точное истолкование, значение и обоснованность этого доказательства обсуждались учеными и философами веками и продолжают обсуждаться до сих пор. Но мы в данном случае просто показываем метод богословских рассуждений Ансельма, который стремился связать рациональное знание с истиной, познанной через веру, для более глубокого ее понимания.

То же самое можно сказать о трактате Ансельма "Почему Бог стал человеком". В нем он сосредотачивается на причинах воплощения и предлагает ответ, который в конечном счете станет нормативным в западном богословии. Серьезность преступления определяется значением того, против кого оно совершено. Следовательно, преступление против Бога, то есть грех, неизмеримо по своим последствиям. Но с другой стороны, искупить человеческий грех может только человек. Это со всей очевидностью невозможно, так как люди конечны и не могут предложить бесконечного искупления, достойного величия Бога. Именно поэтому возникла необходимость в божественно-человечном воплощенном Боге, Который Своими страданиями и смертью искупил грехи всего человечества. Это представление о работе Христа на раннем этапе не пользовалось всеобщим одобрением, но впоследствии получило такое распространение, что было принято большинством западных христиан как единственно библейское. В этом случае опять же показательно использование Ансельмом разумных объяснений для более полного понимания воплощения, в которое он и без них верил.

Другим известным основателем схоластического метода был Пьер Абеляр. Он родился в Бретани в 1079 году и в молодости учился у самых известных богословов того времени, которые позволяли ему высказывать свое мнение о них. Тем самым он приобрел множество врагов, и его жизнь стала "Историей моих бедствий", как он назвал свою автобиографию. Затем он перебрался в Париж, где каноник собора поручил ему заняться образованием своей весьма одаренной племянницы Элоизы. Учитель проникся

страстью к ученице, и у них родился ребенок. Возмущенный дядя Элоизы нанял нескольких бандитов, которые ворвались в дом Абеляра и оскопили его. Затем Абеляр начал вести уединенную монашескую жизнь, но и там его преследовали как многочисленные враги, так и люди, считавшие его разумные объяснения ересью. Самым известным среди них был святой Бернар Клервоский, объявивший его в 1141 году еретиком. Когда Абеляр попытался обратиться в Рим, он увидел, что этот путь для него закрыт. Вследствие всего этого свою жизнь Абеляр считал бесконечной чередой невзгод. Он умер в 1142 году, примирившись с церковью и Элоизой, которая поддерживала с ним переписку, перевезла его останки из монастыря Клюни в монастырь Параклета, который он основал, но был вынужден покинуть.

Самым существенным вкладом Абеляра в развитие схоластического богословия стало его сочинение "Да и нет", в котором он рассмотрел 158 богословских вопросов и показал, что разные авторитетные источники, в том числе Библия и древние христианские авторы, расходятся в своих ответах на них.

К этой книге, естественно, неодобрительно отнеслись прежде всего те, кто уличал его в ереси. Но Абеляр ставил целью не дискредитировать авторитеты, мнения которых он противопоставлял, а просто показать, что богословие не может основываться на цитировании разных источников. Он полагал, что надо найти путь к примирению кажущихся противоречивыми заявлений. В конечном счете схоластики начали использовать именно этот метод – сначала они ставили вопросы, а потом цитировали авторитетные источники в поддержку того или иного ответа. Но в отличие от Абеляра более поздние схоластики предлагали затем ответ или "решение", показывающее, каким образом все цитируемые авторитетные источники можно рассматривать как истину.

Третьим основателем схоластического метода был Петр Ломбардский, написавший "Сентенции". Они представляют собой систематическое изложение богословия, рассматривающее по порядку основные темы христианского богословия от учения о Боге до учения о последних днях. Поначалу некоторые богословы выражали несогласие со многими высказанными в этом сочинении идеями и даже пытались осудить их, но в конце концов оно стало основным учебником по богословию в университетах. Студентов обычно просили прокомментировать "Сентенции" Петра Ломбардского, поэтому в труды основных богословов-схоластиков, как правило, включался "Комментарий Сентенций", написанный ими во время учебы в университете.

Наряду с работой этих основателей метода большую роль в истории ранней схоластики сыграли два фактора. Ими стали развитие университетов и возрождение в Западной Европе интереса к учению Аристотеля.

Университеты, во всяком случае отчасти, возникали вследствие роста городов. Учащиеся стекались в городские центры, сначала в соборные школы, затем в другие школы и наконец в те из них, которые получили название "общеобразовательных". Именно они превратились в основные европейские университеты. Но они небыли институтами, подобными современным университетам. Это были гильдии, объединявшие как преподавателей, так и студентов и создававшиеся для защиты прав своих членов и для удостоверения уровня знаний, достигнутого каждым из них.

Старейшие университеты Западной Европы существуют с конца XII века, но бурным ростом университетов как основных образовательных центров отмечен XIII век. Основы образования можно было получить в любом из них, но вскоре они стали специализироваться в определенных областях знаний. Желавшие изучать медицину стремились попасть в Монпелье или Салерно, а Равенна, Павия и Болонья были известны своими юридическими факультетами. Что касается богословия, главными центрами были Париж и Оксфорд.

Студенты, желавшие стать богословами, должны были сначала несколько лет учиться на факультете философии и гуманитарных наук. Затем они поступали на факультет богословия, где начинали как

"слушатели", а затем поочередно получали степени "библейского бакалавра", "бакалавра сентенций", "полного бакалавра", "дипломированного бакалавра" и "доктора". К XIV веку весь этот процесс занимал четырнадцать лет после завершения учебы на факультете философии и гуманитарных наук.

Практические занятия по богословию включали в себя комментарии Библии или "Сентенций", проповеди и "диспуты". Последние были практическими занятиями по определению. Предлагался вопрос для обсуждения, и присутствующим предоставлялась возможность приводить доводы в пользу того или иного ответа, основываясь на авторитете Писания или какого-то древнего автора. Таким образом составлялся список противоречивых мнений, как в книге Абеляра "Да и нет". Затем преподавателю предоставлялось время для подготовки ответа, и на следующем занятии он должен был высказать собственное мнение и доказать, что оно не противоречит ни одному из авторитетных источников, на которые ссылались те, кто отстаивал противоположное мнение. В конце концов этот метод получил такое распространение, что богословы включали в свои книги различные "Комментарии Сентенций", как это сделал, например, Фома Аквинский в "Сумме против язычников" и в "Сумме теологии".

Другим фактором, оказавшим большое влияние на развитие схоластики, стало возрождение в Западной Европе интереса к философским взглядам Аристотеля. Со времени Юстина во II веке большинство христианских богословов, особенно на Западе, привыкли к по сути своей платонистским или неоплатонистским философским воззрениям. Немногие сочинения Аристотеля, которые читали и использовали, касались главным образом логики и не противоречили в основе своей платонистской направленности раннего средневекового богословия. Но затем в результате крестовых походов и особенно контактов с мусульманами в Испании и Сицилии получило распространение более основательное знание философии Аристотеля, и стало ясно, что она во многом расходится с общепринятыми концепциями. Кроме того, поскольку наиболее известным комментатором Аристотеля был Аверроэс, в Западную Европу проникли и его теории. Это прежде всего проявилось на философском факультете Парижского университета, где интерес к новой философии был особенно сильным.

Новые философские идеи с энтузиазмом восприняли многие преподаватели парижского философского факультета. Поскольку они обычно читали Аристотеля сквозь призму его основного комментатора Аверроэса, их назвали "латинскими аверроистами". В их философских воззрениях были элементы, приводившие богословов в глубокое смущение. Прежде всего – упор на недопущении какого-либо давления догматов веры и богословских взглядов на рациональные философские размышления. Аверроисты утверждали, что по пути разумных объяснений надо пройти до конца, а если при этом выводы, сделанные на разумных основаниях, будут отличаться от богословских концепций, то эту проблему надо решать богословам, а не философам. Такая позиция позволяла им принимать многие положения Аристотеля и Аверроэса, противоречившие традиционному христианскому учению. Например, они говорили о разумности представления, что материя вечна, а это противоречило учению о сотворении из ничего, и что все души в конце концов сливаются в одну, а это противоречило христианскому учению о личной жизни после смерти.

Этому вызову некоторые богословы противопоставили традиционные платонистские и августинские концепции. В частности, святой Бонавентура, наиболее выдающийся францисканский богослов XIII века, утверждал, что для правильного понимания необходима вера. Например, учение о сотворении показывает, как нам надо понимать мир, и люди, не принимающие этого учения, могут легко прийти к ложному выводу о вечности материи. Кроме того, все знание исходит из Слова Божьего, воплощенного во Христе, и заявления о каком-то знании, не относящемся к Нему, означают отрицание самой сути и самого источника знания, на которое претендуют эти люди.

Но наряду с аверроистскими и традиционно августинскими богословскими взглядами была и другая

альтернатива. Она заключалась в изучении возможностей, которые новая философия предоставляла для лучшего понимания христианской веры. Именно по этому пути пошли два великих учителя доминиканского ордена: Альберт Великий и Фома Аквинский.

Альберт, чье преподавание в Париже и Кельне часто прерывалась в связи с необходимостью выполнения других возложенных на него задач, проводил четкое различие между философией и богословием. Философия строится на основе самостоятельных принципов, которые могут быть познаны без откровения, и пытается раскрыть истину чисто рациональными методами. Истинный философ не стремится доказать того, чего разум понять не может, даже если речь идет о вопросах веры. Богослов же, со своей стороны, исходит из раскрытой истины, которую невозможно познать только разумом. Это не означает, что богословские учения заслуживают меньшего доверия. Наоборот, данные, полученные через откровение, всегда надежнее тех, что выведены в результате логических умозаключений, так как разум может ошибаться. Но это означает, что философы, если они не выходят за рамки той сферы, на которую распространяется разум, вольны рассуждать без оглядки на указующий перст богословия.

Например, что касается вопроса о вечности мира, Альберт откровенно признавал, что как философ он не может доказать сотворение из ничего. В лучшем случае он может предложить аргументы в пользу вероятности этого. Но как богослов он знает, что мир был сотворен из ничего и что он не вечен. Это как раз тот случай, когда разумом истину познать невозможно, так как объект изучения находится за пределами человеческого разума. Философ, заявляющий, что он может доказать вечность существования мира, и философ, заявляющий, что он может доказать сотворение из ничего, – плохие философы, так как они не учитывают ограниченности разума.

Самым известным учеником Альберта был Фома Аквинский. Он родился примерно в 1224 году в окрестностях Неаполя и воспитывался в аристократической семье. Все его братья и сестры в конце концов заняли высокое положение в итальянском обществе. Родители готовили его к церковному поприщу в надежде, что он получит влиятельную и престижную должность. В возрасте пяти лет его поместили в аббатство Монте-Кассино, где началось его образование. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, он поступил в Неаполитанский университет, где впервые встретился с философией Аристотеля. Все это входило в планы его родителей. Но в 1244 году он решил стать доминиканцем. К недавно созданному ордену многие богатые граждане относились с подозрением. Поэтому мать и братья (отец к тому времени умер) постарались отговорить его. Когда им это не удалось, они заперли его в родовом замке, где держали больше года, пытаясь угрозами и соблазнами переубедить его. В конце концов он убежал, стал послушником у доминиканцев, а затем отправился в Кельн, где учился у Альберта.

Люди, знавшие Фому в молодости, не догадывались о его гениальности. Он был таким толстым и спокойным, что друзья называли его "бессловесным бычком". Но постепенно умственные способности начинали давать о себе знать, несмотря на его молчаливость, и доминиканский орден признал его дарования. Большую часть жизни он провел в ученых центрах в Париже, где стал известным преподавателем.

Его литературное наследие огромно. Самые известные его работы – "Сумма против язычников" и "Сумма теологии". Но он написал также комментарии к "Сентенциям", к Писанию и к нескольким работам Аристотеля, а также множество философских и богословских трактатов. Он умер в 1274 году, когда ему еще не было пятидесяти лет. Его учитель Альберт пережил его и стал одним из самых преданных защитников его взглядов.

У нас нет возможности рассмотреть даже основные положения томизма, как называют его учение. Поэтому мы ограничимся вопросом о взаимоотношении между верой и разумом, составляющим саму суть томизма, и доказательствами бытия Бога, показывающими различие между богословскими воззрениями

Фомы и его предшественников. Затем мы постараемся дать оценку значению богословских трудов Фомы.

В вопросе о взаимосвязи между верой и разумом Фома шел по пути, намеченному Альбертом, но более четко определял свою позицию. По его мнению, одни истины доступны разумному пониманию, а другие нет. Философия занимается рассмотрением только первых из них, богословие же не ограничивается последними. Причина этого заключается в том, что есть истины, постижимые разумом и в то же время необходимые для спасения. Спасение Бог распространяет не только на умственно одаренных людей, поэтому Он раскрывает все истины, связанные со спасением, в том числе постижимые разумом. Следовательно, эти истины могут рассматривать как философия, так и богословие.

Примером применения этого принципа может служить отношение Фомы к вопросу о бытии Бога. Без веры в существование Бога спасение получить невозможно. Поэтому бытие Бога раскрыто в откровении и подтверждается авторитетом церкви. Никто не может ссылаться на недостаточную образованность, ибо существование Бога есть догмат веры, и даже самый невежественный человек может принять его. Но это не означает, что истину о бытии Бога нельзя познать разумом. В данном случае разум может доказать то, что принимается на веру. Следовательно, вопрос о бытии Бога может быть объектом рассмотрения как философов, так и богословов, хотя они и применяют разные методы. Более того, разумное объяснение помогает нам лучше понять то, что мы принимаем верой.

Именно с этой целью Фома разработал пять доказательств бытия Бога. Они достаточно схожи между собой, и излагать их здесь мы не будем. Достаточно сказать, что каждое из них исходит из чувственного восприятия мира и на этом основании показывает, что такой мир невозможен без Бога. Например, в первом доказательстве рассматривается движение и заявляется, что, поскольку для движения необходим движитель, изначальным движителем может быть только Бог.

Такие аргументы интересно сравнить с аргументами Ансельма. Ансельм не доверялся чувствам и основывался не на ощущениях, связанных с миром, а на представлении о Боге. Фома шел по противоположному пути – он исходил из чувственного восприятия и на его основании строил доказательства бытия Бога. Это – показательный пример в плане того, насколько аристотелевская ориентация Фомы расходилась с платонистскими взглядами Ансельма. По мнению Ансельма, истинное знание можно получить только в сфере чистых идей. Фома же полагал, что знание исходит из чувственного восприятия.

Труды Фомы имели большое значение для развития богословия. Частично это влияние объяснялось систематическим характером его мышления, но в первую очередь – соединением традиционного учения с тем, что тогда было новой философской точкой зрения.

Что касается систематического характера сочинений Фомы, его "Сумму теологии", например, можно сравнить с большим готическим собором. Как мы увидим в следующем разделе этой главы, готические соборы представляли собой величественные сооружения, в которых свое место занимали все элементы творения и истории спасения, и все они находились в совершенной гармонии. Равным образом, "Сумма теологии" выглядит величественным построением разума. Даже несогласные с высказанными в ней идеями не могут отрицать ее архитектурной структуры и симметрии: каждый элемент находится на нужном месте и гармонично сочетается со всеми остальными.

Но еще более важное значение имел тот факт, что философское направление, к которому многие относились с опаской, Фома сумел превратить в инструмент веры. Западное (и в значительной мере восточное) богословие веками находилось под влиянием платонизма. Это произошло в результате длительного процесса, в котором приняли участие такие фигуры, как Юстин Мученик, Августин, псевдо-Дионисий и многие другие. Такие философские взгляды оказали христианству существенную помощь, в частности на ранних этапах борьбы с язычеством, ибо они признавали существование Высшего Существа,

не воспринимаемого чувствами более высокого мира и бессмертной души. Но в платонизме таились и опасности. Истолкование христианской веры с чисто платоновских позиций могло вести к недооценке этого мира, сотворенного, как учит Библия, Богом. Мог также появиться соблазн отвести воплощению, физическому присутствию Бога в виде человеческого существа второстепенную роль, так как платонизм интересовали не земные реалии, относящиеся к определенному времени и месту, а неизменные истины. Следовательно, возникала опасность, что богословы будут уделять меньше внимания Иисусу Христу как исторической фигуре и больше – вечному Слову Бога, опять же понимаемому с неоплатонистских позиций.

Появление новой философии представляло собой угрозу для традиционного богословия. По этой причине многие воспротивились ее распространению – чтение сочинений Аристотеля и преподавание его учения во многих случаях запрещались. Осуждались не только философские концепции Аристотеля, но и некоторые положения, выдвигавшиеся Фомой, поэтому приемлемой богословской системой томизм стали считать только после определенного периода противостояния. Но в конечном счете его ценность получила признание, и ныне святой Фома известен как один из величайших богословов всех времен.

Миланский кафедральный собор, типичный пример готической архитектуры.

25.4 Камни свидетельствуют: архитектура

Средневековые церковные здания выполняли две задачи: дидактическую и культовую. Дидактическая цель отражала особенности времени, когда книги были редкостью и многие не умели читать. Поэтому церковные здания становились словно бы книгами для безграмотных, и в них пытались наглядно показать всю библейскую историю, жизнь великих святых и мучеников, добродетель и порок, обетование неба и наказание ада. Сегодня нам трудно читать эти архитектурные книги. Но те, кто приходил в эти здания на богослужения, знали их мельчайшие детали, по которым родители читали им вероучительные истории, рассказанные им их предками.

Культовая цель основывалась на средневековом понимании таинства причащения. Смысл его заключался в чудодейственном превращении хлеба и вина в Тело и Кровь Господа и в повторении жертвы Христа. По мере возможности церковные здания должны были соответствовать таким чудодейственным событиям и Телу Христа, которое оставалось в них и после службы. Церковь рассматривалась в первую очередь не как помещение, предназначенное для собраний или даже богослужений, а как место, где происходит Великое Чудо. Поэтому при строительстве церкви жители города или деревни старались сделать ее своей самой ценной жемчужиной.

Готическая архитектура отличалась обилием вертикальных элементов. Аббатство Сен-Дени неподалеку от Парижа.

Ранние базилики трансформировались, дав начало архитектурному стилю, называемому романским. Основных изменений было три. Во-первых, алтарная часть удлинилась – тогда как в ранних базиликах она имела форму Т-образного креста, в церквах, построенных в романском стиле, она приблизилась к более привычной форме "латинского" креста. Объяснялось это главным образом все более четким разграничением между прихожанами, приходившими на службу, и священниками и монахами, совершавшими ее и певшими на ней. С ростом числа последних, особенно в монастырских церквах, возникла необходимость в расширении алтарной части. Во-вторых, в ранних церквах крыши были деревянными, а в зданиях романского стиля – каменными. Это стало возможным благодаря возведению нескольких полукруглых арок. Поскольку арка (или свод из нескольких арок) под весом конструкции оказывает боковое давление, пришлось возводить более толстые стены почти без окон, укрепленные снаружи тяжелыми контрфорсами – вертикальными выступами, увеличивающими вес стены и уравновешивающими боковой распор свода. Поэтому в церквах романского стиля было очень мало света, и окна обычно располагались только на фасадной части и в апсиде. В-третьих, в средние века церковь стали дополнять звонницей, которая помещалась либо в основном здании, либо рядом с ним.

Но к середине XII века на смену романскому стилю пришла готика. Название "готический" новому стилю дали позднее критики, считавшие его варварским и достойным только готов, но оно закрепилось, и именно так сейчас называется один из самых известных архитектурных стилей. Несмотря на большие различия между ними, готический стиль вырос из романского. Поэтому общая планировка церкви осталась прежней и крыша тоже была сводчатой. Но готика пошла дальше, сделав арки не полукруглыми, а стрельчатыми, а купольный свод не "бочкообразным", как в романском стиле, а "крестовым", – его преимуществом было то, что своим весом свод давил на колонны в углах, а не на все стены. Благодаря этому можно было строить заостренные кверху высокие купола, не возводя для них толстых стен. Н о боковой распор таких сводов был огромным, поэтому необходимо было усилить направленное вовнутрь давление контрфорсов. Это было достигнуто не простым увеличением их веса, а созданием "аркбутанов" – наружных подпорных арок, своим боковым давлением уравновешивающих распор свода. Таким образом, появилась возможность возводить здания с такими вертикальными линиями, что они как будто устремлялись к небу.

Устремленность ввысь подчеркивали и башни, шпили, выступы "нервюр" свода, спускавшиеся вдоль колонн до самой земли.

Здания такой конструкции не нуждались более в толстых стенах, как то свойственно романскому стилю, и вместе с тем больше места появилось для окон с разноцветными стеклами, расцвечивавших внутреннее пространство собора загадочными световыми бликами. Красочные витражи изображали библейские сцены, рассказывали о жизни святых и мучеников.

Все это производило (и продолжает производить) огромное впечатление. Камни как будто бы отрывались от земли и устремлялись к небу. Все здание внутри и снаружи казалось книгой, раскрывающей

тайны веры и всего творения. Внутри него нефы, стройные колонны, разноцветные окна и игра света создавали достойное обрамление для таинства евхаристии.

Готические соборы, до сих пор высящиеся во многих городах, – это наследие средневековья будущим поколениям. Бывали случаи, как, например, в соборе в Бове, когда свод рушился, так как архитекторы пытались придать камню недостижимую идеальную вертикальность. Возможно, это было также символом эпохи, когда Гильдебранд, Франциск и другие возвышенными идеалами пытались сломить сопротивление человеческой природы.

26 Упадок

Лучше сторониться греха, чем бежать от смерти. Если вы не готовы к этому сегодня, как можете вы быть готовыми завтра? У нас нет уверенности в завтрашнем дне. Откуда вам знать, что доживете до него?

Фома Кемпийский

В XIII веке средневековая цивилизация достигла высшей точки развития, а папство при Иннокентии III – зенита своей власти. В то время нищенствующие ордена приводили мир ко Христу, в университетах разрабатывались стройные богословские концепции, а готическая архитектура, казалось, подчинила себе даже камни. Теоретически Европа объединилась под духовным руководством папы и светским руководством императора. Крестоносцы взяли Константинополь, и стало казаться, что раскол между восточной и западной ветвями церкви преодолен.

Но при всем при этом сохранялись разногласия и слабости, в конечном счете приведшие к крушению всей внушительной конструкции средневекового христианства. Уже в 1261 году прекратила существование Латинская империя в Константинополе, а вместе с ней и сомнительный союз Запада и Востока, установленный в результате Четвертого крестового похода. В XIV и XV веках новые экономические и политические условия поставили папство в сложное положение, в результате чего оно утеряло значительную долю своей власти. Тенденции к созданию национальных государств, войны, эпидемии, злоупотребления властью и нашествия развеяли мечты XIII века и открыли путь для установления нового порядка.

26.1 Новые исторические условия

Экономика, основанная на денежном обращении и набиравшая силу в течение двух последних веков, к концу средневекового периода стала определяющим фактором жизни общества. Развитие кредитной системы, торговли и производства – разумеется, в несоизмеримых с XX веком масштабах – постепенно повышало роль буржуазии. Интересы этого приобретавшего все больший вес класса входили в противоречие с интересами феодальных сеньоров. Частые междоусобные войны между феодалами, налоги, которыми они облагали перевозку товаров по своей территории, их стремление к автаркии препятствовали торговле и делали ее менее выгодной. Буржуазия была заинтересована в сильной централизованной власти, которая бы покровительствовала торговле, обеспечивала порядок, регулировала чеканку монет и положила конец междоусобным войнам. Поэтому буржуазия поддерживала политику королей, направленную на ограничение власти высшей знати.

Короли тоже извлекали выгоду из этого союза. Феодалы могли позволить себе не повиноваться монарху только в том случае, если у того не было возможности направить против них сильную армию. Деньги же на войну короли получали у буржуазии. Таким образом, в позднем средневековье становление абсолютистских монархий сопровождалось повышением роли банкиров и купцов.

В ходе этого процесса возникло несколько современных государств. Первыми под властью достаточно сильных монархов объединились Франция, Англия и скандинавские страны. Испания оставалась разделенной на несколько христианских королевств и мусульманское государство в Гранаде и объединилась только в самом конце средневековья. Германия и Италия объединились еще позднее.

В этот период существенное влияние начали оказывать тенденции к складыванию национальных

государств. Ранее большинство европейцев считали себя уроженцами какой-то конкретной местности или города. Но теперь все чаще говорили о французском народе, например, и жители этой страны все отчетливее осознавали свое отличие от других народов Европы. Этот процесс затронул даже отдельные земли, которые не были объединены под властью сильного монарха. В конце XIII века ряд альпийских общин взбунтовались и основали Швейцарскую конфедерацию, которая в течение следующего столетия продолжала расти и нанесла несколько поражений направленным туда императорским войскам. Наконец, в 1499 году император Максимилиан I был вынужден признать независимость Швейцарии. В Германии, хотя страна оставалась раздробленной, многое указывало на то, что жители ее различных курфюрств, княжеств, земель и свободных городов начинали осознавать себя немцами и противостоять внешним вмешательствам, чему и способствовала их разобщенность.

Дофин был в конце концов коронован в Реймсском соборе в присутствии Жанны д'Арк, сражавшейся за короля и Францию.

Национальный фактор подрывал претензии папского престола на всеобъемлющую власть. Когда папы склонялись на сторону Франции, как это было, например, при переносе их резиденции в Авиньон, англичане проявляли неповиновение и даже открыто им противодействовали. С другой стороны, когда папы отказывались быть послушным инструментом в руках французов, Франция просто-напросто избирала другого папу, и вся Европа оказывалась расколотой. В результате всего этого папство в значительной степени утеряло свой престиж и авторитет, и многие начали возлагать надежду на реформирование церкви, не связанное с папством.

Наиболее значительным политическим и военным событием XIV и XV веков была Столетняя война (1337-1475). Главными участниками конфликта стали Франция и Англия, но эта война глубоко затронула всю остальную Европу, так что некоторые историки предлагают называть ее "Первой общеевропейской войной". Король Англии Эдуард III заявил о претензиях на французский престол, который занимал его двоюродный брат Филипп VI, и одновременно Англия вторглась в Шотландию, а поскольку Франция поддерживала шотландского короля Давида, эти события привели к войне. Вскоре благодаря заключавшимся союзам в войну, наряду с многими другими, оказались втянутыми император Людовик Баварский, короли Наварры, Богемии и Кастилии. Англичане неоднократно вторгались во Францию,

одержали ряд убедительных побед (в битвах при Креси и Азенкуре), но были вынуждены отступить из-за недостатка средств. Когда два основных участника заключили мирный договор, вспыхнула война в Кастилии, и вскоре Франция и Англия снова взялись за оружие. Для англичан сложились благоприятные обстоятельства, когда на французский престол взошел Карл VI. У нового короля наблюдались признаки безумия, и когда возникла необходимость назначить регента, образовались две противоборствующие группировки, что в конечном счете привело к возобновлению войны. Англичане поддержали одну из сторон и снова вторглись на французскую территорию. Вместе со своими французскими союзниками они уже были близки к победе, когда Карл VI умер. Дофин, его сын, сторонники которого проигрывали войну, объявил себя королем и принял имя Карла VII. Прозванный "Буржским королем", он сохранял мало шансов стать полновластным правителем Франции, но в это время многие его бывшие противники решили, что после смерти его отца им следует поддерживать дофина. Тогда же впервые услышали о Жанне д'Арк, молодой девушке из деревни Домреми.

Жанна д'Арк утверждала, что получила видения святых Екатерины и Маргариты, а также архангела Михаила, повелевших ей встать во главе войск дофина, снять осаду с Орлеана и короновать его в Реймсе, традиционном месте коронации французских королей. Услышав об этом, Карл послал за ней, по-видимому из простого любопытства, так как настроен он был явно скептически. Но Жанне удалось его переубедить, и ей поручили попытаться доставить в город провиант, находившийся в Блуа. Она сумела осуществить замысел, пройдя через линии противника. Затем ей позволили возглавить вылазку против осаждавших, – и снова она добилась поразительного успеха. В лагере противника распространились слухи о молодой девушке в доспехах, каждый день выходящей из города и каждый день захватывающей по одному бастиону. Наконец осада была снята, и противник отступил. "Орлеанская дева", как ее назвали, не позволила войскам дофина преследовать отступавших, заявив, что этот день пришелся на воскресенье, то есть на день, который следует посвящать молитве, а не битве. С этого момента ход войны изменился. Уставшие от гражданской войны французы хлынули под знамена дофина, и Жанна присоединилась к ним в триумфальном походе на Реймс. Этот и другие города, долгое время выступавшие против дофина, распахивали перед ними ворота, и дофин был коронован в Реймсском соборе, где Орлеанская дева стояла рядом с алтарем.

Жанна хотела вернуться в Домреми, но король не отпустил ее, и она продолжала сражаться, пока не попала в плен к противникам короля и не была затем выдана англичанам. Бывшие союзники от нее отступились, а король даже не пытался вести переговоры о ее выкупе. Англичане продали ее за десять тысяч франков епископу города Бове, который хотел судить ее как еретичку и колдунью.

Суд состоялся в Руане, где ее обвинили в ереси, – она утверждала, что получает повеления с неба и что эти повеления передаются на французском языке, а также носила мужскую одежду. Она согласилась сделать письменное заявление о раскаянии и была приговорена к пожизненному заключению. Но затем она заявила, что святые Екатерина и Маргарита вновь обратились к ней, и отказалась от раскаяния. Вскоре после этого ее отвели на Старую рыночную площадь в Руане и сожгли на костре. Сопровождавшего ее священника она попросила высоко держать крест и громко произносить слова о спасении, чтобы она могла слышать их сквозь полыхающее пламя. Двадцать лет спустя Карл VII вошел в Руан и приказал провести новый процесс, который, как и следовало ожидать, оправдал ее. В 1920 году Бенедикт XV объявил ее святой римско-католической церкви. Но уже задолго до этого она стала национальной героиней Франции.

Ко времени смерти Жанны в 1431 году Карл VII добился полновластия. Вскоре гражданская война во Франции прекратилась, и к 1453 году военные действия между Англией и Францией свелись к небольшим приграничным стычкам. Когда в 1475 году был наконец подписан мирный договор, в руках французов находились все английские владения на континенте, за исключением Кале. (Кале стал французским в 1558 году.)

Как мы убедимся ниже, эта длительная война имела важные последствия для жизни церкви. Какое-то время, пока шла война, резиденция пап находилась в Авиньоне под сенью французов, поэтому англичане начали относиться к папству как к противнику. Позднее во время Великого раскола, когда перед всей Западной церковью встал вопрос о выборе между одним из двух пап, свой выбор государства основывали отчасти на дружеских или враждебных отношениях, сложившихся за время Столетней войны, – и тем самым война затрудняла преодоление раскола. Наконец, во Франции, Англии и Шотландии это длительное противостояние государств способствовало развитию национальных чувств и ослабляло позиции папства, претендовавшего на всеобъемлющую власть.

Другим событием, подготовившим почву для перемен в жизни церкви в последующий средневековый период, была эпидемия 1347 года. Как нам сейчас известно, бубонная чума передается блохами, переносчиками которых являются черные крысы. Торговые связи значительно расширились, особенно после разгрома мавров, в результате которого Гибралтарский пролив теперь был открыт для судов из христианских стран. Благодаря этому установились постоянные контакты между Северной Европой и Средиземным морем, и эпидемия чумы, начавшаяся на Черном море, быстро перекинулась в Италию, а затем и в Северную Европу. За три года эпидемия охватила весь континент и буквально "косила" население. По некоторым оценкам, от эпидемии и сопутствующих ей причин умерло около трети населения. Через три года буря утихла, хотя и в дальнейшем через каждые десять-двенадцать лет возникали новые вспышки.

Эпидемия имела далеко идущие последствия. Была подорвана вся европейская экономика. Нарушилась вся система торговли. В районах, где смертность была не такой высокой, как в остальных частях Европы, возрастало число нищих и бездомных. Это в свою очередь вызывало политические потрясения, провоцировало беспорядки и вело к еще большему развалу экономики. Для относительного восстановления экономической и демографической стабильности Европе потребовалось несколько веков.

Эпидемия имела и важные религиозные последствия. При новых вспышках умирали преимущественно молодые люди, у которых не выработался иммунитет, поэтому казалось, что смерть предпочитает молодые жертвы. Сам характер болезни, поражавшей людей, которые выглядели вполне здоровыми, побуждал многих усомниться в истинности представлений предков о рациональном устройстве мира. Среди образованных людей это порождало сомнения относительно способности разума познать тайны бытия, а среди простого люда – способствовало распространению суеверий. Коль скоро смерть всегда рядом, жизнь можно считать всего лишь подготовкой к ней. Многие совершали паломничество в Святую землю, в Рим или в Сантьяго-де-Компостелу. Те, у кого не было денег на такие дальние путешествия, посещали местные святыни. Несмотря на запрет IV Латеранского собора, процветали торговля реликвиями и поклонение им. Боялись всего: эпидемии, ада, Высшего Судьи, пред которым многие представали раньше, чем на это рассчитывали.

Многим евреям эпидемия принесла насильственную смерть. Христиане не могли понять, почему эпидемия как будто бы в меньшей степени затрагивает места их проживания. Сегодня высказывается предположение, что там было больше кошек и, следовательно, меньше крыс, поскольку у христиан кошки ассоциировались с колдовством. Как бы там ни было, во время эпидемии многие приходили к простому выводу, что евреи отравили колодцы, из которых христиане берут воду. В результате совершались массовые убийства. Это было временем страха, а страх требует жертв.

"Древо сражений", рисунок из рукописи XV века. Обратите внимание, что ангелы противоборствуют ангелам, правители – правителям, епископы – епископам и так далее, но никто не борется против вышестоящих сил.

Тем временем обстановка в Константинополе осложнилась. Четвертый крестовый поход и последующий период католического правления привели к ослаблению Константинополя. После восстановления Византийской империи некоторые области, отделившиеся от Константинополя в ходе борьбы с латинскими завоевателями, сохранили независимость. Несмотря на громкое название, Византийская империя представляла собой почти исключительно город Константинополь с его окрестностями. Возрастала угроза со стороны турок, которые не двинулись на Константинополь только потому, что были заняты более неотложными делами – борьбой с албанцами, венграми и на востоке – с монголами. В 1422 году турки осадили Константинополь, но были вынуждены снять осаду, так как на них напали другие противники. К середине века стало ясно, что султан Мохаммед II мечтает взять Константинополь и сделать его столицей своей империи.

У византийских императоров не оставалось иного выхода, кроме обращения к Западу. Условием папы ставили примирение церквей, и оно было достигнуто на Ферраро-Флорентийском соборе в 1439 году. Но это не помогло Византийской империи, так как папе не удалось уговорить западных христиан прийти на помощь осажденному городу. Более того, решения собора привели многих подданных империи к убеждению, что их руководители капитулировали перед ересью и что защищать их не стоит. В 1443 году патриархи Иерусалима, Александрии и Антиохии отвергли решения собора и порвали связь с Константинополем. Аналогичную позицию заняла Русская церковь. Таким образом, Константинополь остался в одиночестве, и император Константин XI был вынужден продолжить политику сближения с Римом в надежде, что Западная Европа так или иначе окажет ему помощь. В конце 1452 года, после четырех с лишним веков взаимных отлучений, в Софийском соборе была отслужена католическая месса.

Но дни Константинополя были сочтены. 7 апреля 1453 года Мохаммед II осадил город. Древние стены

не могли выдержать ударов его артиллерии, которую ему создали нанятые на службу христианские мастера-литейщики. Осажденные сражались храбро, но вокруг них рушились стены. 28 мая в Софийском соборе была совершена торжественная служба. 29 мая город пал. Импфатор Константин XI Палеолог погиб в бою. Турки ворвались в город и грабили его в течение трех дней и трех ночей, как им обещал султан. Затем во владение городом вступил Мохаммед П. В Софийском храме, великом соборе Востока, зазвучало имя Пророка. Мечта Константина о новом христианском Риме окончательно развеялась.

26.2 Папство под сенью Франции

В предшествующем разделе мы рассмотрели ряд событий, произошедших в XIII и XIV веках. Они показывают, в каких условиях жила церковь в эти трудные времена. Вернемся теперь к концу XIII века, к избранию Бонифация VIII (1294 год), на котором мы остановились в предыдущей главе.

Бенедетто Гаэтани, ставший Бонифацием VIII, резко отличался от предыдущего папы Целестина V. Целестин потерпел поражение, так как в своей святой простоте не мог понять двуличия и интриг людей, с которыми он имел дело. Гаэтани же при общении с королями и властелинами чувствовал себя вполне уверенно и благодаря опыту на дипломатическом поприще хорошо разбирался в интригах, которые постоянно плелись в европейских дворах. Оба они были искренними людьми, стремившимися к реформированию церкви. Но Целестин пытался осуществить реформу за счет распространения францисканской простоты, а Бонифаций намеревался достичь той же цели, применив силу. Среди людей, занимавших Престол святого Петра, Целестин был одним из самых смиренных, а Бонифаций одним из самых высокомерных.

Избранием Бонифация довольны были не все. Помимо могущественного семейства Колонна в Италии, надеявшегося завладеть папским престолом, были еще крайние францисканцы, или "фратичелли", вокруг которых объединялись многие сторонники Целестина. Как среди братьев-фратичелли, так и среди представителей низших классов общества, единственной надеждой которых было наступление новой эпохи, многие верили, что избрание Целестина ознаменовало начало "эры Духа", предсказанной Иоахимом Флорским. Его отречение стало тяжелым ударом, и многие отказывались смириться с этим, утверждая, что отречься его принудил Гаэтани. Другие заявляли, что даже если отречение Целестина было добровольным, он все равно остается папой, пусть и против собственной воли, так как папа не имеет права слагать свои полномочия. Когда Целестин умер, сторонники таких позиций распространили слух – по всей видимости, ложный или, по крайней мере, сильно преувеличенный, – что Бонифаций грубо с ним обошелся, в результате чего наступила смерть.

Несмотря на такое сопротивление, первые годы правления Бонифация были для него очень удачными. Он решил навести порядок в Италии и весьма в этом преуспел. Он организовал кампанию против семейного клана Колонна, своего самого сильного противника в Италии, в результате которой его члены лишились своих земель и замков и были вынуждены отправиться в изгнание. В Германии Альберт Габсбург восстал против Адольфа Нассауского и убил его. Бонифаций назвал его бунтовщиком и цареубийцей, и Альберт был вынужден пойти на примирение на условиях, повышавших престиж папы. Англия и Франция стояли на пороге войны, которая станет прелюдией к Столетней войне, и Бонифаций решил примирить их. Когда французский король Филипп IV и английский король Эдуард I отказались прислушаться к его увещеваниям, он прибег к более энергичным действиям и выпустил буллу *Clericis laicos,* запрещавшую духовенству каким бы то ни было образом содействовать светским властям. Тем самым он надеялся оказать на двух королей экономическое давление. В ответ они предприняли меры, направленные против духовенства и папства, и продолжили войну. Но все это не принесло никаких результатов, так как ни одна из сторон не смогла добиться решающего преимущества, и в конце концов

два короля были вынуждены принять посредничество папы, хотя Филипп дал ясно понять, что он согласен на посредничество частного лица Бенедетто Гаэтани, а не папы. Тем временем Шотландия, стоявшая перед угрозой английского вторжения, объявила себя феодальным владением папского престола. Хотя Англия в целом игнорировала покровительство, которое теоретически получала Шотландия, Бонифаций усмотрел в этом еще одно подтверждение всеобъемлющей власти папы.

Высшей точки его понтификат достиг в 1300 году. Он провозгласил его великим юбилейным годом и обещал полное отпущение грехов всем, кто посетит гроб святого Петра. Рим наводнился паломниками, пришедшими поклониться не только Петру, но и его преемнику, казавшемуся самой выдающейся фигурой в Европе.

Но обострялись отношения с Францией. Филипп предоставил убежище и оказывал поддержку Шарре Колонне, одному из злейших врагов Бонифация. Он также бросил вызов папе, конфисковав церковные земли и предложив руку своей сестры императору, которого Бонифаций объявил узурпатором и цареубийцей. Переписка между Францией и Римом носила почти оскорбительный характер. Французский посол при папском дворе вел себя вызывающе по отношению к папе, а король жаловался, что легат Бонифация тоже оскорбляет его. В начале 1302 года в присутствии короля сожгли папскую буллу, а позднее в том же году Филипп созвал Генеральные штаты (французский парламент), чтобы добиться одобрения его политики в отношении Рима. Следует отметить, что на этом заседании Генеральных штатов помимо двух традиционных сословий (дворянства и духовенства) впервые присутствовали представители "третьего сословия" – буржуазии. Это собрание направило несколько посланий в Рим в поддержку политики Филиппа.

Бонифаций ответил буллой *Unam Sanctam,* выдержку из которой мы привели в предыдущей главе как пример папских претензий на всеобъемлющую власть в церковных и политических делах. Затем он призвал французских прелатов собраться в Риме для обсуждения вопроса об отношении к королю Филиппу. Тот в свою очередь издал указ, запрещавший епископам под страхом конфискации всего их имущества покидать пределы королевства без его личного разрешения. Он также спешно заключил перемирие с английским королем Эдуардом. Папа со своей стороны решил предать забвению, что германский император Альберт – узурпатор и цареубийца, и заключил с ним союз, призвав всех немецких феодалов признать его императором. На заседании французских Генеральных штатов один из ближайших советников Филиппа Гийом Ногаре обвинил Бонифация в ереси, содомии и незаконном присвоении титула папы. В соответствии с пожеланиями короля, депутаты попросили Филиппа как "хранителя веры" созвать собор для суда над "лжепапой". Дабы обеспечить себе поддержку со стороны духовенства еще до созыва собора, Филипп издал "Декреталии", подтверждавшие все привилегии французского духовенства.

У Бонифация оставалось последнее средство, которым его предшественники неоднократно пользовались для подавления сопротивления непокорных правителей, – отлучение от церкви. Он созвал ближайших помощников в родном городе Ананьи, где подготовил буллу об отлучении, которую предполагал обнародовать 8 сентября. Но французы понимали, что противостояние достигло высшей точки. Шарра Колонна и Гийом Ногаре прибыли в Италию и подготовились к такому повороту событий – сформировав небольшой вооруженный отряд, они 7 сентября, за день до предполагавшегося оглашения приговора об отлучении от церкви, прибыли в Ананьи и похитили папу, а его резиденция и дома его родственников были разграблены толпой.

Ногаре ставил целью принудить Бонифация к отречению. Но престарелый папа проявил твердость и заявил похитителям: "Вот вам моя шея, вот вам моя голова". Ногаре дал ему пощечину, а затем папу усадили задом наперед на лошадь и провезли по городу.

Среди кардиналов, присутствовавших в Ананьи, верными сторонниками униженного папы остались

только двое – Петр Испанский и Николай Боккасини. В конце концов Боккасини с помощью людей, возмущенных таким отношением к папе, удалось освободить его и изгнать из города французов и их пособников.

Но зло было совершено. По возвращении в Рим Бонифаций уже не пользовался таким уважением, как раньше. Вскоре после событий в Ананьи он умер. Его враги распространяли слухи, что он покончил жизнь самоубийством, но на самом деле он просто тихо скончался в окружении ближайших друзей.

Оказавшись в сложной ситуации, кардиналы поспешили избрать папой Боккасини, принявшего имя Бенедикта XI. Он был доминиканцем скромного происхождения, отличался искренним благочестием и стремился проводить политику примирения. Он вернул семейству Колонна земли, конфискованные Бонифацием, простил всех врагов Бонифация, за исключением Ногаре и Шарры Колонны, и предложил мир Филиппу. Но этого было недостаточно. Филипп настаивал на созыве собора для суда над умершим папой. На это Бенедикт согласиться не мог, ибо тем самым был бы нанесен серьезный ущерб папскому авторитету. С другой стороны, высказывались обвинения, что новый папа идет на чрезмерные уступки тем, кто посягал на папскую власть. Он подвергался критике с двух сторон, но его понтификат продолжался очень недолго. Вскоре после его смерти распространились слухи, что его отравили, и каждая из противоборствующих партий обвиняла в этом другую. Но каких-либо доказательств отравления нет.

Избрание следующего папы стало трудным делом, так как каждая партия настаивала на избрании своего кандидата. В конечном счете профранцузская партия, воспользовавшись обманом, добилась согласия кардиналов на избрание Климента V. Это стало возможным потому, что новый папа, на словах занимая сторону защитников памяти Бонифация, поддерживал связь с французами. Папа, избранный при таких обстоятельствах, не мог являть собой пример стойкости духа и твердости. За все время своего правления (1305-1314) Климент V ни разу не посетил Рим. Римляне настаивали на перенесении его резиденции в их город, но Филипп держал его во Франции под своим присмотром. За время своего понтификата Климент V назначил двадцать четыре кардинала, и все они, за единственным исключением, были французами. Более того, некоторые из них были его родственниками, и тем самым создавалась и поощрялась практика непотизма, которая станет одной из самых серьезных болезней церкви вплоть до XVI века.

Защита Климентом памяти Бонифация тоже была неубедительной. Он отказывался созвать собор, которого хотели французы. Но собор, в сущности, был и не нужен, так как Климент мало-помалу уничтожил все, что сделал Бонифаций, простил Ногаре и его сообщников и даже заявил, что во всем этом деле Филипп вел себя "замечательно".

Но самым позорным событием этого слабого понтификата стали арест тамплиеров и суд над ними. Они были членами одного из военизированных рыцарских орденов, созданных во время крестовых походов, и в принципе существование ордена потеряло смысл. Но он был богатым и могущественным. В период, когда король укреплял свою власть над знатью, сила и богатство тамплиеров препятствовали проводившейся им политике централизации. Так как рыцари-тамплиеры были членами монашеского ордена, их нельзя было подчинить напрямую светским властям, поэтому Филипп решил обвинить их в ереси и заставить слабого Климента уничтожить орден, дабы основная часть его богатства перешла во французскую казну.

Неожиданно арестовали всех тамплиеров, находившихся в то время во Франции. Некоторые из них под пыткой признались, что они были членами тайного ордена, направленного против христианской веры, что они поклонялись идолам, хулили Христа, плевали на крест и занимались содомией. Хотя многие выдержали пытки, показаний тех, кто сломался и сделал соответствующие признания, было достаточно для продолжения судебного процесса над орденом в целом. Среди признавшихся был и великий магистр

ордена Жак де Моле, полагавший, по-видимому, что обвинения были настолько абсурдными, что в них никто не поверит.

Тамплиеры надеялись, что папа выступит в их защиту и выразит протест против совершающейся несправедливости. Но Климент сделал прямо противоположное. Получив от королевских должностных лиц протоколы с признаниями тамплиеров, он приказал арестовать всех членов ордена, находившихся за пределами Франции, чтобы предотвратить любые действия, которые они могли предпринять в отношении своих арестованных братьев. Узнав, что признания получены под пытками, он приказал прекратить их, заявив, что сам будет судить тамплиеров и что они неподсудны гражданским властям. Но обвиняемые оставались в тюрьме, и папа не сделал ничего для их освобождения. Затем король обвинил Климента в подстрекательстве к тем злодействам, которые якобы совершали тамплиеры, и Климент, в очередной раз уступив, согласился созвать собор для рассмотрения вопроса.

Филипп и Ногаре надеялись, что собор пойдет у них на поводу, но его участники проявили большую непреклонность, чем папа. Возможно, епископам было стыдно за мягкотелость своего руководителя. Они настаивали на повторном слушании дела с предоставлением обвиняемым возможности выступить в свою защиту. В конце концов, когда собор занимался рассмотрением других вопросов, Филипп и Климент пришли к соглашению. Тамплиеров не будут судить за их предполагаемые преступления, но орден будет распущен административным решением папы, а имущество передано другому ордену. Собор, не имевший более полномочий в этом деле, был распущен. Что касается богатства тамплиеров, большая его часть отошла Филиппу, представившему папе огромный счет судебных издержек и настоявшему на его первоочередной оплате.

Многие тамплиеры остаток жизни провели в тюрьмах. Когда Жака де Моле с одним из его рыцарей привели в собор Парижской Богоматери для покаяния в грехах и опровержения тем самым утверждений о совершении в их отношении серьезного преступления, они отказались от признаний и заявили, что все обвинения были ложными. В тот же день их сожгли на костре.

Климент V умер в 1314 году. Его понтификат стал предвестником грядущих событий. В 1309 году он сделал своей резиденцией Авиньон, город у самых границ Франции. В течение последующих почти семидесяти лет папы, продолжая называть себя Римскими епископами, находились в Авиньоне. Этот период, который часто называют "авиньонским папством" или "вавилонским пленением церкви", характеризовался не только отсутствием пап в Риме, но и готовностью папства служить инструментом французской политики.

После смерти Климента кардиналы не смогли договориться о кандидатуре следующего папы. Поэтому они избрали семидесятидвухлетнего человека в надежде, что его понтификат будет коротким и за это время они придут к согласию. Но этот папа, принявший имя Иоанна XXII, удивил мир своей жизненной энергией и продолжительностью пребывания у власти (1316-1334). С помощью французов он стремился утвердить папскую власть в Италии и вследствие этого оказался втянутым в нескончаемую череду войн. Для финансирования этих войн и своего двора в Авиньоне Иоанн разработал сложную систему церковных налогов, вызывавшую всеобщее недовольство, особенно среди противников его профранцузской ориентации.

Бенедикт XII (1334-1342), обещавший римлянам вернуться в их город, начал строительство большого дворца в Авиньоне. Кроме того, несмотря на данное обещание римлянам, он перевез папские архивы в Авиньон. Весь авторитет папской власти он поставил на службу французской короне, а поскольку происходило это во время Столетней войны, такая политика отталкивала от него Англию и ее основного союзника – империю. Климент VI (1342-1352) пытался стать посредником между французами и англичанами, но было ясно, что вторые считают его сторонником первых, и все его усилия оказались

бесплодными. Во время его правления, отмеченного расцветом непотизма, авиньонский двор своей пышностью и роскошью соперничал с дворами наиболее крупных светских феодальных сеньоров. Именно в то время разразилась эпидемия, и многие считали, что она стала Божьим наказанием за уход пап из Рима. Следующий папа Иннокентий VI (1352-1362) начал договариваться о возвращении в Рим, но умер, не успев осуществить свой замысел. Урбан V (1362-1370) был реформаторски настроенным человеком и вел крайне дисциплинированную жизнь. В авиньонском дворе он произвел радикальные преобразования, удалив из него всех, кто не следовал его аскетическому образу жизни. В 1365 году он вернулся в Рим, где встретил восторженный прием. Но ему не удалось сохранить лояльное отношение римлян, а в Италии происходили такие беспорядки, что он решил вернуться в Авиньон. Следующим папой стал Григорий XI (1370-1378), которого кардиналом в семнадцатилетнем возрасте сделал его дядя Климент VI. Именно в это время Екатерина Сиенская обратилась к папе с призывом вернуться в Рим.

В молодом возрасте Екатерина вступила в орден "Покаянных сестер святого Доминика". Это была организация с гибкими правилами, согласно которым ее члены проживали дома, но проводили жизнь в покаянии и созерцании. Два года спустя она получила видение, в котором Иисус сочетался с ней мистическим браком и повелел ей служить людям. Затем наступил второй этап ее жизни, в ходе которого значительную часть времени она уделяла помощи бедным и больным. Она стала известным учителем-мистиком, и вокруг нее образовался кружок из мужчин и женщин, многие из которых были гораздо образованнее ее и которых она учила основным принципам созерцания. Некоторые из ее учеников были доминиканцами, хорошо разбиравшимися в богословских вопросах, и от них Екатерина получила богословские знания, позволившие ей избежать ошибок других мистиков, осужденных церковью.

В 1370 году, когда был избран Григорий, она пережила еще один мистический опыт. В течение четырех часов она лежала в таком состоянии, что друзья сочли ее мертвой. Но она проснулась, заявила, что получила видение, и начала кампанию по возвращению папского престола в Рим. Для этого надо было создать необходимые условия, так как непрекращавшиеся войны в Италии делали пребывание в ней папы небезопасным. С этой целью она ездила из города в город, где ей навстречу выходило множество народа, среди которого распространились слухи о совершавшихся ею чудесах. В течение всего этого времени она писала смиренные, но твердые письма папе, которого называла "нашим нежным отцом", что не мешало ей напоминать об "оскорблении Бога" долгим пребыванием в Авиньоне. До какой степени все это повлияло на Григория, не ясно. Но 17 января 1377 года он появился в Риме, где был встречен с энтузиазмом. Долгий период "авиньонского пленения" закончился.

Величественный замок в Авиньоне, строительство которого начал Бенедикт XII, стал постоянной резиденцией римских пап.

Екатерина умерла через три года после этих событий. Сто лет спустя она была канонизирована римско-католической церковью, а в 1970 году Павел VI провозгласил ее "доктором церкви" – сделав одной из двух женщин, удостоившихся этого звания.

Короче говоря, длительный период пребывания пап в Авиньоне имел тяжелые последствия для жизни церкви. Все это происходило во время Столетней войны, и папство было инструментом французской политики. Поэтому страны, воевавшие против Франции, привыкли относиться к папству как к чужеродной силе. Обида на пап усугублялась и ростом национальной гордости. Авиньонский двор, а также постоянные войны и интриги, в которых он участвовал, требовали значительных расходов, поэтому Иоанн XXII и его преемники изобретали всевозможные средства для пополнения денежных запасов. Когда чья-либо должность становилась вакантной, связанные с ней доходы за год должны были отправляться в Рим. Но если вакансия была более длительной, доходы продолжали поступать в Авиньон. Поэтому папы были крайне заинтересованы в частых вакансиях. Такое положение дел не лучшим образом отражалось на пастырском служении церкви, которое часто прерывалось длительными вакансиями. Все это сопровождалось и продажей церковных должностей – той самой симонией, с которой боролись Григорий VII и другие сторонники реформы. Церковные должности были хорошим источником дохода, поэтому были люди, занимавшие сразу несколько из них и, следовательно, большую часть времени не выполнявшие своих обязанностей. Эти беды, обычно называемые симонией, плюрализмом и абсентеизмом, усугублялись практикой, пример которой подавали многие папы: непотизмом, то есть назначением на высокие должности своих родственников. К концу "вавилонского пленения церкви" многие начали требовать ее реформирования. Поскольку в реформировании нуждалось и само папство, это требование часто сопровождалось попытками ограничить власть пап или перевести ее в чисто духовную сферу.

26.3 Великий раскол Западной церкви

Мечта Екатерины Сиенской как будто бы исполнилась, когда Григорий XI вернул папский престол в Рим. Но политические условия, сложившиеся во время "вавилонского пленения церкви", не изменились. Вскоре возникли такие трудности, что Григорий подумывал о возвращении в Авиньон, и, по-видимому, так бы оно и произошло, если бы его планы не нарушила смерть. И менно тогда создалась обстановка еще более напряженная, чем во время "вавилонского пленения".

Когда освободился папский престол, у римлян возникло опасение, что вновь избранный папа захочет вернуться в Авиньон или по крайней мере будет служить интересам Франции, как это делали предыдущие папы. Для таких опасений были веские основания, так как французские кардиналы значительно превосходили числом итальянских, и многие из них говорили, что предпочитают Авиньон Риму. Вполне вероятно, была возможность, что кардиналы покинут Рим и соберутся где-то еще, может быть, под покровительством французов, для избрания папой француза, который вернется в Авиньон. Слухи о возможном бегстве кардиналов привели к возникновению беспорядков. В помещение, предназначенное для собрания конклава, ворвалась толпа, не пожелавшая покинуть его, не обыскав все здание и не убедившись, что у кардиналов нет возможности для бегства. Все это время из толпы как внутри здания, так и снаружи раздавались требования избрать папой римлянина или по меньшей мере итальянца.

В таких условиях конклав не решился избрать папой француза. После долгих обсуждений кардиналы остановили выбор на архиепископе города Бари, итальянце, принявшем имя Урбана VI. В торжественной обстановке и в присутствии всех кардиналов, как итальянских, так и французских, Урбан был коронован в пасхальное воскресенье 1378 года.

Казалось, что коронование Урбана VI знаменует начало новой эпохи. Он был человеком скромного происхождения, вел аскетический образ жизни и явно намеревался проводить реформы, к которым столь многие призывали. Но было также ясно, что при этом его отношения со многими кардиналами осложнятся, ибо кардиналы привыкли к роскошной жизни и для них занимаемое положение было средством

обогащения и повышения благополучия своих семей. Даже самый осторожный и дипломатичный папа при проведении крайне необходимых реформ столкнулся бы с большими трудностями.

Но Урбан не был ни осторожным, ни выдержанным человеком. Горя нетерпением положить конец абсентеизму, он заявил, что епископы, находящиеся при его дворе, а не в своих епархиях, предают Христа и совершают клятвопреступление. Со своей кафедры он метал громы и молнии против показного благочестия кардиналов и утверждал, что прелат, получивший какой бы то ни было подарок, виновен в симонии и должен быть отлучен от церкви. Пытаясь вырвать власть из рук французов, он решил назначить новых итальянских кардиналов в таком количестве, чтобы они составили большинство. Затем он совершил неблагоразумный поступок, заранее сообщив о своем намерении французам.

Это действительно были реформы, которых многие ждали. Но действия Урбана против кардиналов как будто бы подтверждали слухи о том, что у него повредился рассудок. Его реакция на эти слухи делала их еще более достоверными. Кроме того, заявляя о стремлении реформировать церковь, он одновременно продолжал назначать на высокие должности своих родственников, давая тем самым повод обвинить его в непотизме.

В ряды оппозиции вставало все больше кардиналов. Сначала французы, а затем многие итальянцы покинули Рим и собрались в Ананьи. Там они заявили, что избрали Урбана по принуждению и что такое избрание не имеет силы. Они предпочли не вспоминать, что после избрания все они приняли участие в коронации и не высказали никакого протеста. Они забыли также, что в течение нескольких месяцев состояли при папском дворе Урбана, не выражая никаких сомнений в законности его избрания.

В ответ Урбан назначил двадцать шесть новых кардиналов из числа наиболее верных своих сторонников. Тем самым его приверженцы должны были составить в коллегии кардиналов большинство, поэтому несогласные заявили, что кардиналы, назначенные лжепапой, не могут считаться истинными кардиналами и что пора приступить к законному избранию папы.

Собравшись на конклав, те же самые кардиналы, которые ранее избрали Урбана и какое-то время служили ему, теперь все, кроме одного, проголосовали за нового папу, объявив его законным преемником святого Петра. Присутствовавшие при этом итальянские кардиналы воздержались от голосования, но не протестовали.

Сложилась беспрецедентная ситуация. Раньше бывали случаи, когда на папский престол претендовали два или даже три человека. Но теперь впервые появилось два папы, избранных одними и теми же кардиналами. Один из них, Урбан VI, от которого отреклись избравшие его, создал собственную коллегию кардиналов. Второй, принявший имя Климента VII, пользовался поддержкой кардиналов, олицетворявших преемственность с прошлым. Таким образом, весь западный христианский мир встал перед выбором одной из сторон.

Выбор был нелегким. Урбана VI избрали по всем правилам, несмотря на запоздалые протесты тех, кто за него проголосовал. Его противник уже самим фактом выбора имени Климента продемонстрировал свою приверженность политике, проводившейся папами в Авиньоне. Но, с другой стороны, Урбан не проявил достаточной мудрости в руководстве церковью в эти трудные времена, тогда как Климент был опытным дипломатом, хотя и не отличался благочестием, что признавали даже его сторонники.

Сразу же после избрания Климент выступил против Урбана и напал на Рим. Город ему взять не удалось, и он обосновался в Авиньоне. В результате стало два папы – один в Риме, а другой в Авиньоне, у каждого из которых были свой двор и своя коллегия кардиналов, и каждый из них стремился добиться признания европейских монархов.

Как и следовало ожидать, Франция встала на сторону авиньонского папы, и за ней последовала

Шотландия – ее давний союзник в войне против Англии. Это означало, что Англия поддержит противоположную сторону, так как авиньонское папство угрожало ее интересам. Скандинавия, Фландрия, Венгрия и Польша тоже сделали выбор в пользу Урбана. В Германии император, который был союзником Англии в войне против Франции, проводил ту же линию, но многие феодалы и епископы, имевшие собственные причины для противоборства императору, объявили о своей поддержке Климента. Португалия неоднократно меняла позицию. Кастилия и Арагон сначала поддерживали Урбана, но затем перешли на сторону Климента. В Италии каждый город и каждый правитель проводили собственный курс, а Неаполитанское королевство принимало то одну сторону, то другую.

Немногие оставшиеся ей годы жизни Екатерина Сиенская посвятила защите Урбана. Но это было трудным делом, тем более что Урбан решил создать княжество для своего племянника и ради этого ввязался в череду бессмысленных войн. Когда некоторые из его кардиналов предложили ему изменить политику, он приказал их арестовать, и до сих пор неизвестно, как они умерли.

Раскол был вызван не только столкновением интересов двух пап, поэтому после их смерти избрали других для продолжения той же линии. Когда в 1389 году умер Урбан, его кардиналы поставили Бонифация IX. Принятием этого имени новый папа показал, что намеревается следовать политике Бонифация VIII, который был убежденным противником французской короны. Но этот новый Бонифаций отверг реформы Урбана, и его понтификат дал новый импульс практике симонии. По сути симонии способствовал сам раскол, так как каждый из пап нуждался в средствах для борьбы с противником, а продажа церковных должностей была удобным способом для их получения.

В 1394 году богословы Парижского университета представили королю предложения о путях преодоления раскола: первое – оба папы уходят в отставку, и избирается новый папа; второе – вопрос решается путем переговоров и третейского суда; третье – для решения вопроса созывается всеобщий собор. Из этих трех решений предпочтение богословы отдавали первому, так как два других ставили трудные вопросы относительно того, кто может быть третейским судьей или кто обладает полномочиями для созыва собора. Король Карл VI последовал совету богословов и, когда Климент VII умер, попросил авиньонских кардиналов не избирать нового папу в надежде, что папу в Риме удастся убедить в необходимости отречения.

Но раскол, вызванный, в частности, защитой французских интересов, уже сам диктовал развитие событий. Кардиналы в Авиньоне, опасавшиеся ослабления своих позиций, если у них не будет собственного папы, поспешили избрать испанского кардинала Педро де Луна, принявшего имя Бенедикта XIII. Теперь король, стремившийся исполнить свой замысел и принудить к отречению обоих пап, имел уже дело с двумя противоборствующими сторонами, у каждой из которых был свой папа, а не только с папой в Риме, которому противостояла бы обезглавленная коллегия кардиналов в Авиньоне. Но Карл VI продолжил свою линию. Его посланники при европейских дворах пытались убедить монархов оказать давление на обоих пап и склонить тех к отречению. Созванный в самой Франции собор отказал Бенедикту в поддержке. Французские войска осадили Авиньон. Но Бенедикт сумел продержаться до тех пор, пока изменившаяся политическая обстановка не вынудила Карла отказаться от своих намерений и в очередной раз выступить в поддержку авиньонского папства.

Эти события свидетельствовали, что христианский мир устал от противоборства, и если два папы не собирались положить расколу конец, за них это готовы были сделать другие. Поэтому Бенедикт XIII и римские папы – сначала Бонифаций IX, затем Иннокентий VII и, наконец, Григорий XII – предпринимали меры, которые должны были показать, что они стараются преодолеть раскол, но этому противится противоборствующая сторона. Особенно недвусмысленно эти ухищрения проявились в сентябре 1407 года, когда Бенедикт XIII и Григорий XII договорились о встрече. Нов мае следующего года встреча не

состоялась. Два папы находились всего в нескольких километрах друг от друга, и Бенедикт пришел в назначенное место, а Григорий не двинулся с места.

Учитывая это и понимая, что Европа устала от таких игр, римские кардиналы порвали со своим папой и начали переговоры с Авиньоном. Франция же перестала поддерживать Бенедикта и его сторонников и возобновила усилия по преодолению раскола. Соборное движение, развивавшееся многие годы, должно было вот-вот принести плоды.

27 Поиски путей реформации

Следовательно, папа – не глава, а кардиналы – не все Тело святой, католической и вселенской церкви. Глава – только Христос, а Тело – Его последователи, каждый из которых является членом этого Тела.

Ян Гус

Плачевное состояние церкви в XIV и XV веках вызывало к жизни различныереформаторские движения. Сторонники одного из них, соборного движения, надеялись преодолеть раскол и положить конец такому бесчестью, как симония и непотизм, без существенного изменения общепринятых христианских догматов. Другие, в частности Джон Уиклиф и Ян Гус, пришли к выводу, что реформировать надо не только повседневную жизнь церкви, но и ее учение. Третьи выражали апокалиптические надежды, распространенные среди бедных и угнетенных. К рассмотрению этих различных реформаторских движений мы сейчас и обратимся. Но читатель должен иметь в виду, что для большей ясности изложения мы не будем придерживаться строго хронологического порядка. Так, сначала мы продолжим рассказ с того места, на котором остановились в предыдущей главе, когда Европа искала пути преодоления раскола, а затем вернемся назад и поговорим о Джоне Уиклифе, который жил до времени расцвета соборного движения.

27.1 Соборное движение

В IV веке, когда арианская ересь поставила под угрозу единство церкви, Константин созвал собор. В последующие века так же поступали и при разрешении других кризисов. Но затем по мере усиления власти пап соборы стали все больше превращаться в инструмент проведения их политики и осуществления их замыслов, как мы видели на примере IV Латеранского собора, принявшего решения, предложенные Иннокентием III. Теперь же, когда вследствие "вавилонского пленения" и последовавшего раскола авторитет папства резко упал, многие надеялись, что восстановить единство и реформировать церковь сможет только вселенский собор. Идеологи соборного движения (концилиаризма) постепенно пришли к выводу, что вселенский собор, представляющий церковь в целом, обладает большими полномочиями, чем папа. Если это так, вопрос о правомочности того или иного папы должен решаться не самими папами, которые, естественно, не смогут прийти к соглашению, а собором. Но это простое решение наталкивалось на серьезную проблему – кто обладает полномочиями для созыва собора. В случае созыва собора одной или другой партией существовала опасность, что его исход будет заранее предопределен и раскол сохранится.

Эту трудность удалось преодолеть, когда вследствие отказа пап вести переговоры кардиналы из обоих лагерей выступили с совместным призывом провести всеобщий собор, который должен был состояться в Пизе в 1409 году. Оба папы попытались провести заранее собственные соборы, но это им не удалось. Продолжая настаивать на законности именно своего избрания, они укрылись в своих укрепленных цитаделях.

Собор в Пизе пользовался поддержкой как двух коллегий кардиналов, так и большинства европейских дворов. Собор не стал заниматься рассмотрением вопроса о законности того или другого папы, он просто объявил обоих недостойными и, следовательно, незаконными и лишил их сана. Собор принял также меры в отношении симонии и других злоупотреблений, а на место двух низложенных пап избрал Александра V. Затем в полной уверенности, что он положил конец расколу, собор прекратил

работу.

Но обстановка еще больше обострилась, так как два уже существовавших папы отказались признать решения собора, и теперь уже стало три папы. Александр V был признан большинством правителей Европы, тем не менее у двух его соперников было достаточно возможностей отстаивать свои интересы. Александр умер меньше чем через год после избрания, и на его место кардиналы поставили Иоанна XXIII. Положить конец расколу не смогли ни Александр, ни Иоанн, более того, политические обстоятельства вынудили Иоанна бежать из Италии и искать защиты у императора Сигизмунда в Германии, решившего, что настало время для созыва еще одного собора, который должен положить конец расколу. (Читатель, может быть, недоумевает: как получилось, что был один Иоанн XXIII в XV веке и еще один Иоанн XXIII в XX веке. Ответ прост – римско-католическая церковь, признает законными только пап с резиденцией в Риме, то есть Урбана VI и его преемников. Папы же в Авиньоне и двое "пизанских пап", Александр V и Иоанн XXIII, считаются антипапами.)

В то время велась Столетняя война против Франции, поэтому Сигизмунд, у которого попросил убежища папа Иоанн, был самым могущественным монархом Европы. Он предоставил покровительство беглому папе при условии, что тот согласится на созыв еще одного вселенского собора. Папа согласился, и когда в 1414 году был созван Констанцский собор, Иоанн XXIII надеялся, что общее собрание поддержит его. Н о вскоре стало очевидным, что его амбиции и образ жизни не согласуются с реформаторскими целями собора и что он не может рассчитывать на благоприятный для себя результат обсуждений. Когда собор потребовал его отречения, Иоанн бежал. Он скрывался несколько месяцев. От него отступились все его сторонники. Его схватили, доставили в Констанц и принудили к отречению. Затем его приговорили к пожизненному заключению, чтобы он не мог больше претендовать на папский престол. Вскоре после этого римский папа Григорий XII заявил об отречении, как он и обещал, если его соперники сделают то же самое. Приняв несколько постановлений о реформе церкви, собор приступил к избранию нового папы. Кардиналы вместе с комиссией, назначенной собором, избрали Мартина V. Бенедикт XIII, последний папа авиньонской линии, нашел убежище в крепости и продолжал заявлять, что именно он – единственный законный папа. Но на него никто уже не обращал внимания, и когда он умер в 1423 году, преемника ему избирать не стали.

Участники собора в Констанце надеялись не только положить конец расколу, но и начать долгий процесс исцеления церкви от ереси и разложения. Имея в виду именно первый из этих пунктов, они осудили Яна Гуса, к которому мы еще вернемся в этой главе. Однако когда речь зашла о таких вещах, как симония, плюрализм и абсентеизм, собор решил, что он может принять по этому поводу постановление лишь самого общего характера. Поэтому было предписано принять меры для продолжения начатой линии, а последующим соборам, которые должны были созываться регулярно, надлежало следить за проведением в жизнь реформаторской политики Констанцского собора.

Следующий собор, как было установлено в Констанце, Мартин V созвал в 1423 году в Павии, а затем из-за эпидемии перенес его в Сиену. Он был очень непредставительным, и после принятия нескольких несущественных решений Мартину не составило труда распустить его.

Приближалось время созыва нового собора (1430 год), но Мартин не проявлял особого желания проводить его. В то же время он понимал, что концилиаристские настроения сохраняли силу и что его отказ созвать собор вызовет кризис. Он умер вскоре после начала работы собора, проводившегося на этот раз в Базеле, и его преемник Евгений IV объявил о его роспуске. Но собор отказался, и начались даже разговоры о суде над папой. Но тут вмешался император Сигизмунд, и Евгений отменил постановление о роспуске. К этому времени собор, не вызывавший поначалу особого интереса, начал привлекать всеобщее внимание, и казалось, что он взял верх над папой. Высказывались даже предложения, чтобы он работал постоянно и

напрямую руководил церковью.

Затем из Константинополя, которому угрожали турки, пришла просьба о помощи. Чтобы добиться помощи, византийский император и патриарх Константинопольский заявили о готовности присоединиться к Западной церкви и принять участие в работе собора, если он переберется в какой-нибудь город ближе к Константинополю. Евгений воспользовался возможностью и перенес собор в Феррару. Большинство участников собора отказались подчиниться, но остальные последовали за папой в Феррару в надежде положить конец продолжавшемуся веками разделению Восточной и Западной церквей. Таким образом, соборное движение, упрочившееся в противостоянии расколу папства, само оказалось расколотым, и теперь было два собора с одним папой.

Собор в Ферраре, перебравшийся затем во Флоренцию, завоевал широкое признание, когда в силу обстоятельств император и патриарх Константинопольский приняли его призыв к объединению под верховной властью папы.

Тем временем Базельский собор становился все более и более радикальным. Один за другим его покидали наиболее видные деятели, присоединявшиеся к собору папы. Оставшиеся на нем объявили о низложении Евгения и избрали на его место Феликса V. Теперь стало два собора и два папы, а концилиаристское движение, положившее конец папскому расколу, само его возродило. Но остатки Базельского собора и избранный им папа не оказали существенного влияния на жизнь церкви. В конце концов немногие оставшиеся члены собора перебрались в Лозанну, где самораспустились. В 1449 году Феликс V отказался от претензий на папский престол. Стало ясно, что папство одержало победу и что отныне соборы будут подчиняться ему, а не наоборот.

27.2 Джон Уиклиф

Дабы не прерывать рассказ, мы проследили историю папства и соборного движения вплоть до середины XV века. Мы увидели, что в реформаторских намерениях концилиаристов основной упор делался на нравственные и пастырские вопросы, такие как симония и абсентеизм. Но в то же самое время были другие движения, стремившиеся реформировать не только жизнь церкви, но и ее учение. Двумя наиболее выдающимися выразителями такого типа реформаторских взглядов были Джон Уиклиф и Ян Гус. Уиклиф жил во времена авиньонского папства и умер в самом начале великого раскола. Гус, которому мы посвятим следующий раздел этой главы, был осужден Констанцским собором.

О ранних годах Уиклифа известно мало. Большую часть жизни он провел в Оксфорде, где был известен своей эрудицией и безукоризненной логикой мысли, но не чувством юмора, которое у него полностью отсутствовало. В 1371 году он окончил университет и поступил на королевскую службу. Сначала он выполнял дипломатические миссии, а затем стал известным полемистом. Все это происходило во времена авиньонского папства, служившего интересам Франции. Поэтому английские власти благожелательно относились к аргументации Уиклифа о природе и границах владычества и власти. По его взглядам, вся законная власть исходит от Бога. Но эта власть должна строиться на примере Христа, Который пришел, чтобы служить, а не чтобы служили Ему. Власть, используемая в интересах правителя, а не тех, кем он управляет, – не истинная власть, а ее узурпация. То же самое относится к власти, пусть даже законной, которая выходит за пределы своих полномочий. Таким образом, нельзя считать законной любую так называемую церковную власть, которая собирает налоги ради собственной выгоды или вмешивается в дела, выходящие за рамки духовных вопросов.

Уиклифф отправляет своих "нищих проповедников". Картина У. Ф. Имса.

Естественно, такие взгляды находили понимание гражданских властей в Англии, постоянно конфликтовавших с папством именно по вопросам налогообложения и мирской власти пап. Но Уиклиф относился серьезно ко всему, что он говорил, и вскоре логика подвела его к утверждению, что сказанное им о церковной власти распространяется и на власть гражданскую. Ее тоже надо оценивать по тому, как она служит подданным. В результате Уиклиф потерял поддержку тех, кому раньше нравилась его прямота.

К этому времени его позиции стали еще более радикальными. Позорные перипетии великого раскола придали ему новые силы, и он начал учить, что истинная Церковь Христа – не папа и не видимая иерархия, а невидимое Тело, состоящее из людей, предопределенных для спасения. Эту мысль он позаимствовал у святого Августина Гиппонского. Точно знать, кто именно предопределен, невозможно, но кое о чем можно судить по плодам, которые производит человек, и такого рода суждения подводят к выводу, что многие церковные иерархи предопределены не к спасению, а к погибели. В конце жизни Уиклиф заявил, что папа, по всей видимости, тоже лишен спасения.

По мысли Уиклифа, Писание действительно принадлежит церкви и только церковь может правильно истолковывать Библию. Но церковь, которой принадлежит Писание, состоит из предопределенных, поэтому Библию надо вложить в их руки на их собственном языке. После смерти Уиклифа его последователи, воспринявшие этот призыв, позаботились о переводе Библии на английский язык.

Но наибольшие споры из всех теорий Уиклифа вызывало толкование им присутствия Христа в обряде причащения. В 1215 году IV Латеранский собор утвердил учение о пресуществлении. Уиклиф отвергал его, усмотрев в нем отрицание принципа, проявившегося в воплощении. Когда Бог соединился с человеческой природой, божественная природа не уничтожила человеческую. Равным образом, в обряде причащения тело Христа действительно присутствует в хлебе, но не уничтожает его. Тело Христа присутствует "евхаристическим", или "таинственным" образом. Но остается и хлеб.

Эти взгляды противоречили официально принятому догмату церкви, поэтому в Оксфорде, куда он вернулся, когда его популярность у гражданских властей пошла на убыль, многие объявили его еретиком. Некоторое время его держали под стражей, но он пользовался таким авторитетом, что вскоре ему разрешили продолжить писать и заниматься богословскими вопросами.

Наконец, в 1381 году он удалился в свой приход в Люттерворте. Тот факт, что у него был приход и что он получил его от короны в знак благодарности за оказанные услуги, свидетельствует о размахе в церкви злоупотреблений, порицавшихся реформаторами. Даже такой горячий приверженец реформ, как Уиклиф, жил в Оксфорде на доходы от церковной должности. А позднее, когда ему понадобились деньги, он поменял эту должность на менее доходную, получив разницу.

Уиклиф умер от апоплексического удара в 1384 году. Его похоронили в освященной земле, так как умер он в церкви. Но позднее Констанцский собор осудил его, и его останки были выкопаны из могилы и сожжены. Прах его бросили в реку Свифт.

Проповедовать теории Уиклифа ученики начали уже при его жизни. Отнюдь не очевидно, что он их к этому побуждал и что все из тех, кого впоследствии назвали лоллардами, были действительно последователями Уиклифа. Но как бы там ни было, вскоре появилось значительное число людей, которые придерживались примерно таких же взглядов, как и Уиклиф, перевели Библию на английский язык и проповедовали свое понимание христианской веры. Слово "лолларды" имеет уничижительный смысл – оно происходит от глагола, означающего "бормотать". Они были убеждены, что Библия принадлежит народу и должна быть ему возвращена, что священнослужители не могут занимать гражданских должностей и что иконы, безбрачие духовенства, паломничества и тому подобное – вещи отвратительные. Они также отвергали учение о пресуществлении и молитвы за мертвых. Многие из этих ключевых положений лоллардов предвосхищали протестантскую Реформацию.

Сначала среди лоллардов было много представителей баронов, рыцарей и знати, но затем это движение стало преимущественно народным. На определенном этапе лолларды попытались провести через Парламент изменения в законах, касающихся ереси. Но им это не удалось, и их положение пошатнулось. Большинство лоллардов из числа аристократии и рыцарства отреклись от своих взглядов и вернулись в лоно официальной церкви. Но некоторые из них продолжали упорствовать, и в 1413 году сэр Джон Оулдкастл поднял восстание, которое закончилось неудачей, а сам он был взят в плен и казнен. После этого движение утеряло позиции среди слоев феодалов. Но оно продолжало распространяться среди простого народа и становилось все более радикальным. Заговор лоллардов, раскрытый в 1431 году, преследовал цели как реформирования церкви, так и свержения правительства. Несмотря на постоянные преследования, движение лоллардов не исчезло. В начале XVI века оно пережило новый всплеск, и многие его последователи были приговорены к смертной казни. В конце концов остатки лоллардов пополнили в Англии ряды протестантов. Но задолго до этого идеи Уиклифа дошли до далекой Богемии.

27.3 Ян Гус

Богемия, расположенная на территории современной Чехии, стала центром еще одного реформаторского движения, которое церковные власти не смогли подавить. Его лидером был Ян Гус – известный проповедник и ученый, ставший в 1402 году ректором Пражского университета. Как ректор и ведущий служитель расположенной неподалеку Вифлеемской церкви, он отстаивал реформаторские идеи, сходные с теми, которые предлагали концилиаристы того времени. Он не имел в виду изменение традиционных учений церкви, он хотел лишь привести христианскую жизнь, прежде всего жизнь духовенства, в соответствие с ее высшими идеалами.

Сочинения Уиклифа в Богемию привезли чехи, учившиеся в Англии, – король Ричард II был женат на богемской принцессе. Эти сочинения произвели в университете сенсацию, хотя поначалу споры касались в основном особенностей философских взглядов Уиклифа. В университете существовало две группировки – немецкая и чешская, и вскоре это разделение отразилось на отношении преподавателей к философским концепциям Уиклифа – чехи принимали их, а немцы отвергали, ссылаясь главным образом на то, что они устарели. Затем немецкие ученые привнесли в дискуссию новую тему, касавшуюся ортодоксальности взглядов Уиклифа, поставив тем самым чехов в трудное положение, так как им пришлось защищать сочинения человека, чьи богословские концепции внушали сомнение и с которыми они сами были не вполне согласны. Гус, например, отстаивая право ученого изучать и обсуждать работы Уиклифа, признавал свое несогласие с ним в вопросе о присутствии Христа в обряде причащения и заявлял о своей приверженности учению о пресуществлении. В конечном счете при поддержке короля Богемии чехи одержали верх, а немецкие учителя ушли из Праги и основали свой университет в Лейпциге. Перед уходом они заявили, что делают это только потому, что Прага стала рассадником ереси, прежде всего –

уиклифовской. Таким образом, дискуссии о взглядах Уиклифа способствовали созданию представления о чехах как о еретиках.

Гус был сожжен по решению Констанцского собора.

Собор в Пизе попытался положить конец великой западной схизме, но в результате появилось три папы. Богемия поддерживала пизанских пап – сначала Александра V, а затем Иоанна XXIII. Архиепископ Пражский, враждебно относившийся к Гусу, добился от папы принятия эдикта о предании анафеме трудов Уиклифа, а также о разрешении проповедовать только в соборах, приходских церквах и монастырях. Поскольку Вифлеемская часовня не подпадала ни под одну из этих категорий, папский эдикт практически принуждал Гуса к молчанию. После глубоких размышлений Гус решил не подчиняться и продолжал проповедовать. В 1410 году его вызвали в Рим, где он должен был ответить за этот и другие акты неповиновения. Он отказался явиться в Рим и в 1411 году был отлучен от церкви. Но он пользовался поддержкой короля и народа Богемии, поэтому папский приговор особых последствий не имел.

Конфликт с пизанским папством привел Гуса к более радикальным взглядам. Прежде всего он пришел к выводу, что недостойному папе подчиняться не следует. Он не ставил под сомнение законность избрания пизанских пап. Сомнения у него вызывал их авторитет, так как было ясно, что они действуют в собственных интересах, а не в интересах церкви. Он пришел также в выводу, что высшим авторитетом обладает Библия, сверяясь с которой следует оценивать действия как папы, так и любого другого христианина. Нельзя повиноваться папе, который не повинуется Библии.

Причащение мирян от чаши с вином было одной из основных целей движения гуситов.

До сих пор Гус не говорил почти ничего, с чем не согласились бы наиболее радикальные концилиаристы. Но затем Иоанн XXIII объявил о походе на Неаполь, руководствуясь главным образом политическими соображениями, и решил финансировать его за счет продажи индульгенций. Гус, купивший индульгенцию двадцать лет назад, затем пришел к выводу, что дать прощение может только Бог и что продажа принадлежащего только Богу означает узурпацию. В данном же случае его возмущало, что ради

удовлетворения своих амбиций папа объявляет священной войну между христианами.

Король, нуждавшийся в поддержке папы Иоанна, приказал Гусу молчать. Но к тому времени его взгляды были уже широко известны, и происходили выступления протеста против угнетения чешского народа папством. Иоанн XXIII еще раз отлучил Гуса от церкви, и на этот раз реформатор, не хотевший втягивать в полемику весь народ, оставил Прагу и свою кафедру и удалился в сельскую местность, где продолжил писать сочинения о необходимости реформации. Там он узнал, что в Констанце собирается большой собор, что император Сигизмунд приглашает его выступить на нем в свою защиту и выдает ему для этого охранное свидетельство.

Собор обещал стать зарей нового века церкви, поэтому Гус не мог отказаться от приглашения. Возможно, думал он, ему удастся внести свой вклад в реформацию, которую начнет проводить собор. Но по прибытии в Констанц он убедился, что Иоанн XXIII намеревается судить его сам, а не на соборе. Гуса привели в папскую консисторию и приказали покаяться в ереси. На это он ответил, что с удовольствием покается, если кто-нибудь докажет ему, что он еретик. После бурной беседы его стали держать под арестом, сначала в его собственной резиденции, затем в дворце епископа и, наконец, в кельях различных монастырей. Император заявил протест в связи с неуважением к его охранному свидетельству. Но, поняв, что позиция Гуса не встречает отклика и что его могут счесть сторонником еретиков, он предусмотрительно умыл руки.

5 июня 1415 года Гуса привели на собор. За несколько дней до этого сбежавшего из города Иоанна XXIII под арестом привезли назад. Появилась надежда, что собор отнесется к Гусу как к противнику Иоанна и снимет выдвинутые против него обвинения. Но собор, как и император, хотел выглядеть стойким защитником ортодоксальности. Поэтому Гус предстал перед собором в цепях. Его организаторы хотели, чтобы Гус покорился собору, и заявили, что ему надо просто покаяться в ереси. Он ответил, что никогда не придерживался учений, в которых его обвиняют. Они повторили, что ему надо просто покаяться. Но этого Гус сделать не мог, ибо тем самым он признал бы еретиками не только себя, но и своих чешских друзей и последователей. В конце концов, убедившись, что честного суда от присутствующих добиться невозможно, он заявил: "Я взываю к Иисусу Христу, единственному всемогущему и совершенно справедливому судье. Предаю свое дело в Его руки, так как Он судит каждого на основании не лжесвидетельств и неверных советов, а истины и справедливости". Его отвели в тюрьму, где уговоры продолжились, так как организаторы собора ставили целью отречение, которое укрепило бы его авторитет, а не вынесение приговора, который побудил бы многих усомниться в его мудрости.

Наконец, 6 июля Гуса привели в собор. Там его одели в священнические одежды, которые затем с него сорвали. Голову обрили, чтобы лишить тонзуры, и надели на нее бумажную корону с изображением бесов. По пути к месту казни его провели мимо костра, в котором пылали его книги. Уже привязав Гуса к столбу, ему в последний раз предложили отречься, но он опять отказался. Затем он вслух помолился: "Господи Иисусе! Ради Тебя принимаю эту жестокую смерть. Прошу Тебя о милости к моим врагам". Слышно было, как перед самой своей смертью он пел псалмы. Несколько дней спустя был сожжен на костре и его соратник Иероним Пражский – наиболее видный выразитель взглядов Уиклифа в Богемии, решивший присоединиться к Гусу в Констанце. Палачи собрали прах и бросили его в озеро, чтобы от еретиков не осталось ничего. Но чехи увезли с собой кусочки земли с места казни Гуса как напоминание о совершенном в Констанце преступлении.

Богемцы негодовали и почти единодушно отреклись от собора. Четыреста пятьдесят два дворянина на своем собрании торжественно заявили о согласии с Гусом: недостойному папе повиноваться нельзя. Собор ответил постановлением о закрытии Пражского университета, вызовом непокорных дворян в Констанц и заявлением, что король Богемии поощряет ересь.

Гора Табор (Фавор) стала центром наиболее радикальных последователей Гуса.

В самой Богемии в оппозиции собору объединились несколько разных групп. Изначально гуситы были в основном представителями дворянства и буржуазии, но вскоре они получили поддержку более радикальных движений, основу которых составляли представители низших классов. Наиболее известным среди них были "табориты" – движение апокалиптической направленности, получившее широкое распространение среди крестьян еще до Гуса. Табориты отвергали все, что не находит прямого подтверждения в Писании, тогда как гуситы готовы были принять все, что с полной очевидностью не отвергается Библией. Другим движением, сходным с таборитским, но менее радикальным в своих апокалиптических воззрениях, были "хоривиты".

Под угрозой вооруженного вторжения эти группы пришли к согласию по "четырем пунктам", ставшим своего рода программой чешских "еретиков". Первый из них провозглашал свободу проповеди Божьего Слова во всем королевстве. Второй утверждал, что причащение должно совершаться "под обоими видами", то есть что миряне должны получать не только хлеб, но и чашу. К такому выводу Гус пришел в конце жизни, и вскоре этот принцип стал одним из основных требований всех гуситов. В-третьих, все были согласны, что духовенство должно отказаться от собственности и жить в "апостольской нищете". Наконец, четвертый пункт провозглашал, что такие тяжкие и очевидные грехи, как, например, симония, необходимо должным образом наказывать.

Затем умер король Вацлав, и его законным преемником стал Сигизмунд – германский император, предавший Гуса в Констанце. Чехи потребовали, чтобы он признал "четыре пункта", предусматривавшие свободу вероисповедания, и не назначал немцев на государственные должности. Такие условия Сигизмунд принять не мог, и по его просьбе папа призвал к крестовому походу против гуситов. Войска Сигизмунда подошли к Праге, но были наголову разбиты армией, состоявшей в основном из таборитов. Таборитов возглавил Ян Жижка, выходец из семьи мелкопоместного дворянства, сделавший их грозной военной силой. Его основным оружием стали крестьянские телеги, которые Жижка вооружил полотнами пил, превратив их тем самым в смертоносные военные колесницы. Во второй битве остатки воинства Сигизмунда были окончательно разгромлены. В следующем 1421 году армия, состоявшая из ста тысяч "крестоносцев", позорно бежала перед телегами Жижки. Третий поход, организованный через год, закончился еще до встречи с противником. Вскоре после этого Жижка, потерявший глаз в битве 1421 года, отошел от таборитов, взгляды которых начали казаться ему слишком мистическими, и присоединился к хоривитам. Он умер от чумы в 1424 году. Но чехи продолжали борьбу и отразили еще два нападения в 1427 и 1431 годах.

К тому времени Базельский собор пришел к выводу, что Констанцский собор к вопросу о чешских делах отнесся неразумно и пригласил гуситов на новый собор для обсуждения их разногласий с католиками. Но гуситы опасались повторения событий, приведших к суду над Гусом и к его смерти. Поэтому они потребовали гарантий, принятие на себя которых собор счел оскорбительным. Католики в очередной раз организовали поход на Богемию. И в очередной раз их разгромили.

Это последнее поражение убедило наконец католиков в необходимости вести переговоры. В результате переговоров церковь Богемии вернулась в лоно западного христианского мира, и при этом ей было разрешено совершать обряд причащения под обоими видами, а также придерживаться некоторых других принципов, изложенных в "четырех пунктах". Многие гуситы, главным образом из числа дворянства, согласились с этим, и Сигизмунд стал королем Богемии, однако умер спустя полтора года.

Но в Богемии с этим договором согласились не все. Многие вышли из официальной церкви и организовали *Unitas Fratntm* – "Союз братьев". Их число быстро росло, причем не только в Богемии, но и в соседней Моравии. Во время протестантской Реформации XVI века они установили тесные связи с протестантами, и одно время казалось, что они станут лютеранами. Но их начали преследовать габсбургские императоры – преданные сторонники католичества. Они рассеялись, и "Союз братьев" почти прекратил существование. Епископ братьев Ян Амос Коменский (1592-1670) из своей ссылки ободрял и поддерживал их в надежде, что срубленное под корень дерево когда-нибудь снова зацветет. Эти надежды осуществились через много лет после его смерти, и в ходе нашего дальнейшего рассказа мы увидим, какое влияние оказали бывшие члены *Unitas Fratrum,* которых стали называть "моравскими братьями". Другая их часть стала одной из многих церквей, придерживающихся кальвинистской направленности.

27.4 Джироламо Савонарола

Поздней осенью 1490 года у ворот Флоренции стоял доминиканский монах. Джироламо Савонарола, уроженец Феррары, большую часть своих тридцати трех лет провел в учебе и преданном служении. Это было не первое его посещение Флоренции – он жил там и раньше. Но флорентийцам, восхищавшимся его библейскими знаниями, не понравились его пылкие проповеди и "иноземный" (феррарский) акцент. Теперь он возвращался по приглашению Лоренцо Медичи Великолепного, который владел по сути всей Флоренцией и которому его рекомендовал известный ученый Пико делла Мирандола.

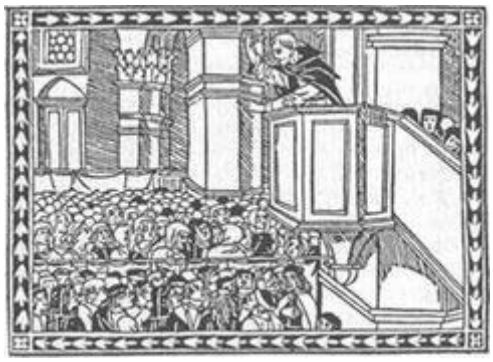
В монастыре святого Марка, куда он поступил, Савонарола проводил для своих братьев-монахов лекции с толкованием Писания. Вскоре на эти лекции, перенесенные из сада в церковь и превратившиеся в проповеди, стали приходить многие другие. Ко времени великого поста 1491 года он достиг такой известности, что его пригласили проповедовать в главной церкви Флоренции. То, что он говорил там о пороках своего времени и о пропасти, разделяющей истинную христианскую жизнь и любовь к роскоши, раздражало многих богатых людей. Особенное недовольство это вызывало у Лоренцо Медичи, и он нанял другого проповедника для противоборства с Савонаролой. Но из этого ничего не вышло, так как простой народ встал на сторону Савонаролы, и второй проповедник решил уехать в Рим, чтобы оттуда плести интриги против своего противника.

Когда Савонаролу избрали настоятелем монастыря святого Марка, монахи сказали ему, что обычно в таких случаях наносят визит Лоренцо и благодарят его за помощь монастырю. Новый настоятель ответил, что на эту должность его поставил не Лоренцо, а Бог и что он возблагодарит Бога в молитве. Вскоре он продал значительную часть имущества монастыря и вырученные деньги раздал нищим. Он внес такие изменения во внутреннюю жизнь общины, что начали говорить о святости и духе служения монахов. К проведению реформ присоединились и другие монашеские обители. Даже Лоренцо на смертном одре призвал к себе праведного монаха.

Пьетро Медичи, преемник Лоренцо, утерял уважение флорентийцев. Французский король Карл VIII объявил о своих претензиях на неаполитанскую корону и шел на юг. Пьетро не захотел или не сумел организовать оборону Флоренции, расположенной на пути Карла, и попытался от него откупиться. Узнав об этом, флорентийцы возмутились и отправили собственную делегацию во главе с Савонаролой. Одновременно они изгнали Пьетро из города. Когда Карл вошел во Флоренцию и предъявил ей

неразумные требования, опять вмешался Савонарола, и в результате флорентийцы стали союзниками Франции.

После ухода Карла и его войск из города авторитет Савонаролы так возрос, что флорентийцы обратились к нему за советом о выборе формы городского управления. По его рекомендации они избрали республиканский строй и предприняли меры для восстановления хозяйственной жизни города. Он также посоветовал продать золото и серебро для оказания помощи бедным.

Проповедует Савонарола. Обратите внимание на разделение между мужчинами и женщинами в церкви. Гравюра по дереву.

Именно в этот период реформаторская программа Савонаролы принесла наибольшие плоды. Его часто изображают фанатичным и невежественным монахом, но он считал, что реформы должны основываться на знании. Поэтому под его руководством монахи в монастыре святого Марка изучали латинский, греческий, древнееврейский, арабский и арамейский языки. Но он был также убежден, что роскошь и все другие вещи, которые так ценят богатые, не имеют никакого значения и что пристрастие к ним лежит в корне всех пороков, которые он порицал. Поэтому по его инициативе периодически проводились сожжения "суетных вещей". На главной площади сооружалась большая деревянная пирамида, под которую закладывались охапки соломы и дрова, посыпанные порохом. По бокам пирамиды люди раскладывали свои "суетные вещи" – одежду, драгоценности, парики, дорогую мебель и тому подобное. Затем под пение с торжественным шествием все это сооружение поджигали. Эти большие костры как бы заменяли запрещенные костры масленицы.

Падению Савонаролы способствовали политические обстоятельства. Александр VI, один из самых неудачных пап за все времена, заключил союз против Франции, в который вошли значительная часть итальянских и германских государств, а также Испания. Флоренции было выгодно присоединиться к папским сторонникам. Но Савонарола считал необходимым соблюдать верность обещаниям, данным Карлу VIII. Папа предпринял ряд резких мер в отношении сначала Савонаролы, а затем и всего города. Многим флорентийцам стало ясно, что из-за упрямства их проповедника, не желающего нарушать слово, они теряют значительную часть рынка сбыта.

Особенно сильное сопротивление Савонароле и его политике оказывали зажиточные граждане города. А его сторонники все увереннее считали, что он – пророк, и требовали от него чудес. Когда что-то из его предсказаний сбывалось, они еще больше превозносили его. Но когда он не совершил чудес, которых от него ждали, они тоже выступили против него.

В конце концов, толпа ворвалась в монастырь святого М арка. Савонарола не стал защищаться и не позволил своим друзьям вступиться за него с оружием в руках. Толпа схватила его, избила и передала властям, которые этого как раз и добивались.

Теперь надо было найти основание для обвинения. Его несколько дней пытали, и самое большее признание, которое палачи смогли вырвать у него, заключалось в том, что он не может предсказывать

будущее, на что, впрочем, он никогда и не претендовал. Для участия в суде папа направил своих легатов, и они тоже пытали Савонаролу. Они добились всего лишь "признания", что он намеревался обратиться к собору. Отказавшись от надежды выдвинуть какие-то конкретные обвинения, судьи в конце концов решили осудить Савонаролу и двух его ближайших помощников как "еретиков и схизматиков", не уточняя природы их ереси. Для совершения казни они обратились к "мирским палачам", так как церковь убивать не должна. Единственное снисхождение к ним выразилось в том, что их сначала повесили, а затем уж сожгли. Все трое смерть приняли мужественно. Прах их был развеян в реке Арно, чтобы от них не осталось даже воспоминания. Но несмотря на это, у многих сохранились реликвии святого монаха. Когда много лет спустя Рим разграбили немцы, многие усмотрели в этом исполнение пророчеств Савонаролы. Долгое время после этого и даже в XX веке многие католики утверждали и продолжают утверждать, что этот доминиканский монах был святым и что его имя должно быть включено в официальный список святых церкви.

27.5 Мистическая альтернатива

Несмотря на такие неправедные дела и, быть может, частично вследствие их, XIV и XV века были временем расцвета мистического богословия. Выдающиеся мистики, оказавшие влияние на последующие поколения, были в Испании, Англии и Италии. Но особенное распространение мистическое богословие получило на берегах Рейна – в Германии и Нидерландах.

Видным немецким учителем мистицизма был Экхарт фон Хохгейм, известный как Майстер Экхарт и живший в конце XIII и начале XIV века. Его мистическое учение было по сути неоплатонистским, так как целью он ставил созерцание высшего и невыразимого Существа. Экхарт считал, что все слова о Боге неточны и поэтому, строго говоря, ложны. "Когда я говорю, что Бог благ, это неправильно. Благ я сам, а не Бог". Подобного рода заявления давали повод для неверного истолкования вопроса, и создавалось впечатление, что Экхарт относится к Божеству без достаточного почтения. На самом же деле он имел в виду прямо противоположное. Он говорил не о том, что Бог есть зло, а о том, что все определения Бога строятся на аналогиях и, следовательно, неточны. Во всяком случае, такая аргументация показывает характер его мистического мышления – он стремился прославить Бога, доказывая, что ни одна человеческая теория не может объяснить божественное и что истинное знание о Боге может быть только интуитивным, а не рациональным. Бог познается не через ученые или рациональные умопостроения, а через мистическое созерцание, в ходе которого человек растворяется в божественном.

Эразм Роттердамский. Гравюра А Дюрера.

Все существа от начала заключены в Боге. Еще до сотворения мира Бог, Великий Творец, имел представление о всем, что будет существовать. Это тоже характерная тема платоновской традиции и неоплатонистского мистицизма, принятого Экхартом. На этом основании он заявил:

Я уже существовал в этой истинной природе Божества, находящегося вне любого бытия и неподдающегося никакому определению. Там я обрел намерение стать собой. Там я познал себя. Там я пожелал создать человека, которым стал. Поэтому я есть собственная первопричина в моем бытии, которое вечно, но не в моем нынешнем существовании, которое преходяще{34}.

На основании этого и других подобных ему заявлений многие начали считать его еретиком. Говорили, что, по его учению, мир и все творения вечны и что он смешивает Бога и мир, то есть проповедует пантеизм – отождествление всех творений с Богом. Его обвиняли во взглядах, согласно которым душа или часть ее не сотворена, а существует вечно. Экхарт неоднократно протестовал, утверждая, что такие обвинения основываются на неверном истолковании его учения. Он действительно пытался сторониться пантеизма и учения о божественности души. Но выражения, которые он использовал, часто давали повод именно для такого истолкования. В конце жизни его официально обвинили в ереси и признали виновным. Он обратился в Рим, но умер, прежде чем его дело было рассмотрено.

Многое из того, что говорилось об учении Экхарта, было крайним упрощением или преувеличением его взглядов, однако несомненно, что между его неоплатонистским мистицизмом и христоцентрическим мистицизмом Бернара Клервоского и Франциска Ассизского существовала огромная разница. Эти двое находили вдохновение в созерцании Иисуса как исторической человеческой личности, как Бога, воплотившегося в конкретное время и в конкретном месте. Экхарта же не очень интересовали историческое время или географическое место библейских событий. "Иерусалим, – сказал он, – столь же близок моей душе, как и место, на котором я сейчас стою". Тем самым он имел в виду, что человек находит Бога через внутреннее созерцание, "перенося себя" и приходя к Богу "без посредников".

Хотя при жизни его обвиняли в ереси, после смерти майстер Экхарт приобрел многих последователей, особенно в своем доминиканском ордене. Наиболее известными среди них были Иоганн

Таулер и Генрих Сузо. Они не отличались такой эрудицией, как их учитель, но им удавалось излагать его взгляды в категориях, более доступных для людей, не имеющих специальной богословской подготовки. Благодаря им мистицизм Экхарта получил широкое распространение.

Ниже по течению Рейна жил фламандский мистик ван Руйсбрек. По всей видимости, Руйсбрек читал сочинения Экхарта и в некоторых пунктах следовал по пути немецкого учителя, но его мистицизм был более практического свойства и более связанным с повседневной жизнью. Дальнейшее развитие это направление получило в работах Герхарда Грота, еще одного фламандского мистика, большое влияние на которого оказал Руйсбрек.

Руйсбрек и Грот сформулировали принципы и способствовали росту популярности того, что получило название "современного благочестия". Оно выражалось главным образом в дисциплинированной благочестивой жизни, основанной на созерцании жизни Христа и подражании Ему. Наиболее известным сочинением этой школы стало "Подражание Христу", в течение нескольких веков остававшееся самой читаемой христианской книгой.

Руйсбрек и его последователи отвергали учение "братьев свободного духа". Это были мистики, утверждавшие, что они прямо связаны с Богом и поэтому не нуждаются в посредниках, таких как церковь или Библия. Некоторые из них даже заявляли, что их духовность позволяет им предоставлять телам следовать своим наклонностям.

Самым большим достижением Грота стало, пожалуй, создание "Братства общинной жизни". Он отказался от синекуры, приносившей ему, как и многим другим в то время, доход, начал обличать разложение в церкви и призывать последователей к святости и благочестию. Но в отличие от многих других, кто проповедовал аналогичные реформы, Грот не призывал последователей к монашеской жизни. Он говорил, что, если у них нет истинного монашеского призвания, они должны следовать своему собственному призванию, соблюдая при этом принципы современного благочестия. Тем не менее многие его ученики в конце концов стали августинскими монахами. Но они никогда не теряли связи с "общинной жизнью" тех, кто не принял монашества. Поэтому "Братья общинной жизни" создавали прекрасные школы, в которых проходили подготовку не только будущие монахи, но и многие из тех, у кого были другие жизненные планы. В этих школах учили как наукам, так и благочестию, и они стали центрами обновления церкви, так как большинство их выпускников были критически и реформаторски настроенными людьми. Самым известным из этих выпускников был Эразм Роттердамский, ставший ведущей фигурой XVI века.

За небольшим исключением, немецкие и фламандские мистики избегали восторженных крайностей. В их понимании мистическое созерцание должно вести не к бурным проявлениям эмоций, а к установлению внутреннего мира. Это достигается не эмоциональной стимуляцией непостоянных страстей, а внутренним и настойчивым интеллектуальным созерцанием.

Само по себе мистическое движение не противостояло церкви или ее иерархии. Некоторые мистики критиковали злоупотребления прелатов и в первую очередь их показное благочестие, но большинство из них довольствовались достигнутым внутренним миром и не чувствовали необходимости конфликтовать с церковными властями. Но с другой стороны, мистический порыв ослаблял позиции не только разложившихся прелатов, но и самой иерархической церкви. В самом деле, если общения с Божеством можно добиться через прямое созерцание, такие традиционные средства получения благодати, как обряды, проповеди и даже Писание, теряют смысл. Мистики XIV и XV веков редко приходили к таким радикальным выводам. Но их учение несло в себе зародыш сомнения, которое впоследствии будет все больше ослаблять власть иерархии.

27.6 Народные движения

Выше мы вели речь в основном о реформаторских движениях, возникавших среди богатых и образованных людей. По очевидным причинам большинство существующих материалов связаны именно с такими движениями. Бедные и необразованные люди не пишут книг о своих чаяниях, которые находят выражение только в исторических сочинениях, посвященных периодам, когда они выливаются в прямое столкновение с властями. Но в позднем средневековье среди простого народа таких чаяний было очень много.

Теории Уиклифа распространялись не столько принявшими их учеными мужами Оксфорда или представителями знати, рыцарства, сколько лоллардами, ходившими из деревни в деревню с проповедью Евангелия, во многом противоречившей той, которую деревенские жители слышали от церковных иерархов. И крайне маловероятно, что эти проповедники могли бы найти последователей среди простого народа, если бы учение преподавателя из Оксфорда не отражало многих их надежд. Гуситы, состоявшие сначала в основном из мелкопоместного дворянства и образованных людей, наибольшую поддержку нашли среди таборитов, которые многие свои идеи черпали не из учения Гуса, а из народных религиозных представлений и апокалиптических ожиданий бедных.

Нечто подобное происходило среди женщин. Монашество было для них единственным средством освободиться от прямой зависимости от отцов, мужей или сыновей. Поэтому женщины стекались в такие ордена, как францисканский и доминиканский. Вскоре руководители этих орденов начали ограничивать число женщин, которых можно было принять в женские отделения орденов. Но это не остановило монашеский порыв женщин, и они начали объединяться в небольшие группы для совместной жизни в молитве, поклонении и относительной бедности. Их самих стали называть "бегинками", а их дома "бегуинажами". Происхождение этих слов не ясно, но несомненно, что они имели уничижительный смысл, каким-то образом, вероятно, связанный с ересью, в которой эти женщины часто подозревались. Это движение было поддержано очень немногими епископами, но большинство из них предало его анафеме. В конце XIII века и впоследствии церковь издавала законы, направленные против такого рода общин, которые не были частью какого-либо ордена с надлежаще установленным порядком и возмущали членов официальных монашеских орденов. Когда подобный образ жизни начали вести мужчины, их назвали "бегардами", и они тоже попали под подозрение.

Другим народным движением были флагелланты. Оно возникло в 1260 году, но особенного размаха достигло в XIV веке. Самобичевание в покаянии за грехи не было новым явлением – оно практиковалось во многих монашеских обителях. Но теперь оно стало повальным народным увлечением, почти не связанным с церковной иерархией. Тысячи христиан из всех слоев общества, убежденных, что конец близок или что Бог разрушит мир, если люди не покаются, избивали себя до крови.

Это не было скоротечной или неуправляемой истерией. Наоборот, движение отличалось строгой и порой даже ритуальной дисциплиной. Желавшие вступить в его ряды совершали все эти действа в течение тридцати трех с половиной дней и все это время обязаны были беспрекословно подчиняться своим руководителям. После этого начального периода флагелланты возвращались домой, но должны были сечь себя раз в году на страстную пятницу.

В течение тридцати трех дней послушания флагелланты жили вместе и следовали предписанному ритуалу. Дважды в день они с пением попарно совершали шествие в церковь. После молитвы Деве Марии в церкви они опять же с пением шли на городскую площадь. Там они оголяли спины, вставали в круг и опускались на колени в молитве. Н а коленях же они возобновляли пение и наносили себе сильные удары,

пока спина не покрывалась кровью. Иногда один из руководителей читал им проповедь о страданиях Христа. После самобичевания они вставали, покрывали спины и удалялись.

Поначалу иерархи церкви не видели в этом движении никакой опасности. Но когда флагелланты начали говорить о своем ритуале как о форме покаяния и "втором крещении" – как ранняя церковь говорила о мученичестве, – их обвинили в попытке узурпации "власти ключей", врученной только святому Петру и его преемникам. В некоторых странах они подверглись гонениям. В конце концов от публичного самобичевания отказались. Но движение продолжило подпольное существование в течение жизни еще нескольких поколений.

Еще одно движение, отражавшее настроения времени, возглавил Ганс Бем. В деревне Никласхаузен епархии Вюрцбурга была икона Девы Марии, ставшая местом паломничества. Во время великого поста 1476 года паломникам начал проповедовать священник по имени Ганс Бем. Времена были плохими из-за неурожая, к тому же епископ Вюрцбурга обложил бедных еще более высокими налогами. Сначала Бем проповедовал в основном о необходимости покаяния. Но нищета слушателей произвела на Бема такое сильное впечатление, что его проповедь приняла более радикальный характер. Он говорил о противоречии между евангельскими заповедями и алчностью и разложением духовенства. Затем он заявил, что наступит день, когда все будут равными и будут сами зарабатывать себе на жизнь. Наконец, он призвал своих последователей, число которых к тому времени превысило пятьдесят тысяч человек, поспособствовать приближению этого дня, отказавшись платить налоги и десятины. Он назначил дату, когда все должны были принять участие в шествии в защиту своих прав.

Каковы были намерения Бема, неизвестно, так как накануне назначенного дня стража епископа схватила его, а толпу разогнали. Бема сожгли как еретика. Но его последователи продолжали собираться в Никласхаузене. Епископ наложил интердикт на всю деревню. Но они все равно приходили. Наконец вмешался епископ Майнца, приказавший разрушить деревенскую церковь. Потеряв лидера и место собраний, движение распалось. Но его отголоски давали о себе знать на протяжении жизни многих последующих поколений.

Это лишь один из многих подобных эпизодов. Последние годы средневековья были смутным временем, когда социальные проблемы были неотделимы от религиозных разочарований и ожиданий. Церковные власти существующий порядок устраивал, и они обычно поддерживали мирских правителей, подавлявших движения протеста. Такие условия стали благодатной почвой для развития антиклерикализма, черпавшего вдохновение не в современных секулярных тенденциях, а в вековых надеждах на справедливость.

28 Эпоха Возрождения и гуманизм

Насколько же щедр и терпим Бог-Отец! Насколько же великой и чудесной должна быть радость человека, которому даровано выбирать то, что он хочет, и быть тем, кем он решает стать!

Пико Делла Мирандола

Позднее средневековье ознаменовано водоразделом в понимании философских принципов и в самом мышлении. Кто-то по-прежнему придерживался традиций схоластического богословия; но появлялись и другие люди, обращавшиеся за водительством и вдохновением к античной литературе и философии и положившие начало эпохе Возрождения.

28.1 Поздняя схоластика

Схоластическое богословие, достигшее высшей точки развития в трудах Фомы Аквинского, в дальнейшем характеризовалось двумя отличительными чертами. Во-первых, оно стремилось ставить все более трудные вопросы и давать ответы на них с помощью тонких дистинкций. Это сопровождалось использованием все более замысловатого языка и специальной терминологии, непостижимых для непосвященных. Во-вторых, наблюдался все больший разрыв между философией и богословием, между тем, что можно постичь разумом, и тем, что можно познать только через божественное откровение.

Св. Фома и его современники полагали, что между разумом и верой существует тесная взаимосвязь. Это означало, что некоторые раскрытые истины (например, бытие Бога) постигаемы разумом. Но вскоре после смерти великого доминиканского богослова основополагающую предпосылку о взаимосвязи между верой и разумом начали ставить под сомнение.

Иоанна Дунса Скота, наиболее известного францисканского богослова после Бонавентуры, совершенно справедливо называли "тонким доктором", что воспринималось как знак уважения. Но вместе с тем это очень точно характеризовало богословие позднего средневековья, против которого вскоре выступят многие ученые. Слишком много в его трудах утонченных дистинкций, и чтобы понять его рассуждения, необходимо сначала посвятить несколько лет изучению богословия и философии того времени. Вместе с тем совершенно ясно, что Скот, в отличие от богословов предыдущего поколения, не считал, что истинность таких доктрин, как учения о бессмертии души и вездесущности Бога, доказуема рациональным путем. Он не отвергал эти учения. Не отрицал он и их совместимости с рациональным восприятием. Но он не принимал того, что разум способен доказать их. Разум в лучшем случае может показать, что они возможны.

В XIV и XV веках эта тенденция стала еще более явной. Типичными представителями того времени были Уильям Оккам (ок. 1280-1349) и его ученики. Отталкиваясь от учения о Божьем всемогуществе, они пришли к выводу, что природный человеческий ум не может доказать абсолютно ничего о Боге и о Божьих целях. Большинство из них проводили различие между "абсолютной" и "установленной" властью Бога. Учитывая Божье всемогущество, "абсолютная" власть не знает границ. Бог может делать все, что Ему угодно. Нет ничего выше абсолютной власти Бога – на это не могут претендовать ни разум, ни добро, противопоставляемое злу. Если бы это было не так, мы вынуждены были бы признать, что абсолютная власть Бога ограничивается разумом или добром, определяемым как противоположность злу. Бог действует разумно и совершает добро только в соответствии со Своей "установленной" властью. По сути,

говорить надо не о том, что Бог всегда совершает добро, а о том, что добро есть все, что бы Бог ни совершал. Именно Бог определяет, что такое добро, а не наоборот. Равным образом, нельзя говорить, что Бог действует разумно. Действия Бога определяются не разумом. Наоборот, всевластная воля Бога определяет, что должно быть разумным, и затем, осуществляя "установленную" власть, действует в соответствии с этими директивами.

Это означает, что все традиционные аргументы, выдвигаемые богословами для обоснования разумности или "соответствия" того или иного учения, теряют смысл. Возьмем, к примеру, учение о воплощении. Ансельм и вслед за ним почти все богословы утверждали, что воплощение Бога в человеческое существо было разумным, так как неизмеримый долг человечества пред Богом мог оплатить только Сам Бог, ставший человеком. Но богословы XIV и XV веков указывали, что каким бы разумным это ни казалось с нашей точки зрения, все выглядит иначе, если принять во внимание абсолютную власть Бога. Своей властью Бог мог бы аннулировать долг, или объявить, что люди – не грешники, или счесть достаточным что-то еще, не связанное с крестным подвигом Христа. Мы получили спасение благодаря подвигу Христа, это действительно так, но не потому, что именно так было надо, и не потому, что воплощение и страдания Христа были наиболее подходящим для этого средством, а просто потому, что именно так решил Бог.

Это также означает, что нам следует отказаться от заблуждения, будто в человеке есть какие-то качества, делающие его особенно пригодным для воплощения Бога. Присутствие Бога в сотворенном существе – всегда чудо, но оно не имеет никакого отношения к нашей способности принимать Бога. Поэтому некоторые ученики Оккама заявляли даже, что Бог мог бы воплотиться в осле.

Все это не означает, что эти богословы были неверующими, ставившими трудные вопросы просто ради забавы. Наоборот, все известные факты их жизни свидетельствуют о том, что они были преданными и искренними верующими. Они ставили целью прославление Бога. Творец неизмеримо выше творения. Человеческий разум не способен постичь тайны Бога. Божье всемогущество таково, что нам надо отказаться от всяких попыток познать его.

Это не было богословием неверия, провозглашавшим веру только в то, что поддается рациональному объяснению. Это богословское учение стремилось показать, что разум не способен дойти до самой сути Бога, что все надо вложить в Божьи руки и верить во все раскрытое Богом. И верить не потому, что это выглядит разумным, а потому, что это раскрыл Бог.

Это в свою очередь означало, что для богословов XIV и XV веков первостепенное значение приобрел вопрос об авторитетности источников. Коль скоро истинность того или иного учения невозможно доказать рационально, надо искать непогрешимые основания. Оккам полагал, что папа и вселенские соборы могут ошибаться и что непогрешимой можно считать только Библию. Но позднее, когда в результате великого западного раскола возникло соборное движение, многие пришли к убеждению, что вселенский собор может быть высшим авторитетом, перед которым должны склоняться все несогласные. Именно поэтому на Констанцском соборе такие известные богословы, как Жерсон и д'Айи, потребовали, чтобы Ян Гус подчинился власти собора. Если бы ему дали возможность выступить против собора, авторитет собрания был бы подорван. А поскольку рациональные объяснения считались недостаточными, не оставалось никакого другого авторитетного основания для преодоления раскола, для реформирования церкви и для определения истинности тех или иных учений.

Богословы позднего средневековья подчеркивали значение веры не в смысле определенных верований, а в смысле упования на Бога. Бог установил божественный порядок для нашего блага. Надо полагаться на все Божьи обетования, даже если они не воспринимаются разумом. Божье всемогущество может сокрушить всех наших врагов. Полагающиеся на Него не будут посрамлены. Эта распространенная в

позднем средневековье идея позднее будет развиваться в учении Мартина Лютера.

Но какими бы преданными ни были эти богословы, изощренность их формулировок, упор на точности определений и утонченности дистинкций вызывали протест со стороны многих, кто сожалел о сложности ученого богословия в сравнении с простотой Евангелия. Этот протест выражался, в частности, в "современном благочестии". Наиболее известным сочинением на эту тему была книга "О подражании Христу", отражавшая распространенные тогда взгляды:

Какая вам польза, если вы можете с большим знанием дела рассуждать о Троице, но в то же время не проявляете смирения и тем самым оскорбляете Троицу?

Воистину, громкие слова не делают человека святым и праведным. Но добродетельная жизнь делает человека желанным для Бога.

Лучше на деле испытывать раскаяние, чем уметь дать ему определение.

Вы можете выучить наизусть всю Библию и все высказывания философов, но какую это принесет вам пользу, если у вас нет Божьей любви и благодати?

Суета сует. Суета есть все, за исключением любви к Богу и служения только Богу{35}.

Коротко говоря, в конце средневекового периода схоластика шла по пути, который не мог не вызвать ее неприятия многими искренне верующими людьми, рассматривавшими такое богословие не как поддержку в благочестивой жизни, а как препятствие для нее. Раздавались все более настоятельные призывы вернуться к простоте Евангелия.

28.2 Возрождение интереса к классическому знанию

Наряду с богословами-схоластиками, следовавшими по пути все большего усложнения, были люди, стремившиеся возродить славу классической античности. Это движение положило начало эпохе Возрождения и связанному с ней гуманизму в области литературы. Оба термина "Возрождение" и "гуманизм" имеют самые разные оттенки значения, поэтому здесь требуется небольшое уточнение.

Применительно к определенному историческому периоду термин "Возрождение" по определению подразумевает негативную оценку предшествующей эпохи. Когда это название появилось, его использовали именно в этом смысле. Тысячелетие, прошедшее после падения Рима, назвали "средневековьем", так как в нем видели не более чем досадный разрыв между классической античностью и наступающей эпохой. Такое же предубеждение содержалось и в названии "готика", так как само слово подразумевало, что этот художественный стиль был делом рук варваров – готов. Название "Возрождение", которое дали духовному и художественному движению, возникшему в Италии и распространившемуся по всей Западной Европе, тоже выражало предубеждение в отношении предшествовавших веков и подразумевало, что происходит славное возрождение доселе забытой античной культуры. Но на самом деле эпоха Возрождения питалась идеями не только античного периода, но и предшествовавших веков.

Книги были настолько дороги, что во многих библиотеках их приковывали цепями к скамейкам.

Ее искусство уходило глубокими корнями в готику, ее понимание мира черпало вдохновение не только в Цицероне, но и в святом Франциске, на ее литературу глубокое влияние оказывали песни средневековых трубадуров. Но при всем при этом есть достаточные основания называть это движение "Возрождением". Многие видные деятели той эпохи полагали, что ближайшее прошлое и, быть может, даже настоящее представляют собой период упадка в сравнении с классической античностью, и прилагали усилия для восстановления древней цивилизации.

Еще большей неопределенностью отличается использование термина "гуманизм". Гуманизмом обычно называют систему воззрений, ставящую человека в центр мироздания и делающую его мерилом всего остального. Но "гуманизм" – это также изучение "гуманитарных наук". Именно в этом последнем смысле в конце средневековья и в XVI веке слово употреблялось многими учеными, называвшими себя "гуманистами", так как они занимались изучением гуманитарных наук. Разумеется, многие из них были "гуманистами" и в другом смысле, ибо изучение классических произведений античности выработало в них благоговейный трепет перед творческими способностями человека. Но относилось это не ко всем – для многих гуманистов характерно глубокое осознание чувства греха и границ человеческих возможностей. Учитывая все это, в данной главе под "гуманизмом" мы будем иметь в виду просто литературное движение, стремившееся вернуться к истокам классической литературы и подражать ее стилю.

Пробуждению интереса к античности способствовали многие, сначала в Италии, а затем и в других частях Западной Европы. Одним из них был итальянский поэт Петрарка, в молодости писавший сонеты на итальянском языке, а затем перешедший на латынь, подражая при этом стилю Цицерона. Вскоре у него появилось множество последователей, пытавшихся писать по образцу классической литературы. Одни начали переписывать и распространять сочинения древних латинских авторов. Другие отправлялись в Константинополь и возвращались оттуда с копиями произведений греческих авторов. После взятия Константинополя турками в 1453 году в Италию хлынули византийцы, неся с собой знание классической греческой литературы. Литературное пробуждение, начавшееся в Италии, затем начало распространяться и по ту сторону Альп.

Интерес к античности проявлялся и в искусстве. Художники, скульпторы и архитекторы искали вдохновение не в христианском искусстве предшествовавших веков, а в языческом искусстве классической эпохи. Они, естественно, не отказывались полностью от собственных традиций, поэтому на их работы оказывала влияние и готика. Но идеалом многих итальянских художников эпохи Возрождения было раскрытие классических канонов красоты и применение их в своих произведениях.

Пробуждение интереса к классическому знанию совпало с изобретением книгопечатания, оказавшего глубокое воздействие на гуманизм. Сначала печатный станок не считался удобным средством для популяризации литературных произведений. Читать большинство первых напечатанных книг было трудно, и написаны они были на латинском или на греческом языке. Кроме того, печатники копировали манеру исполнения рукописных книг и включали в текст множество сокращений, которыми в те времена пользовались переписчики. Для ранних гуманистов печатные издания были прекрасным средством для общения между учеными и для размножения книг античных авторов, но не для популяризации своих идей. Идеи оставались исключительной собственностью интеллектуальной элиты. Вплоть до периода Реформации для их распространения печатные издания не использовал никто, за исключением Савонаролы.

Тем не менее изобретение книгопечатания сыграло в эпоху Возрождения определенную роль. Книги стали более доступными, а ученые получили возможность убедиться, до какой степени отличаются рукописи одного и того же сочинения. Об этих различиях знали и раньше, но тогда единственным

решением была более скрупулезная переписка рукописей. Теперь же появилась возможность воспроизводить книгу в сотнях экземпляров и быть уверенным, что в нее не вкрадется никакая ошибка. Если ученый после сравнения разных рукописей создавал заслуживающий доверия вариант и наблюдал за правильностью печатания, его работа получала признание, так как не зависела больше от переписчиков, которые могли вносить новые ошибки. Так возникла дисциплина "текстологической критики", цель которой заключалась в использовании всех средств исторической критики для восстановления подлинного текста древних сочинений. Вскоре появились ученые, предлагавшие "критические издания" Цицерона, Иеронима и Нового Завета.

Осознание размаха ошибок при переписке древних текстов привело многих к сомнениям в подлинности самих текстов. Коль скоро рукописям полностью доверять нельзя, не может ли быть так, что некоторые сочинения, считавшиеся древними, на самом деле написаны не слишком давно? На основании исследований были признаны фальшивыми некоторые из наиболее почитаемых документов средневекового периода. Именно это произошло с "Константиновым даром", в котором великий император якобы поставил под власть пап весь Запад. Лоренцо Валла тщательно изучил документ и пришел к выводу, что, судя по стилю и лексике, он был написан гораздо позже времен Константина. Кроме того, Валла привел обоснованные доводы для опровержения легенды, будто "Апостольский символ веры" составлен апостолами, каждый из которых внес в него свой пункт.

Эти исследования не оказали на церковь такого прямого и сильного воздействия, как можно было бы ожидать. Валла состоял секретарем папы, которого не очень волновали его исследования и выводы. Это объяснялось тем, что результаты таких изысканий становились известными только в кругу интеллектуальной элиты, которая не была заинтересована в распространении нового знания в народных массах. Для осознания, что христианство становится не таким, как раньше, и что необходимо вернуться к истокам, потребуется время. Но именно осознание этого стало одним из факторов, способствовавших распространению протестантской Реформации.

28.3 Новое видение реальности

Италия переживала период расцвета. В главных ее городах были денежные средства для возведения величественных зданий и украшения их произведениями искусства. В эти города стекались скульпторы, художники и архитекторы. Учитывая, что искусству покровительствовала знать и богатая буржуазия, большинство произведений того периода превозносили славу не небес, а тех, кто оплачивал работу их создателей. Таким образом, искусство, цель которого до того времени заключалась почти исключительно в религиозном образовании и прославлении Бога, обратило теперь внимание на величие человека. Классические творения Греции и Рима выражали восхищение человеком, о котором средневековое искусство забыло, и теперь именно человека художники и скульпторы эпохи Возрождения воссоздавали на полотнах и в камне. Адам, изображенный Микеланджело в Сикстинской капелле, где он получает из рук Бога власть над всем творением, весьма отличается от Адама, представленного в средневековых рукописях. Эта картина в полной степени выражает представления эпохи Возрождения о том, что такое человек в полном смысле этого слова, рожденный для творческой деятельности и обязанный оставить свой след в мире.

Таким же видел человека Леонардо да Винчи. Вряд ли есть какие-то области человеческой деятельности, которыми не пытался овладеть этот великий гений эпохи Возрождения. Леонардо больше всего известен как художник, но он был также инженером, ювелиром, баллистиком и анатомом. Цель его, соответствовавшая идеалам того времени, заключалась в том, чтобы стать "универсальным человеком". Свои великие проекты прокладывания каналов между реками, создания нового оружия, постройки

подводных и летательных аппаратов он так и не воплотил. Многие его картины остались незаконченными или представляют собой предварительные наброски, считающиеся теперь высочайшими художественными ценностями. Но несмотря на фрагментарность и незаконченность его работ, он стал олицетворением и символом "универсального человека", являвшегося идеалом эпохи Возрождения.

Представление о неограниченных возможностях человека как в области добра, так и в области зла, отстаивал Пико делла Мирандола – один из виднейших авторов того времени. Согласно его теории, в каждого из нас Бог вложил разные семена, и мы сами должны решать, какие из них взращивать в себе и тем самым определять, кем мы станем. Те, кто избирает "растительные" или "чувственные" семена, становятся подобными растениям или животным. Те же, кто избирает "интеллектуальное" семя и развивают его в себе, "становятся ангелами и чадами Бога". А когда эти люди, не удовлетворившись положением сотворенных существ, обращаются к самой своей душе, "их дух, соединившись с Богом в полном и непостижимом одиночестве, возвышается над всем этим". Такие идеи побудили Пико в кратком восклицании следующим образом выразить взгляды эпохи Возрождения на человеческие способности: "Разве можно не восхищаться таким удивительным хамелеоном, как мы?"

28.4 Папы эпохи Возрождения

Эпоха Возрождения была в Италии временем не только процветания, но и нестабильности. "Вавилонское пленение пап" в Авиньоне и последовавший за ним великий раскол повлияли на Италию более непосредственно, чем на остальные страны Европы. Италия была полем почти беспрестанных битв между соперничавшими папами или между знатью и республиками, поддерживавшими ту или иную сторону. К началу эпохи Возрождения конфликт между старой аристократией и республиканскими чувствами принял постоянный характер, поэтому в таких городах, как Флоренция и Венеция, периодически совершались перевороты, часто приводившие к вооруженным столкновениям не только в самих городах, но и на близлежащих территориях. Это сопровождалось постоянными интригами иностранных держав – особенно Франции и Германии, – боровшихся за влияние на полуострове.

В такой вот атмосфере процветания, интриг, беспорядков и распространения идеалов Возрождения папство существовало в течение жизни последних поколений перед наступлением эпохи Реформации. Разговор о папах мы остановили на том времени, когда Евгению IV удалось наконец утвердить свою власть над Базельским собором. Его правление было отмечено усилиями по украшению Рима. Это стало первым свидетельством, что дух эпохи Возрождения распространялся и на папство. С тех пор и до времени протестантской Реформации большинство пап придерживались целей и идеалов эпохи Возрождения. Почти все они были горячими поклонниками искусства, и одной из их целей было привлечение в Рим лучших художников и архитекторов для украшения города дворцами, церквами и памятниками, достойными столицы христианского мира. Одни проявляли глубокий интерес к литературе и много сделали для расширения папской библиотеки. Другие больше походили на полководцев и большую часть времени проводили в организации военных кампаний. Третьи стремились усилить свою власть с помощью интриг и дипломатии. Вместе с тем большинство из них следовали духу времени, что выражалось в их пристрастии к помпезности, деспотической власти и чувственным удовольствиям.

Так выглядели индульгенции.

Евгения IV сменил Николай V, большую часть своего понтификата (1447-1455) проведший в попытках установить политическое господство Рима над другими итальянскими государствами. Он ставил целью превратить город в духовную столицу Европы и для этого стремился привлечь в него наиболее видных авторов и художников. Его личная библиотека считалась лучшей в Европе. Он был безжалостным к противникам своей власти и нескольких из них приговорил к смертной казни. Падение Константинополя произошло во время его правления, и он надеялся воспользоваться этим для организации большого крестового похода, который повысил бы его престиж во всей Европе. Но сделать это ему не удалось, так как его призыв остался неуслышанным.

Продажа индульгенций. Картина Дж. М. Тренквальда.

Его сменил Каликст III (1455-1458), первый папа из испанского семейства Борха, известного в Италии как Борджа. Единственное, что он воспринял из идеалов Возрождения, так это мечту стать крупным мирским правителем. Под предлогом необходимости объединения Италии для отражения возможного нападения турок он уделял больше внимания проведению военных кампаний, чем исполнению своих священнических обязанностей. При его правлении непотизм достиг новых высот. Одним из многих его родственников, осыпанных милостями, был его внук Родриго, которого он сделал кардиналом и который позднее станет нечестивым Александром VI.

Следующий папа Пий II (1458-1464) был последним папой эпохи Возрождения, серьезно относившимся к своему сану. Добился он немногого, но по крайней мере не использовал папство как средство усиления собственной власти или положения своей семьи.

Павел II (1464-1471) во всем следовал своим страстям и выгоде – когда папой (ставшим Евгением IV) был избран его дядя, он решил, что церковная карьера открывает больше возможностей, чем торговля, которой он тогда занимался. Больше всего он интересовался коллекционированием произведений

искусства, особенно ювелирных изделий и предметов из серебра. Его страсть к роскоши стала легендарной, а его наложницы открыто жили при папском дворе. Его основной проект, которому он уделял много внимания и на который тратил большие средства, заключался в восстановлении памятников языческого Рима. По некоторым сведениям, он умер от апоплексического удара вследствие своей невоздержанности.

Завершение строительства базилики Святого Петра было мечтой Льва X, однако она стала одной из причин, вызвавших протест Лютера.

Сикст IV (1471-1484) заполучил папский престол, посулив кардиналам дары и привилегии. При его правлении коррупция и непотизм достигли необычайного размаха. Его главной заботой было обогащение семьи, в первую очередь пяти племянников. Один из них, Ровере, позднее станет папой под именем Юлия II. При Сиксте церковь стала семейным предприятием, и вся Италия оказалась втянутой в серию войн и заговоров, единственной целью которых было обогащение племянников папы. Его любимый племянник Пьетро Риарио в возрасте двадцати шести лет стал кардиналом, патриархом Константинополя и архиепископом Флоренции. Другой племянник Джироламо Риарио организовал заговор против одного из членов семьи М едичи, который был убит у алтаря во время мессы. Когда родственники убитого отомстили, повесив священника, совершившего убийство, папа предал анафеме всю Флоренцию и объявил ей войну. Для финансирования интриг и огромных расходов племянников и их сторонников папа обложил высокими налогами продажу пшеницы. Лучшие сорта продавались для пополнения папской казны, а простой народ в Риме ел хлеб низкого качества. Несмотря на все это, потомки забыли о большинстве его злодеяний, и в памяти осталась главным образом Сикстинская капелла, названная по его имени.

Иннокентий VIII (1484-1492) перед избранием дал торжественную клятву не назначать на высокую должность более одного члена своей семьи и навести порядок в римской курии. Но, став папой, он сразу же заявил, что, поскольку папа обладает высшей властью, он не связан клятвой, тем более что она вырвана под давлением. Он первым из пап признал нескольких своих незаконнорожденных детей, которых осыпал милостями и почестями. Продажа индульгенций стала обычным деловым предприятием, возглавлявшимся одним из его сыновей. В 1484 году он приказал очистить христианский мир от ведьм, что привело к смерти сотен ни в чем не повинных женщин.

После смерти Иннокентия Родриго Борджа купил голоса кардиналов и стал папой под именем Александра VI (1492-1503). При нем коррупция папства достигла высшей точки. Он был сильным и беспощадным человеком. О нем говорили, что он может публично совершить любой тяжкий грех, за исключением обжорства, так как у него было плохое пищеварение. По утверждению одного из современников, люди говорили: "Александр готов продать ключи, алтари и даже Самого Христа. И он в своем праве, ведь он купил их". Когда Европа была охвачена страхом перед угрозой со стороны турок, папа вел тайные торговые дела с султаном. Его наложницы, которые официально были женами придворных, родили ему нескольких детей, которых он публично признал. Самыми известными из них стали Чезаре и Лукреция Борджа. Даже если самые ужасные истории, которые рассказывают об этой семье, не

соответствуют действительности, тех, в истинности которых нет сомнений, вполне достаточно для обвинения папы в разложении и безудержном вожделении власти. Италия, залитая кровью в результате его заговоров и войн, готова была верить самому худшему, и от этого, естественно, страдал авторитет папства.

Александр VI умер неожиданно – говорили, что он по ошибке принял яд, предназначенный для другого человека. Его сын Чезаре, надеявшийся завладеть папским престолом после смерти отца, лежал в постели, страдая от той же болезни – или от того же яда, – и не смог привести свои планы в исполнение. Выбор пал на Пия III – человека реформаторских взглядов, взявшегося за выполнение трудной задачи умиротворения Италии. Но он умер всего через двадцать шесть дней после избрания папой, и новый папа стал достойным преемником Александра VI.

Юлий II (1503-1513), которого кардиналом назначил его дядя Сикст IV, взял имя, указывавшее, что образцом он считал не кого-то из христианских святых, а Юлия Цезаря. Как и большинство пап того периода, он покровительствовал искусствам. Именно во время его понтификата Микеланджело закончил роспись Сикстинской капеллы, а Рафаэль украсил Ватикан своими знаменитыми фресками. Но любимым времяпровождением Юлия была война. Он реорганизовал папскую гвардию, одел ее в красочные мундиры, эскизы которых приписывают Микеланджело, и повел в бой. Он был способным военачальником и дипломатом, и многим даже казалось, что ему удастся добиться объединения Италии с Юлием во главе. Этим планам противились Франция и империя, но Юлий одержал над ними победу как в дипломатической борьбе, так и на поле битвы. В 1513 году смерть положила конец реализации замыслов этого папы, которого современники называли Грозным.

На смену ему пришел сын Лоренцо Великолепного Джованни Медичи, принявший имя Льва X (1513-1521). По примеру своего отца Лев покровительствовал искусствам. Он пытался также закрепить политические и военные достижения Юлия П. Но в этом он не преуспел и в 1516 году был вынужден подписать соглашение с французским королем Франциском I, предоставлявшее королю огромные полномочия во французских церковных делах. Страсть к искусствам мешала ему выполнять духовные и пастырские обязанности, а его великой мечтой было завершение строительства базилики Святого Петра в Риме. Финансирование этого проекта было одной из целей продажи индульгенций, вызвавшей протест Лютера. Таким образом, человек, занимавший папский престол в начале протестантской Реформации, не отвечал требованием времени и не мог выполнить тех задач, которые перед ним стояли.

29 Часть четвертая. Зарождение колониального христианства

Хронология

События	Даты
Генрих Мореплаватель	+1460
Капитуляция Гранады; первая экспедиция Колумба	1492
Путешествия Васко да Гама в Индию	1497-1498
Открытие Бразилии Педру Алваришем Кабралом	1500
Первые поселения португальцев в Гоа	1510
Открытие Бальбоа Тихого океана	1513
Понсе де Леон во Флориде; осада и падение Теночтитлана	1521
Пленение Атауальпы	1532
Де Сото на берегах Миссисипи	1541
Франциск Ксавье	+1552
Виллеганьон в Бразилии	1555
Первые поселения португальцев в Макао	1557
Жан Рибо во Флориде	1562
Лас Касас	+1566
Луис Бертран	+1581
Риччи в Пекине	1601
Торибьо Альфонсо де Могровехо	+1606
Педро Клавер	+1654
Изгнание иезуитов из испанских колоний	1767
Восстание Тупака Амару	1780

Примечание: Этот период относится к эпохе, речь о которой пойдет во втором томе, где и будут приведены хронологические таблицы, кратко перечисляющие пап, монархов и исторические события.

30 Испания и Новый Свет

Старайся всеми силами поощрять и развивать в жителях указанной Индии стремление к миру и спокойствию, чтобы они с готовностью служили нам, находились под нашей властью и под нашим управлением и, главное, чтобы они обращались в нашу святую католическую веру.

Изабелла и Фердинанд

С конца средневекового периода и во время протестантской Реформации Испания и Португалия проводили политику колониальной экспансии, имевшую огромные последствия для всей последующей истории церкви. Протестантские историки, уделяющие внимание главным образом событиям, происходившим в то время в Европе, обычно забывают, что именно в этот период католичество развивалось особенно бурно. То же самое можно сказать и о многих католических историках. Такая оплошность, которую можно было как-то оправдывать в прошлом, стала непростительной в XX веке после II Ватиканского собора. На этом соборе, как и в жизни церкви после него, видную роль начали играть католики из Латинской Америки, Азии и Африки. Таким образом, чтобы понять положение католичества в XX веке, необходимо рассмотреть его движущие силы, сформировавшиеся в тех странах.

30.1 Особенности испанского колониализма

Когда 12 октября 1492 года Колумб и его спутники вступили на землю Нового Света, ни он сам и никто другой в Европе не имели ни малейшего представления о значении этого события. Но когда Фердинанд и Изабелла начали понимать, какие доходы можно получить из этих обширных земель, они предприняли меры для ограничения полномочий Колумба. К этому их побуждала не просто алчность, но и длительный опыт борьбы за укрепление своей власти в Испании. Там им с помощью торговых и финансовых кругов в конце концов удалось сломить сопротивление как мирских, так и церковных магнатов, свергнувших ранее брата Изабеллы Генриха IV Кастильского. Поэтому они опасались, что усиление власти таких же магнатов в Новом Свете может быть направлено против них. Колумб, будучи адмиралом океанского флота, вице-королем, генерал-губернатором и владельцем десятой части доходов от торговли с Новым Светом, вполне мог проявить неповиновение короне, поэтому монархи не могли предоставить ему права пользоваться такими богатствами и такой властью.

В отношении колоний Нового Света подобная политика часто выливалась в издание законов, направленных на защиту индейцев. Фердинанд и Изабелла опасались, что если испанским конкистадорам удастся полностью подчинить себе индейцев, они станут могущественными феодальными сеньорами, отмеченными таким же духом независимости, как и испанские гранды. Это приводило к постоянным конфликтам между короной и испанскими поселенцами. Издаваемые в Испании законы часто не выполнялись в колониях Нового Света. В результате индейцев нещадно эксплуатировали и истребляли, в то время как испанцы по обе стороны океана занимались обсуждением вопроса, какую политику там надо осуществлять.

Религиозная политика в новых землях была выработана еще в средневековый период. В борьбе против мавров в Испании испанские христиане придерживались идеалов и принципов крестовых походов, и теперь те же самые принципы применялись при покорении "неверных" индейцев. Незадолго до открытия Нового Света Кастилия захватила Канарские острова и Гранаду, и папы предоставили короне исключительную власть над церковью на завоеванных территориях. Этот прецедент использовался теперь

применительно к Новому Свету. В нескольких буллах с 1493 по 1510 год папы Александр VI и Юлий II предоставили испанской короне огромные полномочия. Короли Испании получили право "королевского патроната" *(patronato real)* над церковью в новых землях. Это означало, что короли имели право представлять кандидатуры и назначать епископов и других церковных служителей для работы в Новом Свете. За исключением некоторых редких случаев, корона должна была также распоряжаться десятинами и другими приношениями и брать на себя все расходы церкви. В результате церковь в Испанской Америке имела очень мало прямых контактов с Римом и стала практически национальной церковью под руководством испанских королей и назначенных ими лиц. Хотя некоторые избранные короной епископы были верными пастырями, большинство из них, особенно в последние годы, были просто административными чиновниками, не понимавшими положения простых людей в Испанской Америке и не интересовавшимися им.

Карта конца XV века, которую, как полагают некоторые ученые, нарисовал сам Колумб.

Но у церкви в Новом Свете была и другая сторона. Миссионеры – обычно ими были францисканцы, доминиканцы и иезуиты – жили среди народа и знали его нужды. Обет нищенствования и простота образа жизни этих миссионеров позволяли им жить среди индейцев и видеть разрушительные последствия колониальной политики. Поэтому монахи стали защитниками индейцев от грабежей европейских поселенцев. Индейцев защищали многие доминиканцы. В XVIII веке эта защита стала одним из факторов, способствовавших изгнанию иезуитов. Над церковью, проявлявшей заботу о бедных, постоянно возвышалась иерархическая церковь под руководством людей, получивших назначения благодаря связям при дворе.

В XIX веке, когда колонии начали борьбу за независимость, церковь размежевалась по тем же разграничительным линиям – тогда как большинство епископов оставались верноподданными монархистами, многие приходские священники и монахи связали свою судьбу с повстанцами. Во второй половине XX века возрождение католичества в Латинской Америке и ведущая роль, которую оно все ощутимее играло в борьбе за социальную справедливость, стали в определенной мере следствием появления в иерархии церкви бедных.

30.2 Протест

Первым открытым выражением протеста против эксплуатации индейцев стала проповедь, прочитанная доминиканцем Антонио Монтесиносом в Санто-Доминго в 1511 году. Местные власти попытались заставить его замолчать, но братья-доминиканцы выступили в его защиту, и в конце концов дело дошло до двора в Испании.

Среди слушателей Монтесиноса был Бартоломео де Лас Касас. Он обосновался в Санто-Доминго почти десять лет назад и затем, по-видимому первым в Новом Свете, был рукоположен священником. Но эксплуатация индейцев его не слишком беспокоила. Более того, он сам владел ими под видом *энкомьенды[1].*

Система *энкомьенды* – опеки – была главным злоупотреблением, против которого выступали доминиканцы. Обращать индейцев в рабов было запрещено. Но под предлогом необходимости цивилизовать их и показать им основы христианского учения их отдавали "под опеку" поселенца. За это водительство индейцы должны были работать на поселенца. Положение попавших под "опеку" было даже худшим, чем открытое рабство, так как опекунам – *энкомендерос* – не надо было тратить средства на содержание индейцев и, следовательно, заботиться об их благосостоянии.

Христианство в колониях.

Когда Монтесинос начал свою кампанию протеста, у Лас Касаса была *энкомьенда.* По этому вопросу разгорелись споры, но он предпочитал хранить молчание. Затем на Пятидесятницу 1514 года он решительно отказался от *энкомьенды* и с этого времени открыто заявлял, что христианская вера несовместима *с* эксплуатацией индейцев испанцами. Вместе с Монтесиносом он отправился в Испанию и убедил власти назначить комиссию для расследования вопроса. Убедившись, что члены комиссии слушают только *энкомендерос,* он порвал с ними и вернулся в Испанию. Он много раз пересекал Атлантический океан, добиваясь в Испании принятия законодательства по защите индейцев и по возвращении в Новый Свет убеждаясь, что власти не хотят или не могут проводить такое законодательство в жизнь. Он даже попытался было показать пример мирной евангелизации в Венесуэле. Но поселенцы спровоцировали беспорядки, и индейцы восстали. После этого он вернулся в Санто-Доминго, где вступил в орден доминиканцев. Затем он посетил Центральную Америку, Мексику и в очередной раз Испанию. При испанском дворе у него было много сторонников, и его назначили епископом Чиапаса в современной Мексике. После множества столкновений с *энкомендерос* среди своей паствы он отказался от должности и вернулся в Испанию. Там он еще тридцать пять лет боролся за права индейцев прямыми призывами и обращениями и через свои книги. Умер он в 1566 году в возрасте девяноста двух лет.

Книги Лас Касаса произвели сенсацию, и многие начали сомневаться в нравственности всего испанского колониального предприятия в Новом Свете. Нов конечном счете возобладали интересы тех, кто

получал от него выгоду. В 1552 году, еще при жизни Лас Касаса, его книги были запрещены в Перу. В середине следующего века они попали в список книг, запрещенных инквизицией.

Еще одним доминиканцем, поставившим под сомнение нравственные основания испанского колониализма в Новом Свете, был Франсиско де Виттория, профессор богословия университета в Саламанке. Узнав о завоевании Перу и о жестокостях, совершенных испанцами, Виттория выступил с лекциями, в которых подверг сомнению право испанцев захватывать территории индейцев.

Наиболее значительным результатом протестов Лас Касаса, Виттория и других стали "Новые законы Вест-Индии", принятые Карлом V в 1542 году. Эти законы ограничивали власть испанских поселенцев над индейцами и запрещали воевать против индейцев, изъявлявших готовность жить в мире с испанцами. В Новом Свете они по большей части не соблюдались. В Перу поселенцы открыто заявили о неповиновении им. В конце концов "Новые законы" были просто преданы забвению. Тем не менее в испанской Америке всегда были христиане, протестовавшие против эксплуатации индейцев и посвящавшие себя борьбе за улучшение условий их жизни.

30.3 Карибский бассейн

Во вторую экспедицию Колумб взял с собой семь миссионеров, главной задачей которых должно было стать обращение индейцев. Но на подходе к небольшому форту, который Колумб основал на Эспаньоле (ныне Гаити), испанцы получили удручающее известие. В результате злоупотреблений, эксплуатации и насилия со стороны испанцев индейцы взбунтовались, разрушили форт и перебили весь гарнизон. Колумб приказал "восстановить порядок" на острове, дав своим помощникам указание отрезать нос и уши у всех, кто не захочет подчиниться. Но вскоре бунтовщики появились и среди испанцев. Сообщения о злоупотреблениях и самоуправстве в колонии побудили Изабеллу к решительным действиям – Колумб был смещен с должности и в цепях отправлен в Испанию.

При преемниках Колумба положение индейцев не улучшилось. Им приказали четыре раза в год платить испанцам налог золотом и хлопком. Тех, кто не хотел или не мог платить налог, обращали в рабство. Индейцы начали убегать в горы, где их ловили с собаками. Что касается миссионеров, они, судя по всему, ограничивались тем, что брали на христианское воспитание сыновей некоторых индейских вождей. В 1503 году из Испании поступило предписание, что индейцы должны жить в своих деревнях и что в каждой из них должен быть представитель испанской власти и священник. В некоторых местах это указание было исполнено. Но затем работоспособных индейцев начали отправлять на золотые прииски и держать там месяцами без связи с семьями. В конце концов принудительный труд, завезенные испанцами болезни и массовые самоубийства уничтожили большинство коренного населения. То же самое происходило в Пуэрто-Рико, на Кубе, Ямайке и на других более мелких островах.

Недостаток индейской рабочей силы вынудил испанцев ввозить чернокожих рабов. Первые из них прибыли из Испании в 1502 году, но еще в течение нескольких лет дешевизна индейской рабочей силы сдерживала распространение рабского труда чернокожих. В 1516 году Лас Касас, озабоченный положением индейцев, предложил ввозить рабов из Африки. Вскоре он отказался от этой идеи и стал защитником не только индейцев, но и негров. Но к 1553 году были уже завезены десятки тысяч рабов из Африки. Показательно, что немногие возражавшие против этого богословы исходили не из принципиального несогласия с применением рабского труда, а руководствуясь тем, что им непонятно, как при этом должны распределяться доходы. Как бы там ни было, происходившее на Карибских островах повторялось и в других испанских колониях. Там, где индейцев становилось мало, их место занимали рабы из Африки. Вплоть до наших дней в тех местах, где индейское население резко сократилось в XVI веке, негров остается больше.

30.4 Мексика

Во время похода на Теночтитлан, столицу империи ацтеков, Кортес разрушал всех идолов тех племен, которые встречались на его пути. Однако в случае с тласкаланцами, мощным племенем, в поддержке которого он нуждался для завоевания империи ацтеков, Кортес изменил этому правилу. Тем самым в испанской религиозной политике в Мексике впервые проявилось странное сочетание религиозного рвения и чувства целесообразности.

Изначально в экспедиции принимали участие два священника, но этого оказалось явно недостаточно. Кортес, несмотря на всю свою алчность и жестокость, был искренним католиком, поэтому он попросил Карла V прислать ему в Мексику не священников или прелатов, а нищенствующих монахов. Он объяснял это тем, что монахи могут жить в бедности и тем самым показывать хороший пример аборигенам, тогда как назначенные священники и прелаты привыкли к вопиющей роскоши и не могут быть заинтересованы в обращении индейцев. В ответ на эту просьбу в Мексику были отправлены двенадцать францисканцев. Когда они прибыли, Кортес пал перед ними на колени и поцеловал им руки. Но вставшая перед ними задача была не из легких, так как индейцы с большим предубеждением относились к испанцам и к их религии. С другой стороны, индейцам было ясно, что христианский Бог поверг их собственных богов, поэтому многие индейцы, не забывая о совершенных против них злодеяниях, принимали крещение, надеясь тем самым получить поддержку всесильного христианского Бога.

Мало-помалу эти двенадцать монахов и многие другие, последовавшие вслед за ними, завоевали уважение и даже любовь индейцев. Бывали случаи, когда индейцы, узнав, что их священника переводят в другое место, поднимали бунт и добивались от властей изменения принятого решения.

В зарождавшейся мексиканской церкви возникало множество конфликтов и спорных вопросов. Монахи крестили любого, кто того пожелает, при единственном условии: надо было признать, что Бог един и что Иисус есть наш Спаситель, и по памяти повторить Молитву Господню и "Аве Мария". В некоторых случаях не соблюдались даже и эти требования. По слухам, были миссионеры, крестившие по нескольку сотен человек в день, иногда просто окропляя некоторых из них. У секулярных, то есть не принадлежавших к монашеским орденам священников были основания завидовать успехам монахов, хотя большинство из них делали очень мало для обучения индейцев. Они обвиняли монахов в чрезмерном упрощении обряда крещения, но не в снижении требований, как можно было бы ожидать, а в опущении некоторых элементов самого обряда. В конце концов спор был разрешен папой Павлом III, заявившим, что уже соверш?нные по упрощенному образцу обряды крещения остаются в силе, но что впредь необходимо соблюдать определенные требования. Но даже после вмешательства папы разногласия между монахами и секулярным духовенством сохранялись в течение жизни нескольких поколений.

Первым епископом, а затем архиепископом Мексики был францисканец Хуан де Сумаррага. Он был убежден в необходимости реформировать церковь путем надлежащего обучения верующих и подготовки образованных священников. С этой целью он организовал в Мехико типографию – первую в Западном полушарии – и печатал в ней книги для обучения индейцев. Среди них была книга, автора которой Сумаррага не указал, но которая впоследствии была осуждена испанской инквизицией как протестантская. Он также способствовал основанию в Мехико университета и был активным защитником индейцев от всех, кто стремился эксплуатировать их, какое бы высокое положение ни занимали эти люди.

Но как и большинство христиан того времени, этот в других отношениях непредубежденный епископ был нетерпимым ко всему, что он считал ересью. В 1536 году его назначили "папским инквизитором" Новой Испании, как тогда называлась Мексика. С этого времени по 1543 год за ересь судили 131 человека.

Большинство обвиняемых были испанцами, но суду подверглись и тринадцать индейцев. Наиболее известным среди них был вождь Карлос Чичимектекотл, который учился у францисканцев и которого обвинили в поклонении идолам, внебрачном сожительстве и неуважении к священникам. Он признал, что жил со своей племянницей. При обыске у него нашли идолов, которых, по его словам, он хранил как исторические реликвии. Никто не видел, чтобы он поклонялся им. Дело, по всей видимости, закончилось бы незначительным наказанием, если бы один из свидетелей не показал, что слышал заявление Чичимектекотла о том, что религия христиан сомнительна, так как многие из них – законченные пьяницы, контролировать которых священники не в состоянии. На этом основании его приговорили к сожжению на костре.

Чичимектекотл был образованным человеком, поэтому суд над ним придал силу доводам тех, кто противился образованию индейцев. Аргументация сводилась вовсе не к тому, что индейцы учиться не способны. Напротив, утверждали, что если они научатся читать и писать, это даст им возможность общаться между собой на всем пространстве между двумя океанами и тем самым сделает их опасными. Именно из-за этого опасения обучение индейцев проводилось на крайне низком уровне. Тем же в основном объяснялись сомнения даже наиболее прогрессивно мыслящих испанцев относительно целесообразности рукоположения индейцев. В 1539 году собрание руководителей церкви под председательством Сумарраги приняло решение о предоставлении индейцам возможности получать четыре низших степени священства, но ни одна из них не предусматривала совершения обрядов. Доминиканцы, будучи менее прогрессивными, чем францисканцы, полагали, что индейцев вообще не следует рукополагать или обучать. Те же настроения царили в монастырях. Францисканцы, которые и на эти вопросы смотрели шире, позволяли индейцам жить в своих монастырях и носить особую коричневую сутану. Но им не разрешалось давать обеты и даже становиться членами братства. Если испанским францисканцам кто-то из них начинал казаться недостойным, они просто изгоняли его, независимо от продолжительности жизни в общине. В 1588 году королевский указ разрешил индейцам становиться священнослужителями и давать монашеские обеты. Нов 1636 году король жаловался, что рукоположено слишком много "метисов, незаконнорожденных и других людей второго сорта".

Именно в свете всего этого следует понимать легенду о Гваделупской Деве и поклонение ей. Согласно легенде, Дева явилась индейцу по имени Хуан Диего с посланием для Сумарраги. Епископ не верил словам индейца, пока их не подтвердили несколько чудес. В результате по указаниям Девы на месте ее явлений была построена часовня. Какое-либо указание на хотя бы частичную правдивость этой истории безуспешно искали в записях Сумарраги и его современников. Более того, по сведениям одного христианского автора, местом, где якобы явилась Дева, был холм, на котором индейцы поклонялись богине по имени *Тонанцин,* что значит "Мать", и индейцы просто продолжали поклоняться старой богине под новым именем. Но как бы там ни было, легенда сама по себе стала местью угнетенных индейцев испанскому епископу. Ведь в конце концов епископу пришлось сделать то, что ему сказали индейцы. Гваделупская Дева стала не только объектом поклонения, но также символом и объединяющим началом национальных чувств мексиканцев и их сопротивления любой форме иностранного вмешательства.

Империя ацтеков занимала не всю территорию современной Мексики. Но ее падение побудило многие соседние индейские племена подчиниться испанцам. На юге сохранялись остатки цивилизации майя. Их завоевание, которому препятствовали главным образом гористая местность и густая растительность, продолжалось годами. Только в 1560 году испанское владычество над Юкатаном стало достаточно прочным, чтобы туда можно было назначить епископа.

Затем испанцы продолжили движение на север, влекомые двумя призрачными целями. Первая – поиск пролива, соединяющего Атлантический и Тихий океаны, – побудила их исследовать берега Калифорнийского залива, так как Калифорнийский полуостров считался островом, и полагали, что

Калифорнийский залив каким-то образом соединяется с Атлантическим океаном. Второй химерой были "семь золотых городов", о которых испанцам рассказывали индейцы и в поисках которых они отправились почти прямо на север в направлении Нью-Мексико. В более поздние времена угроза со стороны французов из Луизианы и со стороны русских, двигавшихся вдоль побережья Тихого океана, вынудила испанцев обосноваться в Техасе и в Калифорнии.

На Калифорнийском полуострове миссионеры достигли гораздо больших успехов, чем колонизаторы и исследователи. Первыми там поселились иезуиты, сначала на восточном побережье Калифорнийского залива, а затем на самом полуострове. Выдающейся фигурой среди них был Евсевий Франциск Кино, итальянец по происхождению, создавший целую систему миссий, распространивших свою работу далеко за пределы подвластных Испании территорий вплоть до современной Аризоны. Незадолго до смерти в 1711 году он планировал начать миссионерскую работу среди апачей. Н о в 1767 году иезуитов изгнали из всех испанских владений. Некоторые их миссии были переданы в распоряжение францисканцев, доминиканцев и других орденов. Остальные просто пришли в запустение.

В Калифорнии францисканские миссионеры основные свои усилия сосредоточили на работе в северной ее части, которая теперь стала штатом Калифорния. В XVIII веке, когда власти организовали экспедицию для исследования и заселения этого района, к ней присоединился францисканец Хуниперо Серра. Там он основал множество миссий, многие из которых оставались вне досягаемости испанцев и не могли пользоваться их защитой. В тех районах, где индейцам предстояло жить под управлением испанцев, Серра стал активным защитником прав индейцев против посягательств испанцев.

Но наибольший интерес для францисканцев представляло северное направление, где конкистадоры искали семь мифических городов. Иногда вместе с конкистадорами, иногда после них, но чаще всего раньше их францисканцы переходили границы Мексики и вступали на территорию Ныо-Мексико. Там в 1610 году испанцы основали Королевский город Санта-Фе святого Франциска Ассизского, известного сейчас просто как Санта-Фе. Двадцать лет спустя пятьдесят миссионеров стали пастырями шестидесяти тысяч крещеных индейцев в Нью-Мексико. Во время восстания индейцев в 1680 году погибло около четырехсот испанцев, в том числе тридцать два францисканца. Когда испанцы вновь захватили эту территорию, вместе с ними вернулись и францисканцы.

Испанская экспансия из Мексики распространялась и в западном направлении через Тихий океан. В 1521 году Магеллан доплыл до Филиппин и был там убит аборигенами этих островов. Затем из Мексики было отправлено еще несколько экспедиций. Наконец, в 1565 году эти острова были захвачены экспедицией под руководством Мигеля Лопеса Легаспи. Там испанцы нашли множество мусульман, которых назвали *морисками* по аналогии с маврами, владевшими Испанией несколько веков. На некоторых островах эти мусульмане, а также китайцы оказали сильное сопротивление. Но в конце концов был покорен весь архипелаг. И здесь следовали той же политике, которая проводилась в Западном полушарии и вызвала сильное недовольство среди коренных жителей островов. Испанцы надеялись сделать эти острова плацдармом для дальнейшего проникновения на Дальний Восток, но они не хотели заниматься образованием филиппинцев, и их план провалился.:

30.5 Золотая Кастилия

Регион, который сейчас называют Центральной Америкой и Панамским перешейком, давно привлекал внимание испанских властей. Колумб плавал вдоль его берегов в надежде найти проход на запад. В 1509 году были предприняты первые попытки завоевания и колонизации. Они заканчивались неудачей до тех пор, пока авантюрист по имени Васко Нуньес де Бальбоа не сместил официально назначенного руководителя экспедиции и не взял дело в свои руки. В отличие от большинства других

конкистадоров, Бальбоа умел располагать к себе индейцев, хотя и сам был способен на злодеяния. Судя по всему, он дружил с индейцами прежде всего потому, что считал такую тактику наилучшей, чтобы получать у них золото и женщин. Благодаря помощи индейцев ему удалось отправить в Испанию золото в надежде узаконить тем самым свою власть. С их же помощью он дошел до Тихого океана, который назвал "Южным морем".

Отправка золота в Испанию привела к обратным результатам. Власти сочли эту землю слишком ценной, чтобы доверить ее Бальбоа, и в колонию, которую назвали Золотой Кастилией, был назначен другой губернатор. С Бальбоа они не поладили, и в конце концов новый губернатор приговорил своего предшественника к смертной казни. Его политика заключалась в насильственном принуждении индейцев добывать золото. Многих отдали в *энкомьенды* колонизаторам. Других, кто не мог или не хотел приносить испанцам достаточно золота, истребляли. В конечном счете большинство индейцев разбежались и начали вести против конкистадоров партизанскую войну. Землю не засеивали, и продовольствия было недостаточно. Умерло свыше пятисот испанцев, причем многие из них от голода. Епископ, назначенный для руководства церковью и францисканскими монастырями в колонии, вернулся в Испанию в знак протеста против плохого управления колонией. Прошли десятилетия, прежде чем установилась хоть какая-то видимость порядка.

Наиболее интересной личностью в ранней истории церкви Центральной Америки был, пожалуй, Хуан де Эстрада Раваго – бывший францисканец, лишенный монашества, честолюбивый конкистадор, неудачливый придворный и добровольный миссионер. Он был уже готов вернуться в Испанию во исполнение королевского указа, повелевавшего всем монахам-расстригам покинуть колонии, когда узнал, что на планировавшуюся экспедицию в Коста-Рику не хватает средств. Он предоставил средства и сам присоединился к экспедиции, которую в конце концов возглавил. Он выучил язык индейцев и за одним-единственным исключением воздерживался от применения насилия в отношении к ним. Он ходил по стране, учил христианской вере, крестил людей и основывал церкви. На свои собственные средства он покупал одежду и пищу как для индейцев, так и для поселенцев. К нему присоединились двенадцать францисканцев из Мексики, и церковь быстро росла.

К концу XVI века большинство коренных жителей Центральной Америки называли себя христианами. Но оставались обширные районы, не исследованные испанцами, где индейцы сохраняли древнюю религию и самоуправление. На территориях, считавшихся христианскими, священников не хватало, и их работу крайне затрудняло чувство неприязни, вызванное поведением конкистадоров. Из Золотой Кастилии драгоценного металла поступало не слишком много, и Испания особого внимания на нее больше не обращала.

30.6 Флорида

Испанцы давно знали о землях к северу от Кубы. В 1513 году губернатор Пуэрто-Рико Хуан Понсе де Леон получил королевскую привилегию на исследование и колонизацию земли "Бимини", где, по слухам, находился источник, воды которого обладают омолаживающими или по крайней мере исключительными лечебными свойствами. Экспедиция Понседе Леона высадилась на берегах Флориды, названной так потому, что именем короля они захватили ее на Пасху – Pascua Florida. После исследования побережья со стороны Атлантического океана и Мексиканского залива и кровавых стычек с индейцами экспедиция вернулась в Пуэрто-Рико. Несколько лет спустя Понсе де Леон организовал вторую экспедицию, в ходе которой был ранен индейцами и вернулся на Кубу, где и умер.

Особых результатов не принесли и другие экспедиции. Одна из них, организованная в 1528 году, была просто-напросто уничтожена индейцами. Восемь лет спустя *в* Мехико появились четверо оставшихся

в живых, прошедших полконтинента. В 1539 и 1540 годах этот район исследовал Эрнандо де Сото, но он не пытался колонизовать его. Еще одна колониальная экспедиция была предпринята двадцать лет спустя, но через два года от нее отказались из-за неимоверных трудностей без каких-либо значимых результатов.

В конце концов предпринять все необходимые меры для завоевания этой земли испанцев побудило присутствие французов. В 1562 году французы под руководством Жана Рибо начали создавать поселения во Флориде и в Южной Каролине. С точки зрения испанцев, все это усугублялось тем, что большинство французских поселенцев были протестантами. В ответ на захват земель, считавшихся переданными папами Испании, испанское правительство поручило Педро Менендесуде Авилесу уничтожить поселения. Он напал на французов с сильным отрядом. Многие скрылись во внутренних районах страны, где в конечном счете были перебиты индейцами. Остальных взяли в плен испанцы, предавшие мечу 132 человека. В живых они оставили только женщин и детей младше пятнадцати лет. Рибо, отсутствовавший в то время, потерпел кораблекрушение и сдался испанцам, казнившим его вместе с более чем семьюдесятью других французов, уцелевших после кораблекрушения. Затем Менендес де Авилес основал город Святого Августина, ставший центром колонизации.

Рибо и его товарищи были отомщены. Близкий друг Рибо тайно подготовил экспедицию, высадившуюся на том самом месте, где произошла бойня, захватил находившихся там испанцев и повесил их. Менендес де Авилес заявил, что Рибо и его товарищей он убил "не как французов, а как гугенотов". Французы, в свою очередь, оставили надпись, что их жертвы были убиты "не как испанцы, а как предатели, грабители и убийцы". Затем, прежде чем из Святого Августина успели подойти подкрепления, они отплыли во Францию.

Из Флориды, и теперь уже учитывая угрозу со стороны англичан, проявлявших интерес к Новому Свету, испанцы основали Гуале (в Джорджии), Санта-Елену (в Каролине) и Аякан (в Виргинии).

Во всех этих землях испанцы были либо военными, либо миссионерами. Миссионеры, главным образом иезуиты и немного францисканцев и доминиканцев, сталкивались в работе с огромными трудностями. Действия испанцев вызывали враждебное отношение к ним индейцев, и многих миссионеров убивали, как только они лишались защиты испанского оружия. Поселения и миссии к северу от Флориды исчезали так же быстро, как и появлялись. В 1763 году испанцы уступили Флориду Англии в обмен на Гавану, захваченную англичанами. Двадцать лет спустя Флорида вернулась под власть Испании. Наконец, в 1819 году она была официально передана захватившим этот регион Соединенным Штатам.

Дон Хуан Понсе де Леон отправился во Флориду, чтобы найти "источник молодости".

От испанских миссий на этой обширной земле не осталось ничего, кроме воспоминаний, отдельных развалин и костей миссионеров, отдавших жизнь ради цели, достижение которой их соотечественники сделали почти невозможным.

30.7 Колумбия и Венесуэла

В ходе своей второй экспедиции Колумб посетил берега Южной Америки. Завоевание побережья современной Колумбии началось в 1508 году, но первая попытка закончилась неудачей. Она возобновилась 1525 году, когда Родриго де Бастидас основал Санта-Марту. Он считал, что к индейцам надо относиться гуманно, поэтому другие поселенцы вынудили его вернуться на Эспаньолу. Затем на индейцев обрушилась волна насилия – от них требовали указать местоположение Эльдорадо, в существование которого конкистадоры верили, как и во многие другие немыслимые сказки. Из своего опорного пункта в Санта-Марте испанцы двинулись на запад, где основали Картахену, и на юг, где нанесли поражение вождю Боготе и основали город Санта-Фе де Богота.

Вскоре после основания этих городов испанская церковь основала там несколько епископств и ввела инквизицию. Инквизиция занималась почти исключительно делами испанцев. Индейцы и черные рабы (их начали ввозить туда с самого начала) быстро поняли, что, когда хозяин готов наказать их, им достаточно крикнуть "я отрекаюсь от Бога", и они сразу попадают под юрисдикцию инквизиции, относившейся к ним гораздо благожелательнее. Было достигнуто молчаливое согласие, что в дела индейцев или черных рабов инквизиция должна вмешиваться только в крайних случаях. Поскольку в это время в Карибском бассейне появились англичане, инквизиция использовалась и против них – многих казнили как протестантов.

Двумя видными христианскими фигурами в этом регионе были святые Луис Бертран и Педро Клавер. Луис Бертран был одним из сотен миссионеров, стремившихся донести христианство до индейцев и положить конец злоупотреблениям конкистадоров и поселенцев. Он был доминиканцем и в начале своей карьеры занимался обучением в доминиканском монастыре в своей родной Валенсии. Приходившие из Нового Света сообщения о миллионах людей, нуждающихся в служении, подвигли его на новые дела, и он решил выяснить, призван ли он к миссионерскому служению. В 1562 году в возрасте тридцати шести лет он высадился в Картахене. У него часто возникали конфликты с *энкомендерос,* а его проповеди о справедливости были созвучны наставлениям ветхозаветных пророков. Ноу него еще не было полной уверенности в своем призвании, и он вернулся в Испанию, где благодаря благочестию и святости приобрел многих почитателей. Луис Бертран умер в 1581 году. В 1671 году папа Климент X включил его имя в официальный список святых церкви – он стал первым из святых, связанных с Новым Светом.

Жизнь другого великого колумбийского святого Педро Клавера была совершенно иной. Он родился в 1580 году незадолго до смерти Бертрана и уже в юном возрасте решил стать иезуитом и отправиться миссионером в Новый Свет. Наставники считали его недалеким человеком, и в Картахену в 1610 году он прибыл всего лишь послушником. Там он воочию убедился каким страданиям подвергаются черные рабы, и когда в 1622 году ему наконец разрешили дать невозвратные обеты, он после своей подписи дал еще одну клятву: *Petrus Clover, aethiopum semper servus* - "Педро Клавер, служитель чернокожих навек".

Поскольку рабы разговаривали на разных языках, которые изучить он не мог, Клавер начал привлекать рабов в качестве переводчиков. Но рабовладельцы не хотели терять своих работников, и Клавер убедил монастыри покупать для этого рабов. Это привело к трениям с братьями-иезуитами, многие из которых продолжали относиться к ним просто как к рабам. Клавер же настаивал, что они – братья во Христе и что к ним надо относиться как к равным. В конце концов, проявив упорство, он убедил иезуитов, во всяком случае на словах.

Клавер со своими переводчиками встречал каждое судно с рабами. Иногда им разрешали подняться на борт, но чаще всего они приходили в построенные для рабов бараки, где тех содержали, пока не найдется покупатель. Там невольники жили не в такой тесноте, как в трюмах, и кормили их лучше, чтобы

подготовить к продаже на торгах. Тем не менее многие умирали из-за тягот во время плавания или из-за того, что отказывались принимать пищу, опасаясь, что их откармливают, чтобы затем съесть. Больные и здоровые абсолютно голыми лежали рядом с мертвыми на полу, посыпанном битым кирпичом, пока не приходил Клавер с товарищами, уносившими тела мертвых. Затем они возвращались со свежими фруктами и одеждой и выявляли наиболее слабых. Если среди рабов были тяжелобольные, Клавер переносил их в лечебницу, построенную им неподалеку. Затем он возвращался и пытался проповедовать Евангелие тем, кто был способен его слушать.

Он использовал наглядные методы. Он давал воду, которой им не хватало с момента посадки на корабли, и объяснял, что вода крещения утоляет жажду души. Клавер усаживал в кружок группу людей, говоривших на одном языке, садился сам среди них, единственный стул предоставляя переводчику, садившемуся в центре, и объяснял изумленным рабам основы христианской веры. Иногда он говорил, что, подобно змее, меняющей кожу, когда она вырастает, человек тоже должен после крещения изменить жизнь. Он щипал себя, как бы сдирая кожу, и объяснял смысл прежней жизни, от которой надо отказаться. Дабы выразить согласие, они тоже иногда делали вид, что сдирают с себя кожу. В других случаях, объясняя учение о Троице, он складывал носовой платок, так чтобы были видны три утла, а затем разворачивал его, показывая, что это один и тот же кусок материи. Все это он делал с дружелюбием, а порой и смешил своих учеников.

Забота, которой Клавер окружал невольников сразу после их прибытия, выражалась и во многом другом. Проказа была распространенной среди рабов болезнью, и тех, кто ею болел, хозяева просто изгоняли. Для них Клавер открыл лепрозорий, где проводил большую часть времени, когда в бухте не было кораблей с невольниками, а в бараках – рабов, готовившихся для продажи. Там часто видели, как он обнимает и пытается утешить несчастного прокаженного, вид разлагающейся кожи которого заставлял других отворачиваться и бежать. За годы его служения в Картахене было также три вспышки оспы, и все три раза Клавер занимался лечением зараженных негров, которых просто бросали на произвол судьбы.

Наставники и руководители всегда считали Клавера не очень умным человеком, но он прекрасно понимал, как далеко он может зайти, чтобы белое население Картахены не противилось его служению. Он никогда не осуждал и не критиковал белых, но весь город знал, что на улицах он здоровается только с чернокожими и с теми немногими белыми, которые поддерживают его работу. Он скоро дал понять, что, принимая исповедь, следует порядку, обратному принятому в обществе, – сначала слушает рабов, затем нищих и, наконец, детей. Тем, кто не подпадает ни под одну из этих категорий, лучше поискать другого исповедника.

Он пользовался большой поддержкой со стороны рабов Картахены. Одни из них на большие церковные праздники помогали ему готовить обеды для прокаженных, рабов и нищих. Другие брали на себя служение по достойному захоронению умерших рабов. Третьи посещали больных, собирали плоды для голодных и для вновь прибывших, штопали и находили для них одежду и проводили многие другие виды служения для своих собратьев-рабов.

Все это время белое общество Картахены не обращало особого внимания на этого странного иезуита, проводившего большую часть времени среди рабов. Те, кто хоть как-то общались с ним, пытались отговорить его от таких занятий, так как развитие у рабов чувства собственного достоинства считали опасным. Его руководители отправляли в Испанию отчеты, в которых указывали, что отец Клавер ведет себя неосмотрительно и неумно.

В конце жизни его разбил паралич, и он с трудом мог выходить из кельи. Последняя прогулка привела его к пирсу, где глаза у него наполнились слезами при виде страданий, облегчить которые он уже не мог. Иезуиты поручили его заботе одного из рабов, и Клавер на себе испытал последствия зла, которое его раса

причиняла чернокожим, – раб обращался с ним жестоко, оставлял его лежать в собственных испражнениях и по-всякому напоминал о мучениях рабов во время пересечения Атлантики.

В самый последний момент Картахена осознала, что в мир иной вот-вот отойдет святой. В келье его посещали сливки общества, и все хотели унести какую-нибудь реликвию. Бедному иезуиту не оставили даже распятия – когда оно приглянулось одному маркизу, Клаверу приказали отдать его. Его смерть в 1654 году оплакивали многие из тех, кто при жизни презирал его. Через двести с лишним лет его имя было включено в официальный список святых католической церкви.

30.8 Четыре угла земли: империя инков

Западная часть Южной Америки находилась под властью инков. Центр их страны испанцы назвали "Перу", но сами инки свою империю называли *Тауантинсуйу,* что означает "четыре угла земли". Империя, границы которой сейчас установить трудно, включала в себя всю территорию или часть Перу, Эквадора, Боливии, Чили и Аргентины – в общей сложности она занимала примерно два миллиона квадратных километров.

Завоевание этой обширной империи осуществил Франсиско Писарро благодаря сочетанию простого везения, смелых действий и предательства. "Великий инка" Атауальпа был схвачен в 1532 году, но это не положило конец волнениям и гражданским войнам. В то время как индейцы продолжали мужественное и активное сопротивление, испанцы боролись между собой. Когда испанский король Карл прислал вице-короля, поселенцы отказались подчиниться ему, и понадобились подкрепления для подавления бунта. Индейцы же продолжали сопротивляться вплоть до конца 1780 года. В тот год Тупак Амару, провозгласивший себя наследником последнего вождя инков, поднял восстание, получившее поддержку большинства населения, в том числе многих бедных белых, считавших, что их угнетает испанская аристократия.

Как и в случае со всеми другими колониальными делами Испании, церковь занимала в этом вопросе двойственную позицию. С одной стороны, она поддерживала политику завоеваний и эксплуатации местного населения. С другой, в ней самой раздавались мощные голоса протеста. Священника, принявшего непосредственное участие в предательстве Атауальпы, в награду за это сделали епископом Куско – столицы империи. Огромные богатства Перу развращали даже многих из тех нищенствующих монахов, которые в других местах проводили жертвенное служение индейцам. Слухи о такой безнравственности и алчности побудили испанские власти отправить своего представителя для расследования дела. Но он неожиданно умер, не добравшись до Перу. Когда было принято решение о разделении церквей для белых и для индейцев, почти никто не протестовал. Среди индейцев некоторые вожди убивали принявших крещение, ставшее символом подчинения захватчикам. Проходили многие годы, прежде чем крещеные получали хоть какое-то представление о христианской вере. Но даже тогда священники, которым платили *энкомендерос,* делали все возможное, чтобы полученное ими понимание веры делало их послушными.

В 1581 году архиепископом Лимы стал Торибьо Альфонсо де Могро-вехо. Это было огромное архиепископство – в него входили территории современных Никарагуа, Панамы, частично Колумбии, всего Эквадора, Перу, Боливии, Парагвая и частично Чили и Аргентины. В ответ на протестантскую Реформацию Тридентский собор, речь о котором пойдет в следующем томе, принял ряд реформаторских мер, которые Могровехо считал необходимыми. Но дисциплину, которой требовал собор, в Новом Свете установить было трудно. Для реформирования церкви новый архиепископ собрал местный синод. Одним из пунктов повестки дня было рассмотрение вопроса о коррупции епископа Куско, о которой имелось достаточное количество документально подтвержденных данных. Но когда синод собрался, епископ Тукумана, друг обвиняемого, вырвал документы из рук архиепископа и бросил их в огонь. Н есмотря на такие условия,

архиепископу все же удалось провести некоторые реформы. Он также составил катехизис, переведенный затем на несколько индейских языков и в течение трехсот лет остававшийся основным инструментом христианского обучения в обширных районах испанской Америки. Он неоднократно вступал в конфликт с гражданскими властями, главным образом по вопросу обращения с индейцами. Но он ни разу ни словом не обмолвился о глубокой несправедливости самого режима. В 1726 году, через 120 лет после смерти, его имя было включено в официальный список святых католической церкви.

Перуанская церковь дала еще трех человек, которые сейчас причислены к святым. Святая Роза из Лимы (1586-1617) шла по пути аскетического мистицизма и получала экстатические видения. Святой Мартин де Поррес (1579-1639) поступил в доминиканский монастырь, но так и не стал полноправным членом ордена, поскольку был мулатом. Он многие годы помогал больным, выхаживал животных, сажал фруктовые деревья в надежде, что когда-нибудь они пригодятся голодным. И наконец – святой Франсиско Солано (1549-1610). Он был спокойным и смиренным человеком, который в 1604 году неожиданно получил апокалиптическое видение и начал ходить по улицам, объявляя, что Лима стала новой Ниневией и что Бог разрушит ее землетрясением, если население не покается. Послание этого нового Ионы было услышано, и люди бросились в церкви для исповедания в грехах и покаяния.

Но самой, пожалуй, примечательной фигурой этого раннего периода был доминиканец Жиль Гонсалес де Сан Николас, который многие годы работал миссионером среди индейцев в Чили и пришел к убеждению в несправедливости ведущейся против них войны. Он заявил, что нападение на людей с единственной целью завладеть их землей и имуществом – смертный грех и что те, кто делает это, не заслуживают благодати Божьей. Его проповедь нашла отклик среди других доминиканцев и францисканцев, отказывавшихся отпускать грехи тем, кто участвовал в таких войнах или извлекал из них выгоду. Гражданские и церковные власти искали повод, чтобы заставить проповедника замолчать. В конце концов его обвинили в ереси, так как он заявил, что будущие поколения испанцев будут наказаны за совершающиеся сейчас преступления, а это было равнозначно утверждению, что из поколения в поколение передается не только первородный, но и конкретный грех. На этом основании проповедника принудили к молчанию, а его сторонников к отречению.

30.9 Ла-Плата

В последнюю очередь испанцами были завоеваны территории, которые ныне занимают Аргентина, Уругвай и Парагвай. После нескольких неудачных попыток колонизации в 1537 году они построили форт, ставший впоследствии городом Асунсьоном в Парагвае. Испанцы в Асунсьоне были изолированы и понимали, что зависят от индейцев, поэтому вели себя с ними сдержанно. Многих из них селили в небольших городках, создававшихся францисканскими миссионерами, которые учили их европейским методам земледелия и основам христианской веры. Один из этих миссионеров перевел катехизис святого Торибьо на гуарани – язык местных индейцев.

Однако наиболее успешно этот метод использовали иезуиты. Во многих других частях испанской империи, в частности в Северной Мексике, миссионеры основывали города, в которых индейцы жили под их руководством. Но близость испанских поселенцев, как правило, мешала работе миссионеров или даже сводила ее на нет. Поэтому иезуиты не стали следовать примеру францисканцев и создавать деревни индейцев возле Асунсьона, а решили отправиться в районы, где влияние европейцев почти не чувствовалось. Движущей силой организации этих миссий стал Рохас Гонсалес, иезуит, выросший в Асунсьоне и потому свободно говоривший на гуарани. Знание языка и обычаев индейцев помогало ему преодолевать их враждебность и создавать деревни, в которых они жили по собственной воле без какого бы то ни было принуждения со стороны испанцев.

Управление в этих поселениях по сути было теократическим. Индейцы избирали вождей, но верховная власть принадлежала миссионеру, чье слово было окончательным не только в религиозных и нравственных вопросах, но и во всех повседневных делах общины.

Планировка поселений была единообразной. В центре располагалась большая открытая площадь, на которой проводились собрания, праздники и шествия. Возле нее находилась церковь с жилыми помещениями для миссионера. Семейные жили в стоявших рядами домиках, а вдовы и сироты – в отдельном здании. В большом складе хранились пища, зерно и другая общая собственность. Были также помещения для разного рода мастерских.

Разрешалось иметь небольшие личные огороды, но в основном собственность была общей. В нее входили большая часть земли, скот, орудия труда, зерно и тому подобное. Все были обязаны отработать на общих полях определенное количество часов, но оставалось время и для ухода за семейным огородом и других занятий. В некоторых местах ремесленники достигали такого мастерства, что могли даже изготавливать органы высокого качества.

Но были и трудности. Возле каждого поселения жили индейцы, не желавшие присоединяться к общине и постоянно подстрекавшие других уйти или взбунтоваться. Именно во время одного из таких восстаний погиб основатель движения Рохас Гонзалес. Он был объявлен святым в 1934 году. Но злейшими врагами миссий были все-таки белые – испанцы и португальцы. Последние, высадившись в Бразилии, опасались, что иезуитские миссии могут служить передовым отрядом для проникновения испанцев. Но основная причина ненависти к иезуитам заключалась в том, что они мешали порабощению индейцев. Тем же руководствовались и испанские поселенцы, боровшиеся с миссиями иезуитов. Они считали, что, если бы не иезуиты, все эти индейцы работали бы на них благодаря системе *энкомьенды.*

В 1628 году португальцы начали совершать набеги на миссии иезуитов из Сан-Паулу. Они стирали с лица земли построенные деревни и уводили жителей для продажи в рабство. В некоторых случаях иезуиты шли за своей паствой, пока их не прогоняли работорговцы. Затем иезуиты начали переносить свои деревни подальше от Бразилии. Нои там их находили работорговцы, продвигавшиеся все дальше в глубь территории.

Тогда иезуиты решили вооружить индейцев. В их мастерских занялись изготовлением оружия, и под руководством одного из иезуитов сформировалась постоянная армия. Папа Урбан VIII объявил об отлучении от церкви всех, кто вторгнется на территорию иезуитов для охоты за индейцами, а король Филипп IV провозгласил, что индейцы совершенно свободны и не могут быть рабами. Тем не менее португальцы продолжали набеги, в ходе которых им часто оказывали помощь испанские поселенцы, стремившиеся положить конец всему этому движению. В 1641 году индейцы и иезуиты в битве на заранее подготовленном ими месте разгромили вторгшегося на их территорию врага. Выдвигавшиеся против иезуитов обвинения, что они тайно вооружают индейцев, не нашли поддержки ни в Риме, ни в Мадриде, где было заявлено, что иезуиты имеют право носить оружие сами и вооружать свою паству, коль скоро речь идет о самообороне. Благодаря этому миссии продолжали процветать, и к 1731 году в них жило свыше 140 000 индейцев.

Но сопротивление не прекратилось. Распространялись слухи, что иезуиты прячут золото, по праву принадлежащее короне. Проверки показали, что обвинения эти безосновательны. Потом прошел слух, что иезуиты хотят создать независимое государство и что у них уже даже есть "король Николай I Парагвайский". Учитывая, что подобные обвинения в адрес иезуитов выдвигались в то время и в Европе и что Бурбоны, правившие Испанией и несколькими другими европейскими государствами, проводили антииезуитскую политику, в 1767 году корона приказала всем иезуитам покинуть испанские колонии. Испанский губернатор, получивший это предписание, опасался бунта. Но иезуиты уговорили индейцев

спокойно отнестись к происходящему и удалились с миром.

План заключался в том, что место иезуитов займут францисканцы и доминиканцы. Но в испанской империи образовалось так много вакансий, что доминиканцев и францисканцев просто-напросто не хватало, чтобы заполнить их. Поэтому многие миссии прекратили существование. Гражданские власти начали безнаказанно эксплуатировать индейцев, а поскольку новые миссионеры не делали почти ничего для предотвращения таких злоупотреблений, индейцы начали относиться к ним с предубеждением. Вскоре снова последовали вторжения португальцев, охотившихся за рабами. Так же вели себя и многие испанцы. К 1813 году от некогда существовавших миссий осталось не более трети, но и впоследствии они продолжали исчезать. Миссии в Парагвае, выгодно выделявшиеся на фоне общей христианской политики подавления и эксплуатации индейцев, не выдержали давления безудержной алчности.

31 Португальская колониальная экспансия

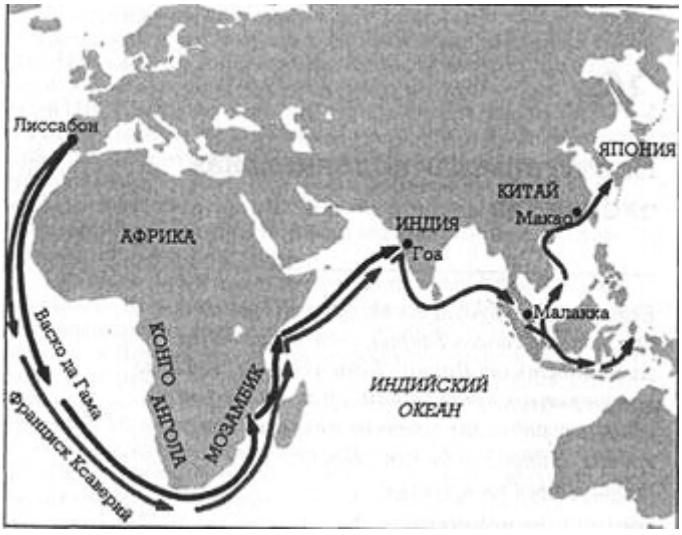
Если индейцы будут вести духовную жизнь, признавать своего Творца, свою вассальную зависимость от Вашего Величества и свой долг повиноваться христианам… у людей будут законные рабы, захваченные в справедливых войнах, а индейцы будут служить и подчиняться им в миссиях.

Мануэль Де Нобрега

31.1 Африка

Португалия освободила свои земли от мавров в XIII веке, почти на двести лет раньше Кастилии. Поскольку на суше Португалия была со всех сторон окружена Кастилией, единственным путем для экспансии оставалось море. В первой половине XV века принц Генрих Мореплаватель приступил к исследованию западного побережья Африки. При его поддержке и после четырнадцати безуспешных попыток португальские моряки наконец обошли с наветренной стороны мыс Бохадор и высадились в Сьерра-Леоне. Эти экспедиции преследовали несколько целей. Одна из них заключалась в том, чтобы попасть на Восток, либо обогнув Африку, либо пройдя по суше, но минуя тем самым владения мусульман, контролировавших в то время прямые торговые пути между Европой и Дальним Востоком. Кроме того, при европейских дворах ходили неясные слухи об Эфиопии, и там члены экспедиции надеялись найти это христианское государство, заключить с ним союз и организовать совместный крестовый поход, одновременно напав на мусульман с двух сторон. Наконец, важным фактором в исследовании и колонизации Африки была работорговля.

В 1487 году первый португальский исследователь обогнул мыс Доброй Надежды. Десять лет спустя Васко да Гама проплыл вдоль восточного побережья Африки, пересек Индийский океан, а затем вернулся в Европу, доказав возможность установить торговые связи с Индией, минуя мусульман.

Португальцы в Африке и на Востоке.

На этом раннем этапе исследований португальцы активно заключали союзы и организовывали поселения на африканском побережье. В 1483 году экспедиция, высадившаяся в устье реки Конго, узнала, что эта земля и обширные территории в глубине континента находятся под властью "маниконго". Португальцы надеялись добраться до Эфиопии по реке Конго, поэтому отнеслись к подданным маниконго

с уважением. Четыре португальца остались там, а четырех африканцев пригласили в гости в Лиссабон. Когда они вернулись с рассказами о чудесах европейской цивилизации и о замечательном к ним отношении в Лиссабоне, маниконго решил стать союзником португальцев, а те отправили ему миссионеров и ремесленников. Через месяц маниконго крестился и принял христианское имя Жуан, которое носил и король Португалии. Военная помощь португальцев в войнах с соседями убедила маниконго, что он сделал правильный выбор.

Афонсу, следующий маниконго, относился к португальцам и к их миссионерам еще благожелательнее. В 1520 году папа Лев X после длительных переговоров посвятил в епископы Конго Энрике, брата Афонсу. Но, вернувшись домой, вновь назначенный епископ увидел, что многие европейские священники не обращают особого внимания на его указания. Он умер в 1530 году, и два года спустя церковь в Конго была поставлена под юрисдикцию португальского епископа расположенного неподалеку острова Сан-Томе. В союзе, заключенном в столь сердечной атмосфере, возникали все большие трения. После смерти Афонсу вспыхнула гражданская война, причиной которой послужило отчасти недовольство конголезцев присутствием португальцев и тем влиянием, которым они пользовались. Португальцы применили военную силу, и в 1572 году маниконго Альваро объявил себя вассалом Португалии. К этому времени дружеские отношения сменились взаимными обидами и подозрительностью.

К югу от Конго располагались земли, которыми правил вождь, известный под именем "Нгола". Эта страна, которая сейчас называется Анголой, с самого начала рассматривалась как источник рабов. В Конго работорговлю контролировал маниконго. В Анголе же португальские работорговцы силой добились для себя больших выгод. В конечном счете побережье стало португальской колонией. Португальцы заявляли о своем праве и на обширные земли внутри континента, но они редко появлялись там и рассматривали их просто как источник рабов, которых приводили на побережье. Там появлялись церкви, но почти исключительно для португальцев и для некоторых африканцев, живших на побережье. Гораздо больше португальцев привлекали другие земли, поэтому церковь в Анголе они поручили заботе наименее способных португальских священников.

На восточном побережье Африки португальская колонизация сопровождалось еще большим насилием. Когда Васко да Гама приплыл в Мозамбик и увидел, что многие жители там были мусульманами, он обстрелял город из пушек. Подойдя к Момбасе, он сделал то же самое. В конце концов он заключил союз с племенем малинди, соперничавшим с Мозамбиком и Момбасой. В 1505 году Португалия отправила в Индию флот, состоявший из двадцати трех кораблей, с поручением останавливаться по пути и закрепить господство Португалии в Восточной Африке. За пять лет португальским стало все побережье. В 1528 году Момбаса еще раз попыталась восстать и вновь была расстреляна из пушек.

Первые португальские священники появились в Мозамбике в 1506 году. Основная их задача заключалась не столько в обращении африканцев, сколько в служении капелланами в португальских гарнизонах. Под юрисдикцию созданного в 1534 году епископства Гоа в Индии поставили все восточное побережье Африки.

В то время как большинство португальских священников оставались на побережье под прикрытием португальских пушек, многие иезуиты и доминиканцы шли в глубь континента. Наиболее известным из них был иезуит Гонсало де Сильвейро, который дошел до Зимбабве, где обратил в веру и окрестил правившего там вождя. Но африканские торговцы, опасавшиеся, что успехи миссионеров откроют путь португальским купцам, убедили вождя, что иезуит – шпион и что он занимается черной магией. Узнав, что вождь решил убить его, Сильвейра решил не бежать, а остаться на своем посту, но был задушен во сне. Восхищение

многих африканцев заслужили и многие другие миссионеры, отдавшие жизнь в течение последующих пятидесяти лет. Но хотя многие принимали мученическую смерть, большинство священнослужителей не проявляли особой заботы об африканцах, что отражало позицию официальных властей Португалии, которые обратили взгляд на Дальний Восток и уже не очень интересовались африканскими колониями.

31.2 На пути к странам восходящего солнца

Когда после первых открытий Колумба папа поделил весь нехристианский мир между Испанией и Португалией, последней досталась не только Африка, куда уже проникли португальские колонизаторы, но и весь Восток, который всегда был основной целью колонизации Африки. По возвращении Васко да Гамы стало ясно, что Португалия не в состоянии покорить обширные территории и многочисленные народы Индии, Японии и Китая. Поскольку восточные товары – шелк и пряности – высоко ценились на европейских рынках, Португалия избрала политику торговли, а не завоеваний.

Но чтобы сделать торговлю с Востоком выгодной, Португалии необходимо было взять ее под свой контроль. Именно эту цель преследовало создание широкой сети военных баз, призванных служить пунктами ремонта и обслуживания для португальских судов и охранять морские пути. Закрепившись на обоих побережьях Африки, португальцы заперли Красное море, захватив остров Сокотру и другие близлежащие земли. В Индии они взяли Гоа и укрепили его. База на Цейлоне позволяла им контролировать судоходство у южной оконечности Индии. Их присутствие еще восточнее, на Малакке, закрывало путь в Китай любому дерзкому европейцу, который осмелился бы заплыть так далеко. Наконец, в самом Китае Макао служил перевалочным пунктом для торговли со всей этой огромной страной. Многие из этих баз были захвачены силой. В других местах, например в Макао, португальцы получали разрешение на поселение, так как местные или центральные власти хотели торговать с ними. Но даже в тех местах, которые изначально были взяты силой оружия, португальцев интересовала в первую очередь торговля, а не завоевания, поэтому они избегали любых конфликтов, которые могли бы нарушить торговые связи.

Король Португалии Жуан III, услышав о достоинствах недавно созданного ордена иезуитов, попросил отправить на Восток шестерых монахов. Основатель ордена Лойола смог выделить только двух. Одним из них был Франциск Ксавье. Узнав о поручении, он едва успел заштопать сутану и сразу отправился в Лиссабон. Там иезуиты произвели такое впечатление на короля и на двор, что одного из них оставили в Португалии, и миссионером на Восток поехал только Франциск Ксавье.

В мае 1542 года после путешествия, продолжавшегося больше года, Ксавье прибыл в Гоа, оперативный центр португальцев на Востоке. Его возмутил образ жизни португальцев, но скоро он понял, что все его увещевания напрасны. Тогда он прибегнул к уловке, которую будет использовать и в дальнейшем. Он ходил по улицам с колокольчиком, приглашая детей пойти с ним в церковь, где учил их катехизису и нравственным принципам церкви. Затем он отправлял их домой и просил поделиться полученными знаниями сродителями. Постепенно Ксавье завоевал уважение взрослых, которые начали приходить на его проповеди. За этим следовали сцены массового покаяния, напоминавшие Флоренцию во времена Савонаролы.

Но Ксавье приехал в Индию не для проповеди португальцам. Его пребывание в Гоа было лишь промежуточным этапом подготовки к более широкому служению тем, кто не слышал имени Христа. После пяти месяцев жизни в Гоа он отправился на Жемчужный берег, названный так потому, что был известен добычей жемчуга. Там часто появлялись португальские купцы, и многие местные индийцы приняли христианство просто потому, что это была религия могущественных португальцев. Ксавье взял с собой двух молодых священников, знавших местный язык, и, используя их как переводчиков, начал проповедовать и учить. От жителей окрестных деревень приходили просьбы проповедовать и у них. Удовлетворить все эти

просьбы было невозможно, поэтому Ксавье подготовил нескольких своих обращенных, которые сами начали проповедовать и крестить.

Большинство обращенных Ксавье, как и приведенных ко Христу в других частях Индии, принадлежали к низшим кастам. Кастовая система имела глубокие корни в индийском обществе, и не принимать это во внимание было невозможно. Людям из разных каст не разрешалось есть вместе. Так как христиане причащались вместе, многие члены низших каст полагали, что обращение в христианство означает для них переход в касту португальцев. Поэтому для многих обращение и крещение приобретали значение социального освобождения. Но по тем же причинам члены высших каст противились проповеди христианства, так как считали его опасным. Во многих местах отмечались случаи мученической смерти, как это было во времена ранней церкви. Ксавье сам несколько раз подвергался нападениям и однажды был ранен стрелой. Какое-то время он рассчитывал на использование португальской военной силы для защиты обращенных. Португальские власти отвечали отказом, но руководствуясь не пацифистскими идеалами, а опасением, что это может повредить торговле.

В 1546 году, поручив другим продолжать его дело, начатое им в Индии, Ксавье отправился в более далекие страны. Трое японцев, которых он встретил в ходе своих путешествий, пригласили его посетить их страну. Вернувшись сначала на некоторое время в Гоа, Ксавье затем предпринял эту новую миссию. В 1549 году в сопровождении трех обращенных японцев и двух иезуитов Ксавье отплыл в Японию. Там его приняли хорошо, и число обращенных убедило его, что он заложил основания того, что скоро станет процветающей церковью. Он не мог знать, что вскоре после его смерти разразятся гонения и что созданная им церковь будет почти полностью уничтожена. (Она, действительно, казалась полностью разрушенной, но три века спустя протестантские миссионеры обнаружили около ста тысяч христиан, в Нагасаки и его окрестностях.)

По возвращении в Малакку Ксавье узнал, что орден иезуитов решил создать новую провинцию, включающую в себя все территории к востоку от мыса Доброй Надежды, и что он назначен ее главой. Новые административные обязанности вынудили его вернуться в Гоа и отказаться на время от мечты проповедовать Евангелие в Китае.

Наконец, в 1552 году он отправился в Китай. Перед отплытием из Гоа он написал королю Португалии: "Нас воодушевляет, что эту мысль вложил в нас Бог… и у нас нет сомнений, что власть Бога неизмеримо выше власти короля Китая". Но несмотря на такую уверенность, Ксавье так и не попал в Китай, правительство которого противилось иностранному вмешательству в любой форме. Он умер на острове у границы Китайской империи, где поселился в ожидании дня, когда эта земля откроется для него.

Ксавье и другие миссионеры не проводили четкого различия между европейской культурой и христианской верой. При крещении обращенных им давали "христианские", то есть португальские имена, и рекомендовали носить европейскую одежду. Многие из обращенных верили, что после принятия крещения они становятся подданными короля Португалии. По тем же причинам культурные и обладающие властью слои населения стран, посещавшихся миссионерами, рассматривали христианство как чужеродное вмешательство, подрывающее основы традиционной культуры и существующего общественного порядка.

Иезуиты следующего поколения, действовавшие под покровительством португальцев, хотя многие из них по происхождению были итальянцами, начали ставить под сомнение целесообразность отождествления христианства с Португалией как таковой и с ее культурой и искали пути "приспособить" его к древним культурным традициям Востока. Наиболее известными среди них были Роберто де Нобили и Маттео Риччи – первый работал миссионером в Индии, а второй – в Китае.

Де Нобили начал миссионерскую деятельность на Жемчужном берегу и именно там понял, что принятие христианства многочисленными членами низших каст не только заставит их осознать разрыв со

своей приниженностью, но и обернется нежеланием высших каст прислушаться к посланию, которое в их глазах было связано с отбросами общества. Поэтому когда его перевели в другой район, Нобили решил действовать иначе. Заявив, что в своей стране он родился в семье благородной крови, он ходил в одеянии брахмана и называл себя "учителем". Он, как и все добропорядочные индусы, следовал вегетарианской диете и изучил санскрит. Тем самым он завоевал уважение многих представителей высших каст. После обращения некоторых из них он выделил для них особую церковь и распорядился, чтобы представители низших каст не допускались на совместные служения с этими привилегированными обращенными.

Свои действия Нобили оправдывал тем, что кастовая система, даже если она кажется неприемлемой, тем не менее представляет собой культурную, а нерелигиозную действительность. Надо уважать культуру индусов и проповедовать Евангелие с учетом кастовых различий. В таком случае, утверждал он, низшие классы последуют примеру высших, и в веру обратятся все. Но его доводы опровергались теми, кто заявлял, что Евангелие призывает к справедливости и любви и что отрицание этого означает проповедь ложного евангелия. В конечном счете наиболее крайние воззрения Нобили были отвергнуты. Тем не менее в Индии долгое время существовали отдельные церкви или отдельные районы с церквами для разных каст.

Матгео Риччи, "мудрец с Запада".

В Китае Маттео Риччи действовал примерно так же, но он не вдавался в крайности. Китай был полностью закрыт для любого иноземного вмешательства, за исключением небольшого торгового "окна", открытого в Макао. Вскоре после смерти Ксаверия испанский миссионер с Филиппин, тоже пытавшийся проникнуть в Китай, заявил, что "попытка войти в Китай при поддержке солдат или без нее равнозначна попытке отправиться на луну". Но несмотря на такие трудности, иезуиты не забыли о мечте Ксавье. Поняв, что Китай представляет собой страну с высокоразвитой цивилизацией, относившуюся ко всему остальному миру как к варварам, иезуиты решили, что единственный способ оказать воздействие на этот огромный народ заключается в изучении не только его языка, но и его культуры. Именно этим занялась группа иезуитов, обосновавшаяся на границах Китайской империи. Постепенно образованные китайцы, жившие в близлежащих районах, пришли к выводу, что эти европейцы, в отличие от многих авантюристов, пытавшихся просто проникнуть в Китай, достойны уважения. В конечном счете после длительных переговоров им разрешили создать поселение в Чаочине, но ограничиться только этим.

Среди прочих в Чаочине поселился Маттео Риччи. Он не только изучил язык и культуру Китая, но был также географом, астрономом, математиком и часовщиком. Зная, что дружелюбие – важная добродетель в глазах китайцев, он написал трактат на эту тему, в котором, придерживаясь канонов китайской литературы, мудрость этой страны дополнил материалами западной философии. Вскоре его уже называли "мудрецом с Запада", и к нему приходили ученые для обсуждения вопросов, связанных с астрономией, философией и религией. Составленная Риччи карта мира с неизвестными китайцам обширными территориями привлекла

внимание пекинского двора. Еще большее уважение он завоевал, истолковав движение небесных тел в соответствии со сложными математическими законами. Наконец, в 1601 году его пригласили к императорскому двору в Пекин, где он получил необходимые средства для строительства большой обсерватории и где оставался до самой смерти в 1615 году.

Риччи не стремился в Китае к большому количеству обращенных. Он опасался, что в случае религиозных волнений, вызванных его деятельностью, его вместе с другими миссионерами вышлют из страны и вся их работа окажется напрасной. Поэтому он не построил ни одной церкви или часовни и никогда не проповедовал большому числу людей. Немногих обращенных он приобрел у себя дома в узком кругу друзей и почитателей, собиравшихся у него, чтобы поговорить на темы, связанные с часовым делом, астрономией, а также религией. После его смерти осталась небольшая группа верующих, все из которых принадлежали к интеллектуальной элите. Но они в свою очередь обращали других, и в конце концов в стране появилось немало христиан под водительством иезуитов, которые продолжали служить при пекинском дворе в качестве официальных астрономов.

Как и в случае с Нобили, методы Риччи вызывали возражения со стороны других католиков. В данном случае разногласия касались не кастовой системы, а поклонения предкам и конфуцианства. Иезуиты утверждали, что конфуцианство – не религия и что многие положения учения Конфуция можно использовать для приобщения к Евангелию. Поклонение же предкам, по их мнению, было не подлинным поклонением, а просто общепринятым обычаем уважительного отношения к предкам. Возражали им, в основном, доминиканцы и францисканцы, утверждавшие, что такое поклонение не что иное, как идолопоклонство. Еще один спорный вопрос заключался в том, какое из двух возможных китайских слов надо использовать для обозначения христианского Бога. Узнав, что этот вопрос передан на рассмотрение папы в Рим, китайский император пришел в негодование при мысли, что варвар, ни слова не знающий по-китайски, берет на себя смелость учить китайцев, как они должны говорить на своем языке.

Тогда как в Китае споры о "приспособлении" касались в основном культурных вопросов, в Индии речь шла о том, может ли человек утверждать, что он проповедует Евангелие, если эта проповедь ни единым словом не осуждает человеческую несправедливость и угнетение. Можно ли считать истинно христианской веру, которая признает кастовую систему? Этот и другие подобного рода вопросы приобретут в последующие века первостепенное значение.

31.3 Бразилия

Когда папа делил еще не открытые земли между Испанией и Португалией, никто не догадывался, что демаркационная линия пройдет через восточную оконечность Южной Америки. В 1500 году португальская эскадра, направлявшаяся на восток, значительно удалилась от берегов Африки, чтобы избежать встречных ветров, и случайно было увидено то, что сейчас называется Бразилией. Исследовав побережье, эскадра продолжила путь на восток, а один корабль был отправлен назад в Лиссабон с известием об открытии земли, расположенной в середине Атлантического океана. Несколько предварительных исследований привели к выводу, что единственную ценность на этой земле представляет пау-бразил (бразильское дерево), пригодный для изготовления красителей. Король Португалии Мануэль предоставил монополию на вывоз пау-бразила группе португальских купцов, представители которых организовали на побережье торговые центры. Там они торговали ножами, ножницами, иглами и тому подобным для получения пау-бразила, который индейцы добывали и свозили на склады, расположенные на побережье.

Когда пау-бразила осталось мало, португальцы переключились на сахарный тростник, который можно было выращивать в этом районе. Сахар в то время стоил в Европе очень дорого, и его производство сулило целые состояния. Пятнадцати своим фаворитам король предоставил "округа" по пятьдесят лиг вдоль

побережья и на территории в глубь страны вплоть до границ испанских владений. Освоены были только десять округов, и на восьми из них дело не пошло. Два успешных предприятия положили начало планомерной колонизации Бразилии.

Возделывание сахарного тростника и превращение его в сахар требовали большого количества дешевой рабочей силы, и португальцы стремились получить ее, обращая в рабство индейцев. Теоретически, в рабство португальцы могли обращать только тех индейцев, которые уже были рабами других индейцев или которых захватывали в ходе "справедливых войн". Но вскоре для этих так называемых справедливых войн начали находить разного рода предлоги и в конце концов отбросили даже видимость – работорговцы плавали вдоль побережья и захватывали всех неосторожных индейцев. Кроме того, португальцы развязывали войны между индейскими племенами и затем покупали пленных в обмен на инструменты, ножи и тому подобное.

Но эти методы не давали нужного количества рабов, к тому же многие из них при первой возможности убегали в джунгли. Тогда португальцы начали ввозить невольников из Африки, расположенной достаточно близко по другую сторону Атлантики. Индейское население все больше удалялось в глубь страны, а большинство населения в Восточной Бразилии составляли теперь чернокожие и португальцы.

Приходившие в Лиссабон из Бразилии известия были неутешительными. Жестокое и безнравственное поведение колонизаторов вызвало жесткую реакцию. В 1549 году с целью наведения порядка и пополнения казны король Португалии отменил систему округов, выкупил земли, приносившие доход, и объявил Бразилию королевской колонией. Именно тогда вместе с первым губернатором появились миссионеры-иезуиты во главе с Мануэлем де Нобрегой, чьи слова, приведенные в начале главы, ясно показывают, как он понимал свою миссию. Первый епископ, назначенный в 1551 году, вел себя не намного лучше. Он конфликтовал с колонизаторами и не обращал никакого внимания на плачевное положение индейцев и африканцев. Корабль, на котором он возвращался в Португалию, чтобы пожаловаться на поселенцев, потерпел кораблекрушение, и его вместе со всеми спутниками съели индейцы.

Создававшиеся иезуитами миссии весьма походили на парагвайские, но с одной существенной разницей: они располагали их не на значительном удалении от поселенцев, а там, где индейцы могли работать на плантациях. Миссионеры были благодарны португальцам за поддержку, и в обмен на это предлагали труд индейцев, по сути равнозначный рабскому. Один миссионер сказал: "Они дрожат от страха перед губернатором, и этого страха… нам достаточно, чтобы учить их. Он помогает им слышать Слово Божье".

Реакция индейцев приняла форму мессианского культа, в котором сочетались элементы христианства и других верований. Когда от вспышки оспы умерли тысячи индейцев, начались разговоры о спасителе, которого индейцы называли "Санто" и который должен был прийти и освободить их от португальского ига. Новая религия, названная *santidade,* получила распространение не только среди индейцев, находившихся под властью португальцев, но и среди тех, кто еще оставался свободным в джунглях, и служила связующим звеном между двумя группами. Среди чернокожих рабов христианство тоже сочеталось с их родовыми верованиями. Такие смешанные культы развивали в чернокожих и в индейцах чувство собственного достоинства, в котором им отказывало официальное христианство.

В торговле пау-бразилом с португальцами очень рано начали конкурировать французы, надеявшиеся организовать в Бразилии постоянное поселение. Такая попытка была предпринята в 1555 году Николя Дюраном де Виллеганьоном, основавшим колонию на острове в заливе Гуанабара неподалеку от современного Рио-де-Жанейро. Виллеганьон установил дружеские отношения с индейцами племени тамойо, которые помогли ему укрепить остров. Он также написал Кальвину, и в ответ на его просьбу ему

отправили нескольких протестантских пасторов для служения протестантам среди поселенцев. Это и многие другие вопросы создали серьезные трудности в поселении, которое в конечном счете было уничтожено португальцами. Индейцы тамойо и жившие с ними французские беженцы какое-то время продолжали сопротивление. Затем, спасаясь от португальцев, племя переселилось в глубь страны. Когда в конце XVI века английский авантюрист уговорил индейцев вернуться на побережье и бороться за свои земли, их племя было уничтожено. Десять тысяч человек было убито и вдвое больше продано в рабство.

Коротко говоря, ранняя история христианства в Бразилии, как и во многих других странах в период колониальной экспансии, выглядит не особенно привлекательной. Пройдут многие годы, прежде чем будут преодолены негативные последствия такого неудачного начала.

В то время как Испания и Португалия создавали обширные заморские империи и утверждали католичество в дальних странах, в Европе разворачивалась протестантская Реформация. 1521 год, когда Лютер смело предстал перед Карлом V на Вормсском рейхстаге, был также годом, когда Кортес захватил Теночтитлан. С расстояния всего в четыреста лет после этих событий нам, вероятно, еще рано судить, какое из них в конечном счете окажет наибольшее влияние на ход развития христианства. Как бы там ни было, в следующем томе мы вернемся к рассмотрению положения дел в Европе и продолжим рассказ о поисках обновления и реформации и о тех людях, которые посвятили этому свою жизнь.

32 Вселенские соборы

№ п.п.	Дата проведения и название	Основные решения
1	325 I Никейский	Осуждение Ария Сын единосущен Отцу Никейский символ веры
2	381 I Константинопольский	Подтверждение решений Никейского собора Божественность Святого Духа Осуждение Аполлинария
3	431 Ефесский	Осуждение Нестория Мария — theotokos, то есть «Богородица»
4	451 Халкидонский	Осуждение Евтихия Присутствие во Христе двух природ — божественной и человеческой
5	553 II Константинопольский	Осуждение «трех глав»: Феодор Мопсуэстский Феодорит Кирский Ива Эдесский
6	680-681 III Константинопольский	Осуждение монофелитства Осуждение папы Гонория
7	787 II Никейский	Осуждение иконокластов Иконы достойны почитания (dulid), но не поклонения (latrid)
8	869-870 IV Константинопольский	Конец раскола Фотия
9	1123[44] I Латеранский	Подтверждение Вормсского конкордата между папством и империей
10	1139 II Латеранский	Обязательное безбрачие духовенства
11	1179 III Латеранский	Установление порядка избрания папы
12	1215 IV Латеранский	Пресуществление Исповедание и причащение как минимум раз в году Осуждение Иоахима Флорского, вальденсов и альбигойцев Основание инквизиции
13	1245 I Лионский	Объявление о низложении императора Фридриха II
14	1274 II Лионский	Новые правила избрания папы (действующие в целом до настоящего времени) Формальное воссоединение с Константинополем
15	1311-1312 Вьеннский	Роспуск ордена тамплиеров
16	1414-1418 Констанцский	Конец великого раскола Осуждение Я на Гуса Верховенство собора над папой Планы реформы и проведения других соборов
17	1431-1445 Базельско-Флорентийский	Формальное воссоединение с Константинополем, Арменией и якови-тами
18	1512-1517 V Латеранский	Осуждение раскольнического Пизанского собора
19	1545-1563 Тридентский	Осуждение протестантов Авторитет Писания и предания Укрепление католической контрреформации
20	1869-1870 I Ватиканский	Непогрешимость папы
21	1962-1965 II Ватиканский	Реформа литургии (использование родных языков) Отклик церкви на проблемы современного мира: -международное экономическое неравенство; - угроза термоядерной войны; -свобода вероисповедания; - готовность строить отношения с другими христианами

В 1054 году церковь разделилась на Восточную и Западную. Соборы, приведенные в списке после этой даты, проводились только на Западе.[24] Ныне Милана. Дал ее в тексте будет использоваться современное название города. – *Прим. перев.*

33 Дополнительная литература

33.1 К первой части

Henry Bettenson, ed. *Documents of the Christian Church.* London: Oxford, several editions.

E. C. Blackman. *Marcion and His Influence.* London: S.P.C.K., 1948.

Virginia Corwin. *St. Ignatius and Christianity in A ntioch.* N ew H aven: Yale, 1960.

E. R. Dodds. *Pagan and Christian in an Age of Anxiety.* Cambridge: University Press, 1968.

W. H. C. Frend. *The Early Church.* Philadelphia: J. B. Lippincott, 1966.

JustoL. Gonzalez.^ *History of Christian Thought,vol.* I.Nashville: Abingdon, 1970.

Edgar J. Goodspeed. *A History of Early Christian Literature.* Chicago: University of Chicago Press**,** 1966.

Revised and enlarged by Robert M. Grant. R. P. C. Hanson. *Tradition in theEarly Church.* London: SCM, 1962.

Hans Jonas. *The Gnostic Religion.* Boston: Beacon Press, 1958.

Josef A. Jungman. *The Early Liturgy to the Time ofGregory the Great.* London: Darton, Longman amp; Todd, 1959.

Hans Lietzmann. *The Beginnings of the Christian Church.* London: Lutterworth, several editions.

Hans Lietzmann. *T he Founding of the Church Universal.* London: Lutterworth, several editions.

Jaroslav Pelikan. *TheChristian Tradition,* vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1971.

Robert B. Workman. *Persecution in theEarly Church.* London: Epworth Press, reprint, 1960.

33.2 Ко второй части

Chrysostomus Baur. *John Chrysostom and His Time. 1* vols. Westminster, Maryland: Newman, 1959, 1960.

Gerald Bonner. *St. Augustine of Hippo: Life and Controversies.* London: SCM, 1963.

Hans von Campenhausen. *The Fathers of the Greek Church.* New York: Pantheon, 1959.

Hans von Campenhausen. *Men Who Shaped the Western Church.* New York: Harper amp; Row, 1964.

Hermann Doerries. *Constantine the Great.* New York: Harper amp; Row, 1972.

F. Homes Dudden. *The Life and Times of St. A mbrose.* 2 vols. Oxford: Clarendon, 1935.

W. H. C. Frend. *The Donatist Church: A Movement of Protest in Roman North Africa.* Oxford: Clarendon, 1952.

Robert *Payne. The Fathers of the Western Church.* New York: Viking, 1951.

Robert Payne. *The Holy Fire: The Story of the Fathers of the Eastern Church.* London: Skeffmgton, 1958.

Marjorie Strachey. *Saints and Sinners of the Fourth Century.* London: William Kimber, 1958.

Helen Waddell. *The Desert Fathers.* Ann Arbor: UniversityofMichigan Press, 1957.

33.3 К третьей части

Aziz S. Atiya. *History of Eastern Christianity.* Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1967.

Justo L. Gonzalez. *A History of Christian Thought,* Vol. 2. Nashville: Abingdon, 1971.

Charles Homer Haskins. *The Renaissance of the Twelfth Century.* New York: Meridian Books, 1957.

Friedrich Heer. *TheMedieval World.* New York: New American Library, 1961.

J. Huizinga. *The Waning of the Middle Ages.* New York: Doubleday, n.d.

David Knowles. *From Pachomius to Ignatius: A Study of the Constitutional History of Religious Orders.* Oxford: Clarendon Press, 1966. Gordon Leff. *Heresy in the Later Middle Ages. 2* vols. Manchester: Manchester University Press, 1967.

Gordon Leff. *Medieval Thought: St. A ugustine to Ockham.* Baltimore: Penguin Books, 1958.

H. St. L. B. Moss. *The Birth of the Middle Ages: 395-814.* Oxford: University Press, 1935.

George Ostrogorsky. *History of the ByzantineState.* New Brunswick: Rutgers University Press, 1957.

Roberto Rudolfi. *The Life of Girolamo Savonarola.* London: Routledgeand Kegan Paul, 1959.

R. V. Sellers. *The CouncilofChalcedon:A HistoricalandDoctrinalSurvey.* London: S. P. C. K., 1953.

Desmond Seward. *The Hundred Years War.* New York: Atheneum, 1978.

Barbara W. Tuchman. *A Distant Mirror: The Calamitous 14th Century.New* York: Alfred A. Knopf, 1978.

Herbert B. Workman. *The Evolution of the Monastic Ideal.* London: Charles H. Kelly, 1913.

33.4 К четвертой части

Stephen Clissold. *The Saints of South America.* London: Charles Knight, 1972.

Vincent Cronin. *The WiseM an from the West.* New York: Dutton, 1955.

George H. Dunne. *Generation of Giants: The Story of the Jesuits in China in the Last Generations of the Ming Dynasty.* London: Burns amp; Dates, 1962.

John Hemming. *Red Gold: The Conquest of the Brazilian Indians.* Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1978.

Samuel Eliot M orison. *The European Discovery of'America: TheSouthern Voyages, A.D. 1492 – 1616.* New York: Oxford University Press, 1974.

Stephen Neill. *Colonialism and Christian Missions.* London: Lutterworth, 1966.

J. H. Parry. *The Discovery of South America.* New York: Taplinger, 1979.

Мы также рекомендуем обратиться к книге С. В. Санникова "Двадцать веков христианства" (Одесса, 2001), где можно найти обширный список русскоязычной литературы по данной тематике.

Комментарии

1

Анналы 15.44.

2

Анналы 15.44.

3

Апология 1.2.

4

Игнатий, Римлянам 1.2-2.1.

5

Мученичество Поликарпа 14.

6

Размышления 2.5.

7

Ориген, Против Цельса 3,55.

8

Октавий 12.

9

Ориген, Против Цельса 4.3.

10

Опровержение еретиков 1.7.

11

К Диогнету 5.1-11.

12

Опровержение еретиков, 8.

13

Опровержение еретиков, 7.

14

Против Праксея 1.

15

Мученичество Перпетуи и Фелицитаты 5.3.

16

Евсевий Кесарийский, Церковная история 8. 17. 6-10.

17

См. Приложение, где приведен список всех Вселенских соборов с указанием дат и основных решений.

18

Евсевий Кесарийский, Жизнь Константина 3. 7.

19

Евсевий Кесарийский, Послание к кесарийцам.

20

Ныне Милана. Дал ее в тексте будет использоваться современное название города. – Прим. пе-рев.

21

Об обязанностях священнослужителей 2.137.

22

Проповедь против Авксентия 5.

23

Созомен, История церкви 7.25.

24

О священстве 6.

25

Томилия 2.4.

26

Письма 28. 2.

27

Комментарий книги Иезекииля, предисловие к книгам 2 и 7.

28

Григорий Назианзин, Послания 101.

29

Точное изложение православной веры 4.16.

30

Приведено по: G. Z.anamri,Histoirede I'eglise byzantine (Paris:Nouvelles editions latines, 1954), p. 185.

31

Послание Элипанду 1.4.

32

Григорий VII, Регистр 3.10a.

33

Свод канонического закона 2. 1245.

34

Проповедь на тему "Блаженны нищие духом".

35

О подражании Христу 1.1.3.

36

Энкомьенда – букв, "опека", право на пользование землей с проживающими на ней индейцами. – Прим. перев.

1

Энкомьенда – букв, "опека", право на пользование землей с проживающими на ней индейцами. – Прим. перев.